

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»
Исторический факультет
Иркутский межрегиональный институт общественных наук при ИГУ

Иркутское региональное отделение РАПН
Восточно-Сибирское отделение
Русского географического общества

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ СИБИРИ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ИРКУТСК, 6 ДЕКАБРЯ 2012 Г.

УДК 32(063)
ББК Ф2л0
П78

*Печатается по решению научно-методического совета
Иркутского государственного университета
в соответствии с планом научно-исследовательских работ ИГУ*

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук Ю. А. Зуляр (гл. ред.),
д-р ист. наук С. Б. Панин,
д-р ист. наук С. И. Кузнецов,
д-р ист. наук В. В. Синиченко,
канд. полит. наук А. В. Петров

Ответственный за выпуск Н. В. Бойко

П78

Проблемы социальной и административной консолидации Сибири : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 6 дек. 2012 г. / ФГБОУ ВПО «ИГУ» ; [гл. ред. Ю. А. Зуляр]. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 290 с.

ISBN 978-5-9624-0766-1

В издании представлены работы по политической истории, политической географии, политической философии, политической лингвистике, юриспруденции, политологии, педагогике, политической социологии, теории и практике политической коммуникации. Материалы отражают направления научной дискуссии, проходившей в четырех секциях и тематическом круглом столе; дают представление об основных направлениях работы отечественных ученых, исследующих проблемы истории и современного состояния глобального, странового и регионального политических процессов.

Издание адресовано широкому кругу читателей.

УДК 32(063)
ББК Ф2л0

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ СИБИРИ

Редактор Г. А. Борисова

Темплан 2013. Поз. 5

Подписано в печать 11.05.2013. Формат 60х90 1/16

Уч.-изд. л. 16,7. Усл. печ. л. 18,1. Тираж 100 экз. Заказ 15

Издательство ИГУ; 664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36

ISBN 978-5-9624-0766-1

© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2013

**Состав оргкомитета
Всероссийской научно-практической конференции
«ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ
КОНСОЛИДАЦИИ СИБИРИ»**

БЮРО ОРГКОМИТЕТА

- **Аргучинцев Александр Валерьевич** (д-р физ.-мат. наук, ректор ИГУ) – председатель
- **Зуляр Юрий Анатольевич** (д-р ист. наук, декан исторического факультета ИГУ, председатель ИРО РАПН) – заместитель председателя

ЧЛЕНЫ ОРГКОМИТЕТА

- **Бейдина Татьяна Евгеньевна** – д-р полит. наук, профессор, зав. кафедрой государственного, муниципального управления и политики, председатель диссертационного совета по политическим наукам ЗабГУ, председатель Забайкальского регионального отделения РАПН
- **Дагбаев Эрдэн Донзанович** – д-р соц. наук, профессор, зав. кафедрой политологии и социологии БГУ, председатель Бурятского регионального отделения РАПН
- **Корытный Леонид Маркусович** – д-р геогр. наук, профессор, заместитель директора Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН
- **Кузнецов Сергей Ильич** – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой мировой истории и международных отношений исторического факультета ИГУ
- **Козлов Дмитрий Викторович** – канд. ист. наук, доцент, научный директор МИОН при ИГУ
- **Олейников Илья Васильевич** – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры политологии и истории исторического факультета, зав. лаборатории по изучению истории ИГУ
- **Петров Алексей Викторович** – канд. полит. наук, ст. преподаватель кафедры современной отечественной истории исторического факультета ИГУ, председатель Иркутского регионального отделения Российского союза молодых ученых
- **Малинова Ольга Юрьевна** – д-р филос. наук, профессор, почетный президент, член правления РАПН
- **Мясников Дмитрий Александрович** – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры политологии и истории исторического факультета ИГУ
- **Снытко Валерьян Афанасьевич** – д-р геогр. наук, член-корреспондент, старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники им С. И. Вавилова РАН
- **Чернышов Юрий Георгиевич** – д-р ист. наук, профессор, директор Алтайской школы политических исследований при АлтГУ, председатель Алтайского регионального отделения РАПН

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

<i>Арзуманов И. А.</i> Геополитические тенденции и перспективы трансформации конфессионального поля Забайкальского региона	7
<i>Безруков Л. А.</i> Компенсация ущерба от Богучанской ГЭС как политико-экономическая проблема	16
<i>Бейдина Т. Е., Новикова А. В.</i> Политико-административное управление в сибирских субъектах Российской Федерации: региональная модель	20
<i>Калихман Т. П., Калихман А. Д.</i> Консолидация территориальной охраны природы: атлас «Особо охраняемые природные территории Сибирского федерального округа»	31
<i>Кальмина Л. В.</i> Республика Бурятия: испытание этнической миграцией	38
<i>Черных В. В.</i> Лесные пожары и экология Байкальского региона	43
<i>Злотковский В. И.</i> Референдум по объединению Красноярского края, Таймыра и Эвенкии в 2005 году в зеркале социологии	56
<i>Лисаускене М. В.</i> Анализ репутации и имиджа иркутских вузов	60
<i>Олейников И. В.</i> Международное сотрудничество регионов Байкальской Сибири со странами АТР: на пути к «устойчивому развитию»?	68
<i>Петров А. В.</i> Региональные выборы в Сибири в 2012 году	75
<i>Черенев А. А.</i> Проблемы социально-экономического развития северных районов Иркутской области	81
<i>Александров Е. Ю.</i> Проблемы местного самоуправления на примере Ангарского муниципального образования и Ангарского городского поселения	85
<i>Блинов И. Д.</i> Полимасштабный подход к проблеме «сибирского проклятия»	90
<i>Гук В. А.</i> Партийные кандидаты на региональных парламентских выборах в Прибайкалье в конце XX – начале XXI в.	94
<i>Трахтенберг О. Л.</i> Рынок образовательных услуг и социально-экономические проблемы Приангарья	99
<i>Гордин А. А.</i> Основные направления этноконфессиональной политики на территории г. Иркутска	103
<i>Фартышев А. Н.</i> Проблемы непромышленного пути развития Сибири	110

<i>Бирюков И. Л.</i> Проблемы становления местного самоуправления города Усолья-Сибирского	116
<i>Булгакова М. Г.</i> Проблемы взаимоотношения структур гражданского общества и школы в Иркутской области	121
<i>Кузин Т. С.</i> Изучение практики формирования стереотипных образов представителей народов Северного Кавказа в средствах массовой информации	125

СЕКЦИЯ 2. ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

<i>Бушев А. Б.</i> Дискурс экономического кризиса	131
<i>Зуляр Ю. А.</i> Мировые тренды развития высшего образования	144
<i>Коноплев Н. С.</i> Классовый характер политических реалий – надолго ли он? К постановке вопроса	160
<i>Родионова А. К.</i> Персонификация власти в условиях федерализма	167
<i>Синиченко В. В.</i> Перспективы российского федерализма в рамках стратегии-2020	171
<i>Литвин М. И.</i> Деятельность профессиональных организаций художников Восточной Сибири в контексте идеологических доминант советской культуры	176
<i>Мясников Д. А.</i> Обзор «новых» партий России	181
<i>Сараев В. Г., Сараева Г. Р.</i> Мировоззренческие предпочтения населения регионов РФ и результаты выбора модулей курса «Основы религиозных культур и светской этики»	187
<i>Зуляр Р. Ю.</i> Современная российская молодежная политика: корректировка курса	192
<i>Фатихов Р. Ф.</i> Использование результатов внедрения систем спутниковой навигации ГЛОНАСС в интересах социально-политического развития регионов	198
<i>Добосова Л. Г.</i> Игры двадцать вторые – первые и вторые	203
<i>Алфёров А. Н.</i> Роль информации в развитии политической системы Российской Федерации (теоретический аспект)	214

СЕКЦИЯ 3. ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

<i>Жуков А. В., Жукова А. А.</i> Интеграционные тенденции в развитии институтов высшего образования на примере Дальневосточной республики	223
<i>Митыпова Г. С.</i> История Шулутского (Ацагатского) дацана (XIX – нач. XX в.) в контексте развития российской государственности	227

<i>Панин С. Б.</i> Спорный пограничный вопрос в российско-афганских отношениях	232
<i>Метёлкина Л. Н.</i> К вопросу об особенностях формирования корпуса первых секретарей региональных комитетов ВКП(б) – КПСС в 1930–1964 гг. в Восточной Сибири	238
<i>Хачатурян Б. Г.</i> Местные советы в СССР – органы местного самоуправления?	252
<i>Шулбаев О. Н.</i> К вопросу об эффективности аграрной политики советского государства в сфере механизации сельскохозяйственного производства Восточной Сибири в 1946–1950 гг.	258
<i>Шпикельман Р. Ю.</i> Политика Советского правительства в отношении высшей школы в 1920-е годы	263

СЕКЦИЯ 4. ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

<i>Дугаров В. Д.</i> Религиозно-образовательные проблемы в Бурят-Монголии и МНР в первой половине XX века в российской историографии XXI века	270
<i>Джанпаизова З. М., Есимова А. Б.</i> Имидж региона как ресурс внутренней политики страны	276
<i>Мусин Ф. С.</i> Реализация государственной пограничной политики в XIX веке	280
Сведения об авторах	286

СЕКЦИЯ 1

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

РУКОВОДИТЕЛИ СЕКЦИИ:

д-р ист. наук *Ю. А. Зуля*

(Иркутский государственный университет)

д-р геогр. наук *Л. А. Безруков*

(Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН)

Геополитические тенденции и перспективы трансформации конфессионального поля Забайкальского региона

И. А. Арзуманов

Иркутский государственный университет

Религиозная проблематика имеет на современном этапе достаточную легитимацию в геополитике. В ее объектно-предметной сфере пространство в макро- и региональной проекции имеет различную стратификацию – от «классического дуализма» силовых и экономических констант до научных, технологических, экологических, информационных аспектов, формирующих «новые границы безопасности» и выводящих ее понимание за рамки военной и технико-экономической доминант [3]. Стремительно расширяясь, пространственный спектр включает в себя сферы взаимоотношений по поводу контроля над целым рядом видов пространств, получивших геополитический «статус» в результате, прежде всего, глобализационных процессов. Одним из таких узловых составляющих механизмов пространственного контроля в рамках глобалистской модели формирования мирового порядка является культурологический. Именно культурологический подход в качестве политической теории позволяет снять многие методологические дихотомии при анализе детерминант российских геополитических проблем в контексте модернизации стран центрально-азиатского региона.

В поликонфессиональном составе Забайкальского региона как центрально-азиатского геополитического «подбрюшья» это, прежде

всего, касается проблем культур-цивилизационного трансграничья между Россией, Монголией и Китаем. Проблематика религиозного пространства включает в себя его конфессиональную спецификацию. Выявление миссиологических доминант пространства религиозной культуры, анализ трансформационных составляющих его социо-функциональных характеристик является методологически важным аспектом в процессах осмысления места и роли традиционных и инновационных конфессиональных и религиозно-обусловленных феноменов социокультурного пространства региона.

Забайкалье, являясь ключом к Дальнему Востоку, обеспечивало стратегический плацдарм для геополитической экспансии России на восток, расширение ее георесурсных возможностей.

Автор выдвигает положение и о цивилизационно-культурологической угрозе национальной безопасности России, имеющей свой региональный аспект. С учетом этих положений вопрос о потенциале российской цивилизации ставится в контексте возможной функциональной роли доминантных субъектов религиозного пространства. В спектральном срезе религиозного пространства Забайкальского региона это касается как автохтонного блока мифо-религиозной системы – шаманизма, так и двух важнейших религий мира – христианства и буддизма, являющихся наиболее активно взаимодействующими составляющими как в процессах формирования конфессионального поля региона, так и в процессах этнокультурной и этнополитической консолидации общества [1, с. 6].

Преобразования рубежа XX–XXI вв. имели своим следствием нормативно-законодательное оформление глобализационно-унификационных тенденций в духовно-религиозной сфере общественных отношений. В условиях двух диаметрально противоположных процессов – глобализационного и процесса возврата к религиозным основам традиционных культурных ценностей, вопрос о правовом базисе обеспечения национальных интересов в сфере формирования религиозного пространства России и региона стоит как никогда остро [2; 4]. Ориентация процессов рецепции права на западные духовные ценности и конституционно-правовые образцы привела к появлению в религиозном пространстве российской Центральной Азии волны постпротестантских, неоориенталистских зарубежных миссий и размыванию культурных и национально-образующих религиозных факторов. Этот процесс напрямую связан с попыткой внедрения в российское общество инновационной системы демократических ценностей и институтов.

Понимание конфессионального поля (КП) как пространства социокультурного континуума, смысловые, мировоззренческие при-

оритеты которого определяются совокупностью взаимодействий конфессиональных страт пространства религиозной культуры в их антропо-теологической специфике, определяет соотношение религиозного и социополитического пространств, обусловленных наличием у национальных форм религиозно-мировых институций социополитических границ.

В рамках геополитической концепции пространства (рассматривающей его как функцию экзистенциальной идеи, обеспечивающей социокультурное и социо-политическое единство общества) соотношение территории государства и религиозного пространства показательно в процессах анализа соотношения границ конфессионального поля и пространства религиозной культуры. Понятие «инновация» подразумевает рассмотрение субъектов КП Забайкальского региона в контексте национально и государственно образующего начала, с учетом философско-мировоззренческого, религиозного, социального и политического аспектов исследования. Изменение через инновации существующих норм и традиций, обеспечение возможности порождения иных традиций и норморегулирования приводит к трансформации религиозного пространства, обусловленной его мировоззренчески-инновационными составляющими антроподоктринального блока религиозного сознания. Философско-религиоведческий анализ понятия «конфессиональная инновация» стратифицирует ее определение на фоне спектрального анализа религиозного пространства и методологически базируется на антроподоктринальных положениях конфессиональной культуры как подсистемы общества. Функциональные характеристики инновационных процессов определяются степенью глобализации межцивилизационного взаимодействия, повлекшей за собой формирование новых моделей поведения. Конфессиональные инновации являются доминантной характеристикой трансформационных процессов в религиозном пространстве Байкальского региона Центральной Азии.

В связи с чем под конфессиональными инновациями понимают религиозно-обусловленные направления, появившиеся в исторически сформированном конфессиональном поле, которые функционально размыкают традиционные мировоззренческие приоритеты, нормы общественных отношений и, как следствие, приводят к трансформации конфессионального поля и дезинтеграции социокультурного пространства. Данный тезис непосредственно увязывается с понятием «трансформация», под которой подразумевается переход к качественно новому состоянию структуризации религиозного пространства и пространства религиозной культуры, при котором степень структурной хаотизации или упорядоченности религи-

отно-пространственных систем не будет являться относительной. Понятие конфессиональной инновации выводит в качестве одной из основных причин трансформации конфессионального пространства социополитический фактор нормативно-правовой регуляции вероисповедной политики.

Религиознообусловленная система ценностей составляет духовную основу глобализации. Одним из следствий глобализации является атомизация пространства религиозной культуры за счет расширения спектрального состава миссионерского поля региона. Протестантские и постпротестантские церкви и деноминации являются основным рычагом модернизации и эволюции традиционных обществ в рамках доктринально-обусловленной тотальной евангелизации всего мира. Теренс Чонг, например, характеризуя глобализационные проблемы этноидентификации в странах Юго-Восточной Азии, пишет, что религии сегодня «часто критикуют за: 1) оторванность от мира и фатализм некоторых религий (индуизм, ислам, даосизм и буддизм), ослабляющих инновационные тенденции и идеи материализма; 2) время, финансы и труд, которые могли бы быть направлены скорее на светские учреждения; 3) религию часто связывают с суевериями и предрассудками, иррациональным поведением, она принадлежит к традиционному обществу, а не современному; 4) религия – разделитель для общества и не способствует национальной солидарности и стабильности» [5, с. 37]. Методологические принципы протестантской миссии имперского и постсоветского периодов являются базовыми в процессах дезинтеграции религиозного пространства региона.

На современном этапе спектральный состав миссионерского поля региона в его неохристианской проекции расширяется за счет постпротестантских течений. Постпротестантская миссия в отличие от миссии РПЦ носит четкий координационный характер в отношении проблем нормативно-правового обеспечения своей деятельности, взаимоотношений с традиционными конфессиональными институтами, выработки единой стратегии миссионерской деятельности. Дезинтеграция пространства религиозной культуры Байкальского региона носит трансзиатский характер. Структуры постпротестантских инноваций конфессионального пространства являются базовыми для эмиссии в Монголию, Китай, Юго-Восточную Азию. Р. Го, исследуя роль христианских инновационных составляющих конфессионального спектра стран Юго-Восточной Азии, пишет: «Хотя христианство в Юго-Восточной Азии – религия меньшинства, а доминируют ислам и буддизм, и, несмотря на то, что народы хотят отдалить религию от официальных дел между собой, тот факт, что

религия тесно связана с социополитическими силами значит, что изменения в религии региона также могут повлиять на внутренние или внешние дела» [6, с. 73]. Христианство, как самая поздняя из пришедших религий, рассматривается Р. Го как дестабилизирующий региональное социокультурное пространство фактор. Характер отношений между традиционными конфессиональными институтами и инновациями в религиозном пространстве дестабилизирует толерантные характеристики социокультурного пространства. Атомизация религиозного пространства региона является основным функциональным показателем степени глобализационных деформаций традиционного стереотипа поведения в его антропо-теологической и культурно-цивилизационной составляющей.

Шаманизм как объект миссионерских усилий основных мировых религий – христианства и буддизма, а также конфессиональных инноваций претерпевает период становления в качественно иных историко-культурных обстоятельствах. Анализ социальных функций шаманизма в прошлом и настоящем актуален в социоцивилизационной проекции понимания государства и процессов его регионально-го обустройства. Исторически нивелировка социальных функций шаманизма – плод вероисповедной политики государства, регулирующего миссиологические интенции мировых религиозных систем в их конфессиональной страте: христианства (православия) и буддизма (ламаизма) в имперский и советский периоды. До утверждения в Байкальской Сибири ламаизма и христианства шаманизм выступал наиболее универсальной формой идеологической системы. Шаманистская культовая традиция и практика выступала как общая и абсолютная санкция, оправдание, смысл всех других идеологических отношений. Шаманизм постепенно утрачивал регулятивную, интегрирующе-деинтегрирующую, легитимирующе-разлегитимирующую функции общего социального значения. Они сохранялись либо в частичной, либо в рудиментарной формах в рамках трайбалистской – семейно-клановой специфики религиозной психологии и идеологического, ценностно-мировоззренческого комплекса. «Государственно-политическую» функцию в Байкальской Сибири выполняли православные и ламаистские институты.

В условиях современного возрождения шаманизма как автохтонной религиозной системы усиливается его роль и функциональная активность. Отмечается, что проблемы социополитического порядка заключаются и в вопросе о том, какое место будут занимать общественные и религиозные организации в общей структуре новых региональных субъектов Федерации. В дальнейшей проработке нуждаются вопросы взаимосвязи автохтонных мировоззренческих

рефлексий и философско-правовых проблем, прежде всего связанных с аксиологией современного права, поскольку с возрождением шаманизма возрождаются и латентные формы обычного права – обычаи, традиции. С учетом имеющейся законодательной базы данная проблематика нуждается в методологической проработке по следующим направлениям: а) экологический блок, б) традиционный культурологический, в) язык. Законодательства, отражающие данные направления, нуждаются в соответствующей компаративистике с имперским периодом, нивелирующим этот блок в социополитической проекции; с советским и постсоветским периодами, где правовая база обрастает нормативно-правовыми рычагами не только социализации, но и структурирования в церковно-конфессиональные институты. Данные положения становятся тем существеннее, чем более этноидентификационный фактор культово-обрядовой системы шаманизма будет использоваться в контексте социоэкономических параметров. Процессы возрождения шаманизма, его конфессионализации касаются возрождения этнических меньшинств в Бурятии, в частности эвенков и сойотов.

В рамках концепции «геополитического миссионерства» деятельность миссий может рассматриваться как процесс внедрения мировоззренческих ценностей, транслируемых посредством функционирования религиозно-обусловленных инноваций в социокультурном пространстве субъектов международного права. На основании вышеизложенного выводится положение о том, что понятие «миссионерское поле» отражает межцивилизационный характер инновационных процессов в регионе и может классифицироваться в рамках дихотомии Запад – Восток (в совокупности его двух составляющих) как пространство функционирования разновекторных конфессиональных субстратов религиозного пространства с целью внедрения в инокультурную среду аксио-антропологических комплексов доктринального уровня вероучения. Как следствие, функциональные характеристики миссионерского поля определяют понимание миссионерского пространства Забайкальского региона как поля взаимодействия субъектов конфессионального спектра религиозного пространства Центральной Азии. Инновационные явления в конфессиональном поле Байкальской Сибири 90-х гг. XX в. имели прецедент и в религиозном пространстве Монголии. В 90-е гг. XX в. религиозное законодательство Монголии формировалось в рамках принципа государственного этатизма, жестко контролируя как традиционные для Монголии религиозные институты ламаизма, ислама и шаманизма, так и инновационные образования. Социополитические причины лежат и в основе смены *ценностных ориентиров* у мон-

гольской молодежи с Востока на Запад. В условиях региональной *духовной экспансии* постпротестантских деноминаций в трансазиатском направлении возможно говорить о ее геополитическом характере. В сложившейся ситуации *для монгольского руководства 90-х гг. вопрос о религиозной культуре – вопрос государственной безопасности.*

Трансазиатский характер постпротестантских миссий в регионе во многом определялся и фактом появления в Монголии капитала китайского, японского происхождения и китайских экономических мигрантов. Усиливающееся китайское присутствие в стране является следствием процессов геополитического характера – «мирной оккупации» приграничных территорий сопредельных стран, повлекшей за собой и смену языковой интерориентации монгольской молодежи. Либерализация религиозного законодательства Монголии во второй половине 90-х гг. повлекла за собой расширение конфессионального спектра религиозного пространства Монголии. Основное направление миссионерской деятельности инновационных образований в Монголии – молодежь и социально неблагополучные слои населения. В свете китайской проблематики Монголия на современном этапе становится региональным «донором» инновационно-религиозных подразделений как для Китая, так и для России.

Методологические концепты деятельности католической миссии в Монголии предполагают усиление социальной роли католических институтов в области медицины, образования, благотворительной деятельности. Особое внимание, как и в тактике протестантских и постпротестантских миссий в Монголии, римо-католицизмом уделяется переводческой деятельности и воспитанию национальных кадров духовенства. После установления в 1997 г. дипломатических отношений Монголии с Ватиканом Римская католическая церковь становится самой крупной в структурно-административном плане и официально зарегистрированной религиозной организацией христианского направления в Монголии. Активизация католической миссии в Монголии связана и с динамикой монголо-китайских торгово-экономических отношений, приведшей к увеличению китайских мигрантов в Монголии. Миссионерская работа среди китайцев и корейцев в Монголии – одна из основных задач структур Ватикана в Центральной Азии. Теократические интенции римо-католицизма послужили одной из причин ужесточения вероисповедной политики Китая в отношении иностранных религиозных организаций (принцип *неподконтрольности зарубежным организациям, общинам и учреждениям*). Данное обстоятельство делает «китайский» вектор миссии католицизма одним из самых проблемных.

Процессы глобализации аналогично маркируют и геополитическое пространство Китая, переживающего религиозный ренессанс после окончания культурной революции. Но если в России эти процессы характеризуются практически полным отсутствием контроля государства в культур-религиозной сфере его непосредственных геополитических интересов, то те же самые процессы в Китае находятся под жестким контролем государства. Кроме конфуцианской традиции государственного этатизма, данное обстоятельство обусловлено национальной и религиозной политикой, проводимой Китаем. Здесь лежат основные детерминанты Китайского геопроостранственного парадокса. Этнические меньшинства в Китае по сравнению с ханским большинством (1,1 млрд, 91,5 % населения) составляют незначительную часть населения (при этом необходимо учитывать, что декларации и классификация этнических меньшинств правительством Китая часто не совпадают и поэтому установить действительное количество этнических меньшинств представляется затруднительным). Официально в Китае признаны около 55 других этнических групп. Согласно оценкам MRGI, относительно широко представлены уйгуры (8,4 млн, 0,68 % китайского населения), монголы (5,8 млн, 0,47 %) и народности Тибета (5,4 млн, 0,44 %). Данные меньшинства стратифицированы в качестве автономных, но не владеющих всей территорией своего исторического «породного» расселения. Политическая номинальность автономии сопровождается жесткой тщательной регламентацией организационных структур этноконфессиональной культуры, прежде всего, в силу того, что территориально зоны проживания этноконфессиональных меньшинств представляют около половины китайской национальной территории. Если учесть, что эти регионы имеют особое сырьевое и военно-стратегическое значение как для Китая, так и в возможных геополитических диффузиях (в том числе и за счет политизации процессов возрождения культур-религиозного комплекса – сепаратизма в Синьцзян-уйгурском АО, Тибете, внутренней Монголии), то любые инновации в культур-религиозной сфере являются для Китая проблемой политического характера. Решение их за счет иммиграционной политики – заселения автономных территорий ханьцами и конфуционализация в качестве комплекса гражданской религии – вот тот методологический ракурс, применяемый Китаем при решения задачи усиления контроля над пограничными со странами Северной Азии территориями.

Подводя итоги, автор отмечает, что в Забайкальском регионе России и Монголии продолжается структурирование институтов религиозных инноваций, деятельность которых носит трансзиат-

ское направление. В методологической проекции формирования концептов современной вероисповедной политики миссионерская деятельность конфессиональных инноваций будет определять ключевые направления дальнейших культурологических, культурорелигиоведческих и политологических исследований, связанных с трансформационными характеристиками пространства религиозной культуры Центральной Азии. Позиции, связанные с вопросами международной свободы вероисповедания, являются политическим инструментом латентного и открытого вмешательства во внутренние дела государств региона в областях государственнорелигиозной и социоэкономической. Приходящие в Россию новые религиозные объединения становятся весьма эффективным инструментом в преобразованиях не только мировоззренческого плана в целом, но и психологического характера в частности. Наименее отдаленным следствием такого изменения становится трансформация электорального поля. Поэтому процессы, связанные с трансформацией конфессионального пространства Забайкальского региона, должны рассматриваться и с позиций пространственно-геополитического дуализма по линии Россия – Китай.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арзуманов И. А. Трансформация конфессионального пространства Байкальской Сибири (XX–XXI вв.): комплексно-методологические аспекты исследования. Иркутск : Иркут. ун-т, 2006.
2. Рыбаков О. Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: вопросы теории : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2005.
3. Тиби Б. Политизация религии // Internationale Politik. 2000. № 2. URL: <http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-poli-tik/2000-02/article04.html>.
4. Шатуев Н. В. Государственно-правовое регулирование религиозных отношений в Забайкалье во второй половине XVII – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
5. Chong T. Modernization Trends in Southeast Asia. Singapore, 2005.
6. Robbie B. H. Goh. Christianity in Southeast Asia. Singapore, 2005.

Компенсация ущерба от Богучанской ГЭС как политико-экономическая проблема

Л. А. Безруков

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН

В 2013 г. заканчивается строительство Богучанской ГЭС (Богучанская ГЭС) – четвертой ступени Ангарского каскада гидроэлектростанций. Завершение строительства, начавшегося еще в 1974 г., ведется сейчас на условиях государственно-частного партнерства – основными инвесторами и владельцами Богучанской ГЭС стали с 2005 г. частные компании ОАО «РусГидро» и ОАО «РУСАЛ». В 2012 г. началось заполнение Богучанского водохранилища, 15 октября запущены первые два агрегата, окончательное заполнение водохранилища и выход гидроэлектростанции на проектную мощность планируются на осень 2013 г.

Ввод в эксплуатацию такого крупного гидроэнергетического объекта, как Богучанская ГЭС, является очень значимым успехом экономики постсоветского этапа не только для Сибири, но и для всей страны. Действительно, завершение Богучанской ГЭС означает важный рубеж в реализации государственной инвестиционной программы «Комплексное развитие Нижнего Приангарья». Половина электроэнергии гидроэлектростанции предназначена для строящегося Богучанского алюминиевого завода, вторая половина – для других планируемых предприятий Нижнего Приангарья Красноярского края, а также для Тайшетского алюминиевого завода Иркутской области.

Между тем возникает вопрос – так ли уж все благополучно с вводом Богучанской ГЭС и созданием ее водохранилища, которое разольется на территории Кежемского района Красноярского края и Усть-Илимского – Иркутской области? Рассмотрим только проблему компенсации ущерба, так как по ряду позиций воздействие Богучанского водохранилища с отметкой нормального подпорного уровня (НПУ) 208 м на окружающую среду ожидается не менее масштабным, чем Усть-Илимского (исходя из площади зеркала, длины, площади затопляемых земель и т. д.).

При этом завершение строительства гидроэлектростанции по утвержденному еще в 1979 г. техническому проекту является, по существу, незаконным, поскольку проектные материалы Богучанской ГЭС не получили положительного заключения государственной экологической экспертизы. В 2007–2008 гг. научными институтами выполнена работа «Оценка воздействия на окружающую среду Богучанской ГЭС (Богучанская ГЭС) на реке Ангара» (ОВОС Богучанской ГЭС). Институту географии СО РАН был поручен раздел по определению ущерба от ввода Богучанской ГЭС.

Однако по вине заказчика ОВОС не был завершен, общественные слушания и государственная экологическая экспертиза не проведены. В результате рассчитанные в ходе ОВОС показатели потерь и убытков оказались не учтены.

В общем виде величина ущерба складывается из трех следующих основных составляющих: единовременные потери основных фондов, стоимость утраченной ежегодной продукции, затраты на компенсационные мероприятия по предотвращению или снижению негативного воздействия. Нами определялись первые две составляющие ущерба, поскольку третья составляющая – затраты на компенсационные мероприятия – уже представлена в самом проекте согласно смете БоГЭС. Экономическая оценка ущерба произведена для шести следующих основных видов ресурсов: земельных, лесных, минерально-сырьевых, водных, рыбных, животного мира. Суммарный ущерб от создания БоГЭС и ее водохранилища определен как сумма единовременного ущерба и годового текущего (дисконтированного по ставке 10 %) ущерба за 50-летний период.

В сфере гидроэнергетики в России утверждены методики стоимостной оценки ущерба далеко не по всем видам ресурсов. Поэтому, например, расчет ущерба минерально-сырьевым ресурсам базировался на методике Красноярского НИИ геологии и минерального сырья, водным ресурсам – на методике Института географии СО РАН.

Расчеты ущерба произведены для двух вариантов сооружения БоГЭС: 1) для варианта с проектной отметкой НПУ 208 м; 2) для варианта с пониженной отметкой НПУ 185 м. По оцененным видам ресурсов суммарный ущерб в ценах конца 2011 г. при НПУ 208 м достигает 96,9 млрд руб., а при НПУ 185 м – 42,5 млрд руб. Это означает, что ввод БоГЭС на пониженной отметке обеспечивает по сравнению с проектным вариантом сокращение ущерба в 2,3 раза.

При варианте с проектной отметкой Красноярский край несет 82 % потерь, Иркутская область – 18 %. При варианте с пониженной отметкой весь ущерб приходится на Красноярский край, для Иркутской области ущерб отсутствует.

Согласно проектным материалам, общая сумма затрат на компенсационные мероприятия, предназначенные для предотвращения или снижения негативного воздействия БоГЭС, составляет 33,8 млрд руб. Наиболее капиталоемким мероприятием здесь является статья «переселение населения», второй по величине затрат выступает статья «археологические спасательные работы».

В случае с БоГЭС можно считать, что величина рассчитанного ущерба представляет собой некомпенсируемые потери (за исключением определенного возмещения потерь сельскому и рыбному хо-

зайству), а величина затрат на природоохранные мероприятия – компенсируемые потери. Общий размер негативного воздействия БоГЭС с НПУ 208 м оценивается, таким образом, в 127,6 млрд руб. в ценах конца 2011 г. Подавляющая часть этой величины – около 3/4 – представляет собой некомпенсируемый ущерб, а меньшая часть – чуть более 1/4 – тот ущерб, который согласно проекту предполагается возместить.

Между тем вопрос величины ущерба и источников его компенсации остается дискуссионным. Заказчики представили свой вариант расчетов, где почти все величины видов ущерба были необоснованно пересмотрены в сторону их резкого занижения. Во-первых, по всем видам ущерба, кроме животного мира, потери ежегодной продукции взяты без дисконтирования, т. е. с занижением в 10 раз. Во-вторых, составляющая «потери ежегодной продукции» сельского хозяйства в расчетах не учтена совсем без каких-либо пояснений. В-третьих, по лесным ресурсам обе составляющие ущерба – «утрата ежегодной продукции» и «потери экологических функций леса» – по надуманным причинам из расчетов исключены, хотя они определялись на основе методики Минэнерго РФ. В-четвертых, совершенно не учтен ущерб водным ресурсам, что объясняется якобы отсутствием официально утвержденных методик оценки – однако отсутствие сертифицированных методик не может служить решающим аргументом, поскольку такое положение противоречит самой идеологии ОВОСа.

В результате суммарный ущерб от создания БоГЭС и ее водохранилища при НПУ 208 м необоснованно уменьшен заказчиками в 11,7 раза (с 96,9 млрд руб. у ИГ СО РАН до 8,3 млрд руб. в конечном варианте). Такое искусственное занижение ущерба ведет к существенному искажению экономических показателей БоГЭС, поскольку ее высокая расчетная эффективность возникает в значительной мере за счет не учтенных в себестоимости электроэнергии колоссальных потерь природных ресурсов и убытков, понесенных хозяйством и населением.

Проблема возмещения ущерба состоит не только в волонтеристском занижении его размеров заказчиками, но и в явном нежелании вкладывать средства даже в те компенсационные мероприятия, которые намечены проектом. Характерным примером может служить ситуация с хронически недостаточным финансированием археологических спасательных работ в зоне будущего Богучанского водохранилища, вследствие чего при его заполнении неизбежны большие потери археологических и культурно-исторических памятников. Так, правительственной комиссией принято очень простое

решение: исключить из единого государственного реестра памятников те объекты, на которых спасательные работы не будут завершены до 1 сентября 2012 г.

В России вообще не разработан легитимный нормативно-правовой механизм, обязывающий собственников ГЭС компенсировать весь наносимый ими ущерб региону, муниципальному образованию, местному населению. В настоящее время перекосы в распределении выгод и потерь в гидроэнергетике предопределяются во многом следующей правовой коллизией: ГЭС принадлежат частным собственникам, получающим огромную прибыль, а государство отвечает за водохранилища, оплачивая все издержки, связанные с их возникновением, из бюджета, т. е. в конечном счете из средств того же населения.

Собственники БоГЭС – компании «РусГидро» и «РУСАЛ» – входят по объему реализации продукции в первую двадцатку крупнейших компаний России. В 2011 г. расходуемая в собственных интересах чистая прибыль обеих компаний превысила в сумме 38 млрд руб. В то же время на подготовку ложа Богучанского водохранилища в рамках запланированных проектом компенсационных мероприятий Иркутская область с большим трудом добилась выделения из федерального бюджета 1,65 млрд руб. Эти средства, которые в 23 раза меньше ежегодной чистой прибыли собственников БоГЭС, область получила к тому же с огромным опозданием – лишь осенью 2012 г., когда подпор водохранилища подошел к ее границе.

В целом можно констатировать, что ввод БоГЭС неизбежно нанесет значительный ущерб природе, хозяйству и населению затрагиваемых районов Красноярского края и Иркутской области, так как только его некомпенсируемая часть превышает 90 млрд руб. Проблема компенсации ущерба от БоГЭС – это острая политико-экономическая проблема российской действительности. Здесь рельефно отражаются противоречия: во-первых, между интересами крупного частного капитала и затрагиваемых территорий с их населением; во-вторых, между интересами центра и сибирских регионов. Финансовые ресурсы крупного частного капитала и административные ресурсы федерального центра позволяют полностью игнорировать и действующее российское законодательство, и обоснованные требования регионов и местного населения. Дело в том, что в условиях сложившегося в России олигархического капитализма произошло слияние политической элиты с бизнес-элитой, или сращивание власти и собственности, а федерализм на практике оказался подменен унитаризмом и жесткой централизацией. Пожалуй, именно на примере гидроэнергетики «родовые пятна» олигархического

капитализма проступают наиболее отчетливо, здесь все виды несправедливости – экономическая, социальная, региональная и др. – вырисовываются в самой грубой и прямолинейной форме.

Учитывая имеющиеся планы строительства в Сибири и на Дальнем Востоке таких крупных гидроэнергетических объектов, какими являются новые мощные ГЭС на Ангаре, Нижней Тунгуске, Витиме, Олекме, притоках Алдана и Амура, необходимо незамедлительное решение вопросов компенсации ущерба от гидроэнергетики. Речь идет, прежде всего, о том, чтобы вновь поднять статус государственной экологической экспертизы, обеспечить ее обязательность и четкую процедуру проведения; разработать и утвердить методики стоимостной (экономической) оценки всех видов ущерба и механизм их компенсации; в законодательном порядке закрепить в качестве основного источника компенсации ущерба не средства госбюджета (как это принято в настоящее время), а рентные доходы, получаемые собственниками ГЭС от эксплуатации эффективных гидроэнергоресурсов (в частности, через предоставление затрагиваемым муниципальным образованиям и их жителям соответствующей части акций ГЭС).

Политико-административное управление в сибирских субъектах Российской Федерации: региональная модель

Т. Е. Бейдина

А. В. Новикова

Забайкальский государственный университет

Политико-административная сфера занимается проблемами систематизации теории и практики политики, управления, властных отношений, комплекса политических систем. Региональная политическая система во многом копирует современную политическую систему России и должна быть результативной в условиях политических реформ и системного кризиса, который признала партия власти «Единая Россия». Особенности современного российского кризиса отмечены президентом Центра политических технологий М. М. Буниным [1]. Это системный и циклический характер усиления протестного голосования, трансформирующегося в коллективные действия; рост авторитарных тенденций с повышением изоляционизма. Все эти факторы кризиса опасны и свидетельствуют об отсутствии эффективной политической структуры в субъектах Рос-

сийской Федерации. Мы остановимся на региональной модели Забайкальского края. Объективными факторами отрицательной направленности для Забайкальского края являются: неудовлетворительные экономические и социально-демографические характеристики приграничного региона, сложные климатические условия, географическая отдаленность от центра и пространственно-территориальная дезинтеграция; недостаточная подготовленность участников внешнеэкономической деятельности, коррупция, неразвитая нормативно-правовая база, несовершенство укрупнения субъектов РФ.

Политическое управление как форма регулирования общественных отношений осуществляется через власть государства. От всех остальных форм управления политическая отличается абсолютным характером в пределах политической организации [2]. В общем виде политическое управление имеет следующую структуру: принятие политического решения, организация его выполнения и контроль за выполнением. Выделяются следующие виды политического управления: 1) государственное управление как управленческие отношения, возникающие между государственными органами и населением; 2) государственно-административное управление как многообразие управленческой деятельности, осуществляемое органами исполнительной власти; 3) управление в политических организациях; 4) политико-технологическое управление (политический менеджмент), опирающийся на статусные ресурсы для достижения целей.

Пути совершенствования региональной модели связаны с реформированием властной вертикали как на федеральном, так и на региональном уровнях. Политика укрупнения субъектов, образование нового региона в результате слияния двух и более субъектов были инициированы федеральным центром и имели несколько объективных факторов: национально-территориальный, социально-экономический, социально-политический. Первыми кандидатами на объединение стали автономные округа, входящие в состав «сложносоставных» субъектов. Укрупнение регионов следует рассматривать не только как ликвидацию «сложносоставных» субъектов, но и как устранение искусственных границ тех территорий, которые обладают общей взаимосвязанной структурой экономики, социальной и производственной инфраструктурой и т. д. Многовековые традиции совместного проживания и жизнедеятельности населения на территории Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа, наличие тесных исторических, культурных, социально-экономических связей, общность инфраструктуры Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа определили объективный характер объединительного процесса.

Объединительный процесс 2005–2008 гг. охватил 11 субъектов Российской Федерации, было осуществлено 5 объединительных проектов, в результате число субъектов РФ сократилось с 89 до 83. Первым примером стал Пермский край, образованный в результате слияния двух приуральских регионов – Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа (референдум состоялся 7 декабря 2003 г.), затем объединились Красноярский край, Таймырский АО и Эвенкийский АО – 17 апреля 2005 г. Референдум по объединению Камчатской области и Корякского АО состоялся 23 октября 2005 г.; жители Иркутской области и УОБАО приняли положительное решение о слиянии регионов 16 апреля 2006 г.

Объединение Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа явилось пятым по счету (и, на данный момент, заключительным) проектом укрупнений «сложносоставных» субъектов РФ, референдум состоялся 11 марта 2007 г. Существенным фактором, облегчившим объединение регионов, явилось то, что органы государственного управления области и округа в последнее десятилетие сохранили и укрепили традиционно развитые связи в сферах культуры, образования и здравоохранения, активизировали взаимовыгодные межрегиональные отношения в экономике и финансовой сфере.

Процесс укрупнения субъектов крайне непростой, требующий постоянного мониторинга поставленных целей и задач, выявления недостатков и упущений в этом труднейшем вопросе федеративного строительства в России.

Сложности объединительного процесса в регионах связаны с тем, что центр переложил результаты объединения на «материнские территории», поэтому существенных результатов от объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа пока нет. Результаты голосования на региональных и муниципальных выборах 13 марта 2011 г., 4 ноября 2011 г. и 19 сентября 2012 г. свидетельствуют об утрате легитимности власти и ослаблении обратных связей с обществом. Это обусловлено неблагоприятным социально-экономическим положением субъектов РФ в период реформ на конец XX в. – начала XXI в., что стимулировало моноцентричность политической системы. Таким образом, чем шире спектр гражданского общества, тем демократичнее управление. Политико-административное управление – это деятельность государственных публичных институтов власти и управления по выполнению функций государства, протекающая во взаимодействии органов исполнительной власти со структурами гражданского общества. Политико-административное управление соотносится с категорией политико-административная система, под которой понимается совокупность

устоявшихся связей и отношений внутри исполнительной власти, между исполнительной и другими ветвями власти в их динамическом взаимодействии с институтами гражданского общества [3]. Система политико-административного управления имеет следующую структуру: 1) публичные институты управления федерального, регионального и муниципального уровней; 2) межсекторные отношения; 3) политико-административное взаимодействие органов исполнительной власти с обществом. Главный критерий, по которому можно судить об эффективности политико-административного управления, – это степень ее соответствия внешней среде.

Региональная модель политической системы ориентирована на преобладание глав субъектов (губернаторов) как лидеров исполнительной власти, регулирующих все процессы регионального развития. Отсюда и доминирование в политической системе субъекта РФ Забайкальского края территориального лидера Равиля Фаритовича Гениатулина.

В условиях реальной угрозы российскому федерализму возникла угроза вертикали власти, что потребовало внести серьезные изменения в отношения между Центром и регионами.

12 мая 2000 г. В. В. Путин подписал Указ «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе». На полномочных представителей фактически было возложено три круга задач: 1) надзор за работой органов власти в субъектах Федерации; 2) согласование с Москвой кандидатур на ключевые административные посты и поддержка кандидатов центра на региональных и муниципальных выборах; 3) организация работы органов государственной власти [4].

Проанализировав задачи полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, можно с уверенностью утверждать, что их статус существенно повышен по сравнению со статусом своих предшественников – полномочных представителей Президента РФ в регионах РФ, усилено государственно-правовое значение рассматриваемого института.

Перечень функций полпреда, предусмотренных Положением о нем, представляется недостаточным. На практике полномочные представители осуществляют и другие направления деятельности, по объему вполне сопоставимые с функциями, которые, однако, Положением не охватываются. Например, деятельность полномочного представителя и его аппарата по приему населения, рассмотрению писем, жалоб и обращений граждан, а также их разрешению. Значительную роль в организации рассмотрения обращений граждан играют общественные приемные, действующие в соответствии с По-

ложением об общественных приемных, утвержденном распоряжением полпреда. Учитывая роль, значение, фактический объем проводимой полномочным представителем работы по обращениям граждан, можно предложить внести эту функцию в Положение о полномочном представителе Президента РФ, сформулировав ее следующим образом – «создает и организует работу общественных приемных, ведет прием населения, рассматривает заявления, обращения и жалобы граждан, принимает необходимые меры по их разрешению».

В федеральных округах при полномочных представителях Президента РФ созданы управленческие структуры, обладающие значительным административным ресурсом, сфера применения которого законодательством РФ пока не определена.

Во-первых, институт полномочных представителей Президента РФ – конституционно узаконенный структурный элемент института президентства, содействующий обеспечению полномочий Президента России по реализации его политических функций.

Во-вторых, специфика функционирования института представительства связана, прежде всего, с образованием нового вида региональных образований России – федеральных округов.

Создание федеральных округов означает введение нового, вспомогательного управленческого уровня, призванного оптимизировать контроль со стороны «центра». На политическом уровне создание федеральных округов и введение института полномочных представителей Президента РФ в них выступает в качестве средства укрепления государства и вертикали власти.

В-третьих, исследование процесса становления и трансформации статуса института полномочных представителей Президента РФ позволило сделать вывод, что изменения политической роли данного института зависят от характера нормативно-правовой базы.

Представители Президента были ориентированы на осуществление и политической работы, и административного контроля, и кадровой политики. Они служили каналом независимой информации, инструментом воздействия на политическую ситуацию в субъекте РФ.

Анализ задач, функций и результатов работы полномочных представителей свидетельствует том, что институт полпредов Президента РФ является и механизмом антикризисного управления, порожденным стремлением к укреплению государства. Это позволило определить специфику его функционирования: в стабильные периоды – это механизм контроля, координации, кадровой селекции и сбора информации, а в кризисные периоды – это один из важнейших

политико-административных ресурсов реализации решений главы государства.

Реформирование предполагает учет как сильных, так и слабых сторон. К числу последних следует отнести: бюрократичность института полномочных представителей Президента в федеральных округах, отдаленность регионов от центра, сложности взаимодействия с органами власти и управления субъектов РФ.

В целом же идея укрепления исполнительной власти и реформирования федерализма нашла поддержку, поскольку имеет ряд достоинств:

- контроль за федеральными округами более эффективен, нежели работа напрямую с каждым из субъектов Федерации;
- функции полномочного представителя расширены незначительно;
- полномочный представитель получает статус арбитра между субъектами РФ и эффективно и оперативно снимает противоречия между ними;
- усложняется возможность «подкупа» полномочного представителя в федеральном округе [5; 6].

Можно констатировать, что в решении некоторых задач полпреды преуспели. Почти все законы субъектов Федерации, противоречившие федеральному законодательству в 2000 г., исправлены. Представители Президента в округах установили контакты с руководителями регионов, укрепили государственную дисциплину. В укреплении вертикали власти большое значение имеет внесение главой государства в Государственную Думу пакета законопроектов. Они: 1) изменяют порядок формирования Совета Федерации; 2) оговаривают создание Государственного совета; 3) предусматривают введение порядка отстранения от должности руководителей регионов и роспуска законодательных органов субъектов РФ, принимающих акты, идущие вразрез с федеральными законами; 4) наделяют главу региона правом отстранения от должности нижестоящих глав местного управления и самоуправления. И такие законы уже приняты.

Обозначенные направления реформирования властной вертикали в России позитивно отразились на качестве работы федеральных и региональных государственных органов, что является одной из приоритетных задач Российского государства. Поэтому к реформированию вертикали власти в России следует отнестись положительно, но с условием, что оно будет проводиться постепенно и последовательно [7].

По модернизации исполнительной власти в настоящее время становятся актуальными такие проекты, как «Концепция снижения

административных барьеров и повышения доступности государственных услуг на 2011–2013 гг.», «Обретение будущего. Стратегия 2012», государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 гг.)», «Стратегия 2020: Новая модель роста – новая социальная политика» и т. д.

Таким образом, одной из главных задач трансформации исполнительной власти является не только поиск эффективной модели отношений центра и регионов, но и поиск оптимальной модели развития региональных политических процессов, что возможно только при наличии органических взаимоотношений между различными уровнями региональной государственной власти Забайкальского края.

Подобные обстоятельства обусловили ориентацию региональных политических сил на моноцентричность для выполнения своих прагматичных целей. Отсюда сочетание в политической системе субъектов РФ модернизационных и традиционных элементов: централизованная власть, территориальный лидер, равномерность распределения власти по корпоративным структурам, прагматизм. Данное сочетание позволяет прийти к выводу, что в условиях применения подобных традиций «происходит консолидация элитных групп, легитимизируется лидерство и в результате эффективно используются социально-экономические ресурсы, в целях динамичного развития территории» [8]. По такой эффективной модели развивался Агинский Бурятский округ до 2008 г.

Региональные характеристики политической системы РФ предполагают прагматичные цели самосохранения стагнированных элитных групп, их корпоративность и ориентацию на авторитарную адаптацию без учета результатов развития и интересов населения. На дремлющие оппозиционные группы в обществе, на элитные структуры, на силовые ведомства, на бизнес власть внимания не обращала, что и привело к нарастанию протестных настроений в регионах. Усугубляют проблемы в субъектах РФ встроенность региональных и местных элит во властную вертикаль, коррупция, отсутствие альтернативы территориальному лидеру в лице ярких и самостоятельных личностей.

Структура региональной политической элиты Забайкальского края представлена следующими компонентами: губернатор, члены правительства и депутаты законодательного собрания Забайкальского края, мэр г. Читы и депутаты Думы городского округа «Город Чита», по вертикали представители муниципальной власти и органов самоуправления, представители крупного бизнеса, поддерживающие политику руководства края, политсовет партии «Единая Россия». В современный период политической составляющей в стратегиях ре-

гиональных элит является преемственность развития политической элиты российского общества, что практически исключает случайное попадание в элиту. Это свидетельствует о преобладании гильдийского способа рекрутирования политической элиты Забайкальского края, но в действительности не существует ни чистой антрепренерской системы, ни чистой системы гильдий, так как нет абсолютно открытых и абсолютно закрытых обществ. Особенностью региональной элиты Забайкальского края является дополнительная функция, по сравнению с элитой высшего эшелона государственной власти, которая заключается в посредничестве между императивами центральной власти и требованиями местного сообщества. Это положение определяют факторы функционирования региональной политической элиты Забайкальского края: удаленность от федерального центра; приграничное положение, обуславливающее транзитные внешнеэкономические отношения; политическая стабильность регионального руководства, соответственно традиционный стиль управления регионом; слабая политизированность местного населения.

Баланс действующих лиц на политической арене региона в субъекте РФ Забайкальском крае не в пользу новых политических лидеров, конкурирующих с действующим губернатором, опирающимся на практический опыт лавирования и достаточные административные ресурсы управления. В субъекте РФ созданы вертикально-интегрированные структуры для обмена сырьевыми ресурсами, подкрепленные значимым присутствием федеральных структур, что ликвидирует экономическую и политическую конкуренцию и закрепляет монополизм и корпоративность.

Политико-правовая ситуация в условиях укрепления вертикали власти постоянно меняется. В 2003 г. внесены изменения в ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ», что привело к назначаемости вертикали власти, усилило ее зависимость от центра и ослабило ответственность и самостоятельность в решении региональных проблем. Как увеличить скоординированность звеньев власти в этих условиях? Необходимо принять новый документ, отсюда и инициатива Президента РФ по развитию законодательства об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, что, безусловно, восстановит самостоятельность региональных лидеров в решении как политических, так и экономических проблем, ибо наиболее серьезные угрозы безопасности Забайкальского края лежат не в политической, а в экономической сфере. Одну из угроз представляет утрата производственного и научно-технического по-

тенциала. Отсутствие целостной экономической стратегии государства сдерживает развитие нормативно-правовой базы регионального уровня, не позволяет определить долгосрочные перспективы экономической политики региона. Неэффективность государственного регулирования экономики привела к сокращению объема и ассортимента отечественной продукции, падению ее конкурентоспособности; нецелевому использованию бюджетных средств, диспропорциям между отраслями экономики, статьями экспорта и импорта.

На топливо, сырье и продукты их переработки приходится более 80 % экспорта России. За последние годы в Китай вывезены большие партии черных и цветных металлов, минеральных удобрений, древесины и лесоматериалов. Благодаря поставкам стратегического сырья, Россия обеспечивает ресурсную самодостаточность КНР. Однако прибыль, полученная от экспорта, не используется на развитие экономики региона. Поступательное развитие экономики Забайкальского края невозможно без российских и иностранных инвестиций в добывающую и промышленную отрасли.

На современном этапе основными угрозами безопасности Забайкальского края являются:

- *в политической сфере*: нестабильность социально-политической обстановки, вызванная недовольством населения деятельностью действующих властных структур, низкий уровень правовой информированности и законопослушания населения;
- *в экономической сфере*: невысокий инвестиционный и инновационный потенциал региона, стагнация аграрного сектора, преобладание в экспорте сырьевой составляющей, а в импортных поставках – продовольствия и предметов потребления; зависимость региона от внешнеэкономических связей с Китаем;
- *в социальной сфере*: резкая дифференциация общества по социально-экономическому положению с тенденцией падения качества жизни большей части населения; рост противоречий между интересами государства и различных социальных групп; неготовность части населения к адаптации в рыночных условиях; непрофессионализм руководителей многих предприятий и учреждений; рост должностных и экономических преступлений на всех уровнях социальной иерархии общества, препятствующий устойчивому экономическому развитию и обеспечению безопасности региона; негативные тенденции в демографической сфере вследствие ухудшения социально-экономической ситуации.

В создавшихся условиях возрастания угроз личности, обществу, государству необходимо усилить сбалансированность политической активности основных субъектов: населения, вовлекаемого в полити-

ческую жизнь, политических институтов и, конечно, элиты. Целесообразно расширить полномочия парламента, усилить его правовую деятельность в условиях усиления партийных ресурсов. Очевидно, что губернаторы, не контролируемые партийные ресурсы, обречены, ибо им необходимо через партии влиять на выборы и на взаимоотношения с центром. Сейчас созданы все институциональные условия для усиления партийности региональных лидеров, идет партизация губернаторов.

В условиях моноцентричности власти ухудшается качество политической элиты: она социально неоткрытая; в ней доминируют активисты старого режима с военным, гуманитарным, техническим, но не управленческим образованием.

Исключительные права и особые возможности тесно связаны с элитой потому, что она включает в себя группы лиц, обладающих природной одаренностью, яркими талантами, особенными идеологическими, социальными и политическими качествами, которые определяют особую роль людей, выполняющих важнейшие функции управления обществом [9]. Политическая элита, активно участвуя в осуществлении государственной власти или в прямом воздействии на нее, затрачивает немало энергии, сил, ресурсов. Чтобы эффективнее управлять, элите необходимы соответствующие источники восполнения данной энергии. Поэтому положение элиты подкрепляется ее престижем, привилегиями, льготами, поэтому она пользуется значительными материальными и духовными благами. Следовательно, формирование политической элиты стимулируется тем, что высокий статус управленческой деятельности сопряжен с возможностью получения различного рода материальных и моральных привилегий, преимуществ, почета, славы. Еще один фактор, обуславливающий существование политической элиты, а также ее тесную связь с привилегиями, состоит в том, что данная группа лиц олицетворяет собой власть, которая (в силу того, что сопряжена с распределением ценностей и ресурсов) открывает широкие возможности для реализации индивидуальных интересов элиты и ее окружения.

Так, в Забайкальском крае всего 14 % специалистов в муниципальном управлении имеют управленческую подготовку. Подобные негативные и элитарные тенденции не формируют эффективных менеджеров-чиновников.

Таким образом, в Забайкальском крае развитие региональной модели политической власти ухудшают сложные социально-экономические процессы, и дальнейшее развитие пойдет в сторону усиления моноцентричности и авторитарной адаптации.

В Забайкальском крае корпоративный элитизм подкрепляется угрозами безопасности приграничного субъекта РФ. Современная политика совершенствования исполнительной власти основана на формировании качественно нового государственного управления, взаимодействия государства и населения на паритетных основах (доступность государственных услуг, ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, прекращение избыточного государственного регулирования, создание электронного правительства, создание открытого правительства, предоставление государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна»). По мнению Л. В. Сморгунова, «основанием выработки политических и организационно-управленческих решений становится стремление к достижению общего блага, общего интереса, которые определяются и государством и общественными участниками процесса» [10].

Основными путями совершенствования исполнительных органов государственной власти Забайкальского края являются укрепление законности, развитие открытости и доступности информации об их деятельности, что позволит в условиях выстраивания вертикали власти создать основы эффективного взаимодействия органов власти края с органами местного самоуправления и населением.

Следовательно, пути совершенствования региональной модели следующие: 1) законодательное регулирование; 2) преодоление факторов отрицательной динамики развития субъектов РФ; 3) совершенствование властной вертикали и управления как на федеральном, так и на региональном уровнях; 4) демократизация лидерства.

Политико-административное управление, безусловно, соотносится с государственным управлением, но гораздо шире. Оно включает институты федерального и регионального уровней, муниципалитеты, взаимодействие органов исполнительной власти с гражданским обществом, технологии политического управления, посредством которых осуществляется приобретение и удержание властных полномочий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин М. М. Кризис в современной России: социально-политические измерения // Вспр. местного самоуправления. 2009. № 4 (26). С. 51–54.
2. Коротец И. Д. Политология. Словарь. М. : РГУ, 2010. С. 153.
3. Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб. : Изд-во БГТУ, 2003. С. 243.
4. Указ Президента Российской Федерации «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // Рос. газ. 2001. 16 мая.
5. Эволюция российского федерализма / А. А. Галкин, П. А. Федосов, С. Д. Валентей, В. Д. Соловей // Полит. исслед. 2002. № 3. С. 96–128.

6. Савченко С. Проблема федерализма и организации государственной службы // Гос. служба. 2001. № 2. С. 12–19.
7. Перспективы российского федерализма: федеральные округа; региональные политические режимы; муниципалитеты / П. А. Федосов, С. Д. Валентей, В. Д. Соловей, В. Я. Любонный // Полит. исслед. 2002. № 4. С. 159–168.
8. Дагбаев Э. Д. Институциональный дизайн политических процессов в Байкальской Азии // Тезисы докладов V Всероссийский конкурс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, факторы». М., 20–22 ноября 2009 г. М. : Рос. акад. полит. наук, 2009. С. 120.
9. Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Обществ. науки и современность. 1995. № 1.
10. Сморгунюв Л. В. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012. С. 4.

Консолидация территориальной охраны природы: Атлас «Особо охраняемые природные территории Сибирского федерального округа»

Т. П. Калихман

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН

А. Д. Калихман

НИ Иркутский государственный технический университет

Современное состояние и перспективы развития особо охраняемых природных территорий (ООПТ) в пределах субъектов Российской Федерации Сибирского федерального округа (СФО) требуют учета целей и задач территориальной формы охраны природы в регионе. Особенности Сибири – значительные по площади нетронутые природные территории, а территории, промышленно измененные, пока локализованы вдоль коммуникаций и вокруг крупных населенных пунктов, но сохраняется общая тенденция промышленной экспансии преимущественно в ресурсных отраслях.

Информация, изложенная в виде атласа «Особо охраняемые природные территории Сибирского федерального округа» (Атлас), может служить научной основой для изучения необходимости и достаточности системы ООПТ, ее оптимизации и развития в СФО. Картографическое отображение охраняемых территорий необходимо для анализа репрезентативности существующей сети ООПТ, а также особенностей ее функциональной структуры.

Для анализа перечисленных параметров с точки зрения охвата ландшафтного разнообразия исследовались охраняемые территории

* Работа выполнена на средства гранта ВОО «Русское географическое общество» (проект № 10/06/2011).

основных категорий (заповедники, национальные парки, заказники, природные парки), причем ООПТ федерального значения в Атласе разделены по категориям (заповедники, национальные парки и заказники), а ООПТ регионального значения – заказники и природные парки – распределены по субъектам РФ. Инвентаризация сведений об ООПТ и их анализ выполнены по методу «одноаспектного атласного картографирования ООПТ» [4; 6], когда в Атласе отражается один аспект (ландшафтная репрезентативность) для множества объектов (241 ООПТ в пределах СФО) в отличие от классического метода представления множества аспектов для одного объекта, свойственного подавляющему числу как национальных, так и региональных атласов.

Особенности природы Сибири отражают черты всей Северной Азии. ООПТ сохраняют участки Сибири, а главными особенностями являются [8; 9]:

- почти полная принадлежность к Арктическому бассейну (Обь, Енисей, Лена) и великому Северному склону Азии, лишь небольшие ее части относятся к бассейну Амура (Тихий океан), в южной части Республики Тыва – бессточная котловина озера Убсу-Нур, замкнутый сток озерных систем Барабы и Кулунды, а также Торейских озер в Забайкалье;
- разнообразие геологических проявлений от древних до молодых;
- высокое биотическое и ландшафтное разнообразие от единственных в мире материковых арктических пустынь на севере Таймыра до сухих степей и полупустынь центральноазиатского типа в Убсунурской котловине;
- тайга как самый большой по площади внетропический лес;
- наличие уникального озера Байкал.

На распределении ООПТ сказались неравномерные изученность и освоенность территории: в северной части она малозаселена и малоосвоена, на юге – существенно освоена, местами густо заселена, сформировались крупные города. Интенсивное освоение Сибири началось в конце XIX в., а промышленное – лишь во второй половине XX в. Сейчас таежные леса уничтожаются с самой высокой скоростью в мире, здесь размещены самые большие ГЭС в стране, что влияет на климат, состояние ландшафтов и биотического разнообразия. В Сибири расположена большая часть крупных горнодобывающих предприятий, обеспечивающих промышленность всей России [1; 5; 8; 9].

Официальная история создания ООПТ Сибири. История заповедного дела в России началась с Сибири. День организации старейшего из ныне действующих государственных заповедников – «Баргузинского» (1916 г., расположен на северо-восточном побережье Байкала, Республика Бурятия) – является официальным днем рождения территориальной охраны природы в России. А за год до его появления, в 1915 г., благодаря поддержке иркутского генерал-губернатора Л. М. Князева, был создан первый государственный заповедник – «Саянский» площадью 500 тыс. десятин, а в 1939 г. он был воссоздан на площади 1220 тыс. га (в то время самый большой, сейчас его превосходят только большой Арктический – 4200,0 тыс. га, Путоранский – 1887,0 тыс. га, Таймырский – 2719,688 тыс. га). Он ликвидировался дважды – в 1919 и в 1951 г. и сейчас отсутствует на карте региона [2; 3; 7]. Первым «советским» заповедником в границах нынешнего СФО стали «Столбы», а после сокращений в 1951 г. в Сибири оставались только два заповедника: «Столбы» и существенно уменьшенный по площади «Баргузинский» [8; 9].

В пределах нынешнего СФО первый заказник республиканского значения появился в 1958 г. – «Кирзинский» на землях Барабинского и Чановского районов Новосибирской области площадью 119,8 тыс. га. Позже появились заказники республиканского значения в Омской области «Баировский» (1959) и «Степной» (1971), в Иркутской области «Тофаларский» (1971), в Бурятской АССР «Кабанский» (1974), в Туве «Азас» (1976), в Красноярском крае «Малый Абакан» (1982), в Читинской области «Цасучейско-Торейский» (1982). Заказники «Азас», «Малый Абакан» и часть «Цасучейско-Торейского» затем стали заповедниками. Последними из созданных заказников федерального значения стали в 2000 г. «Красный Яр» (Иркутская область) и в 2011 г. «Долина Дзерена» (Забайкальский край) и «Позарым» (Республика Хакасия).

Максимальное число ООПТ федерального значения было создано в последние 15 лет до перестройки и в постперестроечный период. Кроме того, именно в 1980-х гг. в Сибири появилась новая категория ООПТ – национальные парки (их насчитывается всего семь).

В период с 2000 по 2009 г., после вхождения Госкомэкологии в состав Министерства природных ресурсов России, не было создано ни одной новой ООПТ федерального значения в пределах СФО. Но были созданы незначительные по площади заказники регионального значения: в Алтайском крае – «Башелакский» (2001), в Красноярском крае – «Большая Пашкина» (2001), Мотыгинское многоостровье (2003), «Богучанский», «Река Татарка», «Огнянский», «Машуковский» (2004). Значительное число заказников регионального зна-

чения было создано в Забайкальском крае – «Оленгуйский» (2002), «Горная степь» (2003), «Агинская степь» (2004), «Семеновский», «Реликтовые дубы» (2011). Наконец в 2010 г. был создан кластерный национальный парк «Сайлюгемский» в Республике Алтай, в 2011 г. – заказники федерального значения «Долина дзеренов» (Забайкальский край) и «Позырым» (Республика Хакасия).

Ситуация к началу 2012 года. В 12 субъектах СФО сейчас функционирует 241 ООПТ основных категорий (заповедники, национальные и природные парки, заказники). Из них 44 ООПТ федерального значения (21 заповедник, 7 национальных парков, 16 заказников), а регионального значения – 197 ООПТ: 188 заказников и 9 природных парков (табл.).

Категория ООПТ «заповедники» в Сибири занимает наиболее значительные территории (2,8 % от площади округа). Наименее представленной пока остается – категория ООПТ регионального значения «природные парки», которая помимо природоохранных функций призвана развивать туристско-рекреационную деятельность, благодаря дифференциации природоохранного режима (функциональному зонированию территории). С учетом того, что в последние годы декларируется активизация туристского развития Сибири, создание природных парков чрезвычайно актуально.

В табл. не представлены иные категории ООПТ: памятники природы, курорты и лечебно-оздоровительные местности в связи с их низкой значимостью для сохранения биотического и ландшафтного разнообразия.

В ландшафтно-географическом плане ООПТ расположены неравномерно. На рисунке показано местоположение основных природных комплексов в пределах СФО.

Заповедники. В зоне Арктики и Субарктики находятся 2 заповедника (Большой Арктический и Таймырский); в северной тайге (лесотундра) – 1 (Путоранский); в средней и южной тайге – 2 (Центральносибирский и Тунгусский), в бессточных степных котловинах – 2 (Убсунурский и Даурский), остальные 13 заповедников находятся в районе гор Юга Сибири (Алтай, Саяны, горы Прибайкалья и Забайкалья). Следует учесть, что площадь заповедников существенно разнится: от более 4 млн га заповедника «Большого Арктического» до 44,8 тыс. га заповедника «Даурского».

Таблица

Распределение ООПТ регионального и федерального значения в пределах СФО по состоянию на 1 янв. 2012 г.

Категории ООПТ \ Субъекты РФ в СФО	Алтайский край	Республика Алтай	Республика Бурятия	Иркутская об- ласть	Забайкальский край	Кемеровская область	Красноярский край	Новосибирская область	Омская область	Томская об- ласть	Республика Тыва	Республика Хакасия	Общее число, шт.	Общая пло- щадь, тыс. га	Доля от пло- щади СФО, %
Заповедники	1	2	3	2	2	1	7				2	1	21	14590,2844	2,853
Национальные парки		1	2	1	1	1	1						7	2684,9320	0,525
Заказники феде- рального значения			3	2	3		3	1	2	1		1	16	3354,5355	0,656
Природные парки	1	4	1				1		1		1		9	1026,2039	0,201
Заказники регио- нального значения	35	2	13	12	17	12	32	24	5	17	15	4	188	10029,2556	1,961
Общее число, шт.	37	9	22	17	23	14	44	25	8	18	18	6	241		
Общая площадь, тыс. га	765,4730	2304,2230	3202,7230	2349,3580	1907,4998	1314,9602	14735,6920	1423,0992	436,7490	1126,6844	1365,1093	753,6405		31685,2114	6,195
Доля от площади субъекта РФ, %	4,557	24,803	9,116	3,032	4,417	13,737	6,226	8,006	3,094	3,584	8,097	12,241			

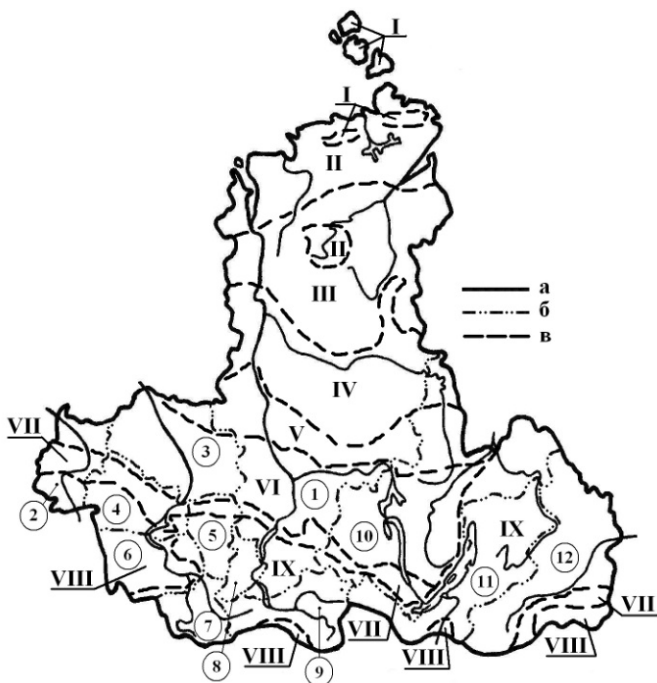

Рис. Природные комплексы в пределах Сибирского федерального округа

Природные комплексы: I – арктические пустыни, II – тундры, III – лесотундры, IV – северная тайга, V – средняя тайга, VI – южная тайга, VII – лесостепь, VIII – степь, IX – горные; *Субъекты РФ:* 1 – Красноярский край, 2 – Омская область, 3 – Томская область, 4 – Новосибирская область, 5 – Кемеровская область, 6 – Алтайский край, 7 – Республика Алтай, 8 – Республика Хакасия, 9 – Республика Тыва, 10 – Иркутская область, 11 – Республика Бурятия, 12 – Забайкальский край; *Границы:* а – Сибирского федерального округа, б – субъектов РФ, в – природных комплексов

Национальные парки. Относительно новая для России категория ООПТ «национальные парки» представлена в Сибири в меньшей степени, чем в Европейской части страны. Все они, за исключением национального парка «Алханай» в Забайкальском крае, прилегают к горам Юга Сибири. Разброс площадных характеристик национальных парков – от более 1,18 млн га парка «Тункинский» (Республика Бурятия) до 39,2 тыс. га парка «Шушенский бор» (Красноярский край). Самым южным является национальный парк «Сайлюгемский» (Республика Алтай), самым северным – «Забайкальский» (Республика Бурятия).

Заказники. Заказники федерального и регионального значения традиционно всегда имели наиболее утилитарные цели. Как правило, они создавались для сохранения численности промысловых жи-

вотных. В последнее время эта тенденция стала меняться, и задачей некоторых региональных заказников стало сохранение ландшафта в целом. Например, ландшафтный заказник регионального значения «Ивано-Арахлейский» в Забайкальском крае, в котором по аналогии с природными парками проведено функциональное зонирование, а также ландшафтный заказник «Пойма Любинская» в Омской области, в Алтайском крае заказник «Озеро Большой Тассор» являются почвенно-ботаническими и сохраняют уникальный степной участок с выходом третичных пестроцветных глин и специфичными растительными сообществами полупустынного типа. Наименее охваченными заказным режимом остаются горнотаежные леса на севере Забайкальского края и Иркутской области и северо-таежная тайга в Красноярском крае. Арктические пустыни, тундра и лесотундра сохраняются только в федеральных заказниках «Северо-Земельский», «Пуринский» и региональном – «Бреховские острова». Северная и средняя тайга представлены в заказниках «Елогуйский» (федеральный) и «Туруханский» (региональный).

Общая площадь заказников в СФО сопоставима с общей площадью заповедников. Среди заказников федерального значения наибольшим является «Елогуйский» площадью 747,6 тыс. га (Красноярский край), среди заказников регионального значения – «Васюганский» площадью 509,045 тыс. га (Томская область), наименьшими, соответственно, «Кабанский» – 12,1 (Республика Бурятия) и «Сары-Чумышский» – 0,6 (Алтайский край). Самые северные федеральные заказники – «Североземельский» и «Пуринский», а региональные – «Бреховские острова» и «Туруханский» (Красноярский край), самый южный федеральный заказник – «Буркальский», самый южный региональный – «Горная степь» (Забайкальский край).

Для каждой из 241 ООПТ СФО в Атласе составлена карта с информацией об их ландшафтной структуре, что позволяет определить, насколько репрезентативна система охраняемых территорий в Сибири в целом. Помимо этого в Атласе представлена картографическая информация об ООПТ международного статуса. В пределах СФО к таким территориям относятся объекты всемирного природного наследия ЮНЕСКО (4 объекта), биосферные резерваты ЮНЕСКО (10 ООПТ), трансграничные (межгосударственные) охраняемые природные территории (2 территории), ключевые орнитологические территории (87 участков) и водно-болотные угодья международного значения (7 участков).

ЛИТЕРАТУРА

1. Безруков Л. А. Бюджетно-финансовый баланс отношений: центр – сибирские регионы // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2009. № 1 (3). С. 11–19.

2. Громов К. И. Саянский заповедник // Заповедники СССР. М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1951. Т. 2. С. 175–199.
3. Иванов А. А., Калихман А. Д., Калихман Т. П. Б. Э. Петри в истории Саянского перекрестка. Иркутск : Оттиск, 2008. 260 с.
4. Калихман Т. П. Особо охраняемые природные территории. Карта м-ба 1:5 000 000 // Природные ресурсы, хозяйство и население Байкальского региона (электронный атлас). Иркутск : Ин-т географии СО РАН, 2009.
5. Мониторинг состояния озера Байкал. Л. : Гидрометеониздат, 1991. 262 с.
6. Савенкова Т. П. Охраняемые природные территории бассейна озер Байкал. Атлас. Иркутск : Оттиск, 2002. 96 с.
7. Соловьев Д. К. Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем: отчет Саянской экспедиции департамента земледелия, работавшей в 1914–1916 гг. под начальством старшего специалиста по промысловой охоте Д. К. Соловьева. Пг., 1920. 458 с.
8. Сыроечковский Е. Е., Рогачева Э. В. Особенности природы Сибири и заповедное дело // Заповедники Сибири. Т. 1. М. : Логата, 1999. С. 8–17.
9. Сыроечковский Е. Е., Штильмарк Ф. Р. Исторический обзор развития заповедной системы Сибири // Заповедники Сибири. Т. 1. М. : Логата, 1999. С. 18–26.

Республика Бурятия: испытание этнической миграцией

Л. В. Кальмина

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Низкий уровень жизни и узость рынка труда Бурятии неизбежно выводят ее из числа регионов, привлекательных для мигрантов. В пределах России отмечается стабильное отрицательное сальдо миграции, 81 % выбывающих – трудоспособного возраста [4]. Однако для внешних мигрантов республика не теряет своей привлекательности: со странами СНГ стабильно наблюдается положительный баланс миграции. Регион притягивает, прежде всего, высокой степенью толерантности населения и комфортной межэтнической ситуацией. Дополнительный фактор – выгодное геополитическое положение Бурятии как миграционного перекрестка, где издревле соприкасались народы и культуры [2, с.106]. Несмотря на то, что квота на привлечение иностранной рабочей силы в Бурятии на 2011 г. составляла всего 1489 чел., в республике вполне официально трудился 4201 гастарбайтер [7]. Иностранную рабочую силу в Бурятию составляют зарегистрированные в соседних регионах фирмы с более щадящими квотами. Дополнительный вполне легитимный способ осесть в регионе – приобретение патента, дающего право трудиться по договорам с физическими лицами (его обладателями стали уже более 5 тыс. иностранных граждан из ближнего зарубежья). В числе

первых освоили миграционные маршруты в Россию жители южных областей Кыргызстана, более всего страдающие от перенаселения и этнических конфликтов последних лет. Экономический стимул для отъезда за рубеж – превалирующий [3, с. 74, 75]. Лидером трудовой миграции в Бурятию является Узбекистан, наибольшее число выходцев из которого трудится в строительстве. Из числа получивших патент граждане Узбекистана составляют 70 %, Кыргызстана – 18 % [6]. По данным Переписи-2010, при сокращении численности «привычных» этносов, издавна живущих на территории республики (белорусов, украинцев, татар, немцев, евреев) заметно выросла численность «новых»: киргизов – в 2,2 раза, узбеков – в 2,1 раза, китайцев – в 1,6 раза [5].

Становятся ли мигранты органической частью принимающего социума? Как воспринимает их общество, известное (и гордящееся) своей толерантностью? Готово ли оно принять их в свою среду? Видит ли в них потенциальных конкурентов на рынке труда? На все эти вопросы было призвано ответить исследование, проведенное в июне этого года в столице республики г. Улан-Удэ. По анкетам, разработанным Институтом этнологии и антропологии РАН, было опрошено 300 чел. и проведено глубинное интервью с 40 экспертами. Анкета предусматривала выяснение отношения респондентов к выходцам из разных регионов ближнего и дальнего зарубежья: Кавказа, Средней Азии, Китая. Категории опрошенных – работники федеральных и муниципальных органов власти, бюджетных учреждений, акционерных обществ (в числе последних были как преуспевающие, так и испытывающие финансовые трудности), мелкие коммерческие организации, безработные. Основная возрастная категория респондентов – 30–49 лет (53,7 % опрошенных), молодежь до 29 лет составила 32,7 %, лица пенсионного возраста – 13,7 %. В числе опрошенных 61,7 % женщин и 38,3 % мужчин. «Перекося» в сторону женской половины общества объясняется попаданием в выборку традиционно женских отраслей – бюджетных организаций и органов власти, где мужчины, как правило, занимают руководящие посты в комитетах и отделах, но специалисты тех же отделов или комитетов в основной своей массе женщины. Наконец, женщины доминируют в торговле и на некоторых производствах, даже тяжелых. Этнический состав опрошенных (62,3 % русских, 34,5 % бурят) пропорционален этническому составу населения республики (по Переписи-2010 – 66,1 % русских и 30,0 % бурят). Подавляющее большинство опрошенных (84,7 %) – уроженцы нашей республики. Две трети респондентов в течение последних двух лет работают на своей нынешней работе.

По результатам анкетирования выведен общий уровень этнической терпимости – 41,77 по 100-балльной шкале. Цифровой тест показал, что высоким уровнем этнической терпимости (от 80 до 100 %) по общему показателю не обладает ни один из опрошенных. В то же время на нулевой отметке, т. е. продемонстрировавших полное неприятие выходцев с Кавказа и мигрантов из различных регионов, оказались 14,6 %. Низкий уровень терпимости (от 10 до 30 %) показали 47,8 % опрошенных.

В отдельных сферах человеческих взаимоотношений картина существенно разнится. Высокий уровень этнотерпимости – 52,81 % – наблюдается в занятости. Опрошенные проявили достаточно высокую степень лояльности к приезжим, желающим честно работать. Для 26,2 % респондентов этническая принадлежность в этой сфере вообще не имеет значения. Многие не имеют ничего против работающих на стройках или подметающих городские улицы, руководствуясь принципом «не важно, какого цвета кошка...». Наиболее высокий уровень терпимости продемонстрирован в учебе: 59,42 %. Самый большой процент опрошенных (39 %) поставили максимально высокий (100) балл этнической терпимости. Если прибавить к ним показавших достаточно высокий ее уровень (от 60 до 90 %), получится, что 48 % опрошенных (почти половина) спокойно относятся к школьникам и студентам из мигрантов, приехавшим из республик бывшего СССР. При личной беседе многие респонденты признавались, что для них не важно, сколько школьников или студентов той или иной национальности будут сидеть за партами или заполнять студенческие аудитории. В то же время полное их неприятие продемонстрировали 11,0 % опрошенных, а низкий уровень терпимости (от 10 до 30 %) – 23 %.

В медицине общий показатель терпимости – 43,53 %. Высшую степень лояльности к медикам, независимо от этнической принадлежности, показали 37,3 % опрошенных; 27,3 % не желают обращаться к ним за помощью ни при каких обстоятельствах. Процент проявляющих уважение к их знаниям и остерегающихся приходить к ним на прием практически одинаков: 40,5 % показавших коэффициент терпимости от 70 до 100 % и 40,6 % – от 0 до 30 %.

Совсем иная картина складывается в сфере власти: общий уровень терпимости составляет здесь всего 22,45 %. 44 % опрошенных категорически не приемлют чужака у власти. Еще 35,3 % терпят его с трудом (10–30 %). Лишь 7,7 % готовы оценивать главу своего города, полицейского, руководителя предприятия исключительно по деловым качествам и только 2,3 % продемонстрировали довольно высокую степень лояльности к «чужакам» у власти (70–90 %). Счи-

таем необходимым пояснить, что «свой-чужой» у власти – большая тема для населения республики даже безотносительно к этнической принадлежности. Оценка представителя власти с точки зрения, насколько он «свой», является главным критерием его принятия (непринятия).

Хотя уровень этнической терпимости в общественных контактах (улица, магазины, рынки, транспорт, деловые отношения) достаточно высок (46,57 %), абсолютную толерантность здесь не проявил никто. Процент опрошенных с высоким уровнем терпимости (70–90 %) минимален (0,3), в то время как полное неприятие чужих свойственно 22 % опрошенных, а низкий уровень терпимости (от 10 до 30 %) показали еще 42,3 %. То есть абсолютное большинство (64,3 %) предпочитают либо вообще не контактировать с обозначенными категориями людей, либо свести эти контакты к минимуму.

Уровень этнической терпимости в сфере досуга и в семье оказался одним из самых низких: 33,58 и 34,89 % соответственно. Отношение к приезжим в области досуга дает достаточно противоречивую картину: проценты проявивших абсолютную лояльность к обозначенным в анкете категориям населения (24,0) и не желающих пересекаться с ними на отдыхе (25,1) почти равны, хотя низкий уровень терпимости здесь явно преобладает. Вопрос о предпочтительном числе выходцев с Кавказа в туристической группе большинство опрошенных сочли для себя очень важным. Нежелание впускать обозначенные категории населения в свою семью также очевидно. Более половины опрошенных (53,5 %) – однозначно против вступления с ними в брак своих родственников. Еще 45,7 % показали низкий уровень этнической терпимости в этой сфере человеческих взаимоотношений. И лишь 0,6 % отнеслись к подобному предположению достаточно спокойно.

Цифры этнотолерантности у разных возрастных групп сопоставимы: 33,48 % у молодежи, 33,21 % у людей среднего возраста, 33,46 % у пенсионеров. Коэффициент этнической терпимости у женщин ниже, чем у мужчин – соответственно 30,83 и 32,81 %. Уровень толерантности по отношению к мигрантам у двух суперэтносов Бурятии – русских и бурят – 29,27 и 34,09 %. В занятости он выше (50,24 и 50,45 %): оба этноса в качестве конкурента традиционно видят, прежде всего, друг друга.

Статистические результаты опроса для республики, где толерантность стала брендом, несколько неожиданны. Но, как выяснилось, опрашиваемые ничего не имеют против мигрантов как таковых и не считают их наплыв в Улан-Удэ каким-то угрожающим фактором. 47 % уверены, что специальная политика по регулированию

межнациональных отношений в городе не нужна. Если добавить к ним 22,7 % сомневающихся в ее необходимости, становится ясным, что горожане не видят в мигрантах ни реальных конкурентов на рынке труда, ни угрозы традиционному межнациональному спокойствию, и вопрос регулирования миграционных потоков в глазах общественного мнения не имеет особой актуальности. Желание приезжих из бывших республик Советского Союза жить и работать в нашем городе воспринимается достаточно спокойно при условии, что они будут держаться на расстоянии и контакты с ними будут ограничены. Их нормально воспринимают на улицах и стройках, но впускать в свою жизнь не торопятся. При этом угрозу для принимающего общества несет не сам мигрант, а его способность и готовность к интеграции [2, с. 58], а, как показывают наши наблюдения, «новые улан-удэнцы» не стремятся к активным контактам с местным населением и держатся обособленно. Взаимное нежелание сближения при возрастании численности мигрантов – явный конфликтогенный фактор даже в толерантном регионе.

Подобной точки зрения придерживаются и эксперты, в числе которых – сотрудники органов власти, службы занятости, ученые, журналисты, руководители национально-культурных центров. По их мнению, обозначенному в анкетах, пока рынок труда Улан-Удэ без особых усилий «переваривает» мигрантов, и опасения их успешного соперничества местных жителей не посещают. Более того, концентрация мигрантов в некоторых сферах занятости, например, в строительстве, дает ему возможность динамичного развития, и их отстранение могло бы привести к кадровому дефициту в отрасли. Но «привычка» к использованию труда мигрантов в определенных отраслях может привести к утрате местными жителями квалификации и полному их оттуда вытеснению. Эксперты также не исключают усугубления ситуации в будущем из-за явного нежелания мигрантов интегрироваться в местный социум и принять его духовные ценности. Обратной стороной данного процесса является неготовность общества интегрировать мигрантов в свою среду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горковенко О. Н., Митупов К. Б.-М. Миграционная подвижность населения республики Бурятия (конец XX – начало XXI в.) // Мигранты и принимающее общество в Байкальской Азии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 102–110.
2. Дятлов В. И. Трансграничные мигранты в Байкальской Сибири: динамика формирования нового элемента этнокультурной и социальной структуры // Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций : сб. науч. ст. Улан-Удэ ; Иркутск : Оттиск, 2011. С. 57–60.
3. Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Трудовая миграция граждан Кыргызстана в РФ: становление новой традиции // Мигранты и принимающее общество в Байкальской Азии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 73–86.

4. Номер один. 2010. № 10.
5. URL: http://burstat.gks.ru/perepis2010/perepis_itog/doklad.doc.
6. URL: <http://ufmsrb.ru/news/detail.php?ID=1447>.
7. URL <http://ufmsrb.ru/news/detail.php?ID=1463>.

Лесные пожары и экология Байкальского региона

В. В. Черных

Восточно-Сибирский институт МВД РФ

Нужно понять и всесторонне оценить значение леса в природе, чтобы верно судить о том количестве вреда, которое причиняет всякое лесоистребление и лесные пожары в частности.

Во второй половине XX в. человечество начинает осознавать ведущую роль лесов в регулировании природных процессов и состоянии экологии. Полезные экологические функции насаждений чрезвычайно разнообразны. Важнейшие из них являются главным механизмом сохранения, регулирования и территориального распределения водного стока и очистки континентальных вод от загрязнений, наиболее мощным эффективным природным средством предотвращения эрозии почв, сохранения и повышения ее плодородия, самым емким резервуаром предельно разнообразных генетических свойств животных и растительных ресурсов. Леса – не имеющий аналогов по уровню воздействия природный комплекс, обогащающий природу кислородом и обеспечивающий очистку воздушного бассейна от промышленных загрязнений, болезнетворных микроорганизмов и диоксида углерода, глобальный природный объект, формирующий благоприятные для жизни человека микроклимат и среду обитания. Лес, также источник многочисленных экологически чистых пищевых ресурсов [1].

Пожалуй, ни у кого не возникает сомнений по поводу их стоко-регулирующей функции, выражающейся в растягивании процесса таяния весной снежного покрова, уменьшении поверхностного стока талых, а летом и осенью дождевых вод в русла рек, в переводе значительной части интенсивного поверхностного стока в грунтовый замедленный, в результате чего весенние половодья и летне-осенние паводки, а также их максимальные уровни и расходы снижаются, уменьшается опасность затопления городов, деревень, пахотных угодий, гибели людей и животных [2]. Данная функция леса имеет особое значение для регионов с резко континентальным климатом, каковым и является Восточная Сибирь.

Говоря о водоохраннх и стокорегулирующих свойствах лесов, следует иметь в виду и влияние их на качество водных ресурсов. Насаждения перехватывают своим пологом дожди, вымывающие из атмосферы химические вещества промышленных отходов, в том числе радиоактивные, уменьшая их содержание в стоках бассейнов. Последние обстоятельства очень важны для Иркутской области, имеющей развитую химическую промышленность.

Древесные растения, кроме того, очищают воздух от углекислого газа. В сущности, вся их масса состоит из органического вещества. В настоящее время много пишут о так называемом парниковом эффекте из-за возрастающего количества углекислого газа в атмосфере. Однако при этом не принимается во внимание большое его поглощение растительностью, особенно лесами [3].

Экологические функции в той или иной степени выполняют все леса планеты. Самой высокой степенью экологического воздействия обладают наиболее долговечные, высокопродуктивные, сомкнутые, находящиеся в активном возрасте массивы.

Леса Сибири отличаются от лесов других территорий, в том числе и зарубежных, положительными, превосходящими почти по всем показателям экологическими характеристиками. 97 % лесных массивов Сибири состоят из наиболее долговечных хвойных и твердолиственных древостоев [4]. По данным многочисленных российских и зарубежных исследователей, их роль особенно велика в регулировании глобального климата – главной мировой проблемы.

Многочисленные ученые считают, что изменения климата уже начались и в наибольшей степени они должны будут проявиться в бореальных лесах Евразии, в том числе и в Восточной Сибири.

Климат этой полосы называют бореальным (от борей – северный ветер). Для него характерна заметная смена времен года: снежная зима и относительно короткое жаркое лето.

Грядущее потепление далеко не лучшим образом скажется на судьбе бореальных лесов. Главная беда в том, что усилятся факторы, способствующие загоранию. Повысится температура воздуха и уменьшится его влажность. Увеличится протяженность пожароопасных периодов. Специалисты даже говорят о беспрецедентной эпохе лесных пожаров в северных лесах. Возрастет интенсивность пожаров. Пожары, носящие катастрофический характер, станут более частыми.

Природные пожары (от молний) – важный экологический фактор в системе указанных лесов. Совместно с климатом и условиями произрастания они контролируют возрастную культуру, взаимоотношение видов и формаций, ландшафтное разнообразие и т. п. В

Сибири пожары долгое время были средством для расчистки земель, решения задач лесоводства, сельского, охотничьего и пастбищных хозяйств. В дополнение к природным пожарам эта старая культурная практика привела к огромному количеству антропогенных пожаров внутри бореальных ландшафтов. В начале XX в. интенсивность использования огня в сельскохозяйственном секторе начала сокращаться. Однако, несмотря на уменьшение традиционной практики выжиганий, человек все еще является важнейшим источником стихийных пожаров (только 15 % их в России возникает от молний) [5].

Как показывает модель глобальной циркуляции атмосферы, ожидаемое глобальное потепление через ближайшие 30–50 лет в наибольшей степени проявится именно в северных районах, в том числе и в Сибири [6]. Уже сейчас в некоторых городах вырабатывается десятая часть той энергии, которую они получают от солнца. И в этих городах зимой на несколько градусов теплее, чем в поле.

В Иркутске, например, эта разница составляет уже три градуса. А в островах тепла, где стоят котельные, электростанции, заводы, до пяти [7]. Прогнозируется, что пожары здесь могут получить наибольшее распространение по площади, кроме того, возрастает их интенсивность. Увеличение продолжительности пожароопасных сезонов в связи с повышением засушливости климата будет сопровождаться большой вероятностью возникновения крупных и катастрофических пожаров. Такие пожарные сценарии возможны в течение достаточно продолжительного переходного периода, т. е. до тех пор, пока вновь не установится необходимое равновесие между климатом, растительностью и пожарами.

У нас в стране, как и во всем мире, долгие годы господствовал технократический подход. Он возник как вариант развития антропоцентрического мышления.

Не избежала этого подхода и лесная отрасль Восточной Сибири. Экстенсивный путь расширенного воспроизводства лесной промышленности Восточной Сибири нашел наиболее яркое воплощение в 50–60-е гг. XX в. Этот период для лесной промышленности Восточной Сибири был характерен бурным индустриальным развитием: создавалось огромное количество леспромхозов, химлесхозов, возводились мосты, ЛЭП, строились дороги и т. п. Увеличивалась численность населения. Активное освоение региона сопровождалось ростом пожаров. Так, например, в наиболее бурно развивающейся Иркутской области среднегодовое количество пожаров за период 1945–1954 гг. составило 1423, тогда как в 1935–1945 гг. 664 [8]; в Бурятии соответственно 742 к 322 [9]. Рост количества пожаров в этот период был напрямую обусловлен экспансией освоения регио-

на, направленной на конечную цель – обеспечить в сжатые сроки увеличение лесозаготовок.

Отрицательные факторы действовали, как правило, не изолированно, а в виде взаимосвязанных компонентов. Зачастую антропогенные факторы усиливали отрицательное влияние природных. Так, нерациональная разработка лесосек, захламленность в результате плохой очистки создавали дополнительные условия для возникновения лесных пожаров. Этому же способствовали рекреация и туризм. Вместе эти факторы снижали биологическую устойчивость лесных экосистем к вредителям и болезням, вели к образованию деградированных древостоев.

Положение усугублялось еще и тем, что в 1948 г. под влиянием лысенковской идеологии была разгромлена вся наша биология, в том числе и экология.

Об экологических последствиях лесных пожаров настойчиво стали говорить с конца 1960-х гг. XX в. К этому времени относится и возвращение в широкий обиход самого термина «экология». Вопросы охраны природы, рационального природопользования муссировались и ранее, о чем свидетельствуют многочисленные постановления Совета Министров, принятые в 50–60-е гг. XX в [10]. Но по-настоящему практическое преломление проблема получает именно с конца 60-х гг. Связано это с осознанием резкого сокращения лесов, уменьшения озонового слоя, грядущего изменения климата (парниковый эффект), разрушения экосистем, эрозии почв, уменьшения стока рек и т. п.

Необходимо отметить, что, несмотря на идеологические и технократические тернии, все-таки уровень развития отечественной экологии за исключением 50-х гг. был довольно высок. Об этом свидетельствуют и создание нашим выдающимся соотечественником В. И. Вернадским еще на рубеже 20–30-х гг. XX в. учения о биосфере, и разработка идеи об особо охраняемых территориях В. П. Докучаевым, И. К. Пачоским, П. П. Бородиным и др. Одними из первых мы стали создавать заповедники. Первенец в Восточной Сибири «Баргузинский» на Байкале был образован еще в 1916 г.

В 1946 г. была утверждена «Инструкция по составлению планов противопожарного устройства лесов». Термин экология в ней не употребляется, но ряд разделов напрямую затрагивает рациональное природопользование, а некоторые положения пронизаны обеспокоенностью наносимого ущерба в результате лесных пожаров атмосфере, фауне и флоре [11].

Проблемы охраны лесов от пожаров, рационального использования лесных ресурсов в этот период находятся под постоянным

вниманием местных административных органов. Не менее 3–5 раз в году эти вопросы обсуждаются на заседаниях областных исполкомов региона, региональных и областных совещаниях о противопожарном состоянии лесов и мерах по борьбе с лесными пожарами, совещаниях управлений лесного хозяйства. Однако среди обозначенных проблем экологические аспекты были еще редки.

Одной из первых попыток обсуждений данной темы стало Областное совещание о противопожарном состоянии лесов и мерах по борьбе с лесными пожарами, состоявшееся в Иркутске 11 апреля 1959 г. На нем руководители различных уровней признали «сокращение лесных массивов, слабую работу по их восстановлению и полное отсутствие политики, направленной на обеспечение равновесия в природе [12]. Столь нелिцеприятное признание основывалось на конкретных цифрах, свидетельствующих, что в 1956–1958 гг. пожарами уничтожались сотни тысяч гектаров леса [13]. Не менее убедительными были и приводимые примеры, подтверждающие аксиому, что гибель лесов ведет к серьезным бедствиям. Так, например, в результате пожара, уничтожившего лес в вершине реки Китой, эта река стала разливаться, принося колоссальные убытки сельскому хозяйству, беспокоить население деревень и леспромхозов наводнениями, а лесные пожары по берегам рек Бурдугус и Тальцинка привели к образованию многочисленных оврагов, пустырей и буераков [14].

Рост деревьев после пожара ухудшается, они мельчают, некоторые умирают. Древесина состоит из кольцеобразных слоев, то широких, то узких. В год нарастает одно кольцо, т. е. можно определить, сколько лет дереву. Широкие слои свидетельствуют об успешном, хорошем росте дерева, узкие – наоборот: по ним безошибочно можно определить года, в которые лес был поврежден напольным пожаром. Исследование, проведенное Е. Г. Кривицких по влиянию лесных пожаров на прирост и строение древесины сосны обыкновенной, свидетельствует, что леса Восточной Сибири подвергаются пожарам не менее одного раза за десять лет [15].

Таким образом, экономический ущерб от пожаров, имеющих экологические последствия, может быть прямым и косвенным. Примером прямого ущерба являются гибель рыбы, лесных животных, уничтожение продукции леса, а также сельского хозяйства. Косвенный ущерб может проявиться через значительный промежуток времени после пожара, например, потери ценных видов животных и растительного мира или их мутация и т. п.

Особое беспокойство лесоведов Восточной Сибири уже в 60-х гг. начинают вызывать существенные изменения почвы, происходящие под воздействием лесных пожаров. Особенно сильно на почвенные

характеристики влияли и влияют устойчивые верховые пожары, при которых на значительных территориях практически полностью уничтожаются плодородные горизонты лесных почв, на восстановление которых требуется сотни лет.

В связи с этим Иркутский и Читинский совнархозы заключают в 1959 г. хозяйственные договоры с центральным научно-исследовательским институтом лесосплава г. Ленинграда на разработку рекомендаций по ликвидации последствий лесных пожаров и борьбы с водной и ветровой эрозией [16].

13 февраля 1961 г. Совет Министров РСФСР принял постановление № 133 «О мерах по защите почв от водной и ветровой эрозии». Постановление весьма своевременное, если не запоздалое, учитывая, что в ряде регионов, в том числе и в Восточно-Сибирском, в этом направлении уже принимались определенные меры.

В свете выполнения данного постановления на бюро областного комитета КПСС Бурятии принимается программа по защите почв республики от водной и ветровой эрозии. В ней было предусмотрено применение специальной обработки почв и посева сельскохозяйственных культур и мероприятий по задержанию снега и воды, создание защитных лесных насаждений, внедрение противоэрозийных агротехнических мероприятий, проведение ежегодной инвентаризации всех лесов республики. Также было принято решение: просить Сибирское отделение Академии наук помочь в организации лабораторий эрозии почв и постоянной почвенно-эрозийной станции. Помимо этого, предусматривалось введение в штат отдела охраны и улучшения почв должностей главного почвовед-инспектора, агролесомелиоратора за счет лимитов республики. Байкальский комитет НИИ СО АН был обязан к 1962 г. разработать и подготовить инструкции и агротехнические указания по закреплению песков, оврагов [17].

21 июля 1969 г. бюро областного комитета КПСС Республики Бурятия, контролируя выполнение вышеизложенных мероприятий, констатировало в целом их выполнение. Было отмечено, что в хозяйствах проведено закрепление песков на площади 383 га, просеяно многолетних трав на эрозированных землях на 642 га, проведена посадка почвозащитных полос на 179 га. Однако отмечалась низкая приживаемость и сохраняемость лесопосадок в большинстве хозяйств [18].

Аналогичные мероприятия по борьбе с эрозией в результате пожаров проводились в Иркутской и Читинской областях. Однако эффективность лесовосстановительных работ была невысокой.

В конце 50-х и в 60-е гг. в ряде постановлений, принятых Советом Министров Бурятской АССР [19], Иркутским облисполкомом [20], Читинским обкомом КПСС [21], красной нитью прослеживается серьезная обеспокоенность состоянием лесов Восточной Сибири.

Лесная общественность региона, местные административные органы, все с большей настойчивостью с привлечением данных лесной науки пытаются обратить внимание на уязвимость лесов Восточной Сибири и особую ранимость лесов Прибайкалья, называя при этом главной опасностью для них лесные пожары, неумеренное лесопользование и низкую культуру производства.

Идея сохранения и рационального использования прибайкальских лесов нашла директивное воплощение в постановлении Совета Министров СССР от 21 января 1969 г. «О мерах по сохранению и рациональному использованию природных комплексов бассейна озера Байкал» [22], конкретизированная в приказах Государственного комитета лесного хозяйства Совета Министров СССР № 162 от 2 июня 1971 г. «О дополнительных мерах по обеспечению рационального использования и сохранению лесов бассейна озера Байкал», Совета Министров СССР № 189 от 19 июля 1971 г. «Об утверждении правил рубок главного пользования в лесах бассейна озера Байкал», Государственного комитета лесного хозяйства Совета Министров СССР № 211 от 11 августа 1971 г. «Об утверждении расчетных лесосек по лесам водоохранной зоны озера Байкал», а также в решении Пленума научно-технического совета Государственного комитета лесного хозяйства Совмина СССР от 9 сентября 1971 г. по вопросу «Основные положения, проектные мероприятия по организации и предложения по дальнейшему улучшению и развитию лесного хозяйства в лесах бассейна озера Байкал» [23] и др.

Данные документы обязывали Совет Министров Бурятской АССР, Иркутский и Читинский облисполкомы, Министерство лесного хозяйства РСФСР, Главное управление охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР до 1 октября 1969 г. представить предложения об организации на территории бассейна оз. Байкал лесопарков, заповедников и заказников, усилить контроль за состоянием противопожарной охраны оз. Байкал, за восстановлением лесов на гарях и проведением противоэрозионных мероприятий [24].

Во исполнение вышеуказанных документов партийными, государственными органами, управлениями лесных хозяйств, лесхозами в 70–80-е гг. была проделана определенная природоохранительная работа: принимались взвешенные постановления и энергичные решения, проводились региональные совещания лесоводов, республи-

канские и областные рейды по охране природы, обобщался и пропагандировался опыт лучших школьных лесничеств, проводились соревнования на лучшее школьное лесничество и т. п.

Без сомнения, многие из этих мероприятий вносили свою положительную лепту в удержание экологического равновесия. Однако экология в этот период не получила приоритета над экономикой, антропоцентрический подход оказался довлеющим. Поэтому отрицательные воздействия на леса Восточной Сибири и особенно природный комплекс оз. Байкал оказались намного выше положительных сдвигов.

В результате лесных пожаров и вырубki лесов ежегодно происходило возрастание величины максимального весеннего стока (при одновременном сокращении продолжительности половодья), увеличение максимального дождевого и уменьшение минимального пересыхания малых водотоков. Так, к середине 80-х гг. в водоохранной зоне р. Турки было истреблено и выгорело 5 % леса, Баргузина – 6 %, Хилка – 8 %, Тальцы – 10 %, Уды – 35 %, Тельминка – 40 %. В долинах Селенги, Уды, Кижинги, Кузуна, Хилка, Джиды 130 ручек и ручьев полностью или частично пересохла [25].

Лесные гари, отмечающиеся в бассейнах Баргузина, Уды, Чикоя, Верхней Ангары, Тын и других рек, изменяя мерзлотный режим, способствовали формированию наледей, а также уменьшению водных стоков в озеро.

Наибольшая концентрация гарей приходилась на освоенные районы, наиболее важные в хозяйственном и защитном отношении. Лесные пожары истощили сырьевые базы, нарушив плодородный почвенный слой: затруднили процесс лесовосстановления, а там, где он шел естественным путем – привели к смене ценных в хозяйственном отношении пород на малоценные и т. д. Самая высокая концентрация гарей 0,85 на 1,0 тыс. га приходилась в конце 80-х гг. в регионе на Бурятскую АССР [26].

На начало 1990 г. в бассейне оз. Байкал подверглось водной эрозии 684,5 тыс. га земель всех категорий, из них 234 тыс. га относилось к лесным участкам, поврежденным пожарами и рубками. Всего же в регионе насчитывалось в этот период около 25 % территории, потенциально опасной в эрозийном отношении [27].

Одной из наиболее распространенных причин весенних лесных пожаров в Восточной Сибири (как, впрочем, и в любой другой лесистой местности) являются сельскохозяйственные палы или выжигание прошлогодней растительности, примыкающей к границе лесов. Такие пожары наносят большой экономический и экологический ущерб.

«Палы имеют многовековую традицию, идущую еще от подсечного земледелия. Несмотря на строгие наказания и судебную ответственность, заложенные в Правилах пожарной безопасности и во всевозможных инструкциях и наставлениях, тем не менее, ежегодно они повторяются, являясь главной причиной лесных пожаров. По данным, приводимым Д. М. Гиряевым, от сельскохозяйственных палов в Восточной Сибири происходит 1/3 лесных пожаров» [28].

Анализ директивных документов, принятых в 1946–1991 гг. на различных уровнях – от постановлений Совета Министров РСФСР по лесному хозяйству до решений местных партийных и государственных органов – свидетельствует об однозначности отношения к сельскохозяйственным палам как негативным проявлениям. Ежегодные решения Иркутского и Читинского исполкомов, постановления Советов Министров РСФСР, Бурятской АССР о мерах охраны лесов от пожаров категорически запрещали проведение сельхозпалов.

В подтверждение приносимого ими вреда демонстрировались убедительные примеры, приводились ощутимые цифры ущерба, придавались огласке виновные, допустившие загорание лесных массивов и последовавшие за это административные и уголовные наказания.

Чтобы не быть голословными, приведем только несколько примеров в подтверждение сказанного. В Читинской области в 1957 г. действовал 161 лесной пожар на общей площади 13 741 га, 50 % из них возникло по вине сельскохозяйственных палов. На выявленных виновников возникновения лесных пожаров было оформлено 29 дел, из которых 14 было передано в следственные органы, 8 рассмотрено административными комиссиями райисполкомов и на виновных был наложен штраф в общей сумме 2850 руб. [29].

В 1963 г. в Восточно-Сибирском экономическом районе возникло 2572 пожара, которые охватили 60,8 тыс. га лесного массива. Почти половина из них по причине «палов» [30].

Одним из пожароопасных оказался для региона 1977 г., особенно для Читинской области. Несмотря на ужесточение наказаний, вновь половина лесных пожаров произошла по причине сельхозпалов. Вот конкретный пример такого пожара. В мае 1978 г. управляющий отделением Петровско-Забайкальского совхоза дал распоряжение вспахать совхозное поле, а предварительно выжечь на нем прошлогоднюю стерню. Рабочие, выполняя распоряжение, подожгли стерню. И хотя тракторист распахал полосу вокруг поля, огонь перекинулся на лесной массив Балягинского лесничества Петровско-Забайкальского лесхоза и охватил значительную площадь хвойного леса [31].

Можно приводить бесконечные примеры загораний лесных массивов в результате сельхозпалов, однако задача настоящей статьи несколько иная, именно – показать, действительно ли в результате сельхозпалов происходят экологические отклонения негативного характера.

На наш взгляд, сама посылка поставить под сомнение эффективность сельхозпалов несколько не корректна, а что касается возникающих лесных пожаров от них, так это от отсутствия должного контроля со стороны людей, осуществляющих выжигание.

Природа на протяжении многовековой истории использует огонь как инструмент, с помощью которого достигается ее биоразнообразие. А биоразнообразие – наиболее устойчивая форма существования природной среды.

В таком случае, почему бы лесоведам не взять на вооружение данный инструмент и применять его при решении многих задач ведения лесного хозяйства?

В ряде штатов США, Канады и Австралии контролируемые выжигания существуют уже несколько десятилетий. Но и там единого мнения среди ученых и практиков об их длительно-временных последствиях нет. В нашей стране в связи с запретом на использование огня в лесном хозяйстве при отсутствии опыта и сформировавшейся психологии (пожар – стихийное бедствие) противников применения выжигания значительно больше, чем сторонников. Хотя корифеи отечественного лесоводства – М. Е. Ткаченко, В. З. Гулисашвили, И. С. Мелехов [32] придавали большое значение использованию огня в лесном хозяйстве.

Значительный опыт применения огня в лесу накоплен в США. Американские ученые П. Д. Мур, А. Б. Кроу (автор книги о пожарной экологии) считают огонь в лесу созидательной силой [33]. Управляемый пожар, по мнению некоторых американских лесоводов, является желательной и экономически обоснованной мерой. С точки зрения эффективности стоимости ему нет альтернативы. Например, химический метод по финансовым затратам в 10 раз превосходит управляемый пожар. Дискование, раскорчевка в 20 раз дороже, не говоря об экологических последствиях – разрушении среды обитания, эрозии почв и т. п.

Экология пожара заключается в том, что стихийный пожар приводит к изменению среды, которые могут быть непредсказуемы и пагубны, в то время как управляемый пожар (огонь используется в точно определенных целях), вызывая изменения в растительных и животных сообществах как в лесоводственных, так и в общечеловеческих целях, одновременно сохраняет внутренние природные про-

цессы и функции. Целью управляемых пожаров является уничтожение пожароопасных горючих материалов, удаление отходов лесозаготовок; подготовка участков для посадки саженцев, управление ростом конкурирующей растительности, повышения качества пастбищ и сенокосов, повышение продуктивности леса и возможности его освоения [34] и т. д.

Ученые-лесоводы Сибири к применению управляемого огня в лесном хозяйстве относятся также неоднозначно. Так, проф. А. М. Гришин считает, что огонь в лесу не может быть созидательной силой, объясняя это тем, что в настоящее время резко возросла антропогенная нагрузка на биосферу в целом и лесной фитоценоз в частности. И эта нагрузка превращает лесной пожар в катастрофу [35].

Однако проводимые В. В. Фуряевым в 1970 г. в Приангарье, М. А. Шешуковым в Хабаровском крае опыты по выжиганию горючих материалов показали, что в течение 3–4 лет после выжигания пожарная опасность насаждений снижалась [36]. Поэтому категорическое отнесение к использованию управляемого огня, думается, является преждевременным.

Весьма любопытными, на наш взгляд, являются опыты, по влиянию весеннего выжигания сухих остатков на рост ценозов Забайкалья, проведенные Ю. А. Кузнецовым. Выжигание происходило в марте, апреле и мае. Использование огня в марте – апреле вызывало повышение интенсивности роста трав, в мае, наоборот, не способствовало их дальнейшему росту. Таким образом, опытные данные показывают, что негативных последствий прямого воздействия огня на травянистую растительность можно избежать при ранневесеннем выжигании. Отсюда, Ю. А. Кузнецов делает вывод, что одновременность в пожарном созревании напочвенных горючих материалов под пологом леса и на открытых участках позволяет использовать огневую очистку в качестве профилактической меры, снижающей весеннюю пожарную опасность безлесных площадей. И с точки зрения охраны лесов от пожаров позитивность данного мероприятия не вызывает сомнения [37].

Для решения противопожарных и экологических проблем выжигания наиболее эффективны при огневой очистке мест рубок, создании противопожарных барьеров, уничтожении энтомологических и грибковых очагов в предохранении наиболее ценных древостоев от интенсивных стихийных пожаров.

В последние годы объем контролируемых выжиганий горючих материалов увеличился в несколько раз. В первую очередь в оптимальные календарные сроки отжигаются участки с повышенной вероятностью загорания: придорожные полосы, открытые участки с

сухой травой на южных склонах, примыкающие к лесным массивам. Опыт показывает, что профилактические выжигания наиболее эффективны в комплексе с мероприятиями по обустройству лесов, благоустройству мест отдыха.

В 1970–80-е гг. была проделана определенная работа по перераспределению лесов бассейна на группы и категории, образована целая сеть заповедников, национальных парков, заказников, памятников природы федерального, республиканского и областного значения. Все это способствовало снижению пожароопасности, а значит улучшению экологичности лесов региона.

Так, если ранее леса первой группы составляли 22 %, второй – 7 % и третьей – 71 % от всей площади бассейна, то уже в середине 70-х гг. леса первой группы стали составлять 50 %, а все остальные были переведены во вторую [38].

На начало 90-х гг. в Республике Бурятия сеть особо охраняемых территорий составила 9 %. В настоящее время здесь действует три заповедника: Баргузинский, Байкальский, Джергинский и два природных парка: Забайкальский и Тункинский. Соответственно в Иркутской области один заповедник, один национальный парк, два заказника и несколько десятков ботанических, зоологических и комплексных памятников природы.

Анализ последствий лесных пожаров свидетельствует об их отрицательном влиянии на экосистему леса: водоохранные, водорегулирующие, почвозащитные, рекреационные, санитарно-гигиенические, оздоровительные и другие функции.

Причем экологические последствия пожаров можно разбить на краткосрочные и отдаленные. К первым относятся: сильное повышение температуры во фронте пожара с последующей гибелью людей, а также фауны и флоры; выбросы химических веществ в процессе горения; задымленность атмосферы, в результате которой прекращаются полеты воздушных судов и плавание речных.

В свою очередь отдаленные экологические последствия могут быть как позитивными, так и негативными. К позитивным относятся: уменьшение горючего материала в напочвенном покрове, что приводит к понижению пожарной безопасности; повышение плодородия почв за счет ее удобрения золой, что способствует активизации роста растений.

К негативным последствиям относятся сокращение лесных массивов, разрушение сложившихся экосистем, эрозия почв, уменьшение стока рек и опустынивание земель; нарушение природного углеродного цикла, глобальное потепление климата (парниковый эффект).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гиряев Д. И. Как уберечь лес от огня. М., 1986. С. 3–4; Лесное хозяйство. 1993. № 5. С. 2; Черных В. В. История пожарного дела Иркутской области (1800–1990-е гг.). Иркутск, 1998. С.31
2. Лесное хозяйство. 1994. № 1. С. 31.
3. Там же.
4. Лесное хозяйство. 1999. № 5. С.2
5. Pisarenko A. I., Strakhov V. V. Global role of the Russian boreal forests: a viable assessment // World Resources Rev. (in press).
6. Maxwell B. Arctic climate: potential for change under global warming // Arctic Ecosystems in Changing Climate. III Academic Press. N. Y., 1922
7. Граубин Г. Р. Четырехэтажная тайга. Иркутск, 1984. С. 443.
8. Государственный доклад. О состоянии окружающей природной Среды Иркутской области в 1995 г. Иркутск, 1996. С. 37.
9. Текущий архив Забайкальской авиабазы по охране лесов.
10. Двухсотлетие учреждения лесного департамента. М., 1998. С. 102.
11. РГАЭ. Ф. 9466. Оп.1. Д. 72. Л. 7–12.
12. ГАИО. Ф. Р. 2819. Оп. 1. Д. 139. Л. 40 – 41.
13. ГАИО. Ф. Р. 2819. Оп. 1. Д. 139. Л. 22.
14. ГАИО. Ф. Р. 2819. Оп. 1. Д. 139. Л. 41.
15. Кривицких Е. Г. Влияние лесных пожаров на прирост и строение древесины сосны обыкновенной : автореф. дис. ... канд. с. х. наук. Красноярск, 1994. – С. 3.
16. ЦДНИЛО. Ф. Р. 2152. Оп. 8. Д. 19. Л. 12.
17. НАРБ. Ф. 1 Оп. 23.. Д. 25. Л. 61–62.
18. Правда Бурятии. 1959. 14 мая.
19. ПАЧО. Ф. Р. 1933. Оп. 7. Д. 1526. Л. 96–97; Д. 1532. Л. 42–43; Д. 1534. Л. 20–21; Д. 1590. Л. 53–66; Ф. Р. 2725. Оп. 157. Д.41. Л. 2–4.
20. ЦД НИЧО. Ф. Р.-6675. Оп. 3. Д.13. Л. 75; Д.12. Л. 140–143; Ф. Р. 6. Оп. 1 Д. 4426. Л. 156–158.
21. О мерах по сохранению и рациональному использованию природных комплексов бассейна озера Байкал : постановление Совета Министров СССР от 21 января 1969 г. // Об охране окружающей среды: Сборник документов партии и правительства, 1917–1985. М., 1986. С. 139–142.
22. Проект комплекса организационно-хозяйственных мероприятий по лесному хозяйству на территории бассейна озера Байкал. Т. 2, кн. 1. Л., 1971. С.1–41.
23. ГАИО. Ф. Р. – 2819. Он. 1 Д. 713. Л. 202–206.
24. Территориальная комплексная схема охраны природы бассейна озера Байкал. 2. 11. М., 1990. С. 75.
25. Там же. С. 76,
26. Там же.
27. Гиряев Д. М. Как уберечь лес от огня. М., 1989. С. 31.
28. ГАЧО. Ф. Р. – 6. Оп. 1 Д. 3201. Л. 110.
29. ГАИО. Ф. 2746. Оп. 1а. Д. 7. Л. 109.
30. Гиряев Д. М. Указ. Соч. С. 31.
31. Гулисашвили В. З. оплаты по изучению влияния огня на возобновление леса // Исследования по лесоводству. – М., 1931; Мелехов И. С. Влияние пожаров на лес. М. ; Л., 1948; Ткаченко М. Е. Леса Севера // Труды по лесному опытному делу в России. Вып. 25. Архангельск, 1911.
32. Мур П. Д. Огонь: разрушительная или созидательная сила? // Impact of Science of Sociefy. 1982. № 1. С. 3–19.
33. Щетинский Е. А. Охрана леса и лесная пирология. М., 1994. С. 68.
34. Гришин А. М. Физика лесных пожаров. Томск, 1994. С. 137 – 138.
35. Щетинский Е. А. Указ. соч. С. 67 – 68.
36. Лесное хозяйство. 1991. № 3. С. 35.
37. Проект комплекса организационно-хозяйственных мероприятий по лесному хозяйству на территории озера Байкал. С. 177.
38. Валендик Э. Н. Борьба с крупными лесными пожарами. Новосибирск, 1990. С. 32.

Референдум по объединению Красноярского края, Таймыра и Эвенкии в 2005 году в зеркале социологии

В. И. Злотковский

Институт социально-политических исследований РАН

В начале 90-х гг. прошлого столетия вслед за союзными республиками о своем праве на суверенитет заявили Хакасия, Таймыр и Эвенкия. В 1992 г. из состава Красноярского края вышли Хакасия, получившая статус республики, Таймыр и Эвенкия, получившие статус автономных округов. Формально Таймыр и Эвенкия также получили статус полноправных субъектов РФ, но по-прежнему территориально входили в состав края, создав правовую коллизию.

Отсутствие должного правового регулирования отношений между Красноярским краем и Таймыром и Эвенкией не способствовало общему улучшению социально-экономической ситуации в регионе. Негативные социально-экономические и политические последствия разделения испытывали как северные территории, так и Красноярский край.

Идея объединения неоднократно поднималась, но из-за разногласий в региональной элите не была реализована. Ситуация изменилась после избрания в 2002 г. губернатором края А. Г. Хлопонина. Руководство края обратилось к Президенту России с предложением об объединении всех трёх регионов. Референдум был намечен на 17 апреля 2005 г.

В г. Красноярске было проведено три городских опроса, связанных с предстоящим референдумом. Первый опрос проведен 16–20 октября 2004 г., второй – 18–21 марта 2005 г., третий – 1–3 апреля 2005 г. Выборочные совокупности составили 874, 1196 и 1174 респондентов соответственно. Два последних исследования проводились по единому инструментарию, что позволило проследить динамику общественных настроений.

Результаты мониторинговых исследований носили противоречивый и неоднозначный характер. С одной стороны, большая часть респондентов (83,1 %) за две недели до голосования знала о предстоящем референдуме, две трети респондентов (63,1 %) в той или иной степени позитивно относились к самой идее объединения. С другой стороны, твердую готовность принять участие в референдуме в начале апреля 2005 г. выражали только 38,3 % респондентов. По сравнению с предыдущим опросом (18–21 марта 2005 г.) готовность респондентов посетить избирательные участки увеличилось всего на 3,6 %. Данные об избирательной активности не могут не удивлять,

учитывая беспрецедентную по масштабу и интенсивности рекламно-агитационную кампанию, объединившую всех региональных политиков (редчайший случай в политической истории края). Так, в первых числах апреля 2005 г. абсолютное большинство респондентов (84,3 %) говорили, что видели передачи по телевидению, посвященные предстоящему объединению; половина респондентов читали о нем в местных газетах; к каждому третьему приносили материалы на дом, каждый двенадцатый принимал участие во встречах (табл. 1).

Таблица 1

Уровень знакомства респондентов с рекламными и агитационными материалами, посвященными объединению, %

	18–21.03.2005	1–3.04.2005
Видели передачи по телевидению	78,1	84,3
Читали в местных газетах	36,5	47,3
Видели плакаты, рекламные щиты	23,6	41,1
Знакомились с материалами, которые нам приносили на дом	31,3	32,3
Принимали участие в собраниях, встречах по месту работы, учебы, жительства	6,2	8,2
Затрудняюсь ответить	8,2	2,8

О масштабе информационной поддержки мероприятия также свидетельствуют следующие данные. Только в период с 4 по 10 февраля 2005 г. в поддержку объединения в региональных СМИ выступили депутаты Государственной Думы РФ С. Глазьев (трижды), В. Зубов, В. Рыжков, член Совета Федерации РФ В. Новиков, председатель ЦИК РФ А. Вешняков (дважды), губернатор края А. Хлопонин (12 раз), спикер краевого парламента А. Усс (11 раз).

С чем может быть связана невысокая готовность горожан принять участие в объединительном референдуме? Судя по данным табл. 2, осенью 2004 г. респонденты усматривали основную заинтересованность в проведении референдума со стороны краевых и московских чиновников и олигархов, крупного бизнеса (1-й, 3-й и 2-й ранги соответственно).

Под влиянием рекламно-агитационной кампании представления респондентов несколько изменились. При сохранении мнения о наибольшей заинтересованности краевых чиновников (1-й ранг по результатам трех опросов) и небольшой заинтересованности жителей Таймыра и Эвенкии, респонденты постепенно приходили к мысли о выгоде объединения для жителей края (5, 4 и 2-й ранг соответственно) и государства в целом (7, 2 и 4-й ранг).

Таблица 2

Представление респондентов о том, кто больше всего заинтересован в объединении Красноярского края, Таймыра и Эвенкии

	16–20.10.2004		18–21.03.2005		1–3.04.2005	
	В %	Ранг	В %	Ранг	В %	Ранг
Краевые чиновники	48,8	1	39,5	1	46,2	1
Жители Красноярского края	9,8	5	28,1	4	30,3	2
Московские чиновники	36,6	3	32,4	3	29,5	3
Государство в целом	7,7	7	34,7	2	28,6	4
Олигархи, крупный бизнес	37,8	2	27,0	5	21,7	5
Жители Таймыра	8,2	6	15,9	7	20,7	6
Жители Эвенкии	7,4	8	15,3	8	18,0	7
Президент России	10,7	4	18,0	6	11,5	8
Криминальные структуры	6,2	9	6,8	9	7,1	9
Политические партии	1,6	10	6,1	10	6,7	10

Как показал анализ полученных данных, эти представления напрямую влияют на декларативную избирательную активность горожан. Респонденты, отметившие позиции «жители Красноярского края», «жители Таймыра» и «жители Эвенкии», демонстрировали наибольшую готовность посетить избирательные участки (54,3, 49,1 и 46,7 % соответственно). Наименьшее желание принять участие в референдуме высказывали респонденты, считающие, что от объединения выиграют краевые и московские чиновники (22,2 и 19,7 %), олигархи и крупный бизнес (12,4 %) и криминальные структуры (6,2 %).

Необычно выглядят данные табл. 3. Респонденты допускают положительные изменения жизни в городе и в крае (45,6 и 52,2 % соответственно), не транслируя их на личный уровень (16,8 %).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:

«Как Вы считаете, изменится ли в результате объединения Красноярского края, Таймыра и Эвенкии Ваша личная жизнь, жизнь в городе и жизнь в крае?»

	Жизнь изменится в лучшую сторону...		
	16–20.10.2004	18–21.03.2005	1–3.04.2005
Личная жизнь	4,5	11,8	16,8
Жизнь в городе	6,8	34,4	45,6
Жизнь в крае	10,6	44,4	52,2

Это может обозначать следующее: жителям не приведены весомые, убедительные аргументы, позволяющие увязать изменения в государственном устройстве с изменениями в личной жизни. В этом отношении весьма показателен состав респондентов, надеющихся на улучшения в личной жизни. Это преимущественно лица с низким образовательным уровнем (23,1 %), в возрасте 60 лет и старше

(21,9 %), студенты (19,2 %) и работники торговли и сферы услуг (22,3 %).

Анализ открытых вопросов позволил выявить и другие точки общественных «напряжений». Несмотря на интенсивную рекламно-агитационную кампанию, похоже, избиратели не получили ответы на ряд волнующих вопросов. В частности, почему разделение проводилось кулуарно, решением депутатов, а для объединения необходимо спрашивать мнение жителей? Почему ранее блокировались все попытки провести объединение? С чем связано удивительное единодушное стремление членов региональной элиты в 2005 г. к объединению, сопровождавшееся кардинальной сменой политических взглядов у части элиты, еще недавно доказывавших противоположное, и выходом «из тени» большей части политиков, неожиданно «осознавших» плюсы объединения? Похоже, во всем этом избиратели усматривали элементы «политической игры» и попытки манипулирования общественным сознанием.

Скорее всего, не убедил избирателей главный аргумент в пользу объединения: создание благоприятных условий для реализации в крае крупных проектов – Ванкорское нефтегазовое месторождение и Нижнее Приангарье (Богучанская ГЭС, Богучанский алюминиевый завод и др.). Но их влияние на жизнь населения края неочевидно и спорно. За крупными проектами стоят интересы крупного бизнеса и ряда чиновников, которые и получают основные дивиденды. И, похоже, население это понимает, имея перед собой примеры в виде деятельности Красноярской ГЭС, Красноярского алюминиевого завода и др. Эти настроения выразил депутат Законодательного Собрания Красноярского края В. Н. Севастьянов, убедительно показавший: для г. Красноярска в современных условиях деятельность Красноярского алюминиевого завода несет больше минусов, чем плюсов [1, с. 194–196].

Как показали дальнейшие события в крае, сомнения избирателей оказались небезосновательными. Объединение Красноярского края, Таймыра и Эвенкии не отразилось на социально-экономическом развитии нового субъекта РФ, не принесло обещанных политиками инвестиций, не привело к созданию новых рабочих мест, увеличению налоговых поступлений. Спикер краевого парламента А. В. Усс, выступая на VI съезде депутатов Красноярского края в октябре 2011 г., представил данные о снижении доли края в валовом региональном продукте Сибирского федерального округа за последние десять лет. Более того, по его мнению, освоение нефтяных месторождений на Ванкоре только закрепляет сырьевую ориентацию экономики края, превращая его в рабочую окраину других территорий, скрывает хро-

нические болезни экономики и в конечном этапе ведет к замедлению темпов развития края в целом [2, с. 20, 21].

Все сказанное актуализирует проблему взаимоотношения населения и власти, ответственности власти за принимаемые или, напротив, непринимаемые решения. В желании повысить управляемость общественными процессами региональная политическая элита пошла по пути ограничения демократического процесса через сокращение участия населения в управлении. Референдум как механизм непосредственной демократии в дальнейшем в крае не используется. Более того, что в 2010 г. произошло изменение схемы выборов органов местного самоуправления в Красноярском крае. Отмена прямых выборов глав муниципальных образований и выборы депутатов по мажоритарно-пропорциональному принципу в многомандатных округах сделали выбор избирателей более опосредованным. Население на «нововведение» среагировало адекватно: явка избирателей в 2010 г. составила 39,6 %, что на треть меньше по сравнению с предыдущими муниципальными выборами в 2005 г. [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Севастьянов В. Н. «Социально-региональный эгоизм как фактор стратегии регионального развития» // Сибирь в XXI: альтернативы и прогнозы развития : материалы науч.-практ. конф. Ч. 1 / КГУ ; отв. за вып. В. А. Сапожников. Красноярск, 2003.
2. Доклад А. В. Усса «Красноярский край – к стратегии развития». URL: <http://www.sobranie.info/forum/docs/doklad.pdf>.
3. Сайт избирательной комиссии Красноярского края [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krasnoyarsk.vybory.izbirkom.ru/region/krasnoyarsk>.

Анализ репутации и имиджа иркутских вузов

М. В. Лисаускене

Иркутский государственный университет

В условиях реформирования высшей школы постоянный анализ репутации и имиджа вуза становится одним из факторов повышения конкурентоспособности высшего учебного заведения. Репутация и имидж вуза являются главными составляющими его корпоративной культуры. В то же время необходимо разграничивать эти понятия, которые часто воспринимаются как синонимы, но не являются таковыми.

Репутация складывается в процессе многолетней работы вуза из мнений преподавателей, студентов, родителей, работодателей. На репутацию вуза влияют результаты трудоустройства, уровень достижений его выпускников, качество образования, которое дает вуз, традиции и общая культура учебного заведения, командный дух, а

также наличие коррупции в вузе. Большая часть этих слагаемых входит в корпоративную культуру вуза.

Следует отметить, что репутация является важной составляющей имиджа и активно функционирует в общественном сознании. Она характеризует обратную связь и реакцию на желаемый или созданный имидж. Репутация отвечает на вопрос, как общество и целевые группы потребителей образовательных услуг воспринимают имидж конкретного вуза.

Хорошая, высокая корпоративная репутация вуза поднимает значимость вуза в общественном мнении потенциальных потребителей – абитуриентов и их родителей, а также работодателей, упрочивает позиции вуза на рынке труда и ценность образовательных услуг. Плохая, низкая репутация вуза девальвирует стоимость предлагаемых специальностей и, как магнит, притягивает все негативное: слухи, сплетни, отрицательные мнения; формирует негативную мотивацию, влияющую как на выбор вуза и специальности, так и на решение работодателей о приеме на работу выпускников данного вуза.

Имидж – это то, как организация хочет представить себя окружающим, по сути – это желаемое или предполагаемое мнение/впечатление. Он включает в себя категории времени и пространства, разделяется на реальный и идеальный, желаемый имидж. Изменение имиджа, особенно его падение, влечет за собой изменение репутации. Традиционно имидж и репутация формируются комплексно, т. е. при их оценке выносят суждение о целом ряде параметров.

Корпоративный имидж вуза – это общее представление, состоящее из набора убеждений и ощущений, которое складывается у потребителей (реальных и потенциальных) образовательных товаров и услуг об учебной организации.

Корпоративная репутация вуза – ценностные характеристики, вызываемые корпоративным имиджем вуза, сложившимся у потребителей (реальных и потенциальных) образовательных товаров и услуг. Осуществляя процесс управления корпоративным имиджем вуза, необходимо иметь четкие представления о структуре имиджа и особенностях корпоративной культуры организации.

Имидж любой организации в целом и вуза в частности есть целостное восприятие (понимание и оценка) оценки различными группами общественности, формирующееся на основе хранящейся в их памяти информации о различных сторонах деятельности вуза: обучающей, научной, воспитательной, общественной и т. п.

Другими словами, содержание понятия «имидж вуза» включает в себя две составляющие: 1) описательную (информационную), которая представляет собой образ вуза, или совокупность всех пред-

ставлений (знаний) об организации, 2) оценочную, связанную с отношением к нему потребителей и оценку ими различных сторон деятельности вуза.

Оценочная составляющая существует в силу того, что хранящаяся в памяти информация не воспринимается безразлично, а пробуждает оценки и эмоции, которые могут обладать различной интенсивностью, поскольку конкретные черты образа организации могут вызывать более или менее сильные эмоции, связанные с их принятием или осуждением. Люди оценивают высшее учебное заведение через призму своего прошлого и сегодняшнего опыта, ценностных ориентаций, общепринятых норм и моральных принципов.

Выясним, каковы основные составляющие корпоративного имиджа вуза. В мае 2012 г. кафедрой связей с общественностью и рекламных технологий Иркутского госуниверситета было проведено социологическое исследование особенностей формирования корпоративной культуры в Иркутском госуниверситете, научный руководитель исследования доцент М. В. Лисаускене.

Цель исследования: получение объективной информации об особенностях корпоративной культуры факультетов ИГУ и влиянии на нее имиджа преподавателей.

В качестве **объекта** были выделены:

- 1) студенты 1–4-х курсов факультета филологии и журналистики и Юридического института ИГУ,
- 2) преподаватели данных факультетов,
- 3) эксперты.

Результаты анализа научной литературы и опроса экспертов позволили выделить модель корпоративной культуры Иркутского государственного университета.

В корпоративную культуру ИГУ входит:

- Репутация ИГУ на рынке образовательных услуг
- Имидж вуза
- Качество образования
 - Уровень преподавания
 - Удовлетворенность преподавателей своей работой
 - Удовлетворенность студентов процессом обучения
 - Эффективная система управления
- Престиж получаемого диплома
- История и традиции вуза
- Командный дух преподавательского и студенческого коллектива
- Перспектива трудоустройства выпускников

- Особенности студенческой жизни
- Корпоративная этика
- Правила поведения и внутреннего распорядка
- Стиль взаимоотношений студентов и преподавателей
- Общая культура
- Дресс-код для преподавателей и студентов
- Имидж выпускников
- Научно-исследовательская работа
- Воспитательная работа
- Сотрудничество с зарубежными вузами
- Автономность университета

В ходе исследования было выявлено, что компоненты корпоративной культуры вуза одновременно выступают как факторы, оказывающие в той или иной степени влияние на выбор абитуриентами вуза и факультета. Об этом свидетельствуют ответы студентов на вопрос: «Какие факторы оказали влияние на вас при выборе вуза и факультета?» (табл. 1).

Таблица 1

Факторы	Филологии и журналистики, %	Ранг	Юридический, %	Ранг	В целом, %
Хорошая репутация вуза	61,54	1	60,00	2	60,82
Высокое качество образования	36,54	3	84,44	1	58,76
Интересное содержание профессии	57,69	2	60,00	2	58,76
Престижность получаемого диплома	17,31	5	53,33	3	34,02
Престиж факультета	9,62	7	37,78	4	22,68
Интересная студенческая жизнь	30,77	4	6,67	7	19,59
Перспектива трудоустройства	3,85	8	26,67	5	14,43
Обучение на бюджетной основе	9,62	7	6,67	7	8,25
История и традиции	11,54	6	4,44	8	8,25
Возможность стажировок за рубежом	0,00	10	11,11	6	5,15

Какие же элементы корпоративной культуры вуза в первую очередь влияют на выбор абитуриентов? Рейтинг факторов выстроился следующим образом. В первую очередь это хорошая репутация вуза, которая явилась определяющей для выбора абсолютного большинства студентов (60,8 %).

На втором месте качество образования, на которое указали 58,76 % респондентов в целом, столько же назвали интерес к содержанию профессии. Каждый третий студент подчеркнул значимость престижа получаемого диплома, этот фактор занял третье место в рейтинге.

Далее следует престиж факультета – его отметили 22,7 %. Пятое место заняла интересная студенческая жизнь, которая явилась движущим фактором для каждого пятого.

Перспектива дальнейшего трудоустройства оказалась на шестом месте в рейтинге, ее выделили 14,4 %.

История и традиции вуза подтолкнули к выбору лишь 8,25 %, а возможность зарубежных стажировок оказалась значимой для 5,2 %. Следует отметить, что абсолютное большинство студентов сделали свой выбор осознанно, лишь 3,1 % пришли в вуз случайно.

Сравнительный анализ результатов выявил значительные различия во мнениях респондентов. Нам представляется, что это связано с особенностью профессиональной направленности студентов: студенты-филологи творческие, не приемлющие рамок; студенты-юристы – любящие порядок, последовательность и законность во всём.

По мнению студентов факультета филологии и журналистики, они, будучи абитуриентами, сделали свой выбор, опираясь на репутацию высшего учебного заведения – 61,6 %. Для студентов Юридического института самым важным критерием является уровень образования – 84,5 % на втором месте репутация вуза – 60 %.

На второе место по значимости студенты обоих факультетов поставили интересное содержание профессии – 57,7 % у филологов и 60,0 % у юристов. Качество образования оказалось менее важно для филологов – 36,6 %, и более важно для юристов – 53,4 %.

В ходе исследования мы попросили студентов оценить имидж ряда иркутских вузов по параметрам корпоративной культуры и репутации. Нам хотелось выявить, как общественное мнение о вузе функционирует в сознании респондентов. Оценке подвергались ведущие иркутские вузы: Иркутский госуниверситет, Байкальский госуниверситет экономики и права, Иркутский государственный технический университет и негосударственный вуз Сибирская академия права, экономики и управления.

Следует отметить, что оценка ИГУ, которую давали респонденты, отражает в первую очередь социальный опыт функционирования студентов и преподавателей в структуре вуза и факультета (института). Оценки других вузов можно рассматривать как отражение общественного мнения. При анализе мнений выводилась балльная средневзвешенная оценка: высший балл – 5, низший – 1. Наряду с этим

исследовалась зависимость позиций преподавателей и студентов от факультета. В дальнейшем в таблицах приведен коэффициент ранговой корреляции, который ранжирует слагаемые имиджа по степени значимости для групп респондентов (табл. 2, 3).

Таблица 2

Оценка студентами и преподавателями основных параметров ИГУ в балльных коэффициентах (1 – низший, 5 – высший)

	Студенты	Преподаватели	В целом
Качество преподавания	4,8	4,4	4,6
Наличие коррупции в вузе	2,4	1,25	1,82
Командный дух коллектива	4,45	3,45	3,95
Общая культура	3,6	4,5	4,2
Репутация вуза	4,45	4,5	4,5
История и традиции вуза	4,7	4,6	4,65
Востребованность выпускников на рынке труда	4,3	4,45	4,37

Характерно, что самые высокие оценки респонденты в целом поставили ИГУ по следующим параметрам имиджа: сохранение историй и традиций вуза – 4,65 баллов; высокое качество образования – 4,6 баллов; хорошая репутация вуза – 4,5 баллов. Также высоко оценивается востребованность выпускников ИГУ на рынке труда – 4,37 и общая культура вуза – 4,2 балла.

Приятно, что наличие коррупции в вузе оценено самым низким баллом – 1,82, при этом ниже всего коррупцию оценили преподаватели – 1,25 баллов, оценка студентов выше практически в 2 раза и составляет 2,4 балла. По мнению респондентов, коррупция в других вузах значительно выше.

На предпоследнем месте находится такой корпоративный показатель, как командный дух коллектива, он оценен преподавателями и студентами в 3,95 балла. Следует отметить, что оценки студентов и преподавателей ближе всего по трем параметрам: репутация вуза (разница между ними в 0,05 балла); история и традиции ИГУ – соответственно в 0,1 балла; и качество преподавания, в этом случае оценки расходятся в 0,4 балла. Корреляционный анализ по факультетам свидетельствует о значительном расхождении во мнении студентов.

Так, студенты-юристы выше всего оценили репутацию вуза в 4,9 балла, качество образования и сохранение традиций в 4,6 и востребованность выпускников на рынке труда в 4,4 балла.

Таблица 3

Оценка ИГУ студентами (средневзвешенный балльный коэффициент,
ранг по степени значимости)

Показатель	Юридический		Филологии и журналистики	
	Балл	Ранг	Балл	Ранг
Качество преподавания	4,6	2	5	1
Наличие коррупции в вузе	2,7	6	2,1	6
Командный дух коллектива	4,1	4	3,9	3
Общая культура	3,7	5	3,5	4
Репутация вуза	4,9	1	3,1	5
История и традиции вуза	4,6	2	4,8	2
Востребованность выпускников на рынке труда	4,4	3	3,3	5

В отличие от них студенты-филологи самый высокий балл поставили качеству образования – 5 баллов, сохранению традиций – 4,8 и командному духу – 3,9 балла. На 0,6 балла ниже оценена коррупция. Настораживает то, что репутация вуза значительно ниже, чем юристами – на 1,8 балла была оценена студентами-филологами.

Наряду с этим удивляет значительная разница в оценках преподавателей, она связана не только с различиями в баллах, но и в рангах. Так, разница в оценке качества преподавания между преподавателями различных факультетов составляет 1,2 балла и занимает у преподавателей-юристов первое место и третье у преподавателей-филологов (табл. 4).

Таблица 4

Оценка ИГУ преподавателями (средневзвешенный балльный коэффициент,
ранг по степени значимости)

Показатели	Юридический		Филологии и журналистики	
	Балл	Ранг	Балл	Ранг
Качество преподавания	5,0	1	3,8	3
Наличие коррупции в вузе	1,5	6	1	6
Командный дух коллектива	4,0	5	2,9	5
Общая культура	4,4	3	4,6	1
Репутация вуза	4,8	2	4,2	2
История и традиции вуза	4,3	4	3,2	4
Востребованность выпускников на рынке труда	4,3	4	4,6	1

Даже несмотря на то, что корпоративный дух занимает у тех и других преподавателей пятое место, разница в его оценке в 1,1 балла в пользу юристов.

Безусловно, ответы респондентов связаны с соотношением оценок со своим факультетом, а это свидетельствует о разных приоритетах в формировании и продвижении корпоративной культуры в рамках факультета.

Следует отметить, что в целом имидж ИГУ достаточно высоко оценен студентами и преподавателями – в 4,45 балла! Отметим, что уровень коррупции в вузе при выведении этого коэффициента не брался в расчет.

Мы попросили респондентов по тем же показателям оценить имидж других иркутских вузов. Результаты табл. 5 свидетельствуют об оценках.

Таблица 5

Средневзвешенная оценка имиджа иркутских вузов (в баллах)

	ИГУ	БГУЭП	ИрГТУ	САПЭУ
Качество преподавания	4,6	3,15	3,575	2,125
Наличие коррупции в вузе	1,82	4,2	3,61	3,6
Командный дух коллектива	3,95	3,25	3,425	2,075
Общая культура	4,2	3,25	3,325	2,7
Репутация вуза	4,5	3,525	3,8	2,25
История и традиции вуза	4,65	3,175	3,625	2,225
Востребованность выпускников на рынке труда	4,37	3,45	3,61	1,75

Сравнительный анализ оценок вузов позволяет выделить общественное мнение студентов и преподавателей ИГУ о каждом из них. Оценивая Байкальский государственный университет экономики и права, респонденты самый высокий балл (4,2) поставили наличие коррупции в данном вузе. Наряду с этим в 3,525 балла оценена репутация вуза, 3,45 балла оценена востребованность выпускников на рынке труда, в 3,25 балла командный дух и общая культура. Самую низкую оценку получило качество образования – 3,15 баллов.

Оценка Иркутского государственного технического университета демонстрирует более высокий имидж и репутацию вуза, чем БГУЭП и САПЭУ. Респонденты считают, что в нем ниже коррупция, чем в БГУЭП, и выше качество преподавания, лучше сохраняются традиции вуза, а выпускники несколько выше ценятся на рынке труда.

Самые низкие оценки у Сибирской академии права, экономики и управления, которая является негосударственным вузом. Работодатели, по мнению респондентов, менее всего заинтересованы в выпускниках данного вуза, качество образования оставляет желать лучшего, репутация вуза также невысока. На этом фоне уровень коррупции не маленький и практически соответствует коррупции в ИрГТУ.

Мы просчитали средний балл по каждому вузу и проранжировали их. Имидж вузов выстроился следующим образом:

1-е место – ИГУ – 4,45 балла.

2-е место – ИРГТУ – 3,57 балла.

3-е место – БГУЭП – 3,43 балла.

4-е место – САПЭУ – 2,39 балла.

Таким образом, самый высокий имидж и репутацию имеет Иркутский государственный университет, который лидирует по всем параметрам корпоративной культуры и занимает высшую ступень в рейтинге вузов. Насколько объективным является мнение наших респондентов, можно будет судить только при проведении репрезентативного опроса во всех представленных вузах. Безусловно, данная позиция, которую демонстрируют наши респонденты, отражает корпоративную точку зрения, корпоративный дух и является лояльной к ИГУ. В то же время можно говорить о наличии определенной тенденции, которая отражает общественное мнение и функционирует в сознании наших земляков.

Международное сотрудничество регионов Байкальской Сибири со странами АТР: на пути к «устойчивому развитию»?*

И. В. Олейников

Иркутский государственный университет

За последнее десятилетие международное сотрудничество регионов Российской Федерации становится все более весомым компонентом отношений страны с зарубежными государствами и неправительственными организациями. Растет объем и существенно обогащается его содержание, что вызывает необходимость проведения новых обобщений. Изучение проблем развития международного сотрудничества регионов Байкальской Сибири призвано выявить формирующиеся тенденции в международных и внешнеэкономических связях Иркутской области и Республики Бурятия на основе анализа их опыта взаимодействия со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы», госконтракт № 16.740.11.0701.

Благодаря интенсификации процессов взаимозависимости в современном мире властям на местах необходимо позиционировать российские регионы в международном пространстве исходя из глобального контекста, заботясь о сохранении внутренней среды субъекта Федерации, а не ограничиваться одной лишь экстенсивной стратегией экспорта невозобновляемых сырьевых ресурсов, не способствующей системному устойчивому развитию.

Проблема устойчивого развития (*sustainable development*) – один из ключевых вопросов, интересующий в настоящее время правительства и общественность ряда развитых государств. Несоответствие между темпами промышленного роста и стремительным упадком окружающей среды вынуждает страны Запада и государства АТР – Японию, Республику Корея, Сингапур и в некоторой степени Китайскую Народную Республику искать пути выхода из сложившейся ситуации.

Особое внимание ученых и широкой общественности данный вопрос привлек после начала экономического кризиса 2008 г., выявившего системные трудности экономического развития современной цивилизации. Суть проблемы, разработка которой началась еще в 1970-х – начале 80-х гг. в рамках программ «Пределы роста» [8] и работы Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию, заключается в необходимости улучшения качества жизни народонаселения, исследовании поведения системы в рамках параметров «население – капитал». Доклад делался с целью исследовать пути предотвращения грядущего истощения природных ресурсов и загрязнения окружающей среды в ходе деятельности свободных рынков. Для достижения цели улучшения качества жизни такие параметры, как: эксплуатация природных ресурсов, направления инвестиционных потоков, характер инноваций в сфере науки и техники и институциональные изменения самого государственного управления, должны быть соподчинены друг другу, должны отвечать интересам государства и сохранению окружающей среды. Возникают и трудности перевода понятия *sustainable development* на русский язык – концепция «устойчивого развития» предполагает самодостаточное развитие, не противоречащее дальнейшему существованию человечества.

Возможно, что именно трудности перевода вызвали к жизни двоякое понимание российскими властями проблемы «устойчивого развития» как на федеральном, так и на региональном уровне. В ряде региональных программ Иркутской области и Республики Бурятия основной акцент делается на поступательное развитие – прежде всего экономическое, индустриальное, либо «инновационное», без учета аспектов концепции, нашедших свое отражение в мировой прак-

тике. С другой стороны, некоторые программы, такие как «Устойчивое развитие территорий Иркутской области», направлены на достижение заявленных целей в сфере экономики и повышение качества жизни населения без ущерба для окружающей среды.

К настоящему времени федеральный центр и регионы согласовывают позиции по вопросам социально-экономической модернизации, которые, в случае регионов Байкальской Сибири – Иркутской области и Республики Бурятия, не должны нарушать уникальную экосистему оз. Байкал и прилегающих к нему территорий. В свою очередь, необходимым условием успешной реализации целей международного сотрудничества, крайне необходимого для развития на региональном уровне, является обеспечение комплексной государственной системы мер, направленных на поддержку инфраструктурных кластеров, экологического мониторинга и создание прозрачного правового поля в данной сфере.

Также необходим и взвешенный анализ основных подходов регионов Байкальской Сибири к осуществлению международного и внешнеэкономического сотрудничества, рассмотрение его организационно-правовых основ, выявление инфраструктуры внешних связей.

Путем обобщения отечественных и зарубежных исследований по отдельным аспектам регионализации международного сотрудничества в АТР был сделан вывод о том, что интенсификация их экономической взаимозависимости развивает разнообразные формы взаимных экономических и социальных связей, но вместе с тем регионы Байкальской Сибири практически не вовлечены во взаимовыгодное сотрудничество с соседними регионами КНР и Монголии. Это вызвано тем, что региональная подсистема международных отношений еще в недостаточной степени структурирована. Таким образом, невозможна полноценная выработка совместных решений в сфере сохранения окружающей среды.

Россия может и должна использовать те неоспоримые преимущества, которые дает ей геополитическое положение ее сибирских регионов, способных стать своеобразным «коридором» – связующим звеном европейских и азиатских экономик. Следует привести мнение иркутского исследователя С. Ф. Шмидта об особенностях положения Сибири в современной мир-системе. Согласно его мнению, сибирские регионы представляют собой двойную периферию, являясь периферией полупериферийного государства – Российской Федерации – и одновременно оказываясь между двумя активными «ядрами» современной экономики – традиционным центром, в который входят США и страны зарубежной Европы, и новым – к которому относятся страны АТР – Япония, Китайская Народная Республика и

страны Юго-Восточной Азии [6]. Таким образом, согласно приведенной схеме, сибирские регионы и в том, и другом случае выступают в качестве периферии, что и определяет ярко выраженную сырьевую направленность их экономики [2].

Но ориентация на экспорт сырьевых ресурсов в КНР, Японию и Республику Корея, по мнению российских политиков и представителей крупного бизнеса, в настоящее время является ключевой для выживания и дальнейшей модернизации Восточной Сибири и Дальнего Востока [5]. Сырьевая направленность региональной экономики отнюдь не способствует достижению целей устойчивого развития, предполагающего борьбу с нерациональным использованием ресурсов окружающей среды. Приходится констатировать, что в среднесрочной перспективе у Иркутской области и Республики Бурятия реальной альтернативы сырьевому фактору, и соответственно – истощению природных ресурсов и загрязнению окружающей среды, попросту не существует. К примеру, методы создания туристическо-рекреационных зон «Байкальская гавань» и «Ворота Байкала», в развитии которых заинтересованы и иностранные инвесторы – прежде всего из Китайской Народной Республики, Республики Корея и Японии, не принимают во внимание основные постулаты концепции «устойчивого развития».

Крупный бизнес региона, представленный в основном компаниями группы «Базовый элемент» (En+, РУСАЛ), находящиеся под контролем олигарха Олега Дерипаски, внедряют на своих алюминиевых производствах, расположенных на территории Иркутской области, программы, направленные на соответствие мировым стандартам охраны окружающей среды [7]. В городах Братск (БрАЗ) и Шелехов (ИркАЗ) с 2011 г. постепенно стала внедряться международная программа «Экологический Содерберг», предусматривающая использование методов экологичного производства, снижение вредных выбросов в атмосферу, автоматизацию системы управления технологическим процессом. К сожалению, последний пункт не решает проблему сохранения человеческого капитала, вызывая сокращение работников предприятий.

В полной мере невозможно транслировать опыт стран АТР на российские реалии. Российская Федерация в настоящее время не способна оперативно внедрять зарубежный опыт регионального сотрудничества в области «устойчивого развития» в силу инерционности мышления как местных, так и центральных элит. Международное сотрудничество Иркутской области и Республики Бурятия с иностранными партнерами в области иностранных инвестиций развивается весьма медленными темпами. Иностранные капиталовло-

жения осуществляются в основном в сырьевой сектор, ведь строительство производственных предприятий на территории Сибирского федерального округа невыгодно в силу объективных экономических причин – жестких климатических условий, значительных расстояний, и, как следствие, – высокой себестоимости производимой продукции. Существуют и негативные аспекты международного сотрудничества регионов РФ, к которым следует отнести наличие экономической конкуренции субъектов Федерации друг с другом вследствие слабой согласованности позиций по вопросам осуществления связей с иностранными контрагентами; недостаточную активность сотрудничества регионов Байкальской Сибири со странами Восточной Европы и СНГ.

На основе анализа деятельности VII Байкальского экономического форума 2011 г. и состоявшихся в его рамках конференции «Европа – Россия – АТР. Энергетика: интеграция и сотрудничество» и круглого стола «Россия – АСЕАН – практика взаимодействия» был сделан вывод о том, что проведение таких дискуссионных площадок необходимо для международного позиционирования регионов Байкальской Сибири – Иркутской области и Республики Бурятия на международной арене [1]. С одной стороны, форум помогает брендингованию региона среди партнеров на международной арене, способствует актуализации вопросов инвестиционной политики, развития промышленности, системы транспорта и коммуникаций регионов Сибири и Дальнего Востока. Вместе с тем большинство соглашений, подписанных на Байкальском экономическом форуме с иностранными партнерами, лишь закрепляет сложившуюся формулу региональной экономики сырьевого типа, а большая часть протоколов о привлечении зарубежных инвестиций в экономику регионов практически не выполняется. Основная структурная проблема форума заключается в том, что существует разрыв между объемным пакетом подписанных соглашений и реализуемыми проектами в сфере международного сотрудничества регионов Байкальской Сибири, который необходимо преодолевать, принимая во внимание вышеуказанные вызовы устойчивому развитию, направленному на неистощительную модернизацию в долгосрочном плане.

В качестве примера можно привести итоги заседания «Россия – АСЕАН: новые горизонты сотрудничества», состоявшегося в рамках VII БЭФ. На данном заседании в целях реализации рабочей программы Россия – АСЕАН по энергетическому сотрудничеству рассматривались перспективы энергодиалога по возобновляемой энергетике и энергосберегающим технологиям. Стороны решили создать Центр повышения энергоэффективности под Москвой. В то же са-

мое время завод по производству поликристаллического кремния (группа компаний НИТОЛ), располагающийся в г. Усолжье-Сибирское (Иркутская область), долгое время поставляет сырьевой кремний для IT-промышленности и солнечной энергетики в КНР. Следовательно, нельзя утверждать, что регионы Байкальской Сибири пытаются идти по пути «устойчивого развития», ведь солнечные батареи, необходимые для создания ресурсосберегающей энергетики, производятся из российского сырья в Китае и появляются на рынке РФ уже после прохождения таможенных барьеров, что существенно влияет на конечную стоимость.

В начале апреля 2012 г. губернатор Иркутской области Д. Ф. Мезенцев принял участие в работе «восточного Давоса» – конференции Азиатского форума в Боао (КНР), основная тема которого была сформулирована как «Азия в изменяющемся мире: движение по пути устойчивого развития» [3]. Годом ранее на этом же форуме Президент Д. А. Медведев, «прорубая» очередное «окно» в Азию, сделал акцент на необходимости развития международных межрегиональных связей. Д. Ф. Мезенцев на конференции 2012 г. высказал необходимость сотрудничества Байкальского экономического форума с «набирающим вес и авторитет международным форумом в Боао» в рамках привлечения иностранных инвестиций. В ходе беседы с заместителем председателя комитета по экономике народного политического консультативного совета КНР Чжан Гобао губернатор подчеркнул, что Иркутская область весьма динамично сотрудничает с рядом провинций КНР в энергетической сфере (имелась в виду программа поставки электроэнергии в северо-восточные провинции КНР. – *И. В.*) [3]. Как видим, проблема «устойчивого развития» понимается региональными элитами РФ односторонне, преимущественно сквозь призму привлечения инвестиций в производственный сектор.

Подводя некоторые итоги, можно сделать вывод, что в настоящее время существует структурная проблема, заключающаяся в двояком восприятии российской федеральной и региональной властью концепции «устойчивого развития». Диссонанс между экстенсивным экономическим ростом и необходимостью сохранения природной среды не ослабевает, но усиливается. Страны АТР – а прежде всего Китай – заинтересованы в «устойчивом развитии» собственных территорий, проблемы российских регионов в этой сфере беспокоят их в значительно меньшей мере, в гораздо большей степени их интересует бесперебойное поступление сырья, ведь в случае удовлетворения потребности в нем снижается нагрузка на их собственную окружающую среду.

Сложность ситуации кроется в другом; в 2006, а затем и в 2012 г. один из авторов доклада «Пределы роста» Римскому клубу Д. Медоуз заявил, что мир находится на пределе самоподдержания – мировая система полным ходом движется к катастрофе – проблемы изменения климата, истощения природных ресурсов, деградация сельскохозяйственных земель и дефицит пресной воды в последние годы проявляются все более явно [4].

По мнению исследователя, в настоящее время существует внутреннее противоречие между усилиями России по развитию экономики и технологий, модернизацией производств, с одной стороны, и потенциально слабой выживаемостью создаваемой системы в случае нехватки природных ресурсов и продолжения экономических потрясений в мировой системе, с другой [4].

Таким образом, для решения проблемы согласования зарубежного и отечественного видения проблемы «устойчивого развития» необходима политическая воля, исходящая из федерального центра с последующей проекцией на региональные власти. В случае продолжения экстенсивной модернизационной политики, не направленной на сохранение окружающей среды, регионы Байкальской Сибири в среднесрочной и долгосрочной перспективе могут столкнуться с комплексными системными сбоями, последствия которых устранить будет достаточно сложно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байкальский экономический форум [Электронный ресурс]: офиц. сайт. URL: <http://www.baikalforum.ru> (дата обращения: 13.01.2013).
2. Елохина Ю. В., Олейников И. В. Байкальская Сибирь в политике регионального развития: ресурсы и возможности // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2012. № 1. С. 67–73.
3. Иркутская область планирует сотрудничать с Китаем в сфере энергетики [Электронный ресурс] / Байкал-Инфо. URL: <http://baikal-info.ru/archives/25114> (дата обращения: 22.01.2013).
4. Костина Г., Оганесян Т. Мало не покажется [Электронный ресурс] // Эксперт. 2012. № 16 (799). URL: <http://expert.ru/expert/2012/16/malo-ne-pokazhetsya/> (дата обращения 22.01.2013)
5. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 годы) [Электронный ресурс]. URL: www.irkutsk.cn/site/uploads/File/Programm.doc (дата обращения: 01.02.2012)
6. Шмидт С. Ф. Сибирь в перспективе мир-системного анализа // Восточносибирский регионализм: социокультурный, экономический, политический и международный аспекты / сост. Д. В. Козлов. – Иркутск: Оттиск, 2001. – С. 10–15.
7. En+ Group. About us. Official site [Electronic resouurse]. URL: <http://eng.enplus.ru/about/> [Accessed 20 January 2013]
8. Meadows D. The limits to growth / Don. Meadows, Den. Meadows, J. Randers. – Universe Books, 1972. – 205 p.

Региональные выборы в Сибири в 2012 году

А. В. Петров

Иркутский государственный университет

Эксперты фонда «Петербургская политика» традиционно дают оценку социально-политической устойчивости российских регионов, оценивая их по 10-балльной шкале. Анализируя события за сентябрь – октябрь 2012 г., они отметили «некоторый рост общей социально-политической устойчивости регионов» [1], а результаты выборов 14 октября не привели к серьезной политической дестабилизации. Можно ли после этого говорить, что к концу года протестное движение пошло на уменьшение, а политические партии контролируют общественные настроения граждан?

Ситуация в Сибири очень сильно различается от субъекта к субъекту. Так, самыми устойчивыми сибирскими регионами стали Хакасия и Кемеровская область, что намного выше 7,5 баллов, которые определены в среднем регионам СФО. Красноярский край (7,3) и Иркутская область (7,2) заняли места во второй половине списка. Наименее устойчивыми регионами в Сибири оказались Забайкалье, Тува и Алтайский край, чья стабильность вообще оценивается на уровне Москвы и Санкт-Петербурга. При этом к позитивным факторам для региональных властей относят высокий результат «Единой России» на выборах в городскую думу Барнаула.

В 2012 г. в регионах Сибирского федерального округа прошли сотни муниципальных выборов. Не включая в перечень выборы Президента Российской Федерации, автор попытается проанализировать выборы (назначения) глав сибирских столиц Омска, Красноярска, Горно-Алтайска, Барнаула, Улан-Удэ, а также городских дум Омска и Барнаула, впервые избираемых по мажоритарно-пропорциональной системе.

Главой г. Горно-Алтайска (Республика Алтай) стал занимавший этот пост с 1992 г. В. Облогин, член партии «Единая Россия», набравший 53,66 %. Кампания известна тем, что из девяти кандидатов, которые выдвигались на пост, четверым – лидеру местного «Яблока» Н. Думновой, экс-лидеру региональной ЛДПР М. Лазареву, депутату парламента Горного Алтая Е. Танзыкову и первому заместителю мэра Э. Татину – отказано по причине недоверности подписей избирателей [2]. Причем Татин является членом «Единой России», и его самовыдвижение вызвало неудовольствие в региональном руководстве партии. Занявший второе место депутат Республики Алтай В. Ромашкин, первый секретарь республиканского комите-

та КПРФ, получил 37 % голосов, что почти в три раза больше, чем оценивался его потенциал накануне выборов. 3–4-е места заняли депутат Республики Алтай от ЛДПР А. Кириллов и самовыдвиженец А. Погребницкий, которого назвали «техническим» кандидатом власти.

10 июня состоялись выборы главы города Красноярска, поскольку прежний мэр П. Пимашков, занимавший это пост с 1996 г., в декабре 2011 г. был избран депутатом Государственной Думы РФ. Явка составила 21,25 % от списочного состава избирателей. По результатам голосования победил и. о. главы Э. Акбулатов («Единая Россия») – 69 %. Другим шести кандидатам не удалось составить никакой конкуренции, несмотря на то, что оппозиционные кандидаты провели свой праймериз, в котором победил представитель «Справедливой России» [3]. Соглашение о создании коалиции против действующей власти было подписано 25 мая по инициативе М. Прохорова, который официально прописан в Красноярском крае [4]. Выборы приобрели скандальный характер, когда КПРФ решила отозвать своего кандидата М. Осколкова, обвинив его в «связях с единороссами» [5], однако сам кандидат подал в суд на собственную партию и выиграл его. Все это не способствовало здоровой атмосфере политической борьбы в городе, что отразилось на итоговых результатах голосования. Занявший второе место начальник краевого госпиталя для ветеранов войн самовыдвиженец А. Подкорытов набрал 12 %, а победитель «праймериза» А. Коропачинский лишь 11,3 %. Кандидата от КПРФ М. Осколкова поддержали лишь шесть тысяч избирателей, что составило чуть более 4 %.

17 июня состоялись выборы мэра г. Омска. В миллионном городе явка составила 17,32 %, что стало антирекордом в стране. По результатам голосования победил В. Двораковский, партия «Единая Россия» (49 %). Главный конкурент – бизнесмен и кандидат от КПРФ В. Жарков – получил 28,97 % голосов. Еще меньше голосов набрала представительница «Справедливой России» И. Оверина – 6,4 %. У «яблочника» А. Короткова – 4,3 % голосов, самовыдвиженца С. Масленкова – 3,82 % голосов. Еще два кандидата не смогли набрать и 3 %. Успех Двораковского, по мнению экспертов, связан с его личным авторитетом, а не работой административного ресурса. Изначально он, экс-главный инженер НПО «Мостовик» и председатель городского совета депутатов, дистанцировался от «партии власти», заявив, что является «вполне самостоятельной фигурой» [6], поэтому в своей агитации он не использовал партийную символику.

Выборы в Омске стали большим «ивентом» для продвинутой интернет-аудитории, поскольку здесь был реализован проект «Гражданин мэр». Главной целью проекта было стимулирование процесса

гражданской самоорганизации, в том числе путем формирования «нового избирателя» – граждан, осознающих свои интересы и стремящихся их реализовать путем активного участия в реальной политике [7]. Омичи предложили 10 кандидатур для проведения народного «праймериза», включив в список известных персон – блогера И. Варламова и политолога В. Иноземцева. К сожалению для организаторов, кандидаты от КПРФ, «Справедливой России» и «Яблока» не смогли или не захотели договориться о честном участии в итоговом праймеризе по определению единого кандидата и на консолидации усилий по его продвижению, никто из них не подписал «Гражданский пакт», и не удалось провести полноценные публичные дебаты, предлагавшиеся в рамках проекта. По результатам так называемого праймериза, в котором приняло участие 4 700 участников, победил И. Варламов, более известный как блогер *zyalt*, набравший 42 %, но он не смог принять участие в выборах, поскольку при необходимом количестве 10 тыс. подписей в свою поддержку штаб кандидата смог собрать только 2 650 [8].

Выборы городских дум в Барнауле и Омске впервые проходили по смешанной системе. Так, в краевом центре Алтая 14 октября выбрали 40 депутатов, в том числе 20 по единому округу и 20 в мажоритарных округах. В выборах по единому округу выставили списки кандидатов 8 политических партий, в одномандатных же округах – 9 партий – все принимающие участие в выборах по единому округу и «Города России» (табл. 1).

Таблица 1

Результаты выборы в Барнаульскую городскую думу по единому округу [9]

Наименование партии	Доля голосов, %	Кол-во мандатов
«Единая Россия»	50,17	12
КПРФ	16,57	4
«Справедливая Россия»	11,09	2
ЛДПР	7,84	1
РПР-ПАРНАС	5,44	1
«Яблоко»	2,55	–
Российская экологическая партия «Зеленые»	1,85	–
«Патриоты России»	1,48	–

В Омске, где горсовет 4 марта избирался по смешанной системе, под выборы было создано объединение «Омская весна» с лозунгом «Энергия перемен». Создание нового объединения поддержало региональное отделение партии «Единая Россия». Именно под лозунгами «Омской весны» они и вели агитацию [10]. Ранее аналогичную технологию применял ушедший в результате конфликта с губерна-

тором в Государственную Думу мэр Омска В. Шрейдер. Его сторонники объединились в движение «Омская инициатива». По результатам выборов «ЕР» получила лишь 8 из 20 мандатов по партийным спискам, однако по одномандатным округам она взяла 18, оставив лишь два места коммунистам (табл. 2).

Таблица 2

Результаты выборы в городской совет Омска по единому округу [11]

Наименование партии	Доля голосов, %	Кол-во мандатов
«Единая Россия»	35,08	8
КПРФ	29,67	7
«Справедливая Россия»	13,01	3
ЛДПР	9,06	2
РОДП «Яблоко»	4,89	—
«Правое дело»	3,40	—

Сложная конфигурация заставила стороны договариваться в течение нескольких лет. Сразу два представителя «партии власти» пожелали возглавить городской совет. 22 октября председателем была избрана Г. Горст, а второго кандидата И. Погребняка, скорее всего, ждет исключение из партии за нарушение партийной дисциплины [12].

В двух сибирских городах – Барнауле и Улан-Удэ – в 2012 г. состоялись не прямые выборы глав города. Поскольку депутаты внесли изменения в уставы городов, то там глава города избирался из числа депутатов, и, кроме того, назначался еще и сити-менеджер.

10 декабря 2012 г. Г. Айдаев, занимавший пост мэра Улан-Удэ три срока, передал свои мэрские полномочия председателю городского совета депутатов. 13 декабря им стал А. Голков. 20 декабря Г. Айдаев неожиданно проиграл выборы на пост сити-менеджера города главе Октябрьского района Е. Пронькинову, несмотря на поддержку президента Республики и партии «Единая Россия» [13].

14 октября 2012 г. Дума г. Барнаула досрочно разорвала контракт с сити-менеджером И. Савинцевым, срок полномочий которого истекал только в июле 2013 г. Он был избран на этот пост в декабре 2010 г. [14]. Сам Савинцев заявил, что «я посчитал, что мне необходимо выполнять всю работу с новым депутатским корпусом. И если депутаты меня наделят полномочиями на новый пятилетний срок, то мне будет работать легче» [15]. 14 декабря депутаты думы вновь проголосовали за Савинцева, он назначен на пять лет. На федеральном же уровне, наоборот, подумывают отказаться от этой системы. «Прямые выборы на муниципальном уровне нужно сохранить» – такова позиция В. Путина, озвученная еще в ходе «прямой линии» в декабре 2011 г. [16].

Подводя итоги политического сезона 2012 г. в регионах Сибирского федерального округа, можно отметить, что он охарактеризован увеличением политической конкуренции как со стороны политических партий к партии «Единая Россия», так и внутрипартийной конкуренцией в «партии власти». Отметим выборы главы г. Ангарска Иркутской области, где кандидат от партии «Единая Россия» А. Истомин официально отказался от участия в выборах, объяснив это тем, что ему необходимо сконцентрироваться на выборах в местную думу, куда он тоже баллотировался [17]. Из 13 кандидатов до дня голосования дошли только пятеро, причем два самовыдвиженца – члены партии «Единая Россия». Один из них – В. Жуков стал главой города, что было признано партией как успех, А. Истомин после избрания депутатом возглавил городскую думу. Также отметим непопадание полномочного представителя президента РФ в СФО В. Толоконского в состав регионального политсовета «ЕР» в Новосибирской области [18].

Во-вторых, нельзя не говорить о большом количестве отказов в регистрациях кандидатам. Это видно не только в крупных областных городах, но и более мелких населенных пунктах. Так, в Канске – одном из ключевых городов Красноярского края, некогда имевшего репутацию «либерального региона», на выборах мэра из 7 кандидатов были официально зарегистрированы лишь двое – представители партий «Единая Россия» и «Справедливая Россия». В г. Бийске Алтайского края 11 кандидатов в депутаты городской думы от КПРФ были сняты с выборов в связи с тем, что ими якобы не было предоставлено необходимое по закону количество копий паспортов. Бийский городской суд признал незаконным и недействительным решение горизбиркома, но большинство аналогичных исков коммунисты проигрывают. Похожая ситуация складывалась в Республике Алтай [19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Власть в сибирских регионах устойчива на четверку с минусом [Электронный ресурс] // Сибинфо. 2012. 7 нояб. URL: <http://www.sibinfo.ru/news/sfo/1/35733.html>.
2. Несколько теней из жизни Облогина [Электронный ресурс] // ФедералПресс. 2012. 5 марта. URL: http://old.fedpress.ru/04/polit/part/id_277226.html.
3. На оппозиционных праймериз в Красноярске победил Александр Коропачинский [Электронный ресурс] // ФедералПресс. 2012. 4 июня. URL: http://fedpress.ru/news/elections/elections_parties/na-oppozitsionnykh-praimeriz-v-krasnoyarske-pobedil-aleksandr-koropachinskii.
4. Калмыкова Т., Главицкая К. Михаил Прохоров решил объединить оппозицию на выборах мэра Красноярска [Электронный ресурс] // Ъ. 2012. 24 мая. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1941917>.
5. Суд: решение КПРФ снять кандидата с выборов мэра Красноярска незаконно [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2012. 7 июня. URL: <http://ria.ru/justice/20120607/667638237.html#13549282614692&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration>.

6. Зимний А. Неявочным порядком [Электронный ресурс] // Expert Online. 2012. 18 июня. URL: <http://expert.ru/2012/06/18/neyavochnyim-poryadkom>.
7. Гражданин мэр: предвыборное заявление [Электронный ресурс] // Омск полит. 2012. 14 июня. URL: <http://politomsk.ru/publ/26-1-0-965>.
8. Кашин О. Великий мурзилка [Электронный ресурс] // Ъ-Власть. 2012. № 18 (972). 5 мая. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1929699>.
9. Сводная таблица результатов выборов по единому округу. Выборы депутатов думы Барнаульской городской думы шестого созыва [Электронный ресурс] // Сайт ЦИК РФ. URL: http://www.altai Terr.vybory.izbirkom.ru/region/region/altai Terr?action= show&root=1&tvtd=422422067768&vm=422422067763®ion=22&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vibid=422422067768&type=379.
10. Мухин С. «Омская весна» обещает «политическую оттепель» [Электронный ресурс] // Твой Омск. 2012. 14 февр. URL: <http://tvoiomsk.ru/item.asp?id=1045>.
11. Сводная таблица результатов выборов по единому округу. Выборы депутатов Омского городского Совета пятого созыва [Электронный ресурс] // Сайт ЦИК РФ. URL: http://www.omsk.vybory.izbirkom.ru/region/region/omsk?action=show&root=1&tvtd=455422068021&vm=455422068016®ion=55&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vibid=455422068021&type=379.
12. Спикера Омского горсовета избрали со второй попытки [Электронный ресурс] // Омскпресс. 2012. 22 окт. URL: http://omskpress.ru/news/35519/spikera_omskogo_gorsoveta_izbrali_so_vtoroy_poptki/.
13. Геннадий Айдаев: «Иначе как предательством, я это назвать не могу» [Электронный ресурс] // Байкал-media. 2012. 22 дек. URL: <http://baikal-media.com/news/interview/225121/>.
14. Боброва С., Ланской В. Смена власти прошла без смены кадров [Электронный ресурс] // Ъ. 2012. 23 дек. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1562565>.
15. Барнаульский «мавр» Савинцев сделал свое дело и может уходить? [Электронный ресурс] // Сибинфо. 2012. 8 нояб. URL: <http://www.sibinfo.su/news/alt/1/35791.html>.
16. Путин против сити-менеджеров. Премьер-министр России подчеркнул, прямые муниципальные выборы нужно сохранить [Электронный ресурс] // Голос Волгограда. 2011. 22 дек. URL: <http://golosvolgograda.ru/articles/15>.
17. Еременко Е. «Единой России» упростили задачу [Электронный ресурс] // Ъ-Online. 2012. 9 окт. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2040409>.
18. Полпреду Толоконскому не нашлось места в руководстве новосибирских единомыслителей [Электронный ресурс] // Сибинфо. 2012. 26 окт. URL: <http://www.sibinfo.su/news/nsk/1/35517.html>.
19. Никакой логики: бийские судьи восстановили в качестве кандидатов в депутаты гордумы только трех из 11 коммунистов, снятых избиркомом с выборов по одинаковому основанию [Электронный ресурс] // Банкфакс. 2012. 7 февр. URL: <http://www.bankfax.ru/page.php?pg=81610>.

Проблемы социально-экономического развития северных районов Иркутской области

А. А. Чернев

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН

На сегодняшний день большинство северных районов Иркутской области являются крайне депрессивными в социально-экономическом плане. Данное состояние обусловлено прекращением функционирования предприятий ориентированных на выпуск продукции для Министерства обороны РФ (комбинат «Мамслюда» (Мамско-Чуйский район)), «уходом» налогов в федеральный центр (прииск «Высочайший» (Бодайбинский район) и т. д.), переходом в частную собственность крупных стратегических объектов (порт «Осетрово» (Усть-Кутский район) и т. д.) и транспортной изолированностью от крупных промышленных и торговых центров (Бодайбинский, Мамско-Чуйский, Киренский и Катангский районы). Для муниципальных образований северных районов Иркутской области характерны одни и те же проблемы, которые связаны с неблагоприятным географическим расположением района, спадом или отсутствием промышленного производства, низкой инвестиционной привлекательностью территории, большим предпринимательским риском.

Главной проблемой северных территорий можно определить транспортную «изоляция» от крупных промышленных центров и путей грузоперевозок. В наибольшей степени это касается Катангского, Мамско-Чуйского, Бодайбинского и Киренского районов. Трудности в доставке грузов определяют и политику ценообразования. Так, например, в Мамско-Чуйском районе в осенне-весенний период доставка грузов осуществляется только авиатранспортом (стоимость перевозки 1 тонны груза составляет 52,0 тыс. руб., в период распутицы доставка грузов в район дороже, что в 5,5 раз, чем автотранспортом и железной дорогой), а в летнее время доставка грузов в поселения осуществляется из пос. Таксимо автотранспортом, при этом от Мамакана до пос. Мама – водным транспортом, где фактическая стоимость 1 т/км составляет 21,2 руб., а автотранспортом всего 3,8 руб.

Изолированность района от транспортных коммуникаций развитых территориально-промышленных комплексов Восточной Сибири создает дополнительные проблемы в социально-экономической жизни районов и сдерживает их развитие.

Высокий уровень безработицы и высокие цены на продукты питания (кефир в г. Бодайбо стоит 120 руб.) обуславливают ухудшение

криминогенной ситуации в районах и определяют характер противозаконных деяний. Так, в пос. Мама самым распространенным правонарушением среди молодежи является воровство продуктов питания.

Одной из важнейших проблем развития северных территорий является упадок жилищно-коммунальной инфраструктуры. Жилищный фонд имеет высокую благоустроенность – 90,5 %.

Жилые дома имеют следующее оборудование: водопровод, канализацию, центральное отопление, горячее водоснабжение в виде прямого водоразбора из систем отопления, ванны. Степень износа жилищного фонда составляет 40–70 % (табл. 1, 2). Так, например, затраты на содержание поселков Согдиондон и Горно-Чуйский (Мамско-Чуйский район) составили за 2011 г. 123,2 млн руб., из них на содержание ЖКХ – 56,3 % всех затрат, бюджетных учреждений – 18,5 %, органов местного самоуправления – 4,6 %, содержание ЛЭП, автодороги – 20,8 %. Однако так называемая внутренка находится в неудовлетворительном состоянии (затопление жилых построек в пос. Мама при пробном запуске отопления в сентябре 2012 г.).

Отсутствие горячей воды в теплое время года и электроснабжения в течение светового дня стало нормой для жителей пос. Мама (электричество подается рано утром на 1–2 ч (в 8 ч утра его отключают) и вечером). В среднем при заработной плате 7–9 тыс. руб. оплата за жилье и коммунальные услуги составляет от 5 тыс. руб. и выше (имеются в виду одно-, двухкомнатные квартиры и дома).

Единственной энергоснабжающей организацией в районе является филиал «Мамско-Чуйские электрические сети» ОГУП «Облкоммунэнерго». Электроснабжение осуществляется по ЛЭП-110 Таксимо (БАМ) – Мамакан. От Мамаканской ГЭС по ЛЭП-110 Мамакан – Мусковит – Мама. Протяженность линий электропередач составляет 450 км.

Электрические сети находятся в ветхом состоянии, необходим капитальный ремонт. Из-за большой изношенности основных фондов производятся частые отключения энергоснабжения, что препятствует устойчивой работе предприятий и является фактором риска. За 2006 г. произошло более 100 аварий. Структуру потребителей электроэнергии поселения составляют: организации и предприятия – 38 %, население – 50 %, прочие потребители – 12 %.

Таблица 1

Жилой фонд Мамско-Чуйского района

Муниципальное образование, населённый пункт	Численность населения, тыс. чел.	Жилой фонд							
		Всего		в том числе:					
				Муниципальный		Ведомственный		Частный	
		ед.	тыс. м ²	ед.	тыс. м ²	ед.	тыс. м ²	ед.	тыс. м ²
Пос. Мама	3,87	645	100,2	511	92,24	4	0,5	130	7,42
Пос. Витимский	0,526	69	16,13	67	16,08			2	0,05
Пос. Колотовка	0,186	55	6,04	54	5,99			1	0,05
Пос. Мусковит	0,197	72	6,94	70	6,85			2	0,09
Пос. Луговский	0,525	76	17,02	76	17,02				
Пос. Согдиондон	0,308	46	9,65	46	9,65				
Пос. Горно-Чуйский	0,397	73	10,34	69	10,08			4	0,26
п. Усть-Чуя	0,042	36	1,24	36	1,24				
Итого	6,051	1072	167,5	929	159,15	4	0,5	139	7,87

Таблица 2

Обеспеченность Мамско-Чуйского района центральным отоплением

Муниципальное образование, населённый пункт	Оборудованный центральным отоплением								Износ 31–65 %		Ветхий жилой фонд	
	Всего		в том числе:									
			Муниципальный		Ведомственный		Частный		Муниципальный		Муниципальный	
	ед.	тыс. м²	ед.	тыс. м²	ед.	тыс. м²	ед.	тыс. м²	ед.	тыс. м²	ед.	тыс. м²
Пос. Мама	355	81,39	232	73,48	4	0,5	119	7,41	248	48,7	135	41,84
Пос. Витимский	23	12,64	21	12,59			2	0,05	21	5,34	35	10
Пос. Колотовка	37	4,88	36	4,83			1	0,05	13	1,85	29	3,7
Пос. Мусковит	0	0	0	0			0	0			42	4,64
Пос. Луговский	46	14,09	46	14,09			0	0	15	7,61	35	8
Пос. Согдиондон	28	8,30	28	8,3			0	0	14	4,02	26	6,25
Пос. Горно-Чуйский	44	7,08	42	7,00			2	0,08	20	3,86	45	7,59
Пос. Усть-Чуя									12	0,44	24	0,8
Итого	533	128,4	405	120,3	4	0,5	124	7,59	343	71,8	371	82,8

Слабое развитие социальной инфраструктуры, безработица (в Мамско-Чуйском районе на 2010 г. безработица составляла 5,3 %, что в 2,5 раза выше среднего показателя по области), низкая заработная плата ведут к оттоку населения из северных районов в крупные города. Сокращение населения носит катастрофический характер (пос. Луговский (Мамско-Чуйский район) при СССР насчитывал 3500 жителей – сейчас около 300). В Катангском районе было 11 муниципальных образований низового поселенческого уровня, сейчас – 4 (упразднены Бурское, Еремское, Кондогирское, Оськинское, Токминской, Икское, Наканновское МО), в Киренском районе было 18 муниципальных образований – осталось 12, (упразднены Никулинское, Змеиновское, Красноярское, Кривошапкинское, Сполошинское, Ульканское, Усть-Киренгское, Чечуйское МО, добавлены Юбилейнинское, Небельское МО, сокращение составляет 6 МО), в Бодайбинском районе было 9 муниципальных образований – осталось 6 (упразднены Мараканское, Патомское, Синюгинское МО), в Мамско-Чуйском районе было 6 муниципальных образований – осталось 5, но сейчас согласно программе социально-экономического развития до 2015 г. предполагается сократить еще 2 муниципальных образования низового поселенческого уровня (Горно-Чуйское и Согдиондонское). Выписка из постановления № 146 от 24 июля 2012 г. администрации Мамско-Чуйского района звучит таким образом: «В связи с ликвидацией производства в поселках Согдиондон, Горно-Чуйский Мамско-Чуйского района, удаленностью и неперспективностью данных поселков, с целью сокращения затрат на их содержание, улучшения условий проживания граждан, руководствуясь Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”, Уставом муниципального образования Мамско-Чуйского района, распоряжением администрации Мамско-Чуйского района от 14 июня 2012 г. № 224 “О разработке долгосрочной целевой программы Мамско-Чуйского района “Переселение граждан из отдаленных неперспективных населенных пунктов Мамско-Чуйского района – пос. Согдиондон, пос. Горно-Чуйский в период 2013–2015 годы” упразднить Согдиондонское и Горно-Чуйское муниципальные образования». Горно-Чуйское и Согдиондонское муниципальные образования являются самыми отдаленными от районного центра населенными пунктами в Мамско-Чуйском районе (118 и 150 км соответственно). В пос. Согдиондон зарегистрировано 366 человек, фактически проживает 275. В пос. Горно-Чуйском – 414 и 276 соответственно, 44,7 % проживают за его пределами.

Проведенный социологический опрос в г. Усть-Куте, г. Бодайбо, пос. Мама, пос. Мамакан показал, что большинство опрошенных респондентов уедут в ближайшее время или хотят уехать, но не имеют такой возможности. При таком же социологическом исследовании в Нижнеудинском районе результаты получились абсолютно противоположными. На вопрос «Как Вы думаете, почему люди уезжают в другие районы?» самыми популярными ответами жителей Бодайбинского и Мамско-Чуйского районов были: «Низкая заработная плата», «Низкий уровень развития социальной инфраструктуры» и «Безработица». Наиболее часто бывающие эмоции – разочарование, тревога, опасение; радость и позитивные эмоции часто испытывают только подростки. В геополитическом плане главная функция населения – закрепление за собой территории как собственности государства и удержание ее под своей юрисдикцией.

Социально-экономическое развитие северных районов Иркутской области невозможно без выработки комплексной программы, направленной на решение задач по улучшению уровня жизни населения и промышленного освоения территории, а также финансового обеспечения данного мероприятия.

Проблемы местного самоуправления на примере Ангарского муниципального образования и Ангарского городского поселения

Е. Ю. Александров

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН

Местное самоуправление в Российской Федерации – самостоятельная инициативная деятельность местных сообществ по решению вопросов местного значения. В качестве публичной власти, приближенной к населению, местное самоуправление обеспечивает защиту интересов граждан. Признание местного самоуправления в качестве одного из конституционных принципов организации и осуществления власти предполагает учреждение независимой децентрализованной системы управления, закрепление демократических основ взаимоотношений центра и мест. Для эффективного функционирования государства необходим баланс государственных и местных интересов, т. е. совместных интересов граждан каждого отдельно взятого населенного пункта. Особую роль местное самоуправление играет в становлении российского гражданского общества, являясь наряду с этим устройством формирования этого общества. Включение членов

местного сообщества в процесс принятия общественно значимых решений – реальная возможность осуществления народовластия. Правовая оформленность системы местного самоуправления, компетенция властных структур, границы осуществления полномочий и гарантии деятельности определяются на федеральном уровне не только Конституцией РФ, но и Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а на уровне субъектов – региональными законодательными актами.

Ангарское муниципальное образование (АМО) как целостная территориально-административная единица существовала на карте Иркутской области с 1 октября 1993 г. 16 декабря 2004 г. депутатами Законодательного собрания Иркутской области в ускоренном порядке был принят региональный закон № 105-оз «О статусе и границах муниципальных образований Ангарского района Иркутской области». Принятие областного нормативного документа отрицательно отразилось на АМО и выразилось в следующем: 1) произошло разделение единой территориально-административной единицы на городские и сельские поселения; 2) значительно возросла численность управленческого аппарата; 3) полномочия, переданные на уровень поселений, не были обеспечены достаточной налоговой базой; 4) Ангарск стал дотационной территорией и потерял статус одного из основных «городов-доноров» региона.

В период с 2005 по 2007 г. недочёты и пробелы как федерального, так и регионального законов удавалось сглаживать за счёт слаженной работы глав администраций А. П. Козлова и Е. П. Канухина, представителей крупного пищевого холдинга межрегионального значения ОАО «Каравай». Начиная с 2005 г. администрации АМО и Ангарска предпринимали попытки проведения сбора подписей населения с целью организации референдума о преобразовании раздробленного муниципалитета в Ангарский городской округ. В феврале 2006 г. идея референдума была одобрена депутатским корпусом всех дум городских и сельских поселений, кроме Одинска. В апреле 2006 г. состоялся референдум. Проголосовали «за»: в городе – 89 % (явка 67 %); в пос. Мегет – 56 % (явка 55 %); в Савватеевке – 58 % (явка 69 %). Одинское сельское поселение отказалось от проведения референдума на своей территории, и сроки его были перенесены на весну 2007 г. В дальнейшем депутаты Думы данного сельского поселения вторично отказались назначить новую дату референдума. Таким образом, решение вопроса об образовании Ангарского городского округа было отложено на неопределённое время.

В декабре 2007 г. по итогам очередных муниципальных выборов главой города был избран Л. Г. Михайлов. С приходом в администрацию Ангарска новой управленческой команды возникли противоречия между администрациями Ангарска и АМО, так как Л. Г. Михайлова на выборах поддерживали крупные предприятия с градообразующей ролью (АНХК, АЭХК и АУС), а А. П. Козлова – крупный пищевой холдинг межрегионального значения ОАО «Каравай». Эти противоречия привели к значительному обострению проблемы «двоевластия».

Напряжённость в отношениях между городом и районом продолжалась до октября 2010 г., когда прошли очередные муниципальные выборы депутатов Думы АМО (рис.).

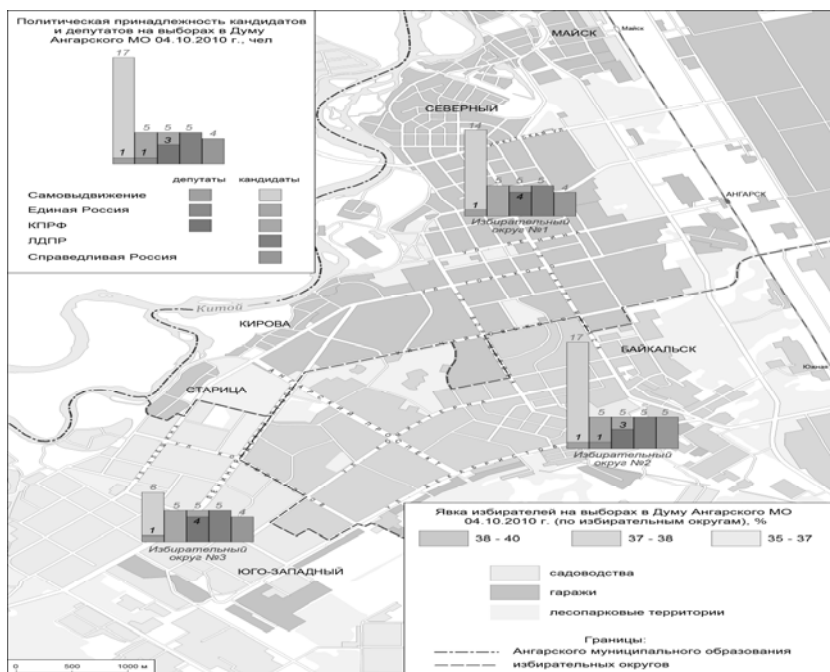

Рис. Карта выборов депутатов Думы АМО в 2010 г.

Согласно поправкам, внесённым в Устав АМО, теперь новый мэр района избирается не всеобщим голосованием на муниципальных выборах, а депутатами Думы. Новым мэром был избран В. В. Жуков, а сити-мэнеджером стал А. А. Медко. С приходом новой команды активизировался процесс налаживания стабильных рабочих отношений между городом и районом.

Процесс решения проблемы двоевластия и создания на территории АМО городского округа возобновился в 2011 г. В него включились не только властные структуры города и района, но и общественность. Были рассмотрены варианты уже состоявшихся объединений территорий в городские округа, таких как Домодедово, Старый Оскол и Лысьва. Для АМО наиболее подошёл вариант Лысьвенского городского округа [1, с. 6–7].

Процесс споров и возражений по поводу создания Ангарского городского округа завершился назначением на 4 марта 2012 г. референдума на территории Ангарского городского поселения. В бюллетень был внесён один вопрос со сложной юридической формулировкой: «Согласны ли Вы преобразовать муниципальное образование “город Ангарск”, наделённый статусом городского поселения, путём изменения статуса городского поселения в связи с наделением его статусом городского округа?». Процедура пребисцита была совмещена с выборами Президента РФ, в которых приняло участие 58,7 % от общей численности избирателей, из них 84 % поддерживали идею преобразования. Но проведение референдума на территории Ангарска ещё не означало автоматическое создание Ангарского городского округа. Своё согласие должны были дать не только депутаты дум Мегета, Савватеевки и Одинска, но и местное население. Предполагалось, что если все политические силы АМО придут к единому мнению, то в июле 2012 г. Законодательное собрание Иркутской области примет новый закон о новом статусе Ангарска, а в октябре 2012 г. состоятся выборы мэра и Думы городского округа в границах Ангарского района (АМО). Тренды решения проблемы двоевластия и образования Ангарского городского округа приведены в табл. 1.

В итоге решение проблемы «двоевластия» и создания на территории АМО городского округа стало развиваться по отрицательному сценарию. 14 октября 2012 г. прошли выборы главы города и депутатов городской Думы (табл. 2).

Явка избирателей составила 30,35 %. Низкий показатель явки объясняется тем, что избирательная кампания проходила в очень сложной обстановке с применением «грязных» политических технологий, которые в основном были направлены на дискредитацию В. В. Жукова.

Таблица 1

Тренды решения проблемы «двоевластия» и создания
Ангарского городского округа

Дата	Политическое мероприятие	Итоги политического мероприятия
21 марта 2012 г.	Заседание Думы Одинаска	Публичные слушания назначаются на 2 апреля 2012 г., но не состоялись из-за протеста прокурора Ангарска
26 марта 2012 г.	Заседание Думы Савватеевки	Публичные слушания назначаются на 3 апреля 2012 г. В конце заседания депутаты отменяют своё решение
11 апреля 2012 г.	Публичные слушания в Ангарске	Участники публичных слушаний высказались за объединение и создание Ангарского городского округа
3 мая 2012 г.	Публичные слушания в Мегете	Зарегистрировано 150 человек; за объединение – 94 чел.; против объединения – 62 чел.

Таблица 2

Выборы главы Ангарского городского поселения

Ф. И. О кандидата на пост главы городского поселения	Кем выдвинут	Количество поданных голосов	% поданных голосов
Бренюк Сергей Алексеевич	КПРФ	8024	14,43
Жуков Владимир Валентинович	самовыдвижение	24 270	43,64
Ищенко Эдуард Александрович	«Коммунисты России»	1237	2,22
Курочкин Валерий Иванович	«Яблоко»	2078	3,74
Петров Сергей Анатольевич	самовыдвижение	18 317	32,94

Таким образом, в Ангарском муниципальном образовании появились новые политические проблемы местного самоуправления: 1) в связи с избранием мэра АМО В. В. Жукова главой Ангарского городского поселения пост мэра района стал вакантным; 2) обострились политические разногласия между администрацией АМО, сити-менеджером и депутатским корпусом районной Думы; 3) депутаты Думы АМО не могут найти между собой общий политический консенсус и избрать нового мэра; 4) сложившаяся политическая нестабильность во властных структурах АМО мешает нормальной плановой работе; 5) отсутствие работоспособной районной думы может привести к её досрочному роспуску и назначению внеочередных муниципальных выборов; 6) внеочередные выборы депутатов Думы АМО позволят в очередной раз активизировать процесс создания Ангарского городского округа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Е. Ю. «Двоевластие» в Ангарске: Ангарское муниципальное образование и Ангарское городское поселение // Шестые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения. В 3 т. Т. 1 : материалы / ФГБОУ ВПО «ИГУ». – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – С. 3–8
2. Офиц. портал администрации АМО [Электронный ресурс]. – URL: www.angarsk-adm.ru
3. Офиц. портал администрации г. Ангарска [Электронный ресурс]. – URL: www.angarsk-goradm.ru

Полимасштабный подход к проблеме «сибирского проклятия»

И. Д. Блинов

Иркутский государственный университет путей сообщения

Речь пойдёт о книге американских авторов Клиффорда Гэдди и Фионы Хилл «Сибирское проклятие. Как коммунистические планы выставили Россию на холод» [1]. Она уже успела получить широкую критику со стороны сибирских учёных, в частности: А. В. Мельникова (Новосибирск) [5], Ю. А. Зуляра [2; 3], Л. А. Безрукова [4, с. 3–5], Л. М. Корытного (Иркутск). Автору хотелось бы отметить лишь некоторые аспекты, которые остались незатронутыми.

Данная книга опасна не только тем, что создаёт неверные ассоциации в зарубежной среде, но ещё и тем, что среди крупных отечественных учёных, главным образом в Москве, появляются сторонники подобной «теории сжатия», основанной на весьма смелой трактовке исторических и географических фактов. Среди них Б. Б. Родоман, Ю. Л. Пивоваров, В. А. Шупер, Ю. Н. Гладкий и др. Но в данной работе автор не будет доказывать, что подобные воззрения создают ту или иную угрозу для территориальной целостности страны. Займёмся научной критикой концепции «сжатия» с чисто географических позиций.

Самая главная, но, возможно, добросовестная ошибка последователей данной концепции заключается в точечном подходе к Сибири и её проблемам.

Во-первых, и автор испытывал это не раз на собственном опыте, когда за рубежом узнают, что вы из Сибири, сразу задают такой вопрос: «О! Там у вас, наверное, очень холодно?» Конечно, при этом ассоциации строятся на основе известных стереотипов, но даже стереотип о холоде нельзя одинаково применять к такой разной и обширной территории.

Во-вторых, данные зарубежные исследователи очень часто сливают воедино географические понятия «Сибирь» и «Крайний Север», а также в Сибирь включают Урал и Дальний Восток, особенно там, где им это выгодно. Это происходит потому, что они, к своему несчастью, имеют смутное представление о географии нашей страны. Кроме того, авторы считают возможным применять те или иные утверждения к Сибири в целом.

Возьмём для сопоставления Норильск и Иркутск. Да, уникальностью Норильска в своё время действительно гордились. Рассуждать об его экономической эффективности автору на данный момент затруднительно. Однако в отношении этого города с Гэдди и Хилл можно согласиться по двум пунктам:

а) город и его агломерация действительно возникли в советское время, в экстремальных условиях заполярья;

б) строительство комбинатов и самого города производилось непосредственно ГУЛАГом.

Но перейдём к Иркутску. Гэдди и Хилл утверждают, что коммунисты выставили Россию на холод. Однако в отличие от Норильска, который действительно не существовал до прихода советской власти, Иркутск, наряду со множеством других сибирских городов, не только был основан, но получил статус города и обладал достаточно крупной по тем временам численностью населения задолго до революции. Кроме того:

1. Иркутск расположен в южной части Восточной Сибири в умеренном поясе и его среднеянварская температура составляет –17,9 °С, т. е. в гораздо более пригодных для жизни условиях, чем Норильск, который находится в субарктическом поясе и среднеянварская температура составляет –37 °С.

2. На обширной территории вокруг Иркутска истари проживало коренное население, успешно занимавшееся кочевым скотоводством. И уже к приходу русских колонизаторов местное население отличалось более высоким уровнем развития по сравнению с северо-сибирскими народами.

3. Помимо скотоводства, здесь существуют возможности для устойчивого земледелия. Пусть эти возможности и хуже, чем в центральных и чернозёмных районах, но они оказались достаточными для привлечения сюда крестьян как из Центральной России и Белоруссии, так и из климатически гораздо более благоприятной Малороссии ещё до революции, главным образом во время Столыпинских реформ.

На момент переписи населения 1897 г. в Иркутске проживало уже 51,5 тыс. чел., и, несмотря на потери от голода, эмиграции и

Гражданской войны, к 1925 г. оно достигло 98,8 тыс. чел. (увеличилось без малого в 2 раза). Таким образом, города сопоставимых размеров с провинциальными городами Европейской России (по данным переписи 1897 г.) уже были в Сибири до прихода коммунистов к власти, другое дело, что их было немного. Однако в самом начале XX в. стремительно выросло население Ново-Николаевска, который насчитывал всего 8 тыс. в 1897 г., но к 1915 г. количество его жителей увеличилось до 70 тыс., что повысило статус этого города до революции (табл.).

Таблица

Сравнение населения городов Сибири с сопоставимыми провинциальными городами Европейской России на 1897 г.

Название города	Население, тыс. чел.	Название города	Население, тыс. чел.
Царицын	55,2	Томск	52,2
Иваново-Вознесенск	54,2	Иркутск	51,5
Тверь	53,6	Омск	37,4
Калуга	49,5	Тюмень	29,5
Тамбов	48	Красноярск	26,7
Смоленск	46,7	Барнаул	21,1
Рязань	46,1	Тобольск	20,4
Кострома	41,3	Бийск	17,2
Сызрань	32,4	Колывань	11,7
Псков	30,5	Чита	11,5
Владимир	28,5	Енисейск	11,5
Белгород	26,6	Минусинск	10,2
Новгород	25,7	Троицкосавск	8,8
Рыбинск	25,3	Ново-Николаевск (город с 1903 г.)	8

Иркутск к тому времени уже успел стать крупным транспортным центром, расположенным на железнодорожной магистрали и гужевом тракте. Кроме того, он являлся административным центром не только губернии, но и генерал-губернаторства, гораздо более крупной территории, включавшей Восточную Сибирь, Забайкалье, а некогда и Дальний Восток (до 1884 г.) Да, за годы советской власти число жителей Иркутска выросло почти в десять раз, но это происходило в равной мере и в подавляющем большинстве других городов такого ранга по всей стране.

Теперь возьмём Братск. Этот город лишь формально приравнен к районам Крайнего Севера. Он расположен севернее Иркутска, но на той же широте, что Красноярск и Новосибирск. Изначально в 1631 г. поблизости возник острог, который так и не стал городом не то что до революции, но и вплоть до начала строительства Братской

ГЭС. Однако сейчас это второй по населению город области, и его расположение придаёт ему статус потенциальной столицы для северной части региона. Казалось бы, яркий пример советской индустриальной стройки, но строили новый город не на Крайнем Севере, не в условиях ГУЛАГа, не согласно равномерному распределению производительных сил по Энгельсу, которое усиленно критикуют Гэдди и Хилл в рамках проработанной специально для Сибири концепции ТПК, аналогичной зарубежной ТПР.

На наш взгляд, точечный подход в географии столь же неправомерен, как и точечный подход в истории. Американские авторы сводят в одну точку различные моменты в истории Российской империи и Советского Союза, отождествляют строительство совершенно разных производственных комплексов, городов, предприятий. Таким образом, мы видим, что полимасштабное и пространственное рассмотрение проблемы не оставляет камня на камне от некоторых положений, основанных на точечном подходе.

Ретроспективный анализ освоения Сибири – это, конечно, интересное и полезное занятие, в целом ряде случаев он очевидно укажет на ошибки, сделанные в предшествующие годы. Но такой анализ должен обязательно быть пространственным и полимасштабным.

Литература

1. Gaddy, C., Hill, F. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Washington D.C. : Brookings Institution Press, 2003.
2. Зуляр Ю. А. Предвзятый взгляд на индустриализацию Сибири. Ч. 1 // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2011. – № 1. – С. 29–41.
3. Зуляр Ю. А. Предвзятый взгляд на индустриализацию Сибири. Ч. 2 // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2011. – № 2. – С. 40–53.
4. Историческая география Азиатской России : материалы Всерос. науч. конф. Иркутск, 28–30 ноября 2011 г. / под ред. Ю. А. Зуляра, Л. М. Корытного. – Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2011. – 214 с.
5. Проблемные регионы ресурсного типа: Азиатская часть России / под ред. В. А. Ламина, В. Ю. Малова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. – 386 с. – (Интеграционные проекты СО РАН ; вып. 4).

Партийные кандидаты на региональных парламентских выборах в Прибайкалье в конце XX – начале XXI в.

В. А. Гук

Иркутский государственный университет путей сообщения

Участие региональных партий и региональных отделений федеральных политических партий Прибайкалья в формировании местных парламентов в конце XX – начале XXI в. было не одинаковым по интенсивности: более чем умеренным в 90-е гг. XX в. и более интенсивным в начале XXI в.

На выборах в Законодательное собрание Иркутской области в 1994 г. качестве избирательных объединений были зарегистрированы 15 общественных объединений, среди которых 4 политические партии: Иркутские областные организации АПР и КПРФ, Иркутский христианско-демократический союз и Иркутское региональное отделение политической партии «Выбор России».

Из 179 кандидатов 33 было выдвинуто избирательными объединениями, в том числе только 9 (!) кандидатов партиями: 7 кандидатов от КПРФ и 2 – от «Выбора России». Среди кандидатов доминировали самовыдвиженцы – 146 [1].

Роль региональных отделений политических партий на первых выборах была практически незаметной. Причин, на наш взгляд, здесь несколько:

во-первых, региональные отделения политических партий были крайне малочисленны и многие из них были не зарегистрированы;

во-вторых, избиратели прежде всего ориентировались не на политические партии, а на местную политическую элиту, которая на этом этапе не связывала себя с какими-либо партиями (проще выбирать знакомых лидеров, чем малознакомых выдвиженцев партий).

По этим же причинам невысокой была роль партий и при выдвижении кандидатов во второй состав Законодательного собрания. При подготовке к выборам в Законодательное собрание Иркутской области в 1996 г. на 45 мест претендовали 193 кандидата. Причем выдвиженцев от партий было всего 17, из которых 10 – от КПРФ, 5 – от ЛДПР, 1 – от АПР, 1 – от Иркутского христианско-демократического союза. Как и на выборах 1994 г., среди кандидатов больше всех было самовыдвиженцев – 151 [8].

Показателен результат выборов: ни один выдвиженец от партий избран не был, что говорит о роли партий в политической жизни региона в этот период.

Первые выборы нового представительного органа власти Усть-Ордынского Бурятского АО (УОБАО) – Законодательного собрания (с 1995 г. – Дума) прошли 27 марта 1994 г. 15 депутатов парламента автономного округа избрали альтернативным народным голосованием в одномандатных округах. Все кандидаты были выдвинуты инициативными группами либо были самовыдвиженцами.

На выборах депутатов УОБАО 17 марта 1996 г. впервые была апробирована смешанная избирательная система. Из 19 депутатов Думы по спискам избирались всего 4. Автономный округ был в числе первых субъектов, апробировавших на местном уровне пропорциональную систему. Этот факт был удивителен тем, что региону, в котором отсутствует городское население, казалась более подходящей мажоритарная система при формировании местного парламента: в поселках и деревнях легче голосовать за конкретного человека, чем за партию (все друг друга знают!). Тем не менее, руководство округа пошло на смешанную избирательную систему.

В выборах намеревались принять участие пять списков, но были зарегистрированы только четыре: Усть-Ордынская окружная организация КПРФ, Усть-Ордынское отделение Всероссийского общественно-политического движения «Наш Дом – Россия», Усть-Ордынское отделение общероссийского общественного движения «Реформы – новый курс», Усть-Ордынская окружная общественная организация «Совет женщин округа».

Списку регионального объединения «Народный дом» было отказано в регистрации за нарушение требований к представленным подписям.

Поскольку местная партия власти (движение «Наш дом – Россия») существенно проиграла списочные выборы не только коммунистам, но даже «Совету женщин» – организации далекой от политики, власти округа сочли выборы по спискам излишними, и уже на следующих выборах 2000 г. все 15 депутатов избирались в Думу Усть-Ордынского Бурятского автономного округа по одномандатным округам [2].

Не изменилась роль политических партий Прибайкалья и в избирательных кампаниях 2000 г. Так, например, на выборах в Законодательное собрание Иркутской области 25 июня 2000 г. о своем намерении баллотироваться в депутаты уведомили окружные избирательные комиссии 188 кандидатов, сдали документацию на регистрацию 177. Основными инициаторами выдвижения были избиратели, ими выдвинуто 168 кандидатур. 17 были самовыдвиженцами и только 3 (!) выдвинуты избирательными объединениями и блоками [3].

На выборах в Думу Усть-Ордынского Бурятского автономного округа 19 ноября 2000 г. на 15 мест претендовало 59 кандидатов, из которых 32 были выдвинуты избирателями и 27 были самовыдвиженцами [4].

И только с принятием закона «О политических партиях» (2001 г.) и с введением смешанной избирательной системы (2003 г.) при формировании законодательных органов субъектов Российской Федерации региональные отделения политических партий активизировали свою деятельность.

14 марта 2004 г. в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе при выборах Думы 7 избранных депутатов по мажоритарной системе были выдвинуты партиями, в выборах участвовало 4 избирательных объединения («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, АПР) [5].

Региональные отделения политических партий проявили должную активность при подготовке к выборам в Законодательное собрание Иркутской области, которые проводились 10 октября 2004 г. впервые по смешанной избирательной системе: было зарегистрировано 9 партийных списков. Официально было отказано в регистрации Народно-патриотической партии России, так как, заявив о выдвижении, НППР впоследствии не представила никаких документов на регистрацию.

Пятипроцентный барьер, дающий право на распределение депутатских мандатов по областному избирательному округу, преодолели 5 региональных отделений политических партий и один избирательный блок.

По одномандатным избирательным округам депутатские мандаты получили 12 представителей от политических партий, а также 9 кандидатов, выдвинутых в порядке самовыдвижения [6].

На выборах депутатов Законодательного собрания обновленной Иркутской области 12 октября 2008 г. кандидаты выдвигались непосредственно либо в составе списка кандидатов по единому избирательному округу.

По информации Управления Федеральной регистрационной службы по Иркутской области правом на участие в выборах депутатов Законодательного собрания обладали 25 политических партий и региональных отделений политических партий.

Семь избирательных объединений выдвинули 101 кандидата для выборов в одномандатных и одном четырехмандатном (Усть-Ордынском) избирательных округах и 224 кандидата по единому избирательному округу (табл. 1).

Таблица 1

Избирательные объединения, выдвинувшие кандидатов в депутаты
Законодательного собрания Иркутской области на выборах
12 октября 2008 г. [7]

Наименование избирательного объединения	Число кандидатов, выдвинутых по одномандатным (четыrehмандатному) избирательным округам	Число кандидатов, выдвинутых по единому избирательному округу
Иркутское региональное отделение политической партии «ПАТРИОТЫ РОССИИ»	9	27
Иркутское областное отделение политической партии «Аграрная партия России»	10	36
Региональное отделение Политической партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ: РОДИНА/ПЕНСИОНЕРЫ/ЖИЗНЬ» в Иркутской области	18	34
Иркутское региональное отделение Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ»	25	42
Иркутское областное отделение политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации»	18	30
Иркутское региональное политической партии «Либерально-демократическая партия России»	16	27
Иркутское региональное отделение политической партии «Российская экологическая партия «Зеленые»	5	28
Всего	101	224

Единственным партийным списком, получившим отказ в регистрации на иркутских выборах 2008 г., оказался список «Патриотов России», в котором 23,2 % подписей избирателей были признаны недействительными.

Большой интерес представляет количество успешных партий (блоков), которые смогли преодолеть заградительный барьер в ходе проведения выборов в Законодательное собрание Иркутской области и в Думу Усть-Ордынского Бурятского АО (табл. 2).

Число участников в избирательных кампаниях по выбору депутатов региональных парламентов по пропорциональной системе свидетельствует о высокой конкуренции среди партий региона.

Таблица 2

Количество партий и избирательных блоков, участвовавших в выборах парламентов Иркутской области и УОБАО и допущенных к распределению мандатов

Дата проведения выборов по смешанной избирательной системе	Кол-во партий, участвовавших в выборах	Кол-во партий, допущенных к распределению мандатов
27 марта 1996 г. – выборы в Думу в УОБАО	5	3
14 марта 2004 г. – выборы в Думу в УОБАО	4	2
19 октября 2004 г. – выборы в Законодательное собрание Иркутской области	11	6
12 октября 2008 г. – выборы в Законодательное собрание Иркутской области	6	4

Таким образом, история избирательных кампаний в Прибайкалье в конце XX – начале XXI в. позволяет сделать следующие выводы:

– уровень активности подавляющего большинства партий в регионах в 90-е гг. XX в. был крайне низок, многие региональные сети являлись фиктивными;

– с принятием закона «О политических партиях» и изменением избирательного законодательства политические партии Прибайкалья стали активнее участвовать в избирательных кампаниях, выдвигая не только списки кандидатов, но и кандидатов по мажоритарным округам. При этом прослеживается тенденция к снижению количества кандидатов, выдвинутых в порядке самовыдвижения;

– на фоне общего для страны сокращения в течение последних лет уровня политической конкуренции и числа зарегистрированных партий выборы Законодательного собрания Иркутской области были одними из самых конкурентных в нулевые годы (2004 г. – 11 участников, 2008 г. – 6);

– наиболее активными участниками избирательных кампаний в Прибайкалье являлись «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, АПР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вост.-Сиб. правда. 1994. 12 февр.
2. Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы [Электронный ресурс]. URL: http://www.vibory.ru/Publikat/PES/ch-3-1.htm#_Toc1128311043
3. Выборы в органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1997–2000. Электоральная статистика. В 2 т. Т. 1. М.: Весь мир, 2001.
4. Выборы в Российской Федерации. 2004. Электоральная статистика. М., 2005.
5. Выборы депутатов Законодательного Собрания Иркутской области. 2004. Электоральная статистика. Иркутск, 2005.
6. Выборы депутатов Законодательного Собрания Иркутской области первого созыв. Электоральная статистика / отв. ред. В. В. Игнатенко // Временная избирательная комиссия по выборам депутатов Законодательного собрания Иркутской области первого созыва. Иркутск, 2008.
7. Пронин Ю. Регистрация завершена // Вост.-Сиб. правда. 1996. 16 мая.

Рынок образовательных услуг и социально-экономические проблемы Приангарья

О. Л. Трахтенберг

Ангарская государственная техническая академия

Наличие высокообразованных квалифицированных профессионалов – одно из основных условий динамичного развития экономики региона, повышения его конкурентоспособности, социального и культурного развития.

Рынок образовательных услуг взаимодействует с рынком инвестиций региона и рынком труда. Государство декларирует и признает образование сферой инвестиций в человеческий капитал, повышающий интеллектуальный и культурный уровень жизни общества. Реализуя свою политику и являясь заинтересованной стороной рынка образовательных услуг, государство выступает в качестве основного инвестора. В данном случае бесплатная образовательная услуга (бюджетные места) может рассматриваться таковой только для части населения, но не бесплатной для государства и общества в лице всех налогоплательщиков. Гражданами образование рассматривается как сфера стратегических инвестиций в свое будущее. Заинтересованной стороной и скрытыми потребителями образовательных услуг являются работодатели. Используя широкий выбор на рынке труда и конкуренцию, работодатели имеют возможность, меняя наемных работников, занижать зарплату, не выполнять социальные гарантии, повышать свои требования к ним по части профессиональной подготовки, не всегда обоснованные, стимулируя тем самым вкладываться в дальнейшее повышение образования. Интересы самих наемных работников, которые должны защищать профсоюзы в соответствующих отраслях экономики, на сегодняшний день представлены слабо и почти ничем не защищены.

В связи с вышесказанным наиболее востребованным является получение высшего образования, так как именно с ним связываются карьерный рост, получение достойной заработной платы и иных доходов, удовлетворение требований работодателей, более высокий социальный статус. Стремление населения к получению различного рода образовательных услуг (в том числе переквалификации, получения дополнительного образования, повышения его уровня на различных сокращенных сроках обучения, второго высшего образования, и т. п.) способствовало расширению сети высших учебных заведений.

Численность студентов государственных высших учебных заведений в Иркутской области, по данным Областного комитета государственной статистики, за последние 10 лет увеличилась с 82,9 тыс. чел. в 2000/2001 г. до 118,2 тыс. чел. в 2009/2010 г. [1, с. 66]. (табл. 1).

Таблица 1

Численность студентов гос. высших учебных заведений (тыс. чел.)

Учебный год	2000/2001	2005/2006	2007/2008	2008/2009	2009/2010
Общее число студентов	82,9	120,6	122,0	120,4	118,2
В том числе дневных отд-ний	48,4	69,1	69,0	66,3	63,6

В то же время происходило постепенное сокращение численности студентов в учреждениях начального профессионального и среднего специального образования за счет падения спроса на данный вид образования и по демографическим причинам. Численность студентов государственных средних специальных учебных заведений сократилась с 42,8 тыс. чел. в 2000/2001 г. до 38,0 тыс. чел. в 2009/2010 г. [1, с.65] (табл. 2), в результате чего Министерством образования Иркутской области было принято решение об объединении этих однопрофильных учебных заведений. Училища становились колледжами или техникумами, рабочие специальности заметно сократились, были преобразованы под потребности развивающегося рынка в виде специальностей сферы торговли, финансов и кредита, управления, страхования, бытовых услуг, услуг рекламы, туризма и т. п.

Таблица 2

Численность студентов государственных средних учебных заведений (тыс. чел.)

Учебный год	2000/2001	2005/2006	2007/2008	2008/2009	2009/2010
Общее число студентов	42,8	41,0	40,4	38,8	38,0
В том числе дневных отд-ний	31,1	30,4	30,3	28,7	27,2

Спрос на определенного рода образовательные услуги повлиял на ситуацию рынка труда Приангарья, где наблюдается явное несоответствие спроса и предложения рабочей силы по уровням квалификации. На регистрируемом рынке труда недостает рабочих специальностей, спрос на них более чем в два раза превышает потребности рынка в специалистах с высшим образованием. Другим проявлением подобного явления, в свою очередь, стало то, что многие специалисты не могут найти работу и вынуждены работать не по специальности, на местах, не требующих высшего образования, либо используют лишь малую часть полученных знаний, что обостряет социальную напряженность.

Сфера образования вносит свой существенный вклад в экономику региона. Объем реализации платных образовательных услуг населению (в основном высшие учебные заведения) вырос почти в пять раз по сравнению с 2000 г. – с 837,4 млн руб. до 4049,7 млн руб. в 2009 г. (табл. 3). Для сравнения, объем платных медицинских услуг в 2009 г. составил 2982,7 млн руб., бытовых 4895 млн руб., туристических 1083 млн руб. [1, с. 89].

Таблица 3

Объем реализации платных услуг населению (млн руб.)

Годы	2000	2005	2007	2008	2009
Система образования	837,4	2628,8	3507,4	3945,5	4049,7

По численности занятых в экономике региона сфера образования в 2009 г. находилась на третьем месте (после торговли, стоящей на первом месте – 192,3 тыс. чел. или 16,8 % от общего числа занятых в экономике по отраслям и обрабатывающих производств, занимающих второе место – 156,0 тыс. чел., или 13,6 %) и составила 124,0 тыс. чел., или 10,8 % от общего числа занятых в экономике. На четвертом месте – транспорт и связь 108,3 тыс. чел. (9,5 %), на пятом – сельское хозяйство региона 98,7 тыс. чел. (8,6 %) соответственно. Остальные отрасли составляют менее 8 % от общего числа занятых [1, с. 34].

Несмотря на весомые показатели последних лет, свидетельствующие о заметной роли сферы образования в общем социально-экономическом развитии региона, нельзя не отметить следующее – численность занятых в этой социальной сфере за последние 10 лет никак не изменилась и осталась на уровне 2000 г., тогда эта цифра составляла 124,2 тыс. чел., в 2009 г. – 124,0 тыс. чел. [1, с. 34] (табл. 4). В то время как в других видах экономической деятельности за рассматриваемый период численность занятых увеличилась, например, в государственном управлении с 60,9 до 76,2 тыс. чел., в финансовой деятельности – с 10,5 до 14,5 тыс. чел., в торговле – с 137, 1 до 192, 3 тыс. чел., в здравоохранении – с 81,1 до 85,6 тыс. чел.

Проводимые в образовании перманентные реформы по-прежнему оставляют здесь много нерешенных проблем. В сферу образования неохотно идут работать молодые специалисты по причине недостаточной заработной платы и условий труда. Все сказанное является, по сути, свидетельством непривлекательности профессии, говорит о ее низком статусе в обществе, возросшей интенсификации труда преподавателей, а также о продолжающейся бюрократизации

в виде введения придуманных чиновниками все новых непонятных показателей, всевозможных видов отчетности, тестирования, постоянных проверок и т. п.

Таблица 4

Численность занятого населения в образовании (тыс. чел.)

Годы	2000	2005	2007	2008	2009	%
Всего занято в экономике	1122,5	1137,7	1141,1	1163,6	1142,9	100
Образование	124,2	126,9	126,1	124,9	124,0	10,8

Рынок образовательных услуг региона переживает кризис, усугубленный не только демографической ситуацией в стране, но и своими специфическими проблемами, характерными для Сибири. Удаленность от центра, отсутствие значимых инвестиций в регион, существующая налоговая система, при которой поступления в областной бюджет вызывают справедливые нарекания, недостаточная развитость среднего и малого предпринимательства, негибкий рынок труда, не позволяющий при необходимости найти людям новую подходящую работу, слаборазвитая инфраструктура, невысокое качество жизни, социальная незащищенность и отток населения – основные социально-экономические проблемы Иркутской области.

В последние годы становится все более очевидным, что при напряженной динамике рынка, постоянной смене требований к характеру деятельности большинство длительно приобретенных специальностей быстро устаревают, знания обесцениваются, теряют прежний смысл. В любое время такая квалификация может оказаться невостребованной, следовательно, образование в его прежнем классическом традиционном понимании во многих секторах экономики теряет практическую значимость. Рынок требует не образования, а быстро усваиваемых навыков, которые при необходимости могут быть за короткое время заменены другими при минимальных затратах.

Именно на это ориентирована реформа Министерства образования РФ, направленная на повышение его эффективности. Фактически ставится задача приблизить образование к действительности, т. е. ускорить процесс подготовки, оправдать затрату вложенных средств, создав более гибкую систему финансирования, при которой часть издержек предполагается возложить на потребителя, что позволит оптимизировать бюджетные расходы. Все это действительно необходимо решать, но остается неясным, как, сократив бюджетное финансирование образования, не ухудшить его качество, не усугу-

бить неравенство доступа к нему. Нужна понятная государственная политика в такой социально значимой сфере, как образование.

Проводимая Министерством образования реформа меняет принципы существования и финансирования системы образования, чиновники от Министерства предлагают варианты решения, одинаковые для всей страны. На наш взгляд, эти преобразования желательно проводить с учетом потребностей региональной политики, влияния фактора образования и повышения квалификации трудовых ресурсов на социально-экономическое развитие региона. В то же время при выработке мер по формированию и реализации стратегий и программ социально-экономического развития субъектов РФ стоит принимать во внимание уровень образованности и профессиональной грамотности населения, его значимость для экономического роста и производительности труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приангарье: год за годом. 2009 : стат. сб. Иркутск : Облстат, 2010.

Основные направления этноконфессиональной политики на территории г. Иркутска

А. А. Гордин

Администрации г. Иркутска

В административной среде и среде органов власти всех уровней взаимодействие органов власти с религиозными (далее – РО) и национально-культурными организациями (далее – НКЦ) отнесено к компетенции структур по связям с общественностью. Например, в Правительстве Иркутской области данными отношениями занимается отдел этноконфессиональных отношений управления Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям. Считаем, что данная политика себя оправдывает, и вот почему.

Несмотря на принципиальные различия в регистрации РО и НКЦ (основные НКЦ регистрируются как общественные организации), на различия в уставных целях и задачах, большинство РО, относящихся к мировым религиям (христианство, ислам, буддизм, иудаизм и др.), осуществляют тесную совместную деятельность с НКЦ, а некоторые, как Еврейская национально-культурная автономия Иркутской области, не отделяет себя от иудейско-религиозной организации «Иркутское Еврейское религиозное объединение», хотя юридически это два разных самостоятельных субъекта права.

Данный постулат подтверждает еще ряд факторов, например, проведенная в ноябре 2012 г. исламская конференция «Умеренность – добрая традиция мусульман Российской Федерации и стран СНГ», посвященная 115-летию Иркутской Соборной мечети. Только благодаря помощи диаспор из мусульманских стран СНГ (киргизская, таджикская, азербайджанская) и регионов РФ (татары, чеченцы, дагестанцы) данная конференция, проводимая по инициативе централизованной религиозной организации мусульман «Байкальский муфтият», имела место быть.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и по другим направлениям:

1. Иркутская городская общественная организация «Центр русской культуры» – Иркутская епархия Русской православной церкви (Московского патриархата);

2. Иркутская областная общественная организация «Польская культурная автономия «Огниво» – Епархия св. Иосифа Римской католической церкви (Местная Римско-католическая религиозная организация «Приход Непорочного Сердца Божьей Матери в г. Иркутске»);

3. Бурятская национально-культурная автономия г. Иркутска, Иркутская областная общественная организация «Центр бурятской культуры» – Религиозная организация «Иркутская община Буддийской традиционной Сангхи России», а также шаманская областная организация, в настоящий момент проходящая процедуру регистрации.

Мы сознательно обходим вниманием религиозные объединения, основанные в XIX–XX вв. на территории США и Европы и не имеющие привязки к национальному фактору, являющиеся, на наш взгляд, больше элементом гражданского общества, нежели влиятельными религиозными институтами. Хотя необходимо отметить, что количество данных организаций растет, а также растет число членов приходов этих религиозных объединений. К ним относятся различные евангелистские организации: пятидесятники, мормоны, баптисты, иеговисты, нетрадиционные буддистские сангхи и проч.

В данной статье планируется сделать краткий обзор деятельности религиозных организаций (конфессий) и НКЦ на территории г. Иркутска, озвучить элементы взаимодействия РО и НКЦ с администрацией г. Иркутска, а в заключение дать этому взаимодействию краткую характеристику с предложениями по их дальнейшему продуктивному продолжению.

Конфессиональная ситуация в г. Иркутске

На конец 2012 г., по данным Управления Министерства юстиции по Иркутской области, в г. Иркутске было зарегистрировано 74 религиозных объединения, из них:

- РПЦ – 27 организаций
- ХВЕ – 24
- буддисты, баптисты – по 4
- старообрядцы – 3
- мусульмане, католики, адвентисты, кришнаиты – по 2
- иудеи, лютеране, иеговисты – по 1.

На территории г. Иркутска расположены 35 православных храмов и приходов (на сайте Иркутской епархии список составляет 40 с учетом моленных комнат), 2 действующие мечети, 2 католических костела, 1 синагога, 1 буддийский дацан, 1 лютеранский храм.

Православие. Иркутская епархия Русской православной церкви (Московского патриархата). Митрополит Иркутский и Ангарский Вадим (Лазебный). Принимая во внимание количество храмов в г. Иркутске – 35 (в их числе 5 часовен), среднее количество прихожан в храме в течение дня около 30–50, а в праздничные дни около 500, предполагаем, что православных иркутян, посещающих храмы, насчитывается примерно 10–15 тыс. человек. В данном случае мы берем в расчет, условно говоря, «воцерквленных». Тех, кто просто соотносит себя с православной традицией, несомненно больше – 60–70 % населения города.

Православными общинами ведется благотворительная работа в больницах и хосписах города, православные священники окормляют тюрьмы и колонии в г. Иркутске и за его пределами. В городе действуют два женских православных гимназии, в ряде приходов имеются воскресные школы.

Ислам. Централизованная религиозная организация мусульман «Байкальский муфтият». Имам-хатыб Иркутской Соборной мечети – Мингалеев Фарит Мирзагитович. Вторая по численности последователей религия в городе. На пятничный намаз в соборной мечети собирается 2–3 тыс. мусульман, а в крупные религиозные праздники присутствует, по разным оценкам, до 5 тыс. чел. Однако нужно учитывать, что посетители соборной мечети состоят из местного татарского и башкирского населения, а также граждан из Средней Азии (Таджикистан, Узбекистан, Киргизия и Туркмения). Это объясняется тем, что в Иркутской соборной мечети проповедуется традиционный для России ханафитский мазхаб суннитского толка.

Расходящиеся в религиозных, и соответственно, политических взглядах с имамом соборной мечети посещают мечеть на ул. Толевой, 1, хотя официально заявляют о своей принадлежности к «Байкальскому муфтияту».

Буддисты. В Иркутске активно развиваются 2 буддистских религиозных организации:

Религиозная организация «Иркутская община Буддийской традиционной Сангхи России». Полномочный представитель организации в Иркутской области и г. Иркутске – Батоев Биликто Базаржапович. Зарегистрирована в 2003 г. с официального одобрения Хамбо-ламы (верховный лама, его резиденция находится в Иволгинском дацане). Основная трудность развития традиционного буддизма в Прибайкалье заключается в практическом отсутствии буддистских традиций среди западных бурят, которые отдавали предпочтение шаманским верованиям.

Религиозная организация «Буддийский центр Алмазного Пути школы Карма Кагью г. Иркутска». Президент – Вычугжанин Александр Аркадьевич. Данная община представляет собой одно из направлений буддизма, для которого характерна особая роль медитативной практики (распространено в Европе). Численность прихожан – около 300. Значительно число молодежи. Ежегодно Иркутск посещает лама Оле Нидал, в Политехническом университете читается курс лекций. Организация планомерно развивается. В собственность прихожанами общины приобретаются смежные земельные участки, ведется строительство жилых объектов. Построено летнее помещение для медитации.

Иудеи. Иудейско-религиозная организация «Иркутское Еврейское религиозное объединение». Религиозный лидер – раввин Аарон Вагнер. Численность прихожан – около 300 человек. Среди прихожан преимущественно люди старшего возраста, в последнее время ведется большая работа по привлечению молодежи. В здании синагоги расположен национально-культурный центр, офис представительства еврейского агентства в России «Сохнут», разнообразные клубы по интересам, компьютерный класс, тренажерный зал. Община наладила работу похоронной службы, захоронения осуществляются на кладбище в районе Ново-Ленино. Еврейская община открыла первый среди общин детский сад, который посещают не только еврейские дети.

Католики. Епархия «Святого Иосифа», местная Римско-католическая религиозная организация «Приход Непорочного Сердца Божьей Матери в г. Иркутске». Епископ – Кирилл Климович. Зарегистрирована Управлением Министерства юстиции по Иркутской области 13 октября 1999 г. Основная деятельность – окормление людей католического вероисповедания. Воскресные службы посещают около 300 человек, праздничные службы до 1 тыс. человек. При приходе «Непорочного Сердца Божьей Матери» организованы раз-

личные группы социальной помощи – дневной центр досуга для детей из неблагополучных семей (игры, обучающие программы, посещение бесплатной столовой при приходе), группы «самопомощи» (психологическая поддержка людей, попавших в трудную жизненную ситуацию, нарко- и алкозависимых). Во время летних каникул для детей проводятся оздоровительные мероприятия в «Доме молитвы» в пос. Листвянка (по типу детских спортивных лагерей).

Лютеране. Местная религиозная организация «Иркутский евангелическо-лютеранский приход Св. Марии» Евангелическо-лютеранской Церкви Ингрии на территории России. Настоятель прихода – о. Альберт Мазуренко. Численность прихожан – примерно 30 человек (прихожане из Иркутска, Ангарска, Шелехова). В собственности общины находится помещение для проведения религиозных обрядов на ул. Российской, 14. Активной социальной и миссионерской работы община не ведёт, деятельность ограничивается традиционной религиозной практикой.

Евангелисты. Как уже говорилось выше, в г. Иркутске имеют регистрацию 24 общины христиан веры евангельской. Основной вид социальной деятельности – реабилитация алко- и наркозависимых, адаптация граждан, освобожденных из мест лишения свободы. На территории города организован ряд молельных домов, расположенных в основном в Ленинском и Свердловском округах – традиционных социально неблагополучных местах. Общую численность прихожан сложно определить. По разным данным, она варьируется от 1 тыс. до 5 тыс. человек. Самые мощные организации ХВЕ: *Религиозная организация «Церковь христиан веры евангельской “Слово жизни” г. Иркутска*. Председатель Правления – пастор Маслак Дмитрий Анатольевич; *Региональное объединение церквей Иркутской области*. Старший епископ – Боярчук Анатолий Леонидович.

Иеговисты. Местная религиозная организация Свидетелей Иеговы «Центральная, Иркутск». Председатель – Пажитных Михаил Васильевич. Среди всех нетрадиционных религиозных организаций «Свидетели Иеговы» вызывают у большинства обывателей наиболее негативные реакции в силу своих убеждений (например, запрета на переливание крови в медицинских целях, влекущего гибель людей). Численность прихожан: около 2–2,5 тыс. человек. Работа с прихожанами ведется в форме еженедельных собраний, домашних групп и ежегодного конгресса.

Кришнаиты. Религиозная организация «Иркутское общество сознания Кришны». Председатель правления – Дрожилов Андрей Анатольевич. Численность прихожан – 200–250 человек. В собственности имеется культовое здание в мр-не Первомайский (Сергиев

Пасад). Здание в собственности 4 года. В храме имеется собственная пекарня, полностью обеспечивается потребность в продуктах питания. Иркутская местная организация входит в «Центр сознания Кришны», находящийся в Москве.

Национально-культурные центры г. Иркутска.

Краткий обзор

В настоящее время на территории г. Иркутска осуществляет свою деятельность 31 национально-культурная общественная организация (из них 6 национально-культурных автономий). Не вдаваясь в подробности и говоря об общих тенденциях, можно с уверенностью говорить о новых вызовах в сфере национальных отношений. Практически все зарегистрированные на конец 2012 г. НКЦ г. Иркутска имеют исторические корни. Созданные в 90-е гг. XX в. на подъеме этнического самосознания в РФ, такие организации сейчас переживают спад, прежде всего в сфере востребованности у членов диаспор той консервативной политики, которую они проводят. В сегодняшнем мультикультурном обществе сохранение (консервация) национальной культуры в представленном виде находит последователей, тем более из числа молодежи, все меньше и меньше.

Из современных и эффективно работающих иркутских НКЦ, нацеленных на внешнее пространство, работу с молодежью и самостоятельное развитие (без участия власти), можно отметить всего несколько. Это Иркутская региональная общественная организация «Центр корейской культуры», Иркутская областная общественная организация «Польская культурная автономия “Огниво”», Иркутская региональная общественная организация «Татаро-башкирский молодежный центр “Байкал Дулкины”», Иркутская общественная организация «Культурный чечено-ингушский центр “Вайнах”», Иркутская областная общественная организация «Азербайджанский конгресс Иркутской области».

Внутренние распри, желание некоторых лидеров политически или финансово обогатиться, иные факторы не дают объединиться таджикским, киргизским, узбекским и татарским общинам.

Немаловажным остается так называемый русский вопрос. Проводимое ежегодно 4 ноября массовое мероприятие под условным названием «Русский марш» с лозунгами «России – русскую власть» имеет почти 100%-ное ежегодное увеличение числа участников. В 2012 г. их численность составляла около 300 человек.

На сегодняшний день и органы региональной власти, и органы самоуправления г. Иркутска проводят достаточно последовательную

этноконфессиональную политику. Ведется постоянный мониторинг этноконфессиональной ситуации как в Иркутской области, так и на территории г. Иркутска. Важнейшие проблемы в данной области обсуждаются на заседаниях межконфессионального Совета при Губернаторе Иркутской области, совещаниях Общественной палаты Иркутской области, Координационного совета по вопросам межнациональных отношений и взаимодействию с национальными объединениями граждан, действующими на территории г. Иркутска. Проводится ряд плановых мероприятий, направленных на объединение религиозных конфессий и национально-культурных организаций: День национальных культур в г. Иркутске, конкурс на лучший национально-культурный центр г. Иркутска; турниры по мини-футболу среди национально-культурных и религиозных организаций, множество культурных мероприятий.

Однако, на наш взгляд, в действиях структур органов власти и местного самоуправления наблюдается некий перекос в сторону культурных мероприятий, и, соответственно, уход от реальных проблем. Отсутствие качественной дискуссии, а также единого направления действий органов власти в отношении этноконфессиональной политики, с привлечением экспертного сообщества тормозит переход на более качественный уровень работы по данному направлению. Надеемся, что с принятием в 2013 г. Концепции национальной политики в Иркутской области ситуация изменится в лучшую сторону. И так как большинство зарегистрированных (и незарегистрированных) религиозных объединений и национально-культурных центров (диаспор) осуществляют свою деятельность на территории г. Иркутска, принятие Концепции важно прежде всего для Иркутска.

Проблемы непромышленного пути развития Сибири

А. Н. Фартышев

Институт Географии им. В. Б. Сочавы СО РАН

Сибирь как периферия мировой экономики имеет множество потенциальных путей развития, которые исследуются учёными разных стран, и непромышленное развитие – один из наиболее предпочтительных векторов политики, как выполняющий также и экологическую функцию. В данной статье предстоит проанализировать возможные непромышленные пути развития территории Сибири как приоритетное направление экологичности в мировой экономической системе, заданное конференцией в Рио-де-Жанейро 1994 г. Они включают в себя экономический, психологический и географический аспекты, которые противодействуют продвижению экологических методов решения проблем глобальной и региональной экономики. Экономический аспект состоит в том, что рыночная экономика поощряет перепроизводство товаров посредством фундаментального механизма – конкуренции: раз отсеянные в ходе конкуренции невостребованные товары были произведены, значит, на них какое-то количество ресурсов Земли всё равно было израсходовано, и если эти ресурсы не были потреблены или использованы во благо человека – значит, они были израсходованы зря, т. е. выброшены. Психологический аспект состоит в конструировании второй природы как психологической потребности людей ощущать себя превыше природы. Подробнее поговорим о географическом аспекте.

В ходе процесса глобализации Сибирь подвержена влиянию отрицательных последствий рыночного развития мировой экономики, заключенного в экономическом аспекте, описанном вкратце выше, и со временем это будет всё более и более отражаться на экологическом состоянии региона, и это особенно связано с концепциями дальнейшего экономического освоения.

Обращаясь к концепциям развития Сибири, можно отметить два основания, на которые опираются эти теории: это возобновление промышленного развития, которое уже производилось в советские годы, и второе – это непромышленное, экологическое развитие, т. е. сохранение природной самобытности и развитие рекреационных систем. Изначально может показаться, что теоретически реально совмещение этих путей развития, фактически же мы приходим к неоспоримому противоборству, так как рентабельная выработка и промышленное освоение природных ресурсов Сибири не propor-

циональны уменьшению загрязнения окружающей среды. Какими бы совершенными ни были экологические технологии и природоохранные принципы, стоимость самой технологии вкладывается в себестоимость продукта, далеко не всегда при этом влияя на качество. Ключевое слово здесь – рентабельность, и это касается не только рыночной системы хозяйствования – технологии абсолютного нулевого влияния на окружающую среду сродни изобретению вечного двигателя. В связи с этим представляется, что это – два противоположных друг другу по сути вектора.

В правительственной программе Концепции развития Сибири и Дальнего Востока до 2020 г. [6] уделяется довольно мало внимания экологическим аспектам. Она составлена в прагматичном, либерально-экономическом духе. Из 13 задач, которые поставлены для достижения цели усовершенствования экономического и социального состояния Сибири, только одна – 11-я по счёту – затрагивает проблемы экологии. Проблемы экологии в данной программе чаще всего ассоциируются с ресурсосбережением, которое рассматривается в рамках увеличения потребления, увеличения рентабельности промышленных предприятий и конкурентоспособности товаров: «Значительное внимание <...> должно быть уделено развитию и стимулированию потребительского спроса на инновационную продукцию и услуги» [6]. Направленность на первичность рентабельности перед экологией проявляется и в главе, посвящённой решению экологических проблем. В целом по данной концепции мы можем отметить подчинённость экологии проблемам промышленного освоения территории Сибири, нелиберальный подход на пути реализации природоохранной программы методами прямого государственного управления, недостаточную проработку возможного экологического последствия в ходе или независимо от осуществления Стратегии.

Из многих альтернативных теорий непромышленного развития Сибири также можно выделить несколько течений в научной мысли:

1. Сибирь как территория экологического туризма.
2. Сибирь как транспортный коридор.

Теория «экологического туризма» разрабатывается многими авторами, и в том числе, она часто фигурирует в речах политических деятелей. Суть её заключается в сохранении территории Сибири как наименее индустриализованной зоны мира и становлении её как основной туристической зоны для жителей планеты из загрязнённых районов промышленного развития, исполнении роли «мировой здравницы». Эта эколого-экономическая программа, предлагаемая для будущего Сибири, слабо поддаётся каким-либо экономическим расчётам. О её практическом воплощении часто говорится со сторо-

ны власти, но какой-либо детальной проработки данной концепции на правительственном уровне нет, а скорее всего и не будет, так как эта идея ввиду своей оторванности от реальности используется больше в качестве политического лозунга.

Если рассматривать чисто географически – туризм не имеет привязок по континентальности, что для Сибири является несомненным плюсом, туризму также и не мешает рельефная особенность и слабая инфраструктурная освоенность Сибири. Однако несомненным минусом этой теории является невозможность применения её на всей территории Сибири ввиду климатических особенностей северных территорий, которые составляют более половины общей территории, а также экономическая зависимость от иностранных туристов не способствует укреплению геополитического статуса Сибири.

В качестве примера освоения Сибири в роли транспортного коридора, следует отметить концепцию «великого кроссовочного пути» Н. С. Розова [5] и сходной концепции «северный обруч» Н. Н. Моисеева. Они, в общем виде, заключаются в том, что развитие Сибири должно связываться не с промышленным освоением, а с использованием территории в качестве транзитного транспортного узла Азия – Европа. Усматривая в России, и в Сибири в частности, позицию не периферийного региона, а геополитически центрального, тем не менее слабо инфраструктурно освоенного, предлагается создание торговой оси из авто-, железнодорожно- и оптоволоконной магистрали. Данная идея была озвучена ещё в 1998 г., поэтому имеет некоторые устаревшие элементы, но, однако, стоит признать её актуальность, хотя и не без указанного уже нами выше недоучёта континентальности. Об укреплении геополитического положения в этой концепции можно говорить весьма спорно, ведь очевидная зависимость от производительной мощности Китая и покупательской способности Европы противопоставляется независимостью от океанически-ориентированных экономик.

Концепций, предполагающих экологический путь развития Сибирского региона, довольно много, и в рамках данной статьи нет возможности все их рассмотреть, однако, как мы уже отметили, они зачастую противоречат логике капиталистической экономики. А в большинстве своём – это идеалистические представления о возможностях модернизации человеческого общества. Корень же проблемы, на наш взгляд, заложен глубже: в мировом перепроизводстве товаров, которое данные концепции никак не затрагивают.

Процессы развития периферийных регионов, таких как Сибирь, как мы видим, тесно связаны с общегосударственными, или даже

больше – общемировыми тенденциями. Но что же мешает этому глобальному изменению?

Как отмечается Л. В. Мельниковой [3; 4], в либерально-рыночной идеологии регионы рассматриваются просто как единицы анализа, без учета проблем относительного расположения (т. е. транспортных издержек, доступа к рынкам и т. д.). А как доказывает Л. А. Безруков, транспортные издержки имеют для Сибири чуть ли не основное влияние на ультраконтинентальную экономику [1]. Получается, что рыночная экономика просто не учитывает географические особенности регионов, она не универсальна.

Существует ли связь между континентальностью территорий и развитием непроеизводственной (непромышленной) сферы? Для этого возьмём показатель *Kтг* (транспортно-географическая континентальность) [1, с. 49–58] и проследим его отношение к доле непроеизводственной сферы в ВВП стран. Важно учитывать именно долю в экономике, так как в абсолютном выражении параметр покажет размер самого ВВП, который имеет уже доказанную зависимость от близости морских путей [1, с. 350], а доля покажет основную и, следовательно, наиболее прибыльную сферу экономики стран.

В нижеприведённой таблице используется выборка из 37 стран с наиболее репрезентативными показателями *Kтг* и показателями, рассчитанными Л. А. Безруковым [1, с. 54–55] и ранжированными в порядке уменьшения континентальности. Данные о доле ВВП в странах составлены из издания Центрального разведывательного управления США «The World Factbook» [7] и ежегодного доклада Международного валютного фонда «World Economic Outlook Database» за 2012 г. [8].

Таблица

Сопоставление степени транспортно-географической континентальности стран (в баллах) и доли непроеизводственной сферы в ВВП этих стран

Страна	Показатель Ктг, балл	Процент непроеизводственной сферы в ВВП
Киргизия	92	51,1
Казахстан	89	56,9
Монголия	65	51,6
Чад	55,7	40,6
Афганистан	49,5	40
Конго (ДРК)	46,8	35
Россия	42,2	58,9
Иран	23,60	48,2
Парагвай	21,9	58,3
Беларусь	18,6	44,7

Страна	Показатель Ктг, балл	Процент непроизводственной сферы в ВВП
Китай	15,7	43,1
Индия	15,4	55,6
Нигерия	15,3	31
Украина	13,2	56,2
Швейцария	12,6	71,3
Польша	11,8	63
Венгрия	11,2	65
Мексика	10,8	62
США	10,8	76,7
ЮАР	9,6	65,9
Аргентина	9,5	59,2
Канада	9,3	71
Бразилия	7,7	67,3
Германия	7,1	71
Саудовская Аравия	6,9	30,4
Франция	5,8	79,8
Таиланд	5,6	52,7
Египет	5,1	47,6
Турция	4,8	63,9
Италия	2,6	72,9
Австралия	2,5	70,4
Индонезия	2,1	39,1
Великобритания	1,9	77,7
Швеция	1,8	71,3
Япония	1,3	74,6
Исландия	1,1	69,9
Сингапур	1	73,4

На рисунке по линии тренда мы видим обратную зависимость, т. е. чем меньше континентальность территории, тем больше возрастает доля непроизводственной сферы. Это и есть показатель того, что не просто условия развития экономики в прибрежных странах благоприятствуют рыночной системе отношений, которые, в общем, зависят от фрахтовых издержек на производство, но и наименее зависимая от перевозок непроизводственная сфера также подвержена влиянию близости моря. Большой разброс точек на линии доли непроизводственной сферы в ВВП объясняется тем, что в эту область как в «The World Factbook», так и в докладе Международного валютного фонда включают также доходы бирж, которые никак не зависят от географической характеристики страны [7]. Соответственно корреляция двух рядов составляет $-0,397$. Работа по более уточнённым данным продолжается.

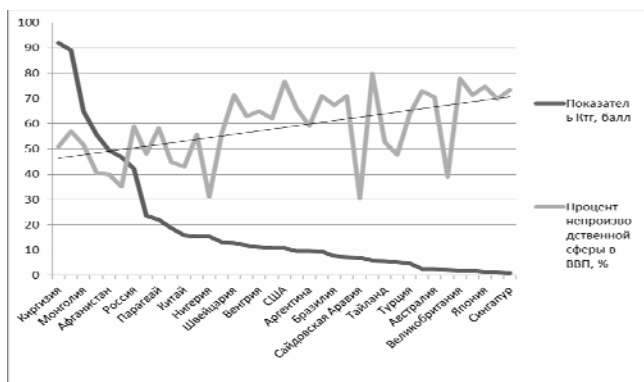

Рис. График сопоставления степени транспортно-географической континентальности стран и доли непроизводственной сферы в их ВВП

Следовательно, так как непроизводственная сфера имеет меньший приоритет для ультраконтинентальных территорий, то и экологичность, напрямую зависящая от наименее загрязняющей сферы деятельности человека, имеет более слабые основания в таких регионах, что также является механизмом, а точнее следствием системы свободного рынка.

В итоге мы имеем расхождение между экономической системой либерально-рыночной экономики и условиями экономической политики в отношении ультраконтинентальных регионов. Непромышленный или экологический путь развития Сибири возможен, однако имеет существенные ограничения, заключающиеся в теоретико-экономических, географических и психо-социальных особенностях, которые создают помехи экологии в обоих пониманиях её смысла и целей. При создании экологических доктрин и стратегий развития континентальных территорий эти механизмы необходимо учитывать для успешной реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии / отв. ред. Б. М. Ишмуратов ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т географии. Новосибирск : Академ. изд-во «Гео», 2008. 369 с.
2. Владимирова О. Н. Инструменты финансирования инновационной деятельности в контексте «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года» // Регионология. 2011. № 1.
3. Мельникова Л. В. Освоение Сибири: ревнивый взгляд из-за рубежа // ЭКО. 2004. № 6. С. 34–47.
4. Мельникова Л. В. России от Всемирного банка: старый рецепт на новом бланке // ЭКО. 2012. № 1. С. 96–115.
5. Розов Н. С. Россия и Сибирь в геополитическом пространстве XXI века: путь в пропасть или расцвет? // Сибирь в геополитическом пространстве XXI века. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998.

6. Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года : распоряжение от 5 июля 2010 г. № 1120-р // Офиц. сайт Сиб. федер. округа. URL: <http://www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php>. (дата обращения 18.07.2012)

7. GDP: International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, April 2012: Nominal GDP list of countries. Data for the year 2012 // IMF. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2012/01/weodata/index.aspx> (дата обращения: 26.07.2012).

8. GDP Sector composition: Field Listing – GDP composition by sector // CIA World Factbook – URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2012.html> (дата обращения: 26.07.2012).

Проблемы становления местного самоуправления города Усолья-Сибирского

И. Л. Бирюков

Общественный совет, г. Усолье-Сибирское

С начала 2006 г. в России вступила в действие новая редакция Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Поменялась система органов местного самоуправления, наибольшим изменениям подверглась система управления городом, где была предложена схема, при которой городскую администрацию должен возглавлять наемный менеджер, избранный на конкурсной основе.

Этот переход обозначил много проблем, одна из которых – новая форма взаимоотношения между муниципальной властью и региональным центром, их взаимных консолидаций и разобщений, выделения и распределения финансовых ресурсов. В течение всего постсоветского периода сохраняется актуальность этой проблемы, и, как следствие, политическая нестабильность и накал политической борьбы во многих российских городах, на примере одного из них – г. Усолья-Сибирского – и будет рассмотрено становление местного самоуправления в данной статье.

Местное самоуправление является институтом гражданского общества, наиболее очевидным воплощением идеи народного суверенитета, хотя и неразрывно связанным с государственной властной системой. Центр стремится полностью подчинить себе органы местного самоуправления, а последние, в свою очередь, пытаются получить как можно большую самостоятельность, что и находит проявление в конкуренции между ними за те или иные prerogatives и полномочия [1].

Одним из рычагов влияния на ситуацию часто является должность сити-менеджера. В соответствии с ФЗ-131 (п. 1 ст. 37) он непосредственно руководит местной администрацией и ее структур-

ными подразделениями и несет персональную ответственность за деятельность администрации. Это ключевая фигура, от деятельности которой зависит если не все, то очень многое. Сити-менеджер отвечает за функционирование городского хозяйства, являя собой принцип единоначалия. Мэр же становится фигурой политической, оставаясь главой муниципалитета (п. 1 ст. 36) [2].

Происходит разделение полномочий представительной и исполнительной власти. Смысл разделения в том, чтобы рычаги влияния были сосредоточены не у политиков-популистов, которые склонны к обещаниям, закрытости, а у профессиональных хозяйственников, наиболее подходящих для этой функции. Предполагалось, что если мэр не справится с хозяйственной частью управления, то заменить его до окончания положенного срока практически невозможно, в отличие от другого варианта, когда можно расторгнуть контракт, перезаключив его с более компетентным руководителем.

Помимо этого, институт глав администрации дает возможность контролировать финансовые потоки, экономическое развитие города, процесс распределения муниципальной собственности.

До нововведенной системы мэр выбирался народом и, по сути, был не подконтролен областной власти, что и служило платформой для острой конфронтации. Один из примеров тому – бывший мэр г. Усолья-Сибирского, сильный лидер и хороший организатор Евгений Станиславович Кустос. За два срока своего мэрства (1998–2006 гг.) Кустос проводил специфическую финансово-экономическую политику в городе, приватизируя на своих родственников различные предприятия, такие как «Карьер», «Ритуальные услуги», сфера ЖКХ, «Инфо-Центр» (медиа-холдинг: телевидение, газета, радио) [3]. Создавая условия для поддержки среднего и малого бизнеса [4], он, по сути, централизовал вокруг себя всю городскую деятельность, выстраивая «вертикаль власти», назначая на ответственные посты нужных людей.

После отмены большинства местных налогов, когда потери местных бюджетов не компенсировались, хотя это и предусмотрено Конституцией Российской Федерации и законодательством, у муниципальных предприятий ЖКХ накопились огромные задолженности. Все это стало катализатором произошедших крупных конфликтов с энергетиками, когда с целью скорейшего погашения долгов жителей практиковалось «всеобщее отключение», оставляющее без электроэнергии кварталы города.

На фоне отсутствия областных субсидий на протяжении длительного времени, как следствие, не велось капитальное строительство, коммунальные инфраструктуры не обновлялись. Обострение

ситуации выявилось в противостоянии Е. С. Кустоса и губернатора Б. А. Говорина [5].

В соответствии с 131-м законом местному самоуправлению запрещается иметь в собственности коммерческие объекты – рынки, магазины и т. д. Следовательно, органы местного самоуправления обязаны продать имеющиеся у них непрофильную. Понятно, что если городом руководит представитель местной элиты, то он неподконтролен губернатору, а, следовательно, региональным властям и лоббистам труднее такую собственность получить в свое распоряжение. А зависимый от региональных элит сити-менеджер сделает все, чтобы принять решение, выгодное тем, кто его туда назначил.

В 2004 г. была организована предвыборная кампания союза представителей Химпрома и ТЭЦ-11, объединенных в блок «Наши», как представителей интересов региональной власти. Этот блок одержал убедительную победу в 16 мандатов из 21, тем самым набрав подавляющее большинство [6]. В апреле 2006 г. после завершения полномочий Кустоса как мэра инициируется переход на новую систему управления, меняется устав, избираются из своих представителей мэр и глава администрации [7].

В период с 2004 по 2009 г. крупные предприятия получают большие льготы и привилегии, налог на аренду ими земли снижается с 3 % до 1,5 %. Налоги, закрепленные Федерацией, не позволяют муниципалитету выполнять все свои функции, и даже если будут повышены ставки по ним, это не принесет существенных результатов. Низкая наполняемость бюджета налогами компенсируется в другой области – происходит продажа магистральных тепловых сетей города, другой муниципальной собственности, что и является главной строкой пополнения [8].

Вопрос о наполняемости бюджета становится одной из острых проблем взаимодействия регионов и муниципалитетов. Особо сложная обстановка у моногородов, в которых перестали функционировать системообразующие предприятия, являющиеся источником доходов для большинства населения, поскольку бюджет таких муниципалитетов становится глубоко дотационным и полностью зависимым от региона. Органы местного самоуправления должны выполнять множество обязательств, делегированных им государством, установленных федеральными законами, на исполнение которых доходов местных бюджетов недостаточно, а из федерального бюджета соответствующие средства не предоставляются либо перечисляются в недостаточном объеме.

Это ставит местные власти в дополнительную зависимость от вышестоящих уровней, так как основным источником финансиру-

ния для них становятся выделения «сверху». Таким образом, с муниципальных органов снимается ответственность за наполняемость муниципального бюджета, а вместе с этим и ответственность за выполнение их основных функций. Ведь если у муниципалитета нет денег на реализацию своих полномочий, то у него появляются объективные причины их не выполнять.

Следующие выборы 2009 г. можно назвать протестными, поскольку происходит диаметрально противоположная ситуация, и с результатом 14 мандатов большинство завоевывает блок «Усольчане», возглавляемый Е. С. Кустосом, а сам он избирается главой администрации. Анализируя ситуацию, можно сказать, что выборы выиграли представители бизнеса и местных элит [9].

Как отмечалось, в тех городах, где губернатор не может найти общий язык с главой администрации, происходит снятие главы с занимаемой должности, чаще всего через возбуждение уголовного дела. В декабре 2010 г. под областным давлением ушел в отставку и Е. С. Кустос [10], а в июле 2011 г. происходит его задержание и арест по трем статьям, одна из которых – покушение на жизнь [11]. Подобные процессы происходили в Чебоксарах, Заречном, Кургане, Твери, Ижевске, Братске и т. д. [12].

Следующей фазой развития событий стала инициация несколькими депутатами в ноябре 2011 г. выхода из думы, тем самым дума призналась нелегитимной и распустилась, под знаменем борьбы оппонентов с «Кустовщиной» [13]. Прошедшие выборы в июне 2012 г. не принесли большинство голосов ни одной из сторон [14], и, как следствие, не было привычного монолитного продавливания большинством своих интересов, а сформировалась платформа для переговоров по выбору мэра и главы администрации. Если мэра Любовь Андреевну Лис в июне, с вмешательством и присутствием на голосовании губернатора С. В. Ерошенко, выбрали практически сразу [15], то избрание главы администрации происходило три раза.

По новому закону 2003 г. комиссия по назначению главы должна на треть состоять из представителей руководства региона специально для того, чтобы назначать на должность своих людей, дабы влиять на управление городом, так называемый муниципальный фильтр, что и было применено в Усолье. Когда к решающему голосованию из-за низкого проходного балла не были допущены представители местной элиты, последовал срыв выборов с порчей бюллетеней [16]. Путем межличностных переговоров и объединенных усилий с третьего раза в ноябре глава был выбран, им стал А. П. Рожаловский.

Таким образом, считаем, что процесс становления местного самоуправления во многом зависит от взаимоотношений местных и региональных властей, от того, сумеет ли градоначальник найти общий язык с представителем региональной власти или нет, что и произошло с Е. С. Кустосом. Губернаторы же всеми силами будут стараться подчинить себе местное самоуправление выдвижением и лоббированием своих кандидатов, для сведения к минимуму противостояния региональных и местных властей.

Трудно однозначно сказать, является ли новая система «геноцидом демократии» или, наоборот, улучшением управления городским хозяйством. Вполне понятен и логичен курс на руководителей, которые не будут конфликтовать с губернатором и региональными элитами, другое дело, как этот курс отобразится на качестве жизни населения. Кроме того, чем больше и длиннее вертикаль, тем сложнее ею управлять, т. е. страдает эффективность такого управления, где углубляется разрыв между населением и органами власти, самоуправление сводится к выполнению приказов «сверху».

Нововведенная система более удобна губернаторам и региональным элитам и поэтому применяется для формирования «сверху» вертикали власти на областном и местном уровне. А слова бывшего губернатора Иркутской области Д. Ф. Мезенцева по отношению к мэру Иркутска – очередное тому подтверждение и также применимы к другим городам области: «Не очень комфортно губернатору, который на выборах мэра областного центра поддержал того человека, которого не избрали. Неловко, да. И есть досада» [17].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиев К. С. Политология (основной курс) : учебник. М. : Высш. образование, 2007. 204 с.
2. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / под ред. В. В. Игнатенко. Иркутск : Ин-т законодательства и правовой информации Иркут. области ; Фонд «Право и демократия», 2007. 856 с.
3. Из беседы автора с политическим оппонентом Е. С. Кустоса – В. Ф. Назаровым, секретарем усольского отделения КПРФ, декабрь 2010 г.
4. Ильинский А. Г. Могущество Усоля малым бизнесом прирастать будет // Усольские новости и мировые репортажи. 2006. 6 апр.
5. Дело Кусцова. URL: <http://i38.ru/pervaya-politika/delo-kustosa-irkutskie-ekspertiviskazali-svoiu-tochku-zreniya-na-prigovor-v-otnoshenii-bivshego-siti-menedzhera-usolya-sibirskogo>.
6. Каминский В. Наши победили! // Усольские новости и мировые репортажи. 2004. 1 июля.
7. Ильинский А. Г. Затянувшиеся роды прошли успешно, или Думский театр на усольских подмостках // Усольские новости и мировые репортажи. 2006. 6 апр.
8. Энциклопедия теплоснабжения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosteplo.ru/w/Усолье>
9. Васина А. Бывшие проиграли // Усольская город. газ. 2009. 14 окт.

10. Евгений Кустос подал в отставку [Электронный ресурс]. URL: <http://newsbabr.com/?IDE=91532>
11. Арест Кустоса санкционирован судом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.irkorgnews.ru/vlastb-kommentarii/arest-kustosa-sanktsionirovan-sudom>
12. В Прибайкалье борются с беспартийными [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bratska.net/?doc=1293>
13. Великолепная шестерка. Группа депутатов занялась развалом Думы Усолья [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vsp.ru/social/2011/12/01/517898>
14. одведены итоги выборов в городскую думу Усолья [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pda.fedpress.ru/news/elections>
15. Улыбина Ю. В Усолье-Сибирском избран новый мэр // Областная. Обществ.-полит. газ. 2012. 29 июня.
16. Усольская дума саботирует по-крупному [Электронный ресурс]. URL: <http://newsbabr.com/?IDE=107939>
17. Перевалова М. В чем сила губернатора? Пресс-конференция Д. Ф. Мезенцева // Усольская город. газ. 2010, 7 июня.

Проблемы взаимоотношения структур гражданского общества и школы в Иркутской области

М. Г. Булгакова

Иркутский государственный университет

Образование – это открытая система, способствующая становлению гражданского общества, а поэтому требующая серьезного и заинтересованного участия самого общества в ее функционировании и развитии.

Особенность развития системы образования с момента его реформирования заключается в том, что образование все больше становилось сферой общественных интересов [1]. Возникает необходимость введения новых форм общественных институтов в управление системой образования на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном, на уровне образовательного учреждения).

Процесс становления взаимоотношений структур гражданского общества и школы в Иркутской области породил ряд проблем, которые были обусловлены некоторыми причинами.

В связи с тяжелой, нестабильной социально-экономической ситуацией происходит активизация учительской общественности. В Иркутской области в 90-е гг. возникло забастовочное движение, вызванное несвоевременной выплатой заработной платы работникам образования [2]. В феврале 1991 г. по инициативе Областного комитета профсоюза было рассмотрено, утверждено и подписано двухстороннее соглашение на 1991 г. по решению социально-экономических проблем работников народного образования. Это время можно считать началом учительского забастовочного движе-

ния. В постановлении от 9 октября 1991 г. коллегия Главного управления народного образования (ГлавУНО) и президиум Иркутского областного комитета приняли решение о поддержке требований трудовых коллективов, поручили профсоюзным комитетам возглавить стачечное движение педагогов. В середине 90-х гг. в Иркутской области стала проводиться работа по выполнению распоряжения губернатора от 15 февраля 1995 г. № 49-р «О заключении договоров по осуществлению контроля за своевременной выплатой заработной платы». Активные действия организации в защиту социально-экономических прав работников образования в 1997–1998 гг. заставили Правительство РФ серьезно заняться решением проблемы погашения долгов по зарплате учителям, всем работающим в бюджетной сфере. Был принят ряд указов, распоряжений и постановлений, направленных на улучшение положения в сфере образования. Таким образом, Иркутский областной профсоюз работников образования становится наиболее активным общественным формированием [3].

В связи с переходом к рыночным отношениям государственные органы управления образованием стали искать дополнительные источники финансирования. Это привело к возрождению существовавших в дореволюционной России попечительских советов [4].

Восточная Сибирь всегда славилась своей особой «меценатской культурой», созданной в предреволюционный период известными купеческими фамилиями. В постсоветский период в Иркутской области активно возрождаются традиции благотворительности и меценатства, формируются соответствующие фонды, проводятся благотворительные аукционы и иные подобные мероприятия.

Проявление инициативы активных граждан способствовало тому, что только в г. Иркутске к 2000 г. существовало 4 негосударственных общеобразовательных учреждения: Православная женская гимназия, Вальдорфская школа, Церковно-приходская школа им. Святителя Сафрония и школа Леонова, в области действовало уже 10 НОУ, что составляло 1,7 % от общего числа НОУ по всей России [3].

Негосударственное общеобразовательное учреждение «Женская православная гимназия во имя Рождества пресвятой Богородицы» основано в 1996 г. Учредитель – Иркутская епархия Русской православной церкви. У истоков ее создания стояли митрополит Иркутский и Ангарский Вадим, бывший в ту пору архиепископом, писатель В. Г. Распутин, а также Б. А. Говорин, занимавший пост мэра Иркутска. Немаловажную роль в создании гимназии сыграли люди, имевшие бесспорный авторитет в городе. В. Распутин, С. Леонов и Р. Саляев на тот момент явились выразителями общественного мнения.

Для Иркутска это было неординарное событие – ничего подобного в новейшей истории города ещё не случалось. В основу организации образовательного процесса были положены две особенности, вызывавшие наиболее острые споры: православная духовная традиция и принцип гендерной направленности [5].

В постсоветский период в общественных отношениях все чаще стали обращать внимание на демократичность и открытость. Для того чтобы соответствовать требованиям времени, в образовании стали искать новые формы работы, все чаще стали звучать слова «демократия», «открытость», «гражданские инициативы» [6]. Именно идеи общественно-ориентированного образования позволили по-новому смотреть на общественное участие в развитии образования. Появляются субъекты, в первую очередь из родительской среды, готовые предъявить свой запрос к школе. В среде родителей формируется заказ на «новую школу» [6]. Это желание минимизировать негативные последствия социальных изменений, с проявлениями которых ребёнок сталкивается в обычной школе. Появляется также представление о том, что «школа должна быть интересной, направленной на развитие».

Именно в этот период появляются новые типы учебных заведений: гимназий, лицеев, что было характерным явлением для образовательной системы конца 1980-х – начала 1990-х гг. [7; 8].

В 1990/1991 учебном году в Иркутской области работало 5 учреждений образования нового типа, где обучалось 1350 учащихся [5], а в 1995/1996 – функционировало 14 гимназий (2,8 % от общего количества городских школ) с численностью 12 320 учащихся и 16 лицеев (3,2 %) [3]. При этом возникновение подобных учебных заведений происходило как по инициативе «сверху», так и путем вмешательства активных граждан.

Первые инновационные школы (учреждения нового образовательного типа) возникли до экономического кризиса – в благополучных на тот момент «моногородах» Ангарске, Усть-Илимске, Шелехове. Инициаторы создания подобных школ выделяются, прежде всего, из учительской и директорской среды [9]. Сохранение контроля над образованием и очевидная необходимость его изменений (конец 80-х – начало 90-х) способствуют тому, что городские власти и руководство отделами образования являются инициаторами создания подобных школ (Шелехов, Ангарск). В ряде случаев городские власти и руководство отделами образования становятся партнерами «новых» школ (Усть-Илимск, Усолье-Сибирское, Иркутск). Создатели нового образовательного учреждения определяют его теоретическую и материальную базу. Городская администрация ориентиро-

вана на создание центра культурной и образовательной жизни, на воспитание в стенах лицея городской элиты (Шелехов), на подготовку специалистов для города из числа способных ребят (лицей № 2 Ангарска). Такие школы призваны быть образцом и просветителем остальной части социума, но и средством утверждения администрации моногородов перед градообразующими предприятиями в условиях построения рыночных отношений.

Создание Усть-Илимского экспериментального лицея – яркий пример проявления инициативы гражданского сообщества [10].

В ходе демократизации образования в Иркутской области стало возможным активное участие общественности в управлении школой. Именно «школа представляет собой тот государственно-общественный механизм, через который и с помощью которого демократические начала могут и должны входить в жизнь общества [11].

Развитие общественной составляющей в государственном управлении образованием требовало времени, нормативного и научного обеспечения.

Вместе с тем из-за отсутствия нормативно закрепленных механизмов взаимодействия с властью общественные структуры не всегда могли продуктивно взаимодействовать с органами управления в сфере принятия важнейших решений. Это приводило к тому, что основополагающие документы по реформированию образования принимались без ведома, или вопреки мнению педагогической и научной общественности [3].

Появление инновационных, негосударственных образовательных учреждений усилило социальную дифференциацию среди населения Иркутской области.

Одним из шагов власти в этом направлении стала разработка института попечительских советов, выполняющих функции представительства общественных и частных интересов в образовании и контрольные функции в управлении средствами образовательных учреждениями. При этом в большинстве государственных образовательных учреждений попечительские советы были заменены на управляющие советы, которые больше зависят от учредителя, т. е. органов управления образованием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочкарев В. И. Государственно-общественное управление: каким ему быть? [Электронный ресурс]. URL: http://www.portalus.ru/modules/shkola/rus_show_archives.php?subaction=showfull&id=1192107763&archive=1196815450&start_from=&ucat=&__ (дата обращения: 24.12.2011).

2. Оболкин Е. С. Социальный протест работников образования и здравоохранения Иркутской области в конце XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 . Иркутск, 2010. 27 с.

3. Толстиков Е. В. Школьное образование Восточной Сибири в 1985–2000 гг. (на материалах Иркутской области и Красноярского края) автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / ИГЛУ. Иркутск, 2009. 243 с.
4. Об образовании. Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 года // Вестн. образования. 1992. № 11. С. 2–59.
5. Публичный отчёт Негосударственного общеобразовательного учреждения «Православная женская гимназия во имя Рождества Пресвятой Богородицы» города Иркутска // Вост.-Сиб. правда. 2011. 12 июля.
6. О концепции модернизации российского образования на период до 2010 года : распоряжение Правительства РФ от 29 дек. 2001 г. № 1756-р // Бюл. Минобразования РФ. 2002. № 2.
7. Рахкошкин А. А. Открытость образовательного процесса (на примере западноевропейской педагогики) / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2005. 140 с.
8. Образование в странах с переходной экономикой: задачи развития. Международный банк реконструкции и развития. – Всемирный Банк, 2000.
9. Ковалева Т. М. Открытость образования как принцип построения современных образовательных технологий // Открытое образование. – М. : Шк. самоопределения, 2006. С. 9–14.
10. Рожанский М. Я. Инновационные школы в контексте социальных трудностей [Электронный ресурс]. URL: <http://ps.1september.ru/article.php?ID=200007111>; <http://cnsio.irkutsk.ru/aboute/index.htm> (дата обращения: 06.11.2012).
11. Атращенко А. Н. Открытость и самоорганизация образовательных систем // Развитие региональной системы образования в условиях модернизации. Томск : Том. гос. ун-т, 2006. С. 231–236.

Изучение практики формирования стереотипных образов представителей народов Северного Кавказа в средствах массовой информации

Т. С. Кузин

Московский институт стратегических исследований

В соответствии с замыслом исследования автором был выбран метод дискурс-анализа, который активно применяется в социальной психологии при исследовании аспектов функционирования средств массовой коммуникации [1–3; 6]. Методом дискурс-анализа были проанализированы военные телепередачи, документальные и художественные фильмы, отдельные интернет-ресурсы. Исследование показало, что ключевыми знаками в большинстве материалов СМИ, отражающих взаимодействие рассматриваемых нами этносов, являются категории «свой» и «чужой», которые дополняются и усиливаются разными элементами исходя из цели коммуникатора. Такие элементы выстраиваются вокруг ключевого значения и характеризуют главных героев, представляющих тот или иной этнос, отражают специфику решения ими каких-либо задач и особенности социального взаимодействия, а также их отношения к себе, другим и обществу в целом.

В кросскультурном аспекте развития контента этнической тематики нас интересовали три этапа: 1-й этап включает в себя период с 1940-х до 1970-х гг., 2-й этап с 1970-х до 1990-х гг. и 3-й этап современный – с 1990-х гг. по настоящее время. Временные параметры обоснованы наличием существенных изменений в дискурсе-строе в данный период. На каждом из этапов в рамках дискурсе-строения контентов выявлялись доминирующие моменты посредством таких показателей, как характер взаимоотношений между представителями народов Северного Кавказа и русским этносом, черты образа «кавказца» и «русского», условия их жизни.

В ходе исследования типология коммуникационных сообщений определялась, согласно теории социальных представлений С. Московичи, по трем видам: пропаганда, общее и специфическое распространение [4; 5].

При исследовании 1-го этапа изучались советские художественные и документальные фильмы довоенного, военного и послевоенного периода, отражающие образ народов Северного Кавказа и отдельных его представителей.

Исследование показало, что для этого этапа характерны следующие *моменты*:

- представители народов Северного Кавказа – люди, представляющие различные братские национальности и культуры, являющиеся гражданами великой страны СССР, участвующие в строительстве и развитии социализма, наравне с другими народами основываясь на принципы равенства, братства и веры в общую единую цель, несмотря на различие культур, языков и вероисповеданий;
- кавказец – мужественный, справедливый, гордый, гостеприимный, физически выносливый патриот своей Родины (самые яркие примеры – «Отец солдата», «Доярка и пастух», «Кавказская пленница»);
- природные условия – как правило, благоприятные, горная местность, комфортный климат широко развитое садоводство и животноводство;
- взаимоотношения с другими национальностями (в частности с русскими) – доброжелательные, вежливые, основанные на принципах равенства и братства. Наличие общего врага фашистской Германии, а затем Запада. Тесное взаимодействие в борьбе с общими внешними врагами;
- этническая идентичность – этническая идентификация осуществляется в первую очередь на основании принадлежности к советскому государству – СССР, национальность, как правило, на последнем плане.

Значимым фактором является то, что на данном этапе в СМИ четко прослеживается общая цель всех народов, ярко выделяются дружеские отношения этносов и положительные качества их представителей. Именно в этот период в представлениях масс зарождался положительный образ «кавказца». Благодаря серии публикаций в центральной прессе 30–40-х гг., бурка, папаха и кинжал (являющийся больше атрибутом национальной одежды, чем оружием) стали основным идентифицирующим символом представителей этого этноса.

Несколько иная картина начинает прослеживаться в информационном поле в 1980-е гг. на советском и несколько позже постсоветском пространстве. Причиной изменения дискурса является распад сложных многоуровневых социальных структур. Институциональное устройство советского государства как формы для общества закладывалось на высокоуниверсалистических принципах, характерных для коммунистической идеологии начала XX в. К одному из таких принципов относится утверждение всеобщего равенства, вне зависимости от расы, национальности и вероисповедания. Более того, утверждалась цель-идеал – упразднение наций и национальных различий.

Такое устройство с течением времени изменилось. Понятие «национальность» приобрело ценностную окраску – частью основываясь на сходных традиционных категоризациях (народность, вероисповедание, язык), частью как новый атрибут человека или группы. С началом борьбы за национальную независимость в СССР трансформируется этническое сознание и самосознание народов, входящих в его состав.

В этот период этническое большинство – русский этнос, а именно его СМИ, представляющие и ориентированные на него, начинает обращать внимание на тот факт, что этническое меньшинство, в частности народы Северного Кавказа, – другие, «чужие». А именно имеют отличающуюся характерную внешность, особый диалект (акцент) и специфическую манеру общения. У них «характерные» имена и иная манера одеваться. То есть все это говорит об определенных человеческих качествах и даже о чуждых большинству ценностях, а в некоторых случаях враждебных ему целях их носителей.

«Кавказцы» в общении с представителями своего этноса общаются на чуждом и непонятном для большинства языке, слушают собственную музыку, справляют свои ритуалы и праздники, сохраняют собственные бытовые привычки, включая способ организации семьи и числа детей, отношение к их воспитанию, отношение к учебе. Их группа имеет свои нормы, правила и традиции во всех сферах деятельности, наконец, они имеют собственную веру.

В этот период в СМИ для этнического дискурса в отношении представителей народов Северного Кавказа характерно:

- представители народов Северного Кавказа – «черные», «шашлычники», «торгаши», которые стремятся держаться вместе, помогают друг другу. Они компактно проживают и концентрируются в определенных профессиональных и экономических нишах, успешны в предпринимательстве (коммерции, торговле, бизнесе). Оказываются, как правило, более успешны в этих областях, чем большинство, среди которого они живут и у которого оказываются работодателями. У них сконцентрирован капитал. В этот период у «национального чувства» появляется «классовый» компонент;

- кавказец – хитрый, наглый, предприимчивый, грубый, хамоватый, безжалостный, злопамятный;

- взаимоотношения с другими национальностями (в частности с русскими) – враждебные или крайне равнодушные, настороженные, основанные на принципах разделения по национальному признаку. Обнаруживается значимое различие в социальных целях и задачах;

- этническая идентичность – осуществляется в первую очередь на основании разделения по национальному и религиозному признакам.

В этот период в армейской среде появляется так называемое казарменное хулиганство или, как его еще принято называть, «неуставные взаимоотношения», все чаще и чаще дискриминация в конфликтной казарменной среде происходит на этнической основе, и эти аспекты активно освещаются в СМИ, начинает формироваться так называемый образ врага, который накладывается на «кавказцев».

Отметим, что понятие «образа врага» привлекается для описания субъекта враждебного отношения, а понятие «враг» прилагается к объекту такого отношения. Концепт «образа врага», на наш взгляд, стоит применять для анализа тех случаев, когда выражение негативизма в адрес какого-либо социального объекта имеет результатом не причинение ему какого-либо ущерба и т. п., а повышение внутри-этнической солидарности [7]. Субъектом этих негативных переживаний, аффектов в нашем случае является этническое большинство.

«Образ врага» – конструкция, создатели и пользователи которой принадлежат той же стороне, которой принадлежат этническое большинство, т. е. является стороной описывающей, категория же «кавказцы» принадлежит к стороне описываемой.

Второй и третий этап совместно характеризует то, что в казармах формируются враждебные отношения между представителями различных этносов, в формальных армейских структурах формируются неформальные социальные образования на основе старого русского слова «землячество» или его научного иностранного эквивалента «национализм». Сейчас сложно говорить о первопричинной

роли СМИ в формировании этих процессов, но можно уверенно утверждать, что СМИ их активизировали и усиливали.

Все эти явления привели к изменению дискурса, в СМИ меняются ключевые знаки: теперь народы Северного Кавказа, бывшие «своими», становятся «чужими». Меняются и доминирующие моменты, определяющие образ «кавказца» как «образ врага», который значительно укрепился в период вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики.

На сегодняшний день для массовой аудитории самым популярным является телевизионный и интернет-контенты. В настоящее время среди видов коммуникации пропаганда окончательно уступила место общему и специфическому распространению. В дискурсное этнической тематики обострилось противостояние между позитивной и негативной оценками представителей рассматриваемого нами этноса. Практически ежедневно в Интернете появляются сообщения, негативно окрашивающие представителей народов Северного Кавказа и взаимоотношения с ними этнического большинства. Достаточно часто в телевизионных сообщениях и в Интернете появляются новости о том, что в различных регионах России «кавказцы» ведут себя «как у себя дома». Местное население, не желая с этим мириться, пытается привлечь внимание властей на спорные вопросы, все чаще звучат призывы объединяться, формировать так называемые народные дружины и физически наказывать представителей народов Северного Кавказа.

Специфика современных моментов этнической тематики, характеризующих третий период, в основном сконцентрирована на конвенциональном значении «Россия – многонациональная страна». На фоне призывов руководства страны к толерантности, терпимости и мирному сосуществованию народов России СМИ сосредотачивают внимание на негативе в отношениях между русскими и кавказцами.

Проведенное методом дискурс-анализа исследование практики отображения в средствах массовой коммуникации образа кавказцев и русских, специфики их взаимоотношений позволяет сделать несколько выводов.

Дискурс-строй материалов СМИ этнической тематики позволяет выделить следующие традиционные идейно-смысловые моменты:

- народы Северного Кавказа обосновались на всей территории Российской Федерации, игнорируют нормы и правила, установленные этническим большинством, строят быт и взаимоотношения, основываясь на своих обычаях и традициях, чем мешают этническому большинству. Объединяясь в диаспоры, вытесняют местное население из наиболее выгодных отраслей бизнеса и производства;

- элементами стереотипного образа кавказца являются некоторые внешние атрибуты, такие как прическа со средней длины волосами и щетина на лице, особенная манера одеваться, в официальных случаях дорогой деловой костюм, в неофициальных, как правило, – яркая спортивная одежда и, как правило, подчеркивает этот образ дорогая машина. Среди профессиональных компетенций – такие качества, как деловитость, принципиальность, физическая выносливость, вместе с этим в социальном взаимодействии с русскими отмечаются грубость, хамство, непримиримость, неуважение и неприятие общественных норм. Следует подчеркнуть, что стереотипный образ кавказца также составляют религиозность и приверженность спорту.

Дискурс-анализ современного контента СМИ свидетельствует о том, что продолжается поиск социального консенсуса в отображении официально декларируемого изменчивого знака. Официальные СМИ пропагандируют мирное сосуществование и развитие народов, представляющих различные этносы, а интернет-ресурсы, слабо контролируемые государством, в большинстве случаев отражают негативную сторону межэтнических отношений.

По мнению автора, выработкой конструктивного дискурса, способствующего нормализации межэтнических отношений, является ориентация на специфическое и пропагандистское распространение информации, способствующей формированию положительного образа представителей этнического меньшинства. СМИ должны стать источником знаний о положительных образцах поведения и взаимоотношений как внутри этносов, так и между ними, а не подчеркивать их негативные стороны. В связи с этим встает вопрос о необходимости государственного или общественного контроля в сфере массовой коммуникации в вопросах межэтнических взаимоотношений и других аспектов, связанных с этнической тематикой.

Литература

1. Андреева Г. М. Социальная психология сегодня: поиски и размышления / отв. ред. О. В. Краснова. М. : НОУ ВПО МПСИ, 2009. 160 с.
2. Богомолова Н. Н. Социальная психология массовой коммуникации : учеб. пособие / Н. Н. Богомолова. М. : Аспект Пресс, 2008. 191 с.
3. Георгадзе М. С. Современные методы исследования психологических проблем в сфере функционирования средств массовой коммуникации // Мир образования – образование в мире. 2010. № 1 (37). С. 139–143.
4. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб. : Питер, 2005. Социальная психология / под ред. С. Московичи ; пер. с фр. Т. Смолянская. СПб. : Питер, 2007.
5. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод : пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков : Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.
6. Левинсон А. «Кавказ» подо мною: Краткие заметки по формированию и практическому использованию «образа врага» в отношении «лиц кавказской национальности» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/docs/618834.html>

СЕКЦИЯ 2

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

РУКОВОДИТЕЛЬ СЕКЦИИ:

д-р ист. наук *В. В. Синиченко*
(Восточно-Сибирский институт МВД РФ)

Дискурс экономического кризиса

А. Б. Бушев

*Санкт-Петербургский государственный
инженерно-экономический университет*

Дискурсивные исследования уже дано не понимаются столь узко – в том значении, как их понимал З. Харрис, для которого дискурс являл собой цепочку слов и предложений, которую автор анализировал при помощи методов структурной лингвистики. Дискурс-анализ уже и не анализ ментальных схем, используемых людьми при понимании текста (работы Т. ван Дейка 80-х гг.). Дискурс – это сложная система иерархии знаний, включающая кроме текста еще и экстралингвистические феномены разного рода (знания о мире, мнения, цели, установки, идеология, властные отношения). Иными словами, дискурс-анализ – это интерпретация текста в конкретных исторических обстоятельствах, в конкретной культуре, в конкретных условиях.

Истоки дискурс-анализа общеизвестны: лингвистика, марксизм, психоанализ. В основании теории дискурса находятся и семиотика, и социолингвистика, и коммуникативистика, и политология; ее история представлена такими именами, как А. Грамши, Л. Альтюссер, М. Фуко, М. Бахтин, Ж. Делез. В разработку теории дискурса значим вклад Т. ван Дейка, П. Рикера, Я. Торфинга, Р. Барта, Ж. Деррида, Ю. Кристевой, Ю. Хабермаса, Ж. Бодрийяра, С. Бенхабиб, Ф. Бенетона, Н. Фэркло. Именно осмысление роли языка в социальной жизни заставляет говорить о методологии дискурс-анализа. Речь идет о выявлении социокультурных предпосылок речевой деятельности,

заставляющей нас говорить о той или иной степени ангажированности адресанта.

Среди работ, пытающихся осмыслить различные варианты дискурсных исследований, должно назвать *«Дискурс-анализ. Теория и метод»* скандинавских авторов Марианне В. Йоргнесен и Луизы Дж. Филипс [6]. Эти авторы приводят концепции, лежащие в основании разных дискурсивных подходов, приводят обширную современную библиографию вопроса. Однако приведены преимущественно исследования, ограниченные англосаксонским миром и выполненные на западноевропейском материале.

Такое направление когнитивных исследований, как *критический анализ дискурса*, представляется одним из наиболее институционализированных направлений и получило в мировой науке признание благодаря работам Т. ван Дейка, Р. Водак [например, 18].

Среди истоков дискурсных исследований – работы французских структуралистов (К. Бремон, Ж. Женнет, Ю. Кристева, Ц. Тодоров) и исследователей дискурса (М. Фуко, А. Греймас, П. Серио, М. Пеше, Р. Барт, Ж. Деррида, Ф. Растье), североамериканские структуралистские истоки теории дискурса (З. Харрис), которые приводят к постструктуралистскому исследованию дискурса. Иными словами, дискурсивные исследования проделали путь от прикладной лингвистики к политике и культуре. Сегодняшние дискурсивные исследования фундированы работами по постструктуралистской критике знака (Р. Барт, Ж. Деррида, Ж. Лакан). Дискурс-анализ в эпоху постнеклассической рациональности не может не включать в себя философских и онтологических предпосылок (Л. Альтюссер, Г. Маркузе, Г. Дебор). Труды Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф сформулировали оригинальный путь дискурсивных исследований: ядро политики – это дискурсивная реальность. Дискурсивны популизм, апартеид, идеология, государственный язык. Отсюда явственной становится значимость метода.

Легализация субъективного опыта, рефлексия субъективности – феномен на грани между неклассической и постнеклассической рациональностью. Среди концепций, повлиявших на теорию дискурса – теория когнитивных конструкторов Дж. Келли, нарративный подход к анализу текста. Должно упомянуть и спектр новой исторической науки, нарождающейся после школы «Анналов» – история ментальностей, гендерная история, микроистория, историческая антропология, историческая когнитивистика, нарратология, потестарная имагология. Интеллектуальная история осуществляет представление знаний как продукта дискурсов. Показательны труды исследователей менталитета, французской школы «Анналов» (М. Блок, Л. Февр, Ж. Ле Гофф), А. Я. Гуревича, семиотиков. Внимание при-

влекают историческая и культурная обусловленность знаний, различные возможности их категоризации.

Рефлексии подвергаются ценности дискурса, аксиологическое его измерение. Невозможным становится избежать анализа такого феномена, каким являются современные нам массмедиа. В качестве трудов, фундирующих рефлексии над самим феноменом медийности, необходимо отметить современный французский философский дискурс (М. Мерло-Понти, Ж. Делез, Ж. Лиотар, Ф. Гваттари, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё), труды футурологов и теоретиков глобализации (Э. Тоффлер, М. Кастельс, Э. Гидденс, Р. Робертсон, Г. Шиллер), труды российских политологов – представителей отдельных, наиболее заметных политических медийных дискурсов и их отражения в массмедиа.

Активно формируется дискурс-анализ и на северо-американском континенте (Д. Таннен, Л. Камерон, Д. Шифрин, Дж. Лакофф, Дж. Юл, Блумарт) [5].

Можно отметить разработку современных качественных методов в отечественной гуманитарной науке, среди которых свое место занимает метод дискурс-анализа [4; 8; 9; 12; 13; 17]. Развивается и отечественная теория политического дискурс-анализа (О. А. Малинова, Г. И. Мусихин, О. Ф. Русакова, А. Д. Трахтенберг). Возникает направление исследований, связанное с анализом языковой личности и лингвистической идентификацией личности (В. В. Наумов). Здесь должно называть и теорию языковой личности, и филологическую герменевтику, и стилистику декодирования. Показательна теория политической лингвистики – значимы подходы к теории метафоры в политическом дискурсе-анализе, среди которых выделяют риторический, когнитивный, и критический в духе критического анализа дискурса (школа политической лингвистики А. П. Чудинова). Свой вклад в создание метода дискурсивного анализа вносят школа изучения метафоры Дж. Лакоффа и его последователей, направление исследований «политическая персонология», инициированное семинаром по исследованию политического дискурса [10]. Можно указать и на большое количество прикладных исследований – например, работы по гендерной специфике дискурса, работы Г. Г. Почепцова и многочисленные работы по электоральным технологиям.

Особую значимость приобретают когнитивные исследования в лингвистике, проливающие свет на концепты, ценности, типы дискурсов (В. И. Карасик). Эти исследования смыкаются с когнитологическими исследованиями, связанными с концептосферой личности и культуры.

Итак, дискурс-анализ представляет собой такую технику интерпретации, которая бы выявляла социокультурные, идеологические, политические, религиозные и прочие предпосылки организации высказывания. Дискурс-анализ в поиске своей методологии затрагивает такие фундаментальные вопросы, как соотношение философии, антропологии и социологии познания, формирование категорий социальной перцепции. Показательно, что дискурс-исследования не пренебрегают теориями, возникшими в русле смежных дисциплин, что является собой лишнее свидетельство междисциплинарности анализа дискурса. Это, прежде всего, теория текстовых миров, антропологические исследования, дискурсивная психология, рефлексивная социология, феноменологическая социология, социоконструктивизм и социоконструкционизм, исследования виртуального дискурса. Необходимо представляется отметить инновационность самого метода коммуникации и дискурса в Интернете, оценка социальной значимости которой складывается в наши дни – дискурс мультимедийной журналистики, социальный веб, организационные коммуникации, телемаркетинг, социальные медиа, PR 2.0, политическая мобилизация и информационное противоборство, коммуникативно-информационное освещение экстремальных событий, подкастинг, педагогическая коммуникация [14].

Дискурсивные исследования способствуют выработке технологии прочтения текстов массмедиа. Здесь дискурс-анализу «помогают» медиалогия, социология массмедиа. Показательна конструкция в современных СМИ политических платформ, социальных проблем, расы, гендера, сексуальности. Активно расширяется проблематика информационного права, права на информацию; это особенно актуально потому, что информационные войны и выборные технологии стали приметой наших дней.

Дискурсивный анализ актуальных политических явлений чрезвычайно сложен, а методология такого анализа только разрабатывается. Каковы языковые и риторические феномены, заставляющие нас занимать ту или иную точку зрения? Насколько в критических исследованиях дискурса исследователь абстрагируется от этической позиции?

Исследование актуального дискурса есть ни что иное, как известная еще издревле практическая политическая риторика, восходящая к античной полемике. Она вбирает в себя традицию критического анализа дискурса, представленную в работах Дж. Оруэлла, Т. ван Дейка и Р. Водак, традиции французской школы новой исторической науки и школы исследования дискурса (М. Пеше, П. Серию, М. Фуко, деконструктивизм, школа медиалогии), исследований

метафоризации (Дж. Лакофф и М. Джонсон). Рассмотрение глобальных вопросов информационных технологий характерно для трудов М. Кастельса, Э. Тоффлера, Р. Дебре, М. Маклюэна, Г. Д. Лассуэла, Э. Гидденса, Д. Белла, П. Друкера, Ч. Хэнди, Г. Г. Почепцова, О. В. Гаман-Голутвиной, исследователей социологии массовой коммуникации и др.

Монополизация социальных представлений глобальными СМИ – проблема общественного мнения в понимании П. Бурдьё. Значима для данных исследований традиция социоконструктивизма. Много и часто справедливо говорят и о манипулируемости социумом при помощи массмедиа, выстроенности такого социального института медиа, который в своих гениальных антиутопиях предсказали О. Хаксли и Дж. Оруэлл. В XXI в. в «обществе спектакля» коммуницируемым становится весь мир. Место феноменологии бытия занимает феноменология коммуникации. Прессу давно, еще со времен классических исследований Торонтской школы, обвиняют в том, что она нагло, цинично, исподтишка управляет новостями, телевидение рассматривают как возможность поддерживать визуальный контроль над собственной жизнью. В столь широком ключе опыт медиа пытаются обсуждать Н. Хомский, Д. Боллинджер, Г. Лассуэл, У. Вайнрайх, П. Бурдьё. Критическая направленность исследований дискурса массмедиа характерна в целом и для Франкфуртской школы (Т. Адорно, Ю. Хабермас).

В социологической теории глобальные проблемы распространения информации обсуждаются с позиций теории культурного империализма как варианта теории зависимого развития. Разработка мифологии СМИ проводится в традиции критического анализа дискурса. Р. Блакар пишет о языке как инструменте социальной власти, Г. Дебор говорит об обществе спектакля, им вторит П. Вирилио. Любое исследование этой проблематики неизбежно отталкивается от взглядов Г. Лебона, Дж. Мида, Ч. Кули, Г. Лассуэла, П. Лазарсфельда, Г. Тарда, Г. Инниса, М. Маклюэна, К. Ховланда, Г. Гадамера. Влияние современной коммуникации на опыт человека изучается в мире (Торонтская школа, Анненбергская школа, Бирмингемская школа, Бодрийяр, Лиотар, другие представители постмодерна). Социологи активно обсуждают функции массовой коммуникации, концепции общественного вещания, четвертой власти, свободы печати, влияние СМИ на формирование массового сознания и социальных представлений. В мировой социологии массовой коммуникации сформировались четыре теории прессы – авторитарная, либертарианская, теория социальной ответственности, тоталитарная теория. Активно расширяется проблематика информационного права, права

на информацию; это особенно актуально потому, что информационные войны и выборные технологии стали приметой наших дней.

Непонятно, сама ли действительность оперативнее представляет материал, или активнее идет накопление знаний и разработка самого метода дискурсивного анализа. Отметим, что в наших исследованиях на первоначальном этапе наше внимание привлекло освещение бомбардировок Косово 1999 г. в сети Интернет. Определенным видением снабдили исследователей информационные войны на Северном Кавказе. После событий 11 сентября 2001 г. нами проведено исследование военно-политической риторики операций «Несокрушимая свобода» и «Иракская свобода», активно освещаемых мировыми массмедиа. Определенный материал дали этно- и социально-окрашенные выступления в Париже 2005 г. – нами проводилось исследование беспорядков во Франции в 2005 г. 2011 год представил материал по беспорядкам в Великобритании. И публичная политика тоже способствует формированию представлений о критическом анализе дискурса. В последние годы мы могли наблюдать в Интернете и массмедиа избирательные кампании по выборам президентов США и Франции, которые уже выплеснулись и на пространство блогосферы, что, безусловно, представляет собой новый феномен. Последние самые актуальные события опять вновь спешат предоставить исследователю материал – движение индигнадос в Испании, акция Occupy the Wall Street и демонстрации в Греции, наконец, операция коалиционных сил в Ливии и уничтожение М. Каддафи, С. Хуссейна, О. Бен Ладена. Дискурс об экономическом кризисе и дискурс мультикультурализма также способствуют разработке категориального аппарата дискурсивных исследований [2].

В наших работах показаны важность номинации явлений в политическом дискурсе, использование клише и штампов как частного случая стереотипии, использование аксиологической лексики, метафоры, эвфемии, повторов, перифраз, сложности дефинитивности терминов, манипуляция фактами, выдача мнения за знания и некоторые другие облигаторные явления политического дискурса.

Подводя итог, посмотрим на институционализацию дискурсивных исследований. В России начал издаваться журнал «Современный дискурс-анализ» [15]. Тексты, принимаемые в журнал, должны соответствовать одной из следующих предметных областей: теория дискурса; методология и методика дискурс-анализа; анализ конкретных типов дискурса; конверсационный анализ; критическая теория; социология знания; философия языка; коммуникативные и медиаисследования, а также смежные и аналогичные исследовательские области. Известны несколько публикаций уральской группы «Дискурс Пи» [7;

11; 16]. Кросс-культурное измерение характеристики дискурсов представляет монография Т. Д. Венедиктовой «Дискурс торга» [3].

Активно проблематизируется поле бизнес-коммуникаций – институализируются орглингвистика, бизнес-лингвистика, изучающие инновации и властные отношения в бизнес-коммуникации, анализирующие дискурс в Интернете, различные «экстремальные» виды дискурса – террористической угрозы и антитеррористического дискурса.

Целью ближайших лет является создание интегративной концепции критического анализа дискурса, осмысляющей новую роль дискурс-анализа как метода анализа разных дискурсов в социально-экономической коммуникации в новых условиях инфокоммуникативного общества и цивилизации знаний.

Притом, что ширятся методы интерпретативной, качественной оценки, непонятно, насколько ценными остаются конкретные методы исследования социальных коммуникаций – выборочные опросы, методы экспертных оценок, метод наблюдения, тестирования, социометрии, другие виды анализа – корреляционный, факторный, детерминационный, структурный анализ, метод имплицативных шкал, контент-анализ, мотивно-целевой анализ и т. д.

Задачей выступает выделение соответствующих подходов в качестве магистральных стратегий исследований, осуществляемых в рамках анализа дискурса, например, психологических (когнитивных, культурно-исторических и т. д.); лингвистических (грамматических, текстологических, стилистических и пр.); семиотических (семантических, синтаксических, прагматических); философских (структуралистских, постструктуралистских, деконструктивистских); логических (аргументативных и аналитических); информационно-коммуникативных (риторических) и анализ различного рода дискурсов и их типологизация.

В настоящей статье дискурсивному анализу подвергаются типичные особенности экономического дискурса. Материалом являются научные и публицистические тексты об экономическом кризисе, охватившем мир в 2008 г.

Когда речь заходит о деньгах, в дискурсе особенно часты **иносказания и эвфемия**: так, слова *resources, funds, finances* употребляются привычно вместо *money*.

Иной пример частотного эвфемизма, камуфлирующего нелицеприятную действительность: *подтасовка отчетности* вызывает названия типа *creative book-keeping, черная бухгалтерия*.

Devaluation привычно заменяется на *exchange rate adjustment*.

Ставшие последние годы традиционными сообщения о кризисе изобилуют эвфемизмами типа *рост без развития, нулевые темпы*

роста, коррекция вниз = кризис, либерализация цен = их повышение, проблемы с ликвидностью = нехватка денег, высвобождение кадров = оптимизация занятости, социальное пособие = пособие по безработице.

А как загадочны и необычны транслитерированные в русском языке экзотические термины: *флуктуация, аддикция, рецессия...*

Посмотрим на метафорику бирж: *Рынок в неважной форме, превалирует медвежье настроение, рынок не бьет рекорды...*

Говоря о **метафорике экономического дискурса** в целом, не надо забывать, что этот дискурс изобилует банальными, стертыми метафоризациями, метафорическими рефлексам — свидетельствами метафорического переноса в словообразовании:

Cut the interest rates, the prices soared, tightening credit, put downward pressure on consumer spending, a key economic engine, outstanding debts, a period of global growth, the debt grew, speculative bubbles, to lower the underwriting standards, to increase their loan volume and total profit, to issue bonds to hold to maturity, financial leverage, mortgages began to default, to hedge risks, stock indices entered a bear market, a bailout plan, credit crunch, to have a history of loan delinquency, predatory lending practices, a cash flow waterfall, easy money, loose credit.

Инвентаризация **банальных метафор** — не наша задача. Затупеванные метафоризации не несут ничего нового, не воспринимаются говорящим и слушающим. Это автоматизмы. Однако отметим, что в традиции американской теории метафоры существует множество публикаций, описывающих конечное число моделей таких метафоризаций — например, роста, животного мира, болезни, дороги и т. д.

Терминология кризиса нова: слов *subprime, bailout, credit crunch* в привычном для нас значении нет в словарях даже 90-х гг. XX в. Это — свидетельство развития язык и менталитета, так как за каждым этим словом находятся концепты.

Иные термины существуют давно, но не понятны без предварительной семантизации: *first lien mortgage, markdowns, margin calls, underwriting standards, non-recourse loans, adjustable rate mortgages, mortgage-backed securities.*

Lenders had begun foreclosure procedures.

Так, словосочетание *subprime mortgage crisis* требует семантизации слова *subprime*, в современном своем значении известного с 1993 года и ставшего словом года 1998-го:

Subprime lending is the practice of lending, mainly in the form of mortgages for the purchase of residences, to borrowers who do not meet

the usual criteria for borrowing at the lowest prevailing market interest rate.

Credit default swaps are insurance contracts used to protect debt holders, in particular MBS investors, from the risk of default. (Здесь, кроме всего прочего, пояснения требует и *MBS = mortgage backed securities*). *Like all swaps and other financial derivatives, CDS may either be used to hedge risks (specifically, to insure creditors against default) or to profit from speculation.*

Причина кризиса проста, сколько не укрывай ее за эвфемизмами: *Mortgages were issued to households with low incomes and assets and with **troubled credit histories**. Lenders have offered **increasingly risky loan borrowers**.*

Посмотрим на **эвфемизмы**, свойственные дискурсу о кризисе: *housing bubble, higher risk lending practices, liquidity risk, mortgage default, lending to uncreditworthy borrowers, capital flows, opaque financial products.*

Все риски игры на бирже укрыты за эвфемизмами:

To assume difficult mortgages in the belief they would be able to quickly refinance at more favorable terms.

The risks to the broader economy created by the housing market downturn.

The federal government bailout of thrifts during the savings and loan crisis of the late 1980s may have encouraged other lenders to make risky loans, and thus given rise to moral hazard.

Укрыты за эвфемизмами и последствия неразумной погони за доходными финансовыми операциями по вложению в сомнительные ценные бумаги:

To minimize collateral damage to the economy.

Плюс вторая причина – создание таких финансовых инструментов, как деривативы. Этот феномен нуждается в семантизации.

A variety of financial innovations have gradually made it possible for lenders to sell the right to receive the payments on the mortgages they issue, through a process called securitization. The resulting securities are called mortgage backed securities and collateralised debt obligations.

Отсюда понятен становится и результат, сколько не скрывай его за метафоризированными эвфемизмами:

Borrowing at a lower interest rate and investing the proceeds at a higher interest rate is a form of financial leverage. The prices began to decline and mortgages began to default.

Многочисленные **аббревиации** не вносят ясности в воспринимаемый текст:

MBS, ARM, CDO, CDS = credit default swaps.

Естественным для отправителя, но затрудняющим рецепцию текста для читателя является факт наличия в текстах об экономическом кризисе различного рода **цивилизационных реалий** фигурантов экономического кризиса, требующих экстраязыковых знаний:

Emergency Economic Stabilisation Act of 2008, MBSs, CDOs, the State foreclosure Prevention Working Group, Bank of America, Fannie Mae, Freddie mac, Northern Rock, Bear Sterns, J. P. Morgan Chase, Merrill Lynch, HBOS, Lehman Brothers, AIG, federal Reserve, USA Office of Thrift Supervision, Citigroup, TARP funds, Federal Home Loan Banks.

Порой требуется **понимание самих концептов** типа *government sponsored enterprises (GSE)*.

Приведем пример знаков, требующих экстралингвистического знания:

*In November 2008 the Fed announced the \$200 billion **Term Asset – Backed Securities Loan Facility (TALF)**. This program supported the issuance of asset-backed securities (ASB), collateralised by loans, related to autos, credit cards, education, and small businesses.*

Постоянно явные и коннотированные оценки в тексте: *predatory lending practices, exorbitant fees.*

Усложняют процесс понимания текстов о кризисе термины. Так, например, частотен термин *securitization*, означающий сомнительное с традиционной точки зрения действие в отношении ценных бумаг:

Securitization meant that issuers could repeatedly lend a given sum, greatly increasing their free income

В экономическом дискурсе терминологизированы и слова типа *liquidity, solvency, credit crunch.*

Усложняют понимание **наименования эпонимические, метафорические, аббревиации.**

The Ponzi borrower – who relies on the appreciation of the value of his assets to refinance or pay off his debt, while being unable to repay the original loan.

Credit default swaps are insurance contracts used to protect debtholders, in particular MBS investors, from the risk of default.

Liberal economist Robert Kutner has suggested that the repeal of the Glass-Steagall Act by the Gramm-Leach-Bliley Act may have contributed to the subprime meltdown, but this is controversial.

Итак, метафоры, **эвфемизмы и перифразы, неясные и сложные термины, аббревиатуры и неологизмы, работающие на неясность**, – конститuenty дискурса экономического кризиса.

Еще одним конструктором общественно-политического дискурса является **оценочная лексика и семантика оценки**:

More favorable mortgage terms (i. e. refinancing, loan modification or loss mitigation).

С оценочностью связана и эвфемия:

*Corporations, trade groups, and consumer advocates have begun to cite data on the numbers and types of borrowers assisted by **loan modification programs**. Consumer groups claimed these modifications affected less than 1 % of the 3 million ARM subprime mortgages outstanding as of the third quarter.*

Множатся работы, утверждающие и демонстрирующие, что язык накладывает определенную структуру на реальность, задает способ видения объекта. В экономической теории мелиоративная оценка присуща изначально нейтральным терминам (типа *равновесие*, *совершенная конкуренция*). Слышим «естественный уровень инфляции» – и сразу сказывается семантика слова «естественный». И вот уже такой уровень понимается как «неизбежный, желательный, оптимальный прост».

Многие оперативные термины представляют собой убеждающие метафоры, а не строгие понятия. Широко распространены классические экономические метафоры «невидимая рука», «ночной сторож», *психология laissez-faire* (тут в семантике термина участвует и компонент «офранцузивания»: согласимся: это понимается не так, как буквальный перевод «делайте, что хотите»).

Существуют и мировоззренческие метафоры – *свободный рынок*, *открытый рынок*, *открытое общество*. В утверждении «*переходный период*» кроется признание ситуации, приемлемой в силу временного характера.

При этом лексикологи оперируют понятиями «значение» и «понятие»: «Под лексическим значением слова... понимается реализация понятия, эмоции или отношения средствами языковой системы. Поскольку в понятии отражается реальная действительность, значение слова соотнесено с внеязыковой реальностью, вместе с тем понятие не тождественно значению, поскольку последнее имеет лингвистическую природу, включает неконцептуальные компоненты: экспрессивные, эмоциональные и другие коннотации. Мы не только называем понятие (денотативное значение), но и второй части сообщения, связанной с условиями и участниками общения, соответствует коннотация, куда входят эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты значения» [1, с. 153]. Характерна и семантическая иррадиация, которая заключается в том, что одно необычное, свежо звучащее слово «заряжает» весь текст, является его семантической доминантой, предмечивает и задает главный смысл (*foregrounding*, *эффект обманутого ожидания*, *вы-*

движение). Г. И. Богину эта тема виделась как исследование **актуализаций** в русле учения пращев и особенно Я. Мукаржевского. Обращаются к феномену актуализации и исследователи риторики художественного текста (И. В. Арнольд, П. Е. Бухаркин, В. А. Кухаренко). При этом надо учитывать, что не всякая метафора свежа. Дискурс избилует банальными метафоризациями, семантическая нагрузка которых часто ничтожна, основные модели которых поддаются исчислению (Дж. Лакофф, А. Н. Баранов). Перечислим расхожие метафоры общественно-политического дискурса об экономическом кризисе последнего месяца: *economy is in bad shape; to set politics aside; to beef up the state of the intelligence; tax cut; American voters have spoken clearly; a weight has been lifted from my shoulders; a huge burden of expectations; amid a sea of supporters; running neck in neck; the clock is already ticking; to bury the hatchet; swing state; redesign the future; a new capitalism should be built out of today ruins; the shares are sliding; no-casino capitalism; chasing profits; slide into recession; removal of the trade barriers...* В речах Б. Обамы во время проводимой предвыборной кампании встречаем автоматизмы типа *Destiny is written not for us, but by us. The wind of change is blowing.* Это рефлекс метафоризации как семантического способа словообразования. Свежесть такой метафоризации не больше, чем у речения «Мадам, вы прекрасны, как роза».

Потенциал затертой метафоризации был показан нами в военном переводе, в экономическом и общественно-политическом переводе, в историческом дискурсе. В экономическом дискурсе постоянно встречаются затертые метафоры: *naked short selling, credit default swaps, credit crunch, bailout, asset price bubble*. Оценим стандартность образности: *The markets liked the medicine shares have jumped. Рынки подскочили.*

Еще раз отметим, что отдельного обсуждения в связи со своей функциональной ролью заслуживает такое явление, как **эвфемия**: *executive remuneration = bonuses = overcompensation; low income food; risky spending; toxic assets = troubled assets; loose fiscal policy; financial malaise...* Ситуативной может быть **отрицательная коннотация эвфемизма**: *mortgage-related assets*. **Феномен скрытой и явной оценочности** требует внимательного изучения в связи с социальной значимостью и в дидактике, и в риторике, и в юридической лингвистике. Явление эвфемии и феномен стереотипии (штамп, клише) также, наряду с затертой метафоризацией, являются текстовыми маркерами автоматизации [2]. Затертости смысла такого дискурса (сознательной или подсознательной) способствует и неясная

семантика ряда рекуррентных коллокаций: *failed countries, humanitarian catastrophe...*

С семантическими играми связан **язык политической корректности**, проявляющейся прежде всего в феномене эвфемии – *рецессия, постепенный рост цен и зарплаты = инфляция, затишье на рынке отсутствие активности, бюджет увеличивается, вам это будет дороже, малопривилегированные люди = люди, попавшие в сложные жизненные обстоятельства = нуждающиеся = люди, лишенные жизненных благ.*

Лишь понимание функциональной роли всех этих знаков позволяет нам подняться от первого уровня понимания экономического дискурса (простой семантизации его конститuentов) до когнитивно-распредмечивающего понимания и аналитико-прогностической работы.

Мы выходим к проблематике предпереводческого анализа и стандартного, и актуализированного в дискурсе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арнольд И. В.. Стилистика английского языка. М., 2007.
2. Бушев А. Б. Русская языковая личность профессионального переводчика : дис. ... д-ра филол. наук. М. : ГИРЯ имени А. С. Пушкина, 2010.
3. Венедиктова Т. Д. Дискурс торго в литературе США. М. : НЛЮ, 2002.
4. Гусельцева М. С. Методологическая «оптика» постнеклассической и неклассической рациональности // Журн. практ. психолога. 2009. № 6. С. 4–25.
5. Дискурс. Энциклопедия «Кругосвет». Интернет-источник:
6. Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ / пер. и науч. ред. А. А. Киселевой. Харьков : Гуманит. центр, 2008. 350 с.
7. Макаров Д. И. Дискурсология: проблемы и вызовы сегодняшнего дня // Свободная мысль. 2007. № 6. С. 217–221.
8. Мусихин Г. И. Дискурсивный анализ идеологий // Полис. 2011. № 5. С. 128–144.
9. Плахов В. Д. Социология как дискурс/дискурсы // Социол. исслед. 2011. № 6. С. 60–66.
10. Политический дискурс в России : хрестоматия / сост., общ. ред. В. Н. Базылева. М. : ГИРЯ им. А. С. Пушкина, 2007. 208 с.
11. Русакова О. Ф. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. 2006. № 4. С. 26–43.
12. Тетерин А. Е. Применение качественных методов в политологическом исследовании (на примере критического анализа Н. Фэркло) // Полис. 2011. № 5. С. 145–150.
13. Трахтенберг А. Д. Дискурсивный анализ массовой коммуникации и парадоксы левого сознания // Полис, 2006; № 4. С. 44–52.
14. Научно-исследовательская лаборатория в области исследования бизнес-коммуникаций НИИ «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс]. URL: <http://buscom.hse.ru/news>.
15. Современный дискурс-анализ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.discourseanalysis.org>
16. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2006. 177 с. (Дискурсология)
17. Углов Д. В. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса и дискурс как условие справедливости // Гуманит. и соц.-экон. науки. 2009. № 2. С. 24–28.
18. Van Dijk 2011. Teun A. van Dijk web site [Electronic resource]. URL: <http://www.discourses.org>

Мировые тренды современного высшего образования

Ю. А. Зуляр

Иркутский государственный университет

Создание и развитие человеческой цивилизации – в значительной степени результат социальной коммуникации, и в первую очередь межпоколенческой. А она реализуется, прежде всего, в процессе образования через воспитание и обучение. Поэтому проблема организации образования, включая высшее, в новейшее время во всех цивилизованных странах являлась одной из приоритетных для общества и государства.

В современном мире образование является одной из наиболее значимых сфер человеческой деятельности. В системе образования на начало нынешнего тысячелетия занято более 1 млрд учащихся и почти 50 млн педагогов [4]. Но в последние десятилетия человечество меняет свое отношение ко всем видам образования. Высшее профессиональное образование (ВПО) все больше воспринимается как главный, ведущий фактор социального и экономического прогресса. Причиной такого внимания является осознание того, что важнейшей ценностью и основным капиталом современного общества является знающий человек, способный к поиску и освоению новых знаний и принятию нестандартных решений.

Стало очевидным, что в преодолении кризиса цивилизации, в решении острейших глобальных проблем человечества огромная роль принадлежит образованию. Организация высшего образования обрела статус государственной политики, и правящие элиты стали осознавать, что уровень высшего образования в стране определяет ее будущее развитие. Анализ современных глобальных и региональных ситуаций показывает, что определяющим условием конкурентоспособности наций становятся качество, инновационные процессы и наукоемкие технологии. Это предъявляет новые, более высокие требования ко всем сферам деятельности, включая промышленность, бизнес, услуги, управленческие решения. Это актуализирует потребность в специалистах, удовлетворяющих этим требованиям. Следовательно, организация эффективной и современной системы профессионального образования превращается в общенациональную и мировую проблему.

Наибольших успехов в этом направлении достигла Европа, где в течение более 800 лет функционирует система университетского высшего профессионального образования. За это время государства

континента пережили множество социальных потрясений: войны, революции, смена общественно-политических формаций и др. Однако концепция университетского образования практически не претерпела никаких принципиальных изменений.

В основе современного университета лежат две модели: В. фон Гумбольдта (1809 г.), Дж. Генри Ньюмана (1873 г.). Университетская модель Гумбольдта характеризовалась единством обучения и научных исследований. Дж. Г. Ньюман считал, что университет – «это... школа разного рода знания, куда входят *преподаватели и обучающиеся* отовсюду... Университет по сути своей представляется местом для общения и обмена мыслями посредством личного общения на всей обширной территории страны» [3, с. 18–19]. На практике существовали серьезные различия между двумя моделями, но акцент в обеих моделях делался на фундаментальную роль университета в: 1) интеллектуальном и моральном развитии элиты; 2) унификации преподавания, научных исследований и знаний; 3) международном обмене научными знаниями и получении знаний.

При этом каждая историческая эпоха имеет свой тип и свою модель образования, которая генерирует отвечающую новым требованиям образовательную систему. В рамках традиционных представлений, начало которых лежит в процессах индустриализации и формировании рыночных отношений, уместно говорить о следующих ее ключевых составляющих:

- ***образование как основа научного знания.*** Распространение наукоемких технологий в экономике, развитие наук о природе и технике, социальных отношениях неизбежно сопровождается повышением роли знания во все более усложняющейся жизни и деятельности человека;

- ***образование как основа интеллектуальной деятельности.*** Деятельный и самоопределившийся человек, его интеллект являются основой для усиления рациональности в сфере познавательной деятельности. По отношению к прошлым историческим эпохам несоизмеримо возросла роль интеллекта в жизнедеятельности человека и общества, а образование стало рассматриваться как ключевая составляющая формирования человека, интеллектуального потенциала социальной среды;

- ***образование как основа профессиональной деятельности.*** В условиях масштабной производственной деятельности человека его влияние на среду обитания стало определяющим и антропогенная «природа» стала теснить естественную среду. При этом культура стала рассматриваться как производная от общественно-

исторической практики, а образование восприниматься как универсальная основа профессиональной деятельности [6, с. 9].

Традиционная модель образования ориентирована на формирование человека как субъекта деятельности. Она моделирует идеалы и потребности техногенного общества, решая задачи сохранения и преемственности, свойственных ему традиций и нравственных ценностей.

Сегодня оправданно рассматривать современную роль университета (и высшего образования в целом) с учетом трех взаимосвязанных аспектов: общества знания и образования; связи предпринимательства и высшего образования; общественного развития и высшей школы [3, с. 19–20].

Что бы ни было главной целью университетов – преподавание, проведение исследований или профессионально-техническая подготовка, все они пытаются оказывать влияние на студентов посредством двух механизмов. Первый – это их учебный план и профессиональное преподавание социально-гуманитарных и профессиональных дисциплин. Хорошие университеты отличает открытость к мировой литературе и фактам, предоставляемым свободно всем студентам по максимально возможному числу тем.

Второй механизм – это то, каким образом университет поощряет добросовестное поведение и соблюдает профессиональные стандарты. Это включает в себя то, насколько справедливо он вознаграждает за академические успехи, то, насколько его преподаватели и администрация пропагандируют и соблюдают кодексы поведения, и то, насколько поддерживаются открытые обсуждения и уважаются различные мнения в его аудиториях. Чем в большей степени университет проявляет эти свойства, тем выше вероятность того, что его студенты будут демонстрировать свой «человеческий капитал» в приобретенных ими знаниях и сформированных навыках, и будут вносить свой вклад в «общественный капитал», проявляя готовность идти на жертвы ради общественного блага и терпимость и понимание в отношении других взглядов и мнений [10].

Названные и оставшиеся за скобками обстоятельства поднимают вопросы о миссии высшего образования, цель которого должна заключаться в том, чтобы быть интеллектуальным форумом для диалога о социальном развитии. На повестку дня выдвигается вопрос о том, каковы этические и мировоззренческие аспекты будущих взаимоотношений между университетом (высшим образованием), с одной стороны, и обществом, государством и бизнесом, с другой. И насколько возможно общее видение глобального высшего образования, в том числе и российского.

Особенно значимым в истории высшего образования оказался XX в. Он отмечен достижениями в сфере образования, которые легли в основу как колоссальных социальных преобразований, так и научно-технического прогресса. Однако бурное расширение сферы образования и возрастание ее роли и значения сопровождалось обострением проблем, которые позволили некоторым исследователям обосновать вывод о мировом кризисе образования. Проблемы образования оказались в центре общественного внимания.

Теоретическое осознание кризиса системы образования началось в конце 1960-х – начале 1970-х гг., после выхода в свет книги английского ученого Ф. Г. Кумбса «Кризис образования в современном мире». Автор констатировал наличие мирового кризиса образования, обозначив это состояние как «изменение», «приспособление», «разрыв». Он писал: «В зависимости от условий, сложившихся в различных странах, кризис проявляется в разной форме, сильнее или слабее. Но его внутренние пружины в одинаковой мере проступают во всех странах – развитых и развивающихся, богатых и бедных, издавна славящихся своими учебными заведениями или с великим трудом создающих их сейчас» [6, с. 10].

Ф. Г. Кумбс определил суть мирового кризиса образования в разрыве между сложившимися системами образования и быстро меняющимися условиями жизни общества. Мировой кризис образования, помимо девальвации традиционных социальных ценностей и поисков нового мировоззрения, характеризуется все более возрастающим различием в уровне и качестве образования между богатыми и бедными странами, а также внутри стран между социальными слоями.

Ф. Г. Кумбс выделил причины возникновения кризиса, мешающего рациональному использованию образования и образованных кадров в интересах национального развития: неспособность существующих школ и университетов удовлетворить в необходимых масштабах резко возросшую потребность народных масс в образовании; острый недостаток средств для функционирования ВПО; инертность общества, обременяемого установившимися традициями, религиозными обычаями, соображениями престижа и материальными стимулами.

В русле проводимой правительствами политики, прежде всего, решались вопросы, связанные с ростом контингента студентов и числа вузов. Эксперты и политики много говорят о качестве знаний, новых функциях высшей школы, количественном росте информации и распространении новых информационных технологий. Однако это большей частью декларации, нежели методически обеспеченные поиски. Становится ясным, что в рамках традиционных методических подходов невозможно перейти к новой парадигме образования.

Сложившиеся образовательные системы не выполняют своей функции – формировать созидательную силу общества.

Сегодня констатация кризиса образования из научной литературы перешла в официальные документы и высказывания государственных деятелей [4].

Проблемы мировой экономики и культуры, обострившиеся во второй половине XX в., актуализировали вопросы качества высшего образования. Они не определяются каким-то одним обстоятельством, а проистекают из сочетания факторов. Главными из них, по мнению исследователя Н. В. Форрат, являются сокращение финансирования ВПО в связи с упадком государства «всеобщего благосостояния», массовизация и интернационализация высшего образования, а также расцвет менеджериальной культуры, выразившийся, в частности, в создании концепции всеобщего управления качеством. Влияние этих факторов наблюдается во многих странах, включая Россию.

Демографическая ситуация в развитых странах изменяется в неблагоприятном для государства «всеобщего благосостояния» направлении. Рождаемость падает, продолжительность жизни увеличивается, создавая дисбаланс между числом работающих и иждивенцев. Социальные обязательства государства растут, а налоговая база уменьшается. Финансирование ВПО в таких условиях не является приоритетом для государства, так как в получении высшего образования заинтересована преимущественно молодая, трудоспособная часть населения. В ситуации, когда увеличивается доля пожилых людей – наиболее активных избирателей, растут расходы на медицинское обслуживание, когда материнство и детство, а также средняя школа остаются проблемной сферой по многим параметрам, финансирование высшего образования все чаще отдается на откуп семьи, работодателя, частных пожертвований и т. п. Те ограниченные деньги, которые все же выделяются государством для университетов, начинают подвергаться все более жесткому контролю, так как неэффективное их расходование является непозволительной роскошью.

В современном мире усиливается контроль использования финансов в сфере высшего образования. Университетам приходится объяснять государству, что конкретно было сделано на выделенные средства. Государство при этом является внешним агентом по отношению к вузу, поэтому демонстрация эффективности для него отличается от аналогичной процедуры для коллег-ученых. Это серьезный вызов автономии профессионала – университетского преподавателя [8, с. 127].

Ряд исследователей отмечают, что развернувшаяся в последние десятилетия информационная революция обострила проблемы обра-

зования. Сегодня на первый план вышли умение работать с информацией (добывать, обрабатывать, использовать), а также способность реагировать и эффективно применять стремительно возникающие и развивающиеся инновации. При этом традиционная система образования, основанная на принципах просвещения, направленная на трансляцию знаний, сохранение и воспроизводство духовного опыта, социализацию личности, определяемая состоянием общества и отвечающая «социальному заказу», становится неэффективной в условиях возрастающей информационной динамики, глобализации и модернизации общества [5].

Статус и условия деятельности профессорско-преподавательского состава (ППС) претерпевают серьезные изменения, в частности из-за массовизации высшего профессионального образования, и приводят к снижению нормального уровня квалификации ППС во многих странах. Академический рынок труда начинает приобретать глобальный характер. Преподаватели государственных университетов нередко помогают укомплектовывать штаты в растущем частном секторе высшего образования путем совместительства.

Вместе с тем рост и усложнение условий труда ППС не в достаточной степени компенсируются получаемым вознаграждением. Изучение зарплат профессорско-преподавательского состава в 15 странах показывает, что преподаватели, работающие полный день, могут прожить на свою зарплату, но едва ли их заработок намного больший, чем средний по стране. При этом с точки зрения подотчетности и оценивания, профессура во многом утратила свою автономию; маятник полномочий в сфере высшего образования качнулся от ученых к менеджерам и чиновникам, что оказало существенное влияние на университеты [3, с. 17].

Аналитики говорят об академической революции, происходящей последние полвека в высшем образовании, как беспрецедентном по своим масштабам, разнообразию и динамизму процессе. Оценивая массовизацию ВПО, они анализируют, каким образом всемирная высшая школа отвечает на это явление. Сама массовизация обусловлена большей социальной мобильностью для растущего сегмента населения, новыми моделями финансирования высшего образования, все более диверсифицированными системами ВПО в большинстве стран, снижением академических стандартов.

Когда университеты воспроизводят лишь интеллектуальную элиту общества, часто совпадающую с социальной, – вопроса о качестве образования не возникает. Университеты обслуживают один социальный слой, помогают поддерживать его статус и передавать его из поколения в поколение. Ценность знаний и умений, которые

аккумулирует и передает университет, определяется элитой, интересам которой он служит, и эта ценность достаточно стабильна. Границы высшего образования начинают изменяться с возникновением потребности в высококвалифицированных специалистах в разных сферах. Высшее техническое образование, появившееся в XIX в., расширило традиционный дисциплинарный репертуар университетов, ограничивавшихся до этого фундаментальными естественными и гуманитарными науками и традиционными профессиями (юрист, врач). До конца XX в. политехнические высшие учебные заведения не имели статуса университетов, что отражает естественный консерватизм академии. Сейчас техническое образование уже признается полноценным, но история повторяется при открытии любой новой специальности, когда у многих возникает вопрос: а каково будет качество образования на этой новоявленной образовательной программе?

Ценности западного общества в XX в. приобрели массовый характер. Высшее образование также не избежало массовизации, что создало целый ряд трудностей по сравнению с ситуацией, когда оно было прерогативой элиты. Когда высшее образование становится массовым, разрушается его прежняя социальная база, а с нею и однозначность определения целей и содержания высшего образования. Появляются студенты – выходцы из разных социальных слоев, с разными запросами и разными перспективами использования приобретенного интеллектуального и культурного капитала. Высшее образование должно в ответ диверсифицироваться, что является болезненным процессом, так как ставит под угрозу сразу и традиционные границы высшего образования, и его традиционные стандарты.

Это актуализирует вопрос уже не о горизонтальной диверсификации образования, а о девальвации стандартов. Массовое высшее образование ассоциируется с более низким его качеством. Однако абсолютное качество образования трудно оценить и сравнить, так как массовизация ВПО идет параллельно с изменением социальных, технологических и информационных условий. Но однозначно изменились ценность высшего образования для индивида и статусные привилегии, которые оно приносит. Университет больше не вызывает былого пиетета и все чаще вынужден доказывать (государству, абитуриентам, работодателям, профессиональному сообществу) свое право на существование среди множества таких же институций [8, с. 129].

Аналитики отмечают нарастающую конкуренцию за дефицитные места в престижных университетах и усложнение процедур и критериев поступления в лучшие вузы. С одной стороны, конкуренция может выступать фактором усиления академической среды, с

другой, – она угрожает возможностью нанести ущерб традиционным академическим ценностям, миссии вузов и обществу в целом [3, с. 15].

С начала XIX в. главная из трансформаций, которые претерпевает высшее образование, состоит в том, что оно все больше и больше становится товаром, циркулирующим на рынке образовательных слуг, и уже рассматривается не столько как совокупность навыков, отношений и ценностей, нужных для выполнения гражданских обязанностей и эффективного участия в росте благосостояния общества, сколько как товар или коммерческая услуга, приобретаемые потребителем и позволяющие сформировать «систему навыков», которыми можно воспользоваться на рынке труда или создавать нечто такое, что захотят приобрести многонациональные корпорации, академические институты, трансформировавшиеся в предпринимательские структуры, или какие-либо другие провайдеры [1].

При этом общее представление о том, что считать образовательной услугой, еще не сложилось. С одной стороны, под ней понимают систему знаний, информации, умений и навыков, которые используются в целях удовлетворения потребностей человека, общества и государства. С другой стороны, образовательная услуга в процессе потребления превращается в рабочую силу, качество которой зависит не только от труда преподавателей, но и от количества и качества личного труда учащихся. В этом и состоит существенное отличие образовательных услуг от всех прочих видов услуг. При этом не знания, умения, навыки рассматриваются как товарная продукция учебного заведения, а труд преподавателей по передаче этих знаний, умений и навыков позиционируется как образовательная услуга [7, с. 14].

По мнению части специалистов, образовательные услуги относятся к категории «общественных благ», предоставление которых, а следовательно, оплату и ответственность за их производство берет на себя государство. Но все же большинство из них относят образовательные услуги к категории «квазиобщественного» блага, которое по своей природе и назначению не вполне относится к общественным, но обеспечивает такие выгоды, что государство поощряет их производство. При такой постановке вопроса часть образовательных услуг (дошкольное, начальное общее, основное общее, среднее (полное) общее, начальное и среднее профессиональное образование) можно отнести к общественным, а другую часть (высшее и послевузовское профессиональное образование) к «квазиобщественным» благам.

Другой отличительной чертой образовательных услуг является невозможность их непосредственного денежного измерения и опре-

деления денежного эквивалента. Ценовой механизм часто не в состоянии отразить всех затрат на их производство. Полезный результат такой услуги может появиться лишь спустя продолжительное время и его можно измерить лишь с помощью косвенных показателей.

Еще одной отличительной чертой образовательных услуг является многозначность целей, поставленных перед производителями этих услуг, и поэтому, как правило, деятельность образовательных учреждений не направлена явно на получение прибыли. Особенность образовательных услуг проявляется и в том, что они являются составной частью комплекса мер, направленных на создание духовных ценностей, преобразование и развитие личности обучающегося. Эти услуги удовлетворяют потребности личности в духовном и интеллектуальном развитии, вносят вклад в создание условий для ее самореализации и самоопределения, участвуют в формировании и развитии способностей человека, его специализации и профессионализации [7, с. 15].

Проблема финансирования касается и бюджетных, и частных учебных заведений. Например, в США бюджетный университет в настоящее время покрывает лишь 15–20 % своих расходов из средств, выделенных законодательными собраниями штатов; остальное университет «добывает» сам. Это делает престижные штатские и частные университеты схожими в управлении и стратегиях. Престижные университеты не только успешно собирают средства, но и грамотно их используют, чтобы поддержать лицо учебного заведения, работающего на ниве служения общественному благу. Разумеется, институты различаются по тому, насколько успешно они финансируют деятельность, направленную на достижение своих собственных целей.

Одни усматривают в этом тенденцию к «коммерциализации» высшего образования, другие воспринимают это как глобализацию «американской модели» высшего образования. С. П. Хейнеман, профессор Университета Вандербильта в Нашвилле, определил это не как коммерциализацию, а как «профессионализацию» высшего образования в его стремлении к лучшему, как успешную модель, к воплощению которой в жизнь должны стремиться все высшие учебные заведения, пытающиеся разрешить всеобщую дилемму – увеличения общественной потребности в образовании, с одной стороны, и уменьшения государственных ресурсов, выделяемых на удовлетворение этой потребности, с другой [10].

Двигаясь этим путем, государственные университеты помимо платы за обучение пытаются получить доход от исследовательских фондов, от продажи связанных с университетом товаров, от предос-

тавления консультационных и исследовательских услуг и от связей между университетами и промышленностью – в некоторых случаях такие источники финансирования приводят к коммерциализации учебных заведений, что входит в противоречие с традиционной ролью университетов.

Как самостоятельное направление коммерциализации ВПО рассматривают нарастание революции в частном секторе (частный сектор «доминирует» в спросе, предлагая высшее образование студентам, которые не удовлетворяют требованиям государственных учебных заведений). Частные учебные заведения (коммерческие или «квазикоммерческие») представляют собой наиболее быстро растущий сектор во всем мире. Родственной тенденцией является приватизация государственных университетов [3, с. 17].

Ряд промышленно развитых государств рассматривает получение своими гражданами высшего образования как социальную норму. В этих условиях характер взаимодействия между образовательными институтами, обществом и государством имеет свои особенности:

- массовое высшее образование теряет независимость, которой ранее пользовались элитарные университеты, и поэтому они не в состоянии генерировать свою самостоятельную систему ценностей;
- в условиях рыночной экономики знание превращается, с точки зрения вложений, в первичный предмет потребления. Это в условиях массовости высшего образования влечет за собой «врастание» университетов в жизнь рыночно организованного социума, растворяя тем самым традиционные университетские ценности и превращая образовательный процесс в производственный конвейер [7, с. 19].

Косвенным отражением этой тенденции стало превращение академического обращения «коллега» в общераспространенное.

Изменение условий существования и роли ВПО создает качественно новую ситуацию в развитии вузов. В истории были университеты, служившие интересам церкви или государства, и как раз в таких случаях не возникало вопросов, что такое хорошее образование, так как его цели задавались соответственно этими институтами. В современных условиях не столько государство, потребители, работодатели или международное сообщество диктуют университету, каким он должен быть и какое образование давать, сколько университет должен определить это сам, а затем объяснить свои цели и методы внешним агентам – так, чтобы они признали это объяснение убедительным. Это гораздо сложнее и ответственнее, нежели просто следовать политическому или экономическому давлению [8, с. 131].

Система высшего образования тяготеет к национальным границам и становится интернациональным явлением. Университеты начинают все больше взаимодействовать со своими зарубежными коллегами, посылать студентов учиться за рубеж, создавать совместные образовательные программы, обучать иностранных граждан. Этот процесс естественен и внутренне мотивирован, сообщество ученых не должно знать пространственных границ, и интернационализация – это шаг в направлении открытой науки.

Он также подкрепляется международной мобильностью студентов, включающую в себя два потока: студентов из Азии, поступающих в основные академические системы Северной Америки, Западной Европы и Австралии; и мобильность внутри Европейского союза в рамках различных программ поддержки мобильности студентов [3, с. 16].

Вместе с тем университеты национальны по своей сути и связаны с конкретными структурами, людьми, источниками финансирования, национальными стандартами и свидетельствами. Интернационализация актуализирует вопрос совместимости, сравнимости учебных процессов и квалификационных норм. В Европе проблема создания единого образовательного пространства встала очень остро, так как разнообразные образовательные системы, сконцентрированные на небольшой территории континента, препятствовали развитию единого рынка труда. Степени, присуждаемые в одной стране, были не совсем понятны работодателям (и университетам) в другой стране, что существенно ограничивало мобильность рабочей силы.

Болонский процесс – яркий пример попытки выработать общие рамки, обеспечивающие такое понимание между европейскими странами. Его система делает степени разных стран более прозрачными для университетов и работодателей вне конкретной страны [8, с. 133].

В связи с формированием глобального рынка высшего образования неизбежно возникает проблема рейтинга вузов. По мнению директора Исследовательского центра политики высшего образования Дублинского института технологии Э. Хазелкорна, «рейтинги являются неизбежным проявлением глобализации... Однако из-за прямолинейных допущений об инновационной позиции высшего образования как движущей силе экономического роста, рейтинги побуждают руководящие органы/правительства и вузы принимать упрощенные решения и искажать проблемы, стоящие на повестке дня перед исследователями, а также вести политику научных исследований так, чтобы увеличивать продуктивность и эффективность исследований и повышать позицию высших учебных заведений в

рейтинге. История рейтингов показывает, что измерение неправильных вещей или не тех показателей может привести к искажению общей картины...» [9, с. 112].

Изучение изменений, происходящих в национальных и международных моделях высшего образования, позволяет выделить некоторые тенденции развития ВПО в ближайшей и отдаленной перспективе.

Анализ процессов, происходящих в национальных и интернациональных системах ВПО, свидетельствует о росте спроса на более широкий доступ к высшему образованию, и в каждом регионе мира этот доступ быстро расширяется. Поэтому первая задача университетов – адекватно и эффективно обеспечить развитие этой тенденции.

Другая общая цель университетов, по мнению С. П. Хейнемана, заключается в том, чтобы повышать равенство, т. е. предлагать стипендии способным студентам из бедных семей или регионов. Многие первоклассные университеты располагают достаточными средствами, чтобы выплачивать стипендии примерно каждому третьему студенту, чем, к сожалению, не могут похвастать государственные учебные заведения [10].

Перспективным трендом представляется переход ВПО на непрерывную систему пожизненного обучения. В ее основе лежат объективные процессы быстрого старения знаний, полученных в вузе. Поэтому специалист, желающий быть конкурентноспособным на рынке труда, должен непрерывно пополнять и трансформировать свои знания и навыки. Естественными механизмами решения этой задачи являются университеты, постоянно расширяющие набор форм и способов переподготовки кадров высшей категории.

Очевидной перспективой ВПО является деформализация университетского образования. Изменение идеологии учебного процесса, влекущее трансформацию его форм, обусловлено объективными обстоятельствами: нарастающим разнообразием студенческого контингента (расширение спектра возрастных и социальных категорий, обучение по программе неполного дня, выходного дня, системе погружения и др.). Профессия преподавателя становится все более международно ориентированной и мобильной в масштабах страны и мира. Роль преподавателя и его деятельность становятся более диверсифицированными и специализированными. Штатные должности будут заменяться разными формами трудовых договоров.

Высшее образование будущего мыслится как открытый процесс, происходящий не только в стенах учебных заведений и не только под руководством преподавателей-профессионалов. Все возрастающую роль будут играть образовательные и информационные ресурсы, получаемые через Интернет. Центральной задачей образования

становится создание необходимых условий для обучения человека осуществлению на практике жизненных целей с учетом условий его повседневной деятельности.

Новая концепция образования характеризуется рядом качественно новых черт. К ним относится переход от репродуктивной модели образования к продуктивной, от тематического к проблемному обучению с ориентацией на приоритет развития личности. В результате развития этих процессов на смену учебно-дисциплинарной модели образования придет личностно ориентированная модель [7, с. 8].

Переход на гибкие индивидуально ориентированные программы обучения вызовет изменение характера преподавания, обучения и образовательных программ: задача большинства вузов – меньше учить базовым дисциплинам и предлагать больше профессиональных программ более широкому кругу студентов.

По мнению экспертов ЮНЕСКО, «...вопросы, касающиеся учебных программ и целей высшего образования, особенно актуальны в развивающихся регионах, где формирующаяся рыночная экономика требует не только специалистов, подготовленных для научно-технических профессий, но и сильных лидеров, которые обладают широким знанием, творческим потенциалом, легко адаптируются и способны дать всестороннюю этическую оценку социальному развитию» [3, с. 16].

Переход цивилизации в очередную информационную стадию меняет представление общества о норме или стандарте обязательного образования. Если в начале XX в. к категории обязательного образования относили начальное, в середине века – неполное среднее, а к концу – полное среднее, то в начале XXI в. атрибутом качества жизни становится начальное высшее образование (бакалавриат).

Исходя из возрастающей роли и значения ВПО для внутренней жизни государства и его международного статуса, цель каждой страны заключается в том, чтобы повышать качество высшего образования. За последнее десятилетие в критериях его качества произошла настоящая революция. Современное качественное высшее образование требует наличия соответствующей электроники в классах, общежитиях, библиотеках, научных лабораториях и аудиториях для занятий. Вместе с тем наблюдается глубокий разрыв между использованием информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и применением их в качестве технологии для совершенствования качества учебного процесса. Применение ИКТ создает существенные трудности и затраты с точки зрения аппаратного, программного обеспечения, технической поддержки, обучения и постоянного обновления оборудования и расходуемых материалов. По-

всемерное распространение ИКТ, виртуализация процесса преподавания формирует мнение, что они приведут к исчезновению традиционного университета.

Крайне трудно подсчитать число студентов, участвующих в дистанционном образовании во всем мире, однако существование 24 мегауниверситетов, ряд которых может похвастаться миллионом студентов, – это свидетельство масштабности данного явления.

Кроме научно-образовательной миссии в современном развитии ВПО просматривается усиление исследовательско-креативной функции университета. Вуз становится не только центром образования, не только источником знаний и научных исследований, но и источником инноваций в социально-экономической и политической жизни региона и страны. Формирование исследовательской среды происходит вокруг исследовательских университетов (они находятся на вершине академической системы и непосредственно участвуют в глобальной сети знаний), которые требуют крупных затрат на создание и содержание. Для обслуживания этой тенденции образуется сложная спираль связей «университет – правительство – администрация региона – промышленность», которая вызывает принципиальные организационные изменения в структурах вузов – возникли и процветают специальные службы, отыскивающие и/или помогающие создавать новые источники доходов.

Эти изменения привели к дальнейшей дифференциации вузов – исследовательские, учебно-исследовательские и исключительно учебные. Растущей проблемой высшего образования и особенно исследовательских университетов является проблема интеллектуальной собственности [3, с. 17, 18].

Постоянный рост стоимости ВПО, возрастание расходов на престарелых и больных граждан заставляют государства сокращать расходы на высшее образование. Все это может вскорости привести к существенному урезанию бюджетов научно-исследовательских университетов, серьезно ограничить возможности получения студенческих кредитов в государственном или частном секторах. Через это университетам придется повышать или вводить плату за обучение, отменять или сокращать социальную помощь студентам и ограничивать расходы на научно-исследовательские работы.

Изменение финансирования высшего образования и усиление дебатов на тему «общественное благо – личное благо» из-за увеличения числа студентов стало серьезной проблемой для стран, где высшее образование традиционно бесплатно или в значительной степени субсидируется. С финансовой точки зрения, такая модель больше не жизнеспособна, из-за чего государственно-образовательные

системы вынуждены коренным образом реструктурировать «социальный контракт» между высшим образованием и обществом в целом [2, с. 68].

Укрупнение вузов, расширение их исследовательской и материальной базы, увеличение объемов потребляемых ими материалов и оборудования, активизация коммерческой деятельности руководства превращают их в значимых субъектов рынка товаров и услуг, а не только образования и науки. В сфере ВПО начинают вращаться крупные суммы, в том числе и «длинные деньги». Через это изменяется идеология и психология руководителей ВПО всех уровней. Меняется и отношение бизнеса к университетам, он начинает рассматривать их как деловых партнеров.

Значимость, роль и влияние университетов становятся настолько существенными, что они привлекают к себе пристальное внимание государства и общественности. Кроме этого возрастает значение обеспечения качества предоставляемых услуг в сфере ВПО, так как непрерывный рост традиционных и новых вузов ставит острые вопросы соблюдения стандартов. На повестке дня стоит вопрос подотчетности, как следствие этого, во многих случаях регулирующая функция государственных и полугосударственных учреждений трансформируется в функцию аттестации. От системы высшего профессионального образования начинают требовать «продукт» соответствующего качества, все больший акцент делается на «результаты» высшего образования. Эксперты ищут новые данные и показатели, демонстрирующие, что студенты достигли в результате своего образования определенных уровней.

Сопоставимость квалификаций образования стала ключевым вопросом международных дискуссий [3, с. 16].

История западной модели ВПО демонстрирует опережающий по отношению к развитию социума процесс развития высшей школы. Ее трансформация предшествовала прогрессивным изменениям в обществе, выступая, таким образом, их предпосылкой. И напротив, задержки в ее развитии замедляли социальный прогресс. Очевидно, что высшее образование играет уникальную роль в обеспечении сплоченности нации, но эта роль может быть либо негативной, когда поощряется непрофессиональное поведение, либо позитивной, когда соблюдаются национальные и международные стандарты его качества.

Обязательным условием дальнейшего развития цивилизации является осознание того факта, что образовательные, наряду с экологическими, энергетическими и другими проблемами, вошли в число ключевых вопросов, стоящих перед человечеством. Общепри-

знано, что творческие возможности человечества во многом определяются ценностями и состоянием сферы высшего образования.

Особая роль высшего образования как общественного блага сохраняется в обозримой перспективе. Понимание уникальности высшего образования в глобализированном мире является первым шагом к конструктивному решению проблем, которые неизбежно придется решать человечеству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтайцев А. М. Трансформация высшего (университетского) образования в России в постсоветский период [Электронный ресурс]. URL: http://charko.narod.ru/tekst/an8/II_5.htm. (дата обращения: 13.01.2013).
2. Альтбах Дж. Ф., Райсберг Л., Рамбли Л. Тенденции в глобальном высшем образовании: мониторинг академической революции // Основные тенденции развития высшего образования: глобальные и болонские измерения / под науч. ред. В. И. Байденко. М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2010. С. 59–94.
3. Байденко В. И. Основные тенденции развития высшего образования: Глобальные и болонские измерения Аналитический доклад // Основные тенденции развития высшего образования: глобальные и болонские измерения / под науч. ред. В. И. Байденко. М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2010. С. 7–48.
4. Голубев В. В. Высшее образование и некоторые проблемы современной цивилизации [Электронный ресурс] // Науковедение : интернет-журн. URL: <http://naukovedenie.ru/index.php?id=144>. (дата обращения: 22.01.2013)
5. Карманова Д. А. Кризис российского высшего образования: к проблеме актуализации [Электронный ресурс]. URL: <http://journal-labirint.com/?p=522> (дата обращения: 15.01.2013)
6. Кумбс, Г. Филипп. Кризис образования в современном мире: Системный анализ / пер. с англ. С. Л. Володиной, В. А. Кузнецова, С. П. Романовой ; под ред. Г. Е. Сорова ; послесл. В. А. Жамина. М. : Прогресс, 1970. 261 с.
7. Сенашенко В. С. Современные проблемы и возможные пути развития высшего образования в РФ и зарубежных странах. М. : РУДН, 2008. 252 с.
8. Форрат Н. В. Проблема качества высшего образования: мировые вызовы и их российские трансформации // Вопр. образования. 2009. № 1. С. 121–138.
9. Хазелкорн Э. Влияние глобальных рейтингов на исследования в сфере высшего образования и производство знания // Основные тенденции развития высшего образования: глобальные и болонские измерения / под науч. ред. В. И. Байденко. М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2010. С. 99–114.
10. Хейнеман С. П. Глобальные проблемы высшего образования. Образование за границей. Ч. 1 [Электронный ресурс]. URL: http://www.immigrantclub.net/global_education.php (дата обращения: 19.01.2013).

Классовый характер политических реалий – надолго ли он? К постановке вопроса

Н. С. Коноплёв

Иркутский государственный университет

Рассмотрена политическая составляющая общественных отношений со времени становления формационно задействованной, классово организуемой цивилизации. Политика, показано автором статьи, выполняла двоякую роль: обслуживая классовое общество, она направляла усилия к его преодолению вскрытием «политической несостоятельности» цивилизационно закрепляемого человеческого самоотчуждения. Оборачиваясь политической реальностью, т. е. тем, что способствует отводу политики с «социоконфликтной территории», политика открывается нам в качестве прививающего толерантность «внеклассового инструмента».

Цивилизационная «завербованность» политики. Затверждаясь зарею гомосапиентизации культура, как система нарабатываемых традиций доводит их до моногамно семейного совершенства. Со становлением семьи традиции затеваются прогрессом, а сопутствующий им коллективизм отступает перед «разразившейся» массовой индивидуализацией социума – показателем торжества прогресса над традициями, цивилизации над культурой. «Загоревшись» цивилизацией, ныне «восседающей высотами НТР», человечество – под влиянием некогда произошедшего «великого поражения женского пола» (Ф. Энгельс (1820–1895)) – выразило ее мужскими стандартами. Главный из них: при опоре на рацию освободить «сильнейшую часть человечества» от труда как физически выраженной целеположенности, передав его функции механизированному производству (попутно отметим: цивилизация мало коснулась утративших самостоятельность женщин; по-прежнему их уделом оставалась «тяжесть домашнего подневолья»). ...Упрочивающаяся цивилизация занята «прокатом» общественных отношений, «пролонгируемых» сменяющимися друг друга формациями – рабовладельческой, феодальной, капиталистической. Неотрывным «спутником» «формационного коктейля» становится предельно заостряемая нарастающей громадой всемирной истории классовая борьба. Она – важнейший цивилизационный регулятор. Создается впечатление, что цивилизация преодолевает «формационные пределы» общественных отношений, и «вверенная» им политика приобретает универсализированно-приемлемую общечеловечность. Но сама цивилизация как контролируемый общественными отношениями путь с «односторонним

движением» (т. е. имеющим «мужскую направленность», ибо «женственности» – мы видим – «противопоказаны» общественные отношения, и она «довольствуется» доставшимися ей в «наследство» социальными связями с их «архаической укорененностью») неизбежно оперирует «формационной реальностью», и сегодняшняя глобалистика по-своему – через противостояние «золотого миллиарда» и «оставшегося человечества» – усугубляет ее классовость. Каждая из названных нами формаций стянута «базис-надстроечным тандемом», и политика – важный элемент надстройки – активно «орудует» «классовыми перипетиями». Преодолевая цивилизацию как способ формационного – базис-надстроечного – промера человечества, общество не отказывается от надстроечного, включая политику, «антуража». Человечество – повторимся, – выйдя из «культурного общежития», выбрало однолинейное – цивилизационное – существование: женски претворяемая устойчивость не была допущена до паритета с изменчивостью, «засвеченной» сильным полом. Конкретно сие означало: мужчины, выстраивая общественные отношения (которыми оперирует цивилизация), отстранили от них женщин, и «слабый пол», опутанный социальными связями, очутился на «обочине истории».

Капитал направляет политику на «отчуждающее растаскивание человека» путем замены труда производством. Цивилизация демонстрирует несостоятельность связанного с нею жизненного пути... Положение нужно менять, но как? Проблема, полагаем, подлежит пересмотру с позиций активизирующейся надстройки, когда бы сполна выявилась ее самостоятельность по отношению к формационно задействованному базису. Примером здесь служит Великий Октябрь, осуществивший революционные преобразования среди деклассированного – из-за «всемирнейшей мясорубки» (В. В. Маяковский (1893–1930)) – народонаселения посредством «высланного» Партией большевиков идеолого-политического энтузиазма. Понимать это следует так, что, переводя информацию в глобально разворачивающийся инфомассив, мы замещаем традиционный базис «информационным накатом», вдруг становящимся «ведущей производительной силой»... Действительно, НТР занята переориентацией производства с непосредственно «трудового амплуа» (когда производство напрямую обусловлено трудом – физически развернутой целеположенной деятельностью) на «духовный арсенал». Это по плечу современной технике – вершителю производственных достижений, многократно раздвигающих «заделы трудовой прочности». Значит, современное, технически выверяемое производство свободно от «индивидуально зачищаемого труда». Зато зависимость техни-

ческого прогресса от «духовнодеятельностных заготовок» (назовем их работой) становится вполне очевидной. И вот – социум преисполняется «тяжким негативом». Это видно по тому, что, поскольку непосредственно труд создал человека (работа же как духовный посредник между субъектом трудовой деятельности и реализуемым им трудом не может быть ведущим началом в обслуживании жизненно значимых индивидуализированных потребностей), замещение его механизированным производством, где человек преимущественно осуществляет чисто рабочие (стало быть «физически закрытые», т. е. предметно свернутые) функции, ведет к деградации «рядовую телесность». Однако усиливается связанный с работой интеллект; и вместо «ладно скроенного денди» со временем мы увидим «голову профессора Дуэля» (А. Р. Беляев /1884–1942/). Расширение искусственной среды напрямую связано с торжествующей глобализацией, которая сегодня воцаряется с учетом глобально же наращиваемого капитала. Политика капитала сводится к тому, чтобы производство, овладевая достижениями НТР, стремилось – еще раз скажем об этом – к повсеместному замещению труда работой. Значит, капитал, образно говоря, рубит сук, на котором сидит. Ведь и возвеличиваемое капиталом производство – это прежде всего реализация человеческого фактора, а он – с ослаблением трудовой составляющей – медленно сходит на нет, помещая в глубины небытия и собственно производство.

Политика перспективами новых реалий. Смыслообразующий ее срез. Но нас больше волнует другое – как в глобально складывающемся «динамонерованном» отвлечь человечество от усиливающихся перспектив потребительства (служащего «питательной средой» разрастающейся «неравновесности»)? Усиление его вредно еще и в том отношении, что число землян количественно увеличивается – природные же ресурсы заметно «свертываются». Казалось, здесь перед капиталом открываются «светлые перспективы», поскольку он непосредственно производит «естественный отбор» народонаселения. Оно бы и ничего, не испытывая сохраняющаяся «людская корпорация» чудовищного прессинга саморазрушения, связанного с проникновением продуктов искусственной среды в «телесную оболочку индивида». Это на корню подрывает «потребительский позитив», склоняя политику к необходимости «разборок» как с капитализированной глобализацией, так и с тенденциями, связанными с ростом планетарно-народонаселенческого ареала. Кажется, только с этого – чрезвычайно жизненно важного – момента начинают действительно разворачиваться возможности политики. Политика постоянно сопутствует всем перипетиям цивилизации, сорганизовы-

ваемой, как было сказано, формационными укладами. Под их воздействием совершенствовался общественный прогресс, который, как мы об этом сказали, стал возможным за счет абсолютизации изменчивости, зримо представляемой «мужским разворотом», и социально-свертываемой устойчивости, заполняемой «женским присутствием». Формируемое мужчинами общество как односторонне развивающееся самым существенным изъяном имело то, что в нем отсутствовали верные ориентиры по гармоничному раскладу социально запечатленных изменчивости (закрепляемой мужским присутствием) и устойчивости («обласканной» «женскими привилегиями»). Сложившиеся из этого несоответствия цивилизационно репрезентируемые формации не позволили по-настоящему отстояться социальной форме движения материи. И хотя она обрела своего специфического носителя – моногамную семью, тем не менее существование социальной формы настолько непредсказуемо, что во всеокрушающем глобальном «динамонравновесе» ожидать спасения от капитала с его навязыванием «всемству» («словечко» Ф. М. Достоевского /1821–1881/) «всеобъемлюще упитанного потребления» или некоей «постиндустриальной эры» с ее «необозримыми – здесь и для каждого – благами» уже не приходится. Политика на всем протяжении цивилизации стремилась расчищать дорогу новым, а следовательно, прогрессивным общественным отношениям. Она обслуживала их, создавая впечатление, будто поддерживает социосправедливость. Конечно, такая поддержка присутствовала, но к ней политика не сводима. Политика изначально стимулировала всечеловечный прогресс (плоды которого зачастую доставались господствующим слоям) и длительное время устранилась от раскрытия его «смыслосоставляющих вех». И лишь позже было замечено, что прогресс навязчиво подминает «смыслопоисковые интенции». Созвучны этому слова поэта: «...я – Андрей, а не имярек: все прогрессы реакционны, если рушится человек». Мы обращаем внимание читателя на то, что нынешней – последней – экономической формации надлежит приоткрыть завесу над тем, что подчиняет производство не прогрессу с его «классовой рознью», но смылосоставляющим компонентам действительности, благодаря чему прогресс, перестав быть самодовлеющим, приблизит сообщество к поискам смысла жизни фокусом всё более охватывающей нас «всесветно обставляемой терпимости» (впрочем, мы сами тянемся к ней, психологически осваивая ее повседневно). И если прописанное здесь обретет мощь, капиталистическая формация, сойдя на нет, потянет туда же цивилизацию. ...Мы попытались показать – и это действительно так – классовую природу политики. Но на этом, как было отмечено выше, политика не завер-

пается. Сегодня она связана с иными тенденциями. Как наиболее «тонкий» слой надстройки политика чутко улавливает актуальность безболезненного перевода формационно-классовой цивилизации во внецивилизационное русло. Она в силах содействовать свершению дружественной соотносимости социально раскручиваемой изменчивости и социально же «припечатываемой» устойчивости: прорежется их диалектика, и «колеблемый треножник» социальной формы движения вполне утвердится. Политика здесь обретет новый облик. Проследивая ее эволюцию, мы замечаем: политика складывалась условиями «ненадлежащего» (стало быть цивилизационного) выбора, осуществленного человечеством, когда оно «однобоко» оценивало себя. И политика по видимости принимает сторону сильных мира сего: становится апологетом цивилизации. «Продираясь» «классовыми терниями», политика расчищает площадку для успешного развертывания пусть сперва и несостоятельных, вместе с тем, однако, важных (как для возвышения, так – впоследствии – и преодоления цивилизации) реалий и главной из них – общественного прогресса. Одновременно политика, соотнося этажи общественного устройства с «веером государственности», ведет поиски «аутентичной человечности» – с выходом на проблему смысла жизни, сердечного братства в их «гражданском исполнении». К. Маркс (1818–1883), выписывая формационную теорию общества, локализовал ее цивилизацией. Коммунизм же как процесс свободен, по К. Марксу, от формационных наслоений и, следовательно, – делаем вывод – пребывает «по ту сторону цивилизации».

Политика в делах представителей научного мировоззрения; ее очищение. Основоположники диалектического и исторического материализма – К. Маркс и Ф. Энгельс – всегда уделяли внимание политике как «идеологическому протезу». В. И. Ленин (1870–1924) вскрывает роль политики в переходный от капитализма к социализму период. По В. И. Ленину, выходит даже так, что Великий Октябрь (1917) первоначально развернулся надстроечно-политической данностью, содействуя обновлению существующего базиса с дальнейшей его заменой внеформационным – социалистическим – «производственным реноме». Это соответствует воззрениям классиков научной философии: наступающий через преодоление формаций коммунизм – внеформационно воспроизводимая социоструктура. Таковым его делает процессуальность, в которой решающая роль отведена осуществляющим ее конкретным людям: именно они, располагая производством, очеловечивают его, или, иными словами, ставят его на трудовые рельсы. ...Человек возвращается к труду, находя в нем смыслообразительные подробности. Они обрастают

«многократно утрамбовываемой производственностью», вследствие чего запечатлеваемый смысл жизни получает трудо-производственное обеспечение. Производственно скрепленный труд выражает – коммунистическим контекстом – подлинную взаимосвязь устойчивости и изменчивости в границах социальной формы движения материи, или – применительно к рассматриваемой ситуации – паритетное единство «женской добродетельной любви» и «мужского галантного рыцарства». Дело в том, что сам факт элиминации цивилизационно «закругляемых» формаций (речь, однако, в данном случае идет о преодолении капитализма) наглядно свидетельствует о том, что «затушевывание», снятие с «повестки дня» капиталистической формации напрямую связано с достигнутым равноправием обоих полов. Отметим также, что «фактором» упрочения социальной справедливости выступает – и с этим нельзя не согласиться – преодоление классово-антагонистического наследия прошлого, т. е. всего того, что характеризует формационное напряжение человечества. ...Мы старались показать, что «формация» – отражение несостоятельности цивилизации, которая должна сойти с исторической арены вместе с закрепляющей ее формационностью. Укажем еще раз на то, что цивилизация как формационно оборудованная структура содержала в себе классово антагонистический заряд из-за того, что представительницы слабого пола не занимали в ней равного с мужчинами положения. И рассмотрению «классовости» способствует анализ неполноценного места женщины в системе общественных отношений, и сами эти отношения содержательно претворяются с включением в них «роскошной вечной женственности». ...Политику долго считали «грязным делом», и для этого были веские основания. Например, Н. Макиавелли (1469–1527) оправдывал зло как необходимое средство достижения государственной цели. Вослед ему Г. В. Ф. Гегель (1770–1831) считал, что зло является «оборотной» стороной сословно становящегося добра. Такое понимание политики обуславливалось тем, что во всех этих случаях она отстаивала социальный прогресс по формуле: «Нет худа без добра». Теперь, когда разведены «смысл жизни» и «жизненный прогресс» (и политика здесь сыграла весьма конструктивную роль, очерчивая «прогресс» «смыслом»), становится очевидным: политика прилагает свои усилия к тому, чтобы оправдать равноправное с мужчинами участие женщин в современной общественной жизни. Вовлекая в нее женщин и теоретически это обосновывая, политика как «совокупность духовно-практических императивов» играет самую важную роль во все еще задействованной жизнью надстроечной сфере. Внутренний механизм эволюционирующей перестройки политики

выходит из рамок «тогда» и, приобщаясь к «теперь», заглядывает в будущее.

Политика как политическая реальность. ...Расположение политики в трех временных срезах настраивает ее на то, чтобы предстать не просто теоретико-практическим указанием к тому или иному действию, но воспроизвестись более широким культурно-историческим феноменом: сложиться политической реальностью. Это значит: политика в данном случае – такой «духовно терпкий напиток», используя который его «потребитель» оказывается «пронзенным политическим катарсисом». Обволакиваясь «политической реальностью» как неким «духовным коконом» (напоминающим медитативную реальность, с той, однако, разницей, что политическая реальность направляет ее носителя вовне – на уровень общественной практики; медитативная же реальность вдумчиво апеллирует к внутреннему миру «Я»), субъект её, духовно очищаясь, приобщается к насыщенному высшей правдой «Целому Вселенной» (Ф. М. Достоевский. Под высшей правдой разумею то, благодаря чему автор «Записок из мертвого дома», идеологически окрепнув каторгой, пришел к «почвенническому миросозерцанию» как единственному, с его точки зрения, условию политического принятия официально-государственной формулы: «Православие, самодержавие, народность». Ф. М. Достоевский – представляется нам – свое политическое кредо «обтачивал» философским подходом).

Сомкнемся с политикой, отстаивая общечеловеческие ценности. И – строим заключение: политика – это теоретически выводимая система «общественно возбудимых групповых и личностно-гражданских актов», а также «искусство возможного» – путем приобщения индивида и коллектива к общечеловеческим ценностям, социальной гармонии. Вырастая из классово-надстроечной программы действий, политика призвана направлять общественное сознание в предметно-практическую – внеформационную (а следовательно, классово устранимую) – область бытия. Выводимая из сегодняшней политики политическая реальность – это точка преломления во внутреннем мире личности таких ее установок, соответствующих которым она занимает отводимое ей место в глобально обустроенном мире с его «ноосферными продуцентами» и – в охватившей человечество атмосфере разрозненности, беспрецедентного биопсихо-социального самоотчуждения – идейно закладываемой поступочностью спланирует близких себе людей, ведет их посильной дорогой толерантного освоения «горизонтов сущего».

Персонификация власти в условиях федерализма

А. К. Родионова

Читинский институт

Байкальского госуниверситета экономики и права

Предлагаемый нами концепт федерализма как политико-правового института многоуровневой государственной власти, закрепленной на правовой основе и реализуемой государственным аппаратом посредством специфических методов государственного управления, позволяет смотреть на политическое строительство нашего государства не только с позиции формального закрепления демократических прав и свобод человека и гражданина, а значительно шире. Данный концепт предполагает акцент исследовательского внимания на специфике государственной власти в условиях федерализма: особенности организации и функционирования многоуровневой власти, носящей персонифицированный характер, а следовательно, предполагающей такую же ответственность политиков, олицетворяющих государственную власть.

Было бы неверным отрицать демократизм в организации государственной власти в РСФСР (ее многоуровневость, разделение по уровням власти ряда полномочий, определенное распределение ресурсов власти и т. д.), т. е. в реализации организационных признаков федерализма. Действие функциональных признаков федерализма, обусловленное механизмами реализации власти большевиками в условиях утверждения классовых (оцениваемых как народные) идеалов, сформировало жесткую/жестокую политическую практику реализации планов развития государства, повлекшую, в том числе, массовые репрессии по отношению к своему народу. Политические практики российского федерализма (1990–2000 гг.) были также связаны с выбором демократического развития России. Попытки утвердить демократию как основной идеал развития России в 1990-е гг. оказались далеки от ожидаемых. Идеи либерализма утверждались в западном прочтении (индивидуализм, рыночная экономика, конкуренция, идеализация частной собственности). Эти идеи, запущенные мобилизованной политической элитой, настроенной на радикальную модификацию в сферах экономики и политической жизни, реализовывались на федеральном и региональном уровнях государственной власти, сформированных согласно Конституции РФ 1993 г., в сочетании с дезинтеграционными (сепаратистскими) признаками федерализма [1, с. 42]. Утверждение западных образцов демократии осу-

существовало в ходе звучной политической риторики, сложной политической жизни, шоковой терапии, поэтому они вступали в противоречие с ментальностью российского общества и создали угрозу российской государственности, территориальной целостности государства и единству государственной власти. Возникшая в 2000-х гг. императивная модель российского федерализма с внятыми технологиями монопольного государственного управления явилась ответной реакцией на дезинтеграционный период 1990-х гг. [2, с. 25].

Механизмы государственного управления, воплощающие функциональные признаки и принципы федерализма в конкретный исторический период, реализуются не сами собой, поэтому исследовательское внимание должно быть сконцентрировано на деятельности политической элиты, лидеров не только федерального уровня государственной власти, но и регионального.

Имеющиеся проблемы социально-экономического характера, современная политическая жизнь российского общества, результаты прошедших выборов, вызвавшие острую реакцию населения, влекут множество непростых вопросов к федеральному уровню власти. Власть регионального уровня до определенного времени критиковалась менее резко, вероятно, в силу того, что «своей» власти прощалось многое. Однако прошедшие выборы регионального уровня показали низкую явку избирателей (выборы губернатора в Красноярске летом 2012 г. прошли при явке немногим более 21 % избирателей). Вызывают оправданное возмущение граждан «дела чиновников» в Забайкальском крае: незаконное премирование чиновниками самих себя в размерах, многократно превышающих среднюю заработную плату по Забайкальскому краю, совершение мошеннических действий с использованием служебного положения, злоупотребления полномочиями. Забайкальский край по итогам первого полугодия 2012 г. занимает четвертое место в Сибири по количеству незаконных актов, подписанных чиновниками.

Персонификация власти в России, по мнению исследователей, сохранилась до настоящего времени [3, с. 12]. Этот вывод стоит признать неоспоримым. «Традиционной политической культуре России на различных исторических этапах были свойственны изоляционистские, мессианские, государствоцентрические типы политической активности людей и державническо-регионалистские установки центральной зоны культуры; они же, в свою очередь, являются и детерминантами модернизационных преобразований» [4, с. 19]. Анализ истории России – доказательство тому, что разработки средне- и долгосрочных проектов осуществлялись лицами, которые по предначертанию судьбы или воле случая оказывались у власти. Процес-

сы реформирования современной России позволяют продолжить мысль об определяющей роли глав государств, ведущих политиков федерального и регионального уровней государственной власти в моделировании политического и социально-экономического пространства России. Приход к власти Б. Н. Ельцина повлек децентрализацию власти. Период пребывания у власти В. В. Путина в 2000-х гг. – это период централизации, возникшей в ответ на децентрализацию предыдущего периода, а Д. А. Медведев в условиях внутренней стабильности активизировал международные политические связи, законодательскую деятельность.

Говоря о персонификации власти, мы в меньшей мере увязывали персонификацию с региональным уровнем государственной власти, клиента которого казалась очевидной и часто порождала безответственность. Современные реалии подтверждают, что реализация политического курса, очерченного на федеральном уровне, в значительной мере зависит от деятельности политической элиты регионального уровня во главе с конкретным лидером, обладающим достаточно широкими властными полномочиями.

Митинговые страсти последнего времени связаны с требованиями к должностным лицам «снять», «посадить». И. А. Ильин подчеркивал, что в государстве с федеративной формой необходимо воспитывать в народе чувство долга, развивать лояльность, верность обязательствам и договорам, чувство собственного достоинства и чести, и способность к общинному и государственному самоуправлению [5, с. 57]. Развитие у народа указанных качеств невозможно без наличия и демонстрации этих качеств у политических лидеров. Требования к чиновникам о предоставлении достоверных сведений о размерах доходов, рост раскрытых дел о коррупции – свидетельство того, что федеральная власть желает видеть в своих рядах порядочных, заслуживающих уважение со стороны населения чиновников. Последние решения Президента РФ об отставке министров, других должностных лиц – свидетельство тому, что просчеты в работе высших должностных лиц – это основание для юридической ответственности.

Полагаем, что активное внимание со стороны федерального уровня власти, контрольных, правоохранительных органов должно быть обращено и к деятельности политической элиты регионального уровня. Региональный уровень власти приближен к населению, его жизненным проблемам, а проблемы во многих регионах весьма существенные. Дистанцированность власти и народа – это в первую очередь проблема функционирования регионального уровня власти, это вопросы к конкретным персонам, возглавляющим данный уровень власти.

На фоне активных требований населения, озвученных внятно/невнятно, и обращенных к политической элите, высвечивается

(при наличии основания к этому) необходимость в реализации всех видов ответственности. Тем не менее, не всегда при оценке деятельности конкретных политиков, лидеров власти целесообразно обращаться к юридической ответственности – самому жесткому из видов ответственности. Юридическая ответственность со всей своей четкостью механизмов привлечения и реализации не может быть распространена на сферы, не охватываемые понятием «правонарушение». Следует признать, что авторитет власти подрывается не только преступными действиями чиновников, но и использованием «серых» технологий в ходе выборов, озвучиванием волнующих воображение, но реально невыполнимых лозунгов (например, обещание бесплатного высшего образования, обеспечение всех жильем и т. д.).

Персонификация власти, полагаем, изначально предполагает особое мышление, культуру поведения, определяемую этическими (моральными) максимами политического характера, в основе которых должно лежать чувство ответственности перед народом не только за свою деятельность, но и за каждое слово. Этика (мораль) в политике в современных условиях превращена в архаизм. Соотношение морали и политики – это сложная теоретическая проблема, но еще более сложная – практическая. Будучи социальными системами, регулирующими отношения в обществе, политика и мораль должны укреплять основания самого существования государства, которое «есть союз абсолютный, представляющий собой высшее сочетание противоположных начал общежития личного и общественного» [6]. Личное восприятие политиком, чиновником государственных задач, проблем как своих собственных возможно только при условии высокого нравственного уровня, высокого уровня правосознания, позволяющего оценить меру и степень доверия, полученного от общества.

Полагаем, период принятия российской политической элитой Кодекса этики политика настал. Поскольку в современный период резко возросла роль партий, их приход к власти предусмотрен законодателем, партии должны стать «школой» роста «высоконравственного политика». Формирование современного политического деятеля не должно осуществляться на локальных уставных партийных нормах. Необходим политический документ, имеющий характер всеобщего, и предусматривающий ответственность за его нарушение. Материальные нормы документа должны предусматривать виды нарушений и меры ответственности неюридического характера. Несомненно, материальные нормы такого документа должны быть подкреплены четким процессом их реализации. Не исключаем, что в связи со сказанным будет необходимо обращение научного сообщества России к детальной разработке и концепта «политическая ответственность».

ЛИТЕРАТУРА

1. Родионова А. К. Институциональные основы федерализма. Иркутск : Изд-во ФГБОУ ВПО БГУЭП, 2011.
- 2 Родионова А. К. Основные модели российского федерализма // Обозреватель: науч.-аналит. журн. 2008. № 11.
- 3 Пивоваров Ю. С. Между казачеством и кнутом. К столетию русской конституции и русского парламента // Полис. 2006. № 2.
4. Холодковский К. Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. 2009. № 2.
5. Ильин И. А. О грядущей России. Избранные статьи. М.: Рус. кн., 1991.
6. Чичерин Б. Н. Наука и религия [Электронный ресурс] // Ин-т философии РАН. Электрон. б-ка. URL: http://iph.ras.ru/elib/Chicherin_Nauka_i_religiya.html.

Перспективы российского федерализма в рамках стратегии-2020

В. В. Синиченко

Восточно-Сибирский институт МВД РФ

Для экономиста, юриста, политолога понятие «федерализм» несёт в себе совершенно разные смыслы и означает совершенно разные проблемы. Абсолютизация собственных предметных подходов разными специалистами чревата потерей целого. Практическая задача проектирования архитектуры российской государственности и конкретных институтов, адекватных стоящим в повестке дня задачам, требует синтеза этих дисциплинарно и предметно ориентированных подходов.

С политологической точки зрения федерализм – один из способов политического структурирования социального и политического пространства, институционализации баланса различных интересов, включая территориальные, региональные. Такая постановка вопроса позволяет заключить, что краеугольной проблемой федерализма является поиск динамического оптимума концентрации ресурсов в федеральном центре или в регионах в соответствии с решаемыми на данном историческом промежутке задачами. В реальной истории различных стран и федераций этот оптимум изменялся в разные исторические периоды в зависимости от стоящих перед страной задач. В рамках современной экспортно-сырьевой модели экономики России и в условиях мирового кризиса для регионов часто «выгоднее» быть дотационными и лояльными субъектами, чем гоняющимися за инновациями-инвестициями районами.

К сожалению, до сих пор позиция многих регионов продолжает оставаться иждивенческой. Во многом это вызвано тем, что система поддержки регионов, основанная на принципе поощрения, а не со-

кращения объемов поддержки субъектов Федерации, до сих пор не создана.

Иллюстрацией формально-бюрократической логики, мешающей установлению нового федерализма, служит идея об объединении регионов-доноров с дотационными субъектами, озвученная спикером Государственной Думы на заседании Госсовета 22 января 2010 г.

Позднее спикер даже обозначил формальную дату 2020 г., к которой слабые субъекты должны трансформироваться, сделав оговорку, что силком никого объединять, конечно, не станут, но если граждане начнут инициировать референдумы по слиянию регионов, то эти инициативы надо учитывать.

Логично, что право на политическую, административно управленческую автономию и субъектность должно обеспечиваться экономической возможностью (хотя бы в минимальной степени) эту автономию самостоятельно обеспечивать. Однако эта, казалось бы, рациональная, коммерческая, бюрократическая и ситуативная логика не работает в качестве стратегического принципа федерализма и государственного устройства.

Если в дотационных регионах России проживает 76,2 % населения страны, а они охватывают 87 % территории государства (73 региона из 83 являются дотационными на протяжении более 10 лет подряд), то эта проблема, по оценкам независимых экспертов, однозначно является не частной проблемой некомпетентности конкретных региональных властей, а проблемой федеральной политики в области налогообложения и межбюджетных отношений.

Но иных, более содержательных федеральных механизмов регионального развития кроме административного объединения спикером предложено, к сожалению, не было.

Однако проблема была осознана, и Правительству РФ в январе 2011 г. была поставлена задача подготовить предложения по изменению сложившейся пропорции распределения доходов между бюджетами разных уровней.

Экспертная группа, возглавляемая руководителем научного направления Института экономической политики имени Егора Гайдара Ириной Стародубовской и завкафедрой Российской академии народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ, членом Общественной палаты РФ Вячеславом Глазычевым, обнародовала в феврале 2011 г. доклад «Реальный федерализм, местное самоуправление и межбюджетная политика», написанный по заказу Правительства в рамках корректировки стратегии-2020.

Координируют экспертное сообщество ректор ВШЭ Ярослав Кузьминов и руководитель Академии народного хозяйства и гос-

службы Владимир Мау. В частности, вице-премьер Игорь Шувалов заявлял, что доклады и итоги их обсуждения будут представлены президенту и премьеру, а партия, которая получит большинство в Госдуме на выборах 2011 г., примет законы в соответствии с программой действий правительства.

Доклад «Реальный федерализм, местное самоуправление и межбюджетная политика» содержит описание существующего положения дел в этой области, анализ пороков его функционирования и сценарии изменения ситуации.

Для изменения ситуации предлагается два основных и три промежуточных сценария. По максимально либеральному сценарию в стране необходимо начать немедленную демократизацию и децентрализацию: восстановить прямые выборы губернаторов и мэров, автономию каждого из уровней власти, установить широкую децентрализацию полномочий и финансов, свободу СМИ, многопартийность. Фактически в докладе описываются черты политической системы, от которой страна отказалась десять лет назад с приходом на пост президента Владимира Путина.

Радикальный сценарий предполагает пять мер по усилению финансовой автономии региональных и местных органов власти.

Во-первых, превращение налога на доходы физических лиц в налог субнационального уровня. По мнению авторов доклада, такая трансформация может осуществляться в двух вариантах: путем превращения НДФЛ в региональный налог и путем установления налогообложения доходов как на муниципальном, так и на региональном уровне.

Во-вторых, эксперты предлагают смягчить регулирование ставки налога на прибыль. Регионам может быть предоставлено право повышения ставки налога на прибыль по отношению к минимальному уровню, урегулированному Федерацией.

Третье предложение заключается в предоставлении права региональным и муниципальным властям устанавливать налог с продаж. Авторы документа подчеркивают, что введение налога с продаж сегодня является единственным способом повышения самостоятельности региональных властей в налоговой сфере.

Четвертое предложение – предоставление муниципальным образованиям права устанавливать налоги и целевые сборы, не предусмотренные федеральными нормативными актами. По мнению экспертов, данная мера, носящая достаточно радикальный характер, имеет как существенные плюсы, так и значительные риски.

Среди ее достоинств – обеспечение гибкости доходов местных бюджетов; снижение базы для иждивенчества; повышение ответственности избирателей за результаты собственной электоральной ак-

тивности; возможность в определенной мере обеспечить налогообложение нелегальной экономики и теневых доходов; повышение прозрачности взаимоотношений власти и бизнеса, власти и местного сообщества, поскольку неформальные сборы в местный бюджет, в том числе с бизнеса, широко распространены, но ничем не регулируются и являются базой для коррупции.

К рискам можно отнести: избыточное обложение бизнеса, особенно малого и не имеющего политической поддержки; рост издержек на налоговое администрирование и сложность восприятия подобной налоговой системы со стороны инвесторов, в первую очередь внешних.

Пятое предложение – предоставить субъектам РФ и муниципальным образованиям право администрирования поступающих в их бюджеты налогов.

Другой крайний сценарий предусматривает дальнейшее укрепление центральной власти в стране и изъятие полномочий с мест. В частности, путем превращения федеральных округов в единицы административно-политического деления страны, а также ликвидации муниципальных районов и формирования из них административных районов (округов).

В рамках этого сценария эксперты предлагают, прежде всего, ввести на местном уровне налог на недвижимость и децентрализовать экологические платежи.

По их мнению, необходимо ввести два налога на недвижимость: налог на жилую недвижимость и налог на бизнес-недвижимость. При этом введение налога на жилую недвижимость для муниципального образования должно быть добровольным, допустимо сохранение раздельного налогообложения земли и имущества. Применительно к налогу на жилую недвижимость на федеральном уровне предлагается меню способов оценки налоговой базы (от сложных механизмов массовой оценки до примитивных – по площади, длине фасада, количеству окон), при этом выбор способа оценки остается за муниципальным образованием. Ставка по налогу на жилую недвижимость, а также на землю и имущество при их раздельном обложении должна регулироваться на местном уровне без ограничений, считают эксперты.

В докладе также говорится, что переход к налогообложению бизнес-недвижимости должен стать обязательным. Оценка налоговой базы по бизнес-недвижимости необходимо осуществлять на федеральном либо региональном уровне в соответствии с единообразной федеральной методикой. На единую налоговую базу по бизнес-недвижимости должно устанавливаться два налога – региональный и

местный. При этом совокупная налоговая ставка, а также максимальная ставка местного и регионального налога должна регулироваться с федерального уровня, региональным органам власти дается право увеличивать максимальную ставку муниципалитетов за счет региональной доли налога.

Децентрализация экологических платежей должна способствовать существенному позитивному эффекту – появлению у муниципальных образований, в первую очередь городов, инструментов воздействия на реструктуризацию промышленности и оздоровление городской среды.

Авторы доклада считают, что реализация данного преимущества на настоящий момент важнее, чем возможные отрицательные эффекты децентрализации. Для усиления этого преимущества предлагается дать право органам местного самоуправления самостоятельно устанавливать уровень платежей, для частичной нейтрализации негативных последствий – закрепить данный инструмент за крупными муниципальными образованиями: муниципальными районами и городскими округами.

Промежуточные сценарии предлагают постепенное «раскручивание гаек» – отмену федеральных округов, перераспределение полномочий от центра к регионам с последующим пятилетним мораторием на пересмотр, отказ от системы оценки региональных властей из центра и не регламентированных жесткими правилами механизмов межбюджетных трансфертов, начало демократизации с муниципального уровня. Выборы на региональном уровне предлагается вернуть в рамках следующего федерального цикла. В рамках промежуточных сценариев авторы предлагают рассматривать социальный конфликт как необходимую плату за проведение преобразований.

Здесь также будет проведено укрепление федеральных округов, усиление роли общественных палат и общественных объединений, альтернативной военной службы, замена целевых программ финансирования регионов проектными, расширение публичности при назначении глав регионов, дифференцированная демократизация регионов.

Доклад экспертов был разослан для обсуждения в 52 региональные общественные палаты, распространяется в Интернете.

Таким образом, российский федерализм XXI в. выглядит скорее рудиментом предыдущего периода, не соответствующим новым требованиям политической и экономической систем. Именно поэтому в настоящий момент в рамках реализации стратегии-2020 обсуждается реформа региональной политики Российской Федерации. Однако варианты децентрализации различны. В одних предлагается предоставлять новые полномочия субъектам Федерации, а в других – муниципалитетам.

Деятельность профессиональных организаций художников Восточной Сибири в контексте идеологических доминант советской культуры

М. И. Литвин

Иркутский государственный лингвистический университет

Проблема консолидации общества всегда является актуальной для государства. Для решения этой проблемы необходима концептуальная идея, которая становится консолидирующим фактором. Интересный пример консолидации общества предлагает нам советский период существования российского государства. Объединяющей идеей для советского государства стала концепция формирования нового социокультурного феномена – «советский человек». В результате была сформирована новая социальная общность – советский народ. Одним из средств формирования «советского человека» стала художественная культура.

Грандиозные изменения в культурной жизни страны – это результат целенаправленной культурной политики советского государства. Художественная культура является одним из наиболее эффективных инструментов получения желаемого социального эффекта. Идеи, ценности, выраженные в художественной форме, обладают мощной силой воздействия, через механизм сопереживания они легко усваиваются и становятся своими. Но для этого они должны быть понятны народу. Поэтому государство через систему управления художественной жизнью страны жестко контролирует и пытается унифицировать художественную жизнь, подгоняя ее под созданный ею эталон-образец – «советский человек».

Советская культура изначально концептуально связана с идеей народности искусства и социального конструирования. Особое внимание государства к художественной культуре вызвано желанием контролировать и регулировать социальное воздействие, поэтому создаются механизмы трансляции государственной идеологии.

Возникают централизованные профессиональные организации со своим управленческим аппаратом, имеющие статус самостоятельных организаций. Целью деятельности этих организаций является не только организация работы, но и создание условий для дальнейшего профессионального развития.

Культурная политика советского государства, с одной стороны, поддерживает такие профессиональные организации, а с другой, стремится подчинить своему влиянию с помощью созданных механизмов. От власти можно получить официальное признание своей

деятельности (награды, звания, премии и т. п.) и материальную поддержку, а можно лишиться работы (например, исключение из Союза художников лишает художника возможности получать художественные заказы).

Государство всегда пытается контролировать художественную жизнь и использовать ее в своих интересах, поэтому советское государство не стало исключением, оно создало специальные механизмы контроля, так как у него была монополия на ресурсы и возможности выбора.

В XX в. художественная культура все более и более начинает приобретать массовые формы, теперь она существует в форме производства (например, художественно-производственные мастерские, творческо-производственный комбинат), а не эксклюзивного, штучного товара. Каждый человек становится потенциальным потребителем, поэтому нужно ориентироваться не на индивидуальные вкусы, а на массовое потребление, но государство пытается контролировать это массовое производство художественной продукции. Оно создает:

1. Художественные советы, которые вырабатывают критерии (эстетические и идеологические) отбора художественных произведений.

2. Музеи и галереи, которые занимаются отбором, хранением и трансляцией культурных традиций, соединяя прошлое и настоящее.

3. Художественное образование, занимающееся формированием и воспитанием производителей художественной продукции.

4. Художественное воспитание (школа, СМИ, художественная критика) занимается воспитанием и формированием потребителей, которых учат как понимать, что видеть, что чувствовать (посредством проведения публичных лекций, всевозможных обсуждений, конференций и т. д.), в связи с чем появляется уникальный массовый потребитель – советский человек.

В результате подобной культурной политики советского государства, как мы уже писали, появляется уникальный социально-культурный феномен «советский человек» – стержневая, константная, консолидирующая советское общество идея.

Примером политики подобного рода может служить история формирования и развития профессиональных организаций художников на территории Восточной Сибири.

На основании постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» все художественные объединения и группировки («Общество иркутских художников», «Юрта», «Новая Сибирь», «Искусстварь», отделение АХРа и мн. др.) были ликвидированы, и 13 апреля 1933 г. на I Краевой конференции художников Восточной Сибири был принят устав

единой творческой организации – Восточно-Сибирского краевого союза советских художников (ВСКРАССХ), в основу которого был положен устав Московского областного союза советских художников (МОСХ) [1]. В него входили Иркутский, Красноярский, Улан-Удэнский и Читинский филиалы Союза художников.

ВСКРАССХ был организован для объединения работников в области пространственных искусств с целью непосредственного участия в социалистическом строительстве посредством форм и методов, основанных на различных партийных постановлениях. Он широко и активно содействовал росту талантливых молодых кадров, в первую очередь из рабочих и колхозников [2].

В 1936 г. в связи с изменением административно-территориального деления и ликвидацией края ВСКРАССХ был преобразован в Союз советских художников Восточно-Сибирской области, а позже, в 1938 г. – в Союз советских художников Иркутской области, который в 1957 г. стал Иркутским отделением Союза художников СССР, а в 1960 г. – Иркутским отделением Союза художников РСФСР и, наконец, в 1969 г. – Иркутской организацией Союза художников РСФСР. Сравнение нормативно-правовых документов, определявших деятельность этих профессиональных союзов художников, демонстрирует преимущество в постановке целей и задач, стоящих перед художниками и способов их реализации, а именно:

- 1) активное участие художников в осуществлении очередных задач советской власти через изобразительное искусство;
- 2) воспитание новых художников из среды рабочих, красноармейцев, колхозников и трудящейся интеллигенции путем работы среди них, пропаганды художественного творчества в «широких народных массах» и передачи молодым художникам творческого опыта та квалифицированных мастеров;
- 3) развитие всех видов и жанров изобразительного искусства на основе социалистического реализма;
- 4) повышение художественно-культурного и политического уровня членов союза и усиление их общественно-политической активности.

На I Краевой конференции художников Восточной Сибири в апреле 1933 г. (когда был образован Союз художников Восточно-Сибирского края) в качестве делегатов присутствовало всего 14 художников, занимающихся профессиональной работой.

За 25 лет (1933–1957 гг.) вместо обширного по территории Восточно-Сибирского края было образовано 5 административных единиц: Красноярский край, Иркутская и Читинская области, Якутская и Бурят-Монгольская АССР, в каждой из которых были созданы

свои союзы художников, значительно крупнее краевого Союза 1933 г. [3]. Это были годы количественного и качественного роста.

В ноябре 1956 г. в Иркутске была проведена первая межобластная конференция и организована выставка художников Сибири и Дальнего Востока (творческих коллективов Алтайского, Красноярского, Хабаровского и Приморского краев, Тюменской, Омской, Томской, Новосибирской, Кемеровской, Иркутской, Читинской, Магаданской областей, Бурят-Монгольской, Якутской АССР и Тувинской автономной области).

На выставке экспонировалось свыше 900 произведений 273 художников, в том числе 167 произведений 46 художников Иркутска.

Критерием роста профессионального мастерства может служить участие художников в республиканских и всесоюзных выставках. В 1946 г. на Всесоюзную выставку были приняты графические работы Б. И. Лебединского. В дальнейшем количество работ и художников, участвовавших в республиканских и всесоюзных выставках, постоянно увеличивалось [4] (табл.).

Таблица

Участие иркутских художников в республиканских и всесоюзных выставках

Год	Республиканские выставки		Всесоюзные выставки	
	Количество участников	Количество работ	Количество участников	Количество работ
1946	-	-	1	
1948	4	4	-	
1949	1	1	-	
1950	2	2	-	
1951	6	5	-	
1952	6	7	-	
1953	5	7	-	
1954	6	10	-	
1955	6	12	-	
1956	5	9	-	
1957	21	33	8	17

На первой конференции художников Сибири и Дальнего Востока в 1956 г. была организована выставка произведений художников и скульпторов за последние три года, на ней было представлено около 900 произведений живописи, графики, скульптуры, оформления книг и прикладного искусства.

Примером жесткого контроля со стороны государства может служить история февральской выставки 1936 г., посвященной краевому стахановскому слету. Поскольку подавляющее большинство произведений на этой выставке были признаны формалистическими, день открытия выставки явился и днем ее закрытия [5].

В 30-е гг. в областном Художественном музее в отделе советского изобразительного искусства экспонировались полотна футуристов, пуантилистов и других модернистских течений, но после начавшейся борьбы с формализмом они были изъяты из экспозиции, а известный иркутский художник А. Жибинов был неоднократно осужден за свои слова о том, что «непонимающие должны учиться понимать». Ориентир на «понимаемость» был определен четко – приближение народа к искусству, с одной стороны, и искусства к народу – с другой, через изображение в художественных произведениях жизни народа, жизни советского человека в соответствии с принципами социалистического реализма.

Одним из способов приближения искусства к народу стала не только повсеместная выставочная деятельность, но и открытие новых экспозиционных пространств. Уникальным в этом смысле опытом стало открытие в 1956 г. первой колхозной картинной галереи (60 полотен) в сельхозартели «Путь Ильича» (с. Хомутово Иркутского района) [6]. Экспонатами для галереи послужили картины иркутских художников, преподнесенные ими в дар колхозу.

Формирование и развитие системы культурного обслуживания (культурной инфраструктуры) во всех населенных пунктах страны создало возможность удовлетворения и развития культурных потребностей населения.

Была создана система взаимодействия общества с художественной культурой и приобщения общества к художественной культуре. Государство принимало активное участие в создании и поддержании этой системы, сохраняя рычаги контроля и управления культурой.

Через целенаправленную культурную политику государства советское общество массово приобщило к художественной культуре. Были сформированы художественные, эстетические потребности, которые всегда по своей природе динамичны, изменчивы, поэтому должны существовать возможности для реализации этой потребности. Жесткие ограничения со стороны государства породили эффект парового котла, который, достигнув определенной точки кипения, неизбежно должен взорваться. Стремление государства сохранить все неизменным привело к тому, что художественная культура перестала развиваться и давать удовлетворительные ответы. Образовался смысловой вакуум.

В результате пришла «оттепель» и появились диссиденты и самиздаты, возникновение которых говорит лишь об успешности реализации проекта «советский человек – созидатель и преобразователь». Обозначенные социальные эффекты были вызваны системной реализацией культурной политики советского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАНИИО. Ф.Р-2803. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.
2. ГАНИИО. Ф.Р-2803. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.
3. ГАНИИО. Ф.Р-2803. Оп. 1. Д. 8. Л. 46.
4. ГАНИИО. Ф.Р-2803. Оп. 1. Д. 8. Л. 62.
5. ГАНИИО. Ф.Р-2801. Оп. 1. Д. 34. Л. 47.
6. ГАНИИО. Ф.Р-2801. Оп. 1. Д. 52. Л. 31.

Обзор «новых» партий России

Д. А. Мясников

Иркутский государственный университет

Одним из основных результатов электорального цикла 2011–2012 гг. стали изменения партийного законодательства нашей страны. Наиболее существенные поправки коснулись требований к условиям регистрации партий – минимальная численность партии снижена с 40 тыс. до 500 членов, и финансовой отчетности – один раз в три года. Поправки в законе № 95-ФЗ «О политических партиях» вступили в силу 4 апреля 2012 г. и серьезно изменили политический ландшафт.

Начиная с 2003 г. государство целенаправленно сокращало количество политических партий за счет жестких требований к минимальному количеству их членов. В итоге к началу 2012 г. в России осталось семь партий – «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Патриоты России», «Правое дело», «Справедливая Россия» и «Яблоко».

Новые условия регистрации партий привели к взрывному росту их количества. По данным Министерства юстиции Российской Федерации, к началу декабря 2012 г. было зарегистрировано 43 партии [1] и 210 организационных комитетов [2].

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать новые партии. Подобный анализ представляет значительный политологический интерес. Рассматривая многообразие новых партий, можно понять, какие политические силы, ранее не представленные в публичном поле, претендуют на участие в политическом процессе.

Источниковой базой данного исследования послужили официальные данные Министерства юстиции Российской Федерации. Анализ новых партий проводился только на основе названий организационных комитетов и вновь зарегистрированных партий, без привлечения программных документов. Это обусловлено тем, что в названиях партии стремятся максимально отразить специфику своих политических взгля-

дов и установок. Кроме того, обилие программных документов требует для анализа привлечения значительных ресурсов.

В ходе исследования названия 210 организационных комитетов и 36 вновь зарегистрированных партий были разбиты на 13 четко идентифицируемых кластеров.

Наиболее многочисленным оказался **социалистический** кластер:

1. Политическая партия «Трудовая партия России».
2. Всероссийская политическая партия «Социал-демократическая партия России».
3. Политическая партия «Коммунистическая партия социальной справедливости».
4. Политическая партия «Коммунисты России».
5. Всероссийская политическая партия «Коммунистическая партия за социальную справедливость».
6. Политическая партия «Российская социалистическая партия».
7. Политическая партия «Объединенная народная социалистическая партия Российской Федерации».
8. Российская коммунистическая рабочая партия.
9. Социалистическая партия России «За дело!».
10. Политическая партия «Левый фронт».
11. Политическая партия «Российская социал-демократическая рабоче-крестьянская партия».
12. Политическая партия «Социал-демократическая, патриотическая партия России “Свобода”».

На втором месте по популярности **партии пенсионеров и ветеранов**:

1. Политическая партия «Старшее поколение – пенсионеров России».
2. Политическая партия «Российская новая партия пенсионеров».
3. Политическая партия «Российская партия пенсионеров».
4. Политическая партия пенсионеров – представителей своих семей «Единое Отечество».
5. Всероссийская политическая партия «Партия пенсионеров».
6. Политическая партия «Российская партия пенсионеров за справедливость».
7. Всероссийская политическая партия «Партия пенсионеров России».
8. Всероссийская политическая партия «Ветераны России».
9. Всероссийская политическая партия «Партия ветеранов России».
10. Политическая партия «Ветераны России».
11. Политическая партия «Партия военных пенсионеров».

Значительная часть представлена **националистическими организациями**:

1. Всероссийская политическая партия «Национально-демократическая партия России».
2. Всероссийская партия «Национально-демократическая партия».
3. Политическая партия «Национальный фронт».
4. Политическая партия «Национальный курс».
5. Политическая партия «Партия националистов».
6. политическая партия «Объединенная русская партия».
7. Политическая партия «Партия единства русского народа».
8. Политическая партия «Народное движение «Святая Русь».
9. Русская партия «Держава».

Далее следуют **профессиональные партии**:

1. Политическая партия «Российская партия автомобилистов России «РОСПА»».
2. Политическая партия «Народная корпорация адвокатов и правозащитников Конституции РФ «За право народа»».
3. Политическая партия «Российская партия ученых».
4. Всероссийская политическая партия «Партия предпринимательства и защиты бизнеса».
5. Политическая партия «Рабочая партия».
6. Политическая партия «Шахтеры России».
7. Политическая партия «Российская консервативная партия предпринимателей».
8. Политическая партия «Защитники Отечества».

Высокую активность проявляют **казачьи организации**:

1. Политическая партия «Народная казачья консолидация противодействия чиновникам, нарушающим законы, Конституцию и природные права казаков на самоорганизацию и самоуправление «Союз казачьих формирований Российской Федерации» (СКФ РФ).
2. Политическая партия «Казачи России».
3. Всероссийская политическая партия «Казачья политическая партия».
4. Политическая партия «Казачья народная политическая партия «Российская социально-экологическая держава»».
5. Политическая партия «Казачья партия Российской Федерации».
6. Политическая партия «Братья казаки».
7. Политическая партия «Казачья партия «Свободная Русь»».
8. Политическая партия «Всероссийская партия «Казачи России»».

Достаточно широко представлены **праволиберальные** силы:

1. Политическая партия «Демократическая партия России».
2. Всероссийская политическая партия «Гражданская сила».
3. Политическая партия «Гражданская платформа».
4. Всероссийская политическая партия «Либеральная партия России».
5. Всероссийская политическая партия «Союз правых сил».
6. Политическая партия «Либертарианская партия».
7. Политическая партия «Либертарианская партия России».

Экологические партии:

1. Всероссийская политическая партия «Российская демократическая партия “Зеленые”».
2. Политическая партия «Экологическая партия».
3. Политическая партия «Зеленый легион».
4. Политическая партия «Посади свое дерево».
5. Политическая партия «Родник».
6. Политическая партия «Альянс зеленых – народная партия».
7. Политическая партия «Российская экологическая партия “Зеленые”».

Новое веяние партийной политики – **партии горожан**:

1. Политическая партия «Союз Горожан».
2. Политическая партия «Города России».
3. Политическая партия «Городская партия».
4. Политическая партия «Городской контроль».
5. Политическая партия «Городской форум».
6. Политическая партия «Наш город».
7. Политическая партия «Партия горожан».

Гражданские партии:

1. Гражданская партия России.
2. Политическая партия «Партия защиты прав граждан Российской Федерации».
3. Всероссийская политическая партия «Гражданская инициатива».
4. «Российская политическая партия «Гражданская позиция».
5. Политическая партия «Партия граждан России “Государство нищих богачей”».
6. Всероссийская политическая партия «Партия свободных граждан».

Заметный кластер **монархических** партий:

1. Политическая партия «Монархическая партия».

2. Политическая партия «Монархическая партия России».
3. Всероссийская политическая партия «Монархическая партия России».
4. Политическая партия «Имперская партия».
5. Политическая партия «Самодержавная Россия».
6. Политическая партия «Российский общенародный союз».

Несколько партий адресованы **молодежи**:

1. Политическая партия «Молодая Россия».
2. Всероссийская политическая партия «Молодежная Россия».
3. Всероссийская политическая партия «Хипстер пати» (Партия хипстеров России).
4. Первая молодежная партия.
5. Политическая партия «Всероссийская партия молодежи».
6. Всероссийская политическая партия «Федерация семьи и молодежи».

Партии для **жителей села**:

1. Всероссийская политическая партия «Аграрная партия России».
2. Всероссийская политическая партия «Деревенская партия».
3. Политическая партия «Аграрная партия России».
4. Партия садоводов и дачников.
5. Политическая партия «Возрождение аграрной России».

Любопытный кластер **интернет-партий**:

1. Политическая партия «Интернет-партия Российской Федерации».
2. Всероссийская политическая партия «Интернет-партия».
3. Политическая партия «Рунет».
4. Всероссийская политическая партия «Партия социальных сетей».

В отдельный кластер необходимо выделить значительное количество **воссоздаваемых** партий:

1. Политическая партия «Демократическая партия России».
2. Всероссийская политическая партия «Социал-демократическая партия России».
3. Всероссийская политическая партия «Партия пенсионеров России».
4. Всероссийская политическая партия «Аграрная партия России».
5. Всероссийская политическая партия «Гражданская сила».
6. Политическая партия «Демократический выбор».
7. Всероссийская политическая партия «Конституционно-демократическая партия России».
8. Всероссийская политическая партия «Союз правых сил».

9. Всероссийская политическая партия «Партия российских регионов – «Отечество – вся Россия».
10. Всероссийская политическая партия «Родина».
11. Всероссийская политическая партия «Наш Дом Россия».

Однако наиболее многочисленный кластер – **трудно идентифицируемые** партии, которые невозможно сгруппировать по каким-либо признакам. Для примера:

1. Всероссийская политическая партия «Партия любителей пива».
2. Политическая партия «Субтропическая Россия».
3. Пиратская партия России.
4. Всероссийская политическая партия «Партия 18+».
5. Политическая партия «Партия любви».
6. Политическая партия «Утро».
7. Политическая партия «Совладельцы России».
8. Политическая партия «Чайная партия России».
9. Политическая партия «Партия 5 декабря».
10. Всероссийская политическая партия «Эволюция 2045».
11. Политическая партия «Мы можем многое».
12. Политическая партия «Партия здравого смысла»;
13. Политическая партия «МММ».
14. Политическая партия «Великий Гончар 55».
15. Федеральная политическая партия «Метагалактическая гражданская конфедерация России».
16. Политическая партия добрых дел, защиты детей, женщин, свободы, природы и пенсионеров.
17. Политическая партия «Главная партия».
18. Политическая партия защиты заемщиков «Кредитная амнистия».
19. Политическая партия «Россия без мракобесия».
20. Политическая партия «Партия незаконных судебных решений».

Таким образом, мы видим:

1) наибольшую активность в партийном строительстве проявляют социалистические, казачьи, профессиональные, националистические круги, а также политики, апеллирующие к пенсионерам и ветеранам. Также достаточно активно подключились праволиберальные, экологические, монархические, молодежные организации;

2) среди наших кластеров можно выделить кластер идеологических партий – социалистические, националистические и праволиберальные; кластер партий, ориентирующиеся на отдельные социальные группы – пенсионеров, профессиональные партии, казачьи, молодежные, партии горожан и жителей села, активных пользователей Интернета;

3) бросается в глаза значительное количество воссоздаваемых партий. Очевидно, их руководители надеются на узнаваемые бренды и рассчитывают за счет этого привлечь избирателей;

4) появились партии «нового» типа, создаваемые с учетом современной электоральной специфики – гражданские, городские и Интернет-партии. Это связано с повышенной активностью городской молодежи и пользователей Интернета на последних федеральных выборах;

5) количество неидентифицируемых названий составляет больше половины от общего количества зарегистрированных организационных комитетов. Безусловно, эти оргкомитеты не приведут к возникновению новых партий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Список зарегистрированных политических партий // М-во юстиции Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://minjust.ru/nko/gosreg/partii/spisok> 2.

2. Сведения о действующих организационных комитетах политических партий по состоянию на 23.11.2012 [Электронный ресурс] // М-во юстиции Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://minjust.ru/node/2459>.

Мировоззренческие предпочтения населения регионов РФ и результаты выбора модулей курса «Основы религиозных культур и светской этики»

В. Г. Сараев

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН

Г. Р. Сараева

МБОУ г. Иркутска СОШ № 42

Приобщение обучающихся к духовным и культурным ценностям, определяемым религиями, осуществляется в образовательных учреждениях многих стран мира. С 1 сентября 2012 г. во всех российских школах в качестве федерального компонента введен курс «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ). Он направлен на ознакомление школьников с нравственными идеалами и духовными ценностями различных сообществ России, на понимание их значения в жизни современного общества, на развитие толерантных отношений к людям, по-разному относящихся к той или иной религии.

Россияне новость о введении новой дисциплины восприняли неоднозначно. Согласно всероссийским опросам (Левада-Центр, ВЦИОМ) их мнения разделились практически наполовину.

Курс включает шесть модулей: «Основы светской этики» (ОСЭ), «Основы мировых религиозных культур» (ОМРК), а также основы православной (ОПК), исламской (ОИсК), буддийской (ОБК), иудейской культур (ОИуК). Все модули разработаны на единой методической основе. Родители учеников, под роспись, выбирают для изучения один модуль. В подавляющем большинстве случаев выбор обуславливается их личным волеизъявлением. Каждому ученику обеспечивается преподавание выбранного модуля вне зависимости от того, сколько человек собирается его изучать.

Перед введением курса ОКРСЭ во всех школах России он прошел апробацию в образовательных учреждениях 21 субъекта РФ. По данным социологических опросов, проведенных Министерством образования и науки РФ и Общественной палатой РФ, были получены положительные результаты в духовно-нравственном воспитании детей.

Ранее во многих школах России как факультатив или даже как часть регионального компонента под разными названиями преподавались основы культур традиционных религий и прежде всего православия.

Для анализа результатов выбора учащимися модулей ОКРСЭ мы использовали информацию о религиозности населения Независимой исследовательской службы «Среда», приведенную в виде интерактивных карт, диаграмм и схем на ее веб-сайте [1], и материалы сайтов Министерства образования и науки РФ [2; 6], министерств и департаментов регионов [4; 7 и др.].

По данным службы «Среда», полученным в 2012 г. при выполнении проекта «Атлас религий и национальностей России», религиозность российского населения значительно ниже, чем это считалось ранее. В существенной степени это связано с тем, что до сих пор остаются вопросы, по каким критериям относить человека к приверженцам той или иной религии.

Важнейшим критерием религиозности человека является его самоидентификация. Соотнесенность человека с тем или иным вероисповеданием является важной для его мировоззрения, нравственной, культурной и политической ориентации. Человек, называющийся православным, мусульманином и т. д., определяет то, что соответствующая религия имеет для него особую ценность по сравнению с другими религиями. Предпочтительность того или иного вероучения и причисление себя к его последователям часто определяются на уровне коллективного бессознательного.

По данным службы «Среда» [1], доля всех верующих, включая тех респондентов, которые положительно отвечали на вопрос «Верю в Бога, но конкретную религию не исповедую», составляет 81 %, лиц соотносящих себя с какой-либо конкретной религией, значительно меньше (около 60 %).

Православными являются 43 % населения России. Среди них часто встречаются лица, не следующие постулатам вероучения; они не посещают храмы, не молятся, не соблюдают постов, не имеют религиозных книг и икон и т. д.

К мусульманам себя относит 7 % населения. Почти поголовную приверженность к исламу на уровне самоидентификации имеют чеченцы и ингуши. Высоки исламские верования среди кабардинцев, черкесов и адыгов. Они тесно переплетаются с верованиями и традициями, которые имеют языческое происхождение [3]. Влияние ислама на формирование идентичности кавказцев значительно возросло в 90-е гг.

Буддисты составляют 0,5 % населения. Многим из них свойственен синкретизм, некоторые относят себя и к шаманистам, некоторые – к христианам. Больше половины всех буддистов проживают в Бурятии, Калмыкии, Тыве. Буддизм все шире исповедуется и лицами разных национальностей территориальных сообществ, исторически не связанных с буддистской традицией.

Лица, исповедующие иудаизм, – 0,07 % населения. В последнее время число его приверженцев заметно возрастает. По иудейскому вероучению к ним относятся все евреи. Однако по результатам социологических опросов среди евреев большая доля атеистов и лиц иных верований.

Показатели религиозной самоидентификации, определяемые мировоззренческой и идеологической позициями, значимо выше показателей численности вероисповедующих (воцерковленных) лиц – людей, разделяющих основы вероучения и исполняющих церковные практики (совершение молитвы, участие в богослужении, причащение, исповедь и т. д.). По степени веры среди них выделяются различные группы.

При анализе результатов выбора модулей ОКРСЭ в сопоставлении с религиозностью населения нами использовались данные за 2012 г. тех регионов, в которых этот курс проходил апробацию ранее, так как с увеличением продолжительности преподавания предмета выбор его модуля в большей степени соответствует мнению самих родителей и в меньшей степени подвержен влиянию случайных факторов.

В целом в регионах, в которых проводилась опробация курса ОКРСЭ, модуль ОСЭ, как затем и по всей стране, выбирался наиболее часто. Однако его выбор в этих регионах год от года снижался (табл.).

Выбор модулей ОРКСЭ в регионах России [2; 4; 5], %

Модуль	Субъекты РФ, где опробовался предмет ОРКСЭ			РФ (в целом)
	2010 г. (19 регионов)	2011 г. (21 регион)	2012 г. (21 регион)	2012 г.
ОСЭ	47	42	39,77	42,70
ОПК	23	30	33,01	31,72
ОМРК	20	18	18,13	21,15
ОИСК	10	9	8,66	4,01
ОБК	менее 1	менее 1	0,42	0,37
ОИУК	менее 0,1	менее 0,1	0,01	0,05

Зависимость выбора модуля ОСЭ от количества атеистов в регионах не прослеживается. В целом по России их доля составляет 13 % (доля лиц, которые не могут отнести себя ни к атеистам и ни к верующим, – 5,5 %).

Выбор модуля ОПК год от года увеличивается. В первый год эксперимента в некоторых регионах, даже с преобладанием православного населения, например в Пензенской области, этот модуль не выбрал ни один человек, однако в последующих годах его выбрали 57 % и 68 % учащихся. Похожая ситуация имела место и в других регионах: в Ярославской области, Республике Марий Эл. Модуль ОПК оказался невыбранным и в некоторых регионах, где курс вводился впервые, в 2012 г. Имеются значительные различия по его выбору в поселениях одного и того же региона. Например, в Приморском крае во Владивостоке его выбрали 34 %, а в Уссурийске около 100 % учеников.

Результат выбора модулей ОРКСЭ значительно зависит от укоренения в сознании людей тех или иных культурных традиций. Сказывается и то, что многие люди пока не осознали, что предмет ОРКСЭ не вероучительный.

В настоящее время предпочтение модуля ОСЭ обуславливается и тем, что для родителей и учителей он кажется более бытовым и более знакомым и близким, чем религиозная культура. По мнению специалистов министерств и департаментов образования, влияет и боязнь родителей, как бы не разделить и не поссорить детей. Влияет и величина соотношения численности последователей отдельных вероучений в том или ином сообществе.

Нами выявлено, что в регионах, в которых апробировался курс, там, где мусульмане составляют менее 1 %, величина доли выбравших в 2012 г. модуль ОПК выше значения доли православных в регионе; там же, где мусульмане составляют более 1 %, наблюдается противоположная картина. В то же время во всех регионах (исключая

Ставропольский край) там, где мусульмане по численности не являются основной религиозной группой, значение долей выбравших ОИСК меньше, чем значение долей мусульман в составе их населения.

В выборе модулей отдельных религиозных культур играют роль наличие и глубина партнерских контактов между светской системой образования и религиозными организациями. Их отношение к курсу очень важно. Существенным, например, для выбора ОИУК является мнение, что родные традиции должны познаваться дома, а школа должна учить чему-то общему, знакомить с иными культурами. Так, главный раввин Иркутской области в одном из интервью советовал выбирать ОСЭ. В Иркутске ни один человек не выбрал модуль ОИУК.

В каждом регионе созданы центры научно-методического сопровождения курса ОРКСЭ. Эти центры взаимодействуют с различными заинтересованными лицами. В Иркутской области Иркутский институт повышения квалификации работников образования имеет соглашения в рамках ведения предмета в 2012–2013 гг. с Иркутской епархией Русской православной церкви и с Иркутским буддистским центром Алмазного пути традиции Карма Кагью. Планируется заключить соглашения и с исламскими и иудейскими организациями.

В рамках обсуждения сотрудничества в Иркутске 12 сентября 2012 г. на выставке «Православная Русь» был проведен круглый стол «Православие в образовании: перспективы развития». Участники круглого стола убеждены, что курс ОРКСЭ необходим.

В обществе отношение к проникновению в школу представителей различных религий не однозначное. Часть населения и общественных деятелей выступают против партнерских отношений школ и религиозных организаций.

К сожалению, светскость курса ОРКСЭ выдерживается не везде. Например, в Чеченской Республике в школах курс обязаны преподавать представители духовенства, которые должны занять и должности завучей по воспитательной работе. Изучение ислама предполагается и в дошкольных учреждениях.

По данным 2012 г. в большинстве регионов России выбрано 4 модуля (ОСЭ, ОПК, ОМРК, ОИСК). В трех регионах (Белгородская область, Республика Татарстан и Чукотский автономный округ) выбраны модули лишь ОМРК и ОСЭ. В Чеченской Республике 99,9 % и в Республике Ингушетия 100 % обучающихся изучают только модуль ОИСК. Модуль ОПК наиболее часто выбирается во многих регионах европейской части России и в Приморском крае. Наименее активно в различных регионах выбираются ОБК и ОИУК.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас религий и национальностей (АРЕНА): Образ России. Религия, ценности, убеждения [Электронный ресурс]. URL: <http://sreda.org/arena/arenamap?mainsection=arenaю>
2. Заседание коллегии от 20 марта 2012 года [Электронный ресурс]. URL: <http://old.mon.gov.ru/str/kol/resh/2012/9354>.
3. Лункин Р. Н., Филатов С. Б. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социол. исслед. 2005. № 6. С. 35–45.
4. Никитин Э.М. Результаты оценки готовности образовательных учреждений к введению курса ОКРСЭ по материалам мониторинга, проведенного АПК и ППРО [Электронный ресурс]. URL: http://www.ipkps.bsu.edu.ru/source/news/seminar_ORKSE/nikitin_b_prezent.pdf
5. Никитин Э. М. Итоги апробации комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» в 2009–2011 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://38edu.ru/files/ORKS_Nikitin.pdf.
6. Общественный совет при Минобрнауки России обсудил итоги апробации учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/пресс-центр/15>.
7. Основы религиозных культур и светской этики [Электронный ресурс]. URL: <http://38edu.ru/index.php/orkse>.

Современная российская молодежная политика: корректировка курса

Р. Ю. Зуляр

Иркутский государственный университет

Понятие «государственная молодежная политика» (далее – ГМП) вошло в научный оборот в 90-е гг. прошлого века и без совершенствования этого процесса невозможно уже представить нормальное функционирование современного государства. До сих пор нет единого мнения по поводу его сущности, форм, содержания и принципов. Формируется и постоянно совершенствуется законодательная база, меняются исполнительные органы, ответственные за реализацию молодежной политики, политика продолжает носить фрагментарный и неполноценный характер. Поэтому так важно анализировать происходящие изменения и следить за динамикой развития ГМП в РФ. Данная работа посвящена краткому анализу событий, произошедших в 2012 г.

Для организации эффективной государственной молодежной политики в РФ в результате объективно обусловленных организационных решений в настоящее время в высшем органе законодательной власти – Федеральном Собрании, действующем в составе двух палат, выделены специальные структуры, занимающиеся ГМП: Комитет по физической культуре, спорту и делам молодежи ГД (председатель Игорь Александрович Ананских) и комиссия Совета Федерации по делам молодежи и туризму (председатель Владимир Александрович Жидких).

С мая 2008 г. до 2012 г. федеральным органом исполнительной власти, реализующим ГМП в РФ, являлось Министерство спорта, туризма и молодежной политики. В состав его организационной структуры входили два подразделения: Департамент молодежной политики и общественных связей и Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) [4, с. 19; 10, с. 39].

Произошедшие в 2012 г. изменения в сфере молодежной политики можно связать с вступлением в должность президента В. В. Путина. С 31 мая 2012 г. Постановлением Правительства РФ № 536 «Вопросы Министерства спорта Российской Федерации» (в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 мая 2012 г. № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти») Правительство РФ постановило закрепить за Министерством спорта РФ деятельность в сфере физической культуры и спорта, а также по оказанию государственных услуг (включая предотвращение допинга в спорте и борьбу с ним) и управлению государственным имуществом в сфере физической культуры и спорта. Постановление подписано председателем Правительства РФ Д. А. Медведевым. А 13 августа 2012 г. был подписан Приказ Министерства спорта РФ от № 76 «О внесении изменений в приказ Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации от 26 января 2012 г. № 33» [6].

В соответствии с этими документами Министерство спорта, туризма и молодежной политики РФ было преобразовано в Министерство спорта РФ. Его функции по выработке и реализации государственной молодежной политики, по созданию условий для обеспечения здорового образа жизни, нравственного и патриотического воспитания молодежи, реализации ее профессиональных возможностей передали Министерству образования и науки РФ. А функции по координации деятельности по реализации приоритетных направлений госрегулирования туристской деятельности – Минкультуры России [3]. Текст приказа официально опубликован не был.

На сайте Минобрнауки 22 августа 2012 г. сообщено, что «Департамент молодежной политики введен в состав Минобрнауки РФ» [14]. Директором нового «Департамента дополнительного образования детей, воспитания и молодежной политики» назначен с июля кандидат социологических наук Александр Эдуардович Страдзе. До этого назначения он занимал должность помощника министра образования и науки РФ. Страдзе родился в 1966 г., окончил Кубанскую государственную академию физической культуры (1994 г.), Саратовский государственный социально-экономический университет (2002 г.). В 2006–2011 гг. – преподаватель, советник ректора, руко-

водитель аппарата ректора, проректор Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма.

В интервью с обозревателем «Независимой газеты» Страдзе очертил полномочия Департамента и Росмолодежи: «То, что мы создадим в наших планах, Росмолодежь реализует...». На вопрос, в чем состоит перезагрузка работы Департамента, директор ответил: «...Основная работа с молодежью должна происходить в регионах. Чтобы каждый молодой человек понимал, насколько он включен в развитие своего региона. Не менее важен и такой момент, как вовлечение молодежи в социальную практику и общественную деятельность. И это достаточно кропотливая и системная работа. Ведь даже такой проект, как “Селигер”, подчас несет как положительный, так и отрицательный заряд. С одной стороны, у каждого молодого человека может появиться свой проект, свое дело, а с другой – есть опасность излишней политизации. Сегодня, на мой взгляд, положительно то, что там уже меньше политического подтекста». На вопрос журналиста: «Молодежь от политики надо отвлекать?» Страдзе ответил: «Совсем не участвовать в политике молодой человек сегодня не может. Он может участвовать в политических делах или, к примеру, в политических протестах, когда этот протест хотя бы неким образом касается его самого. Действовать же по принципу «Баба-яга против» – это в высшей мере безответственно. А, собственно, против чего? У тебя что, отнимают любимое дело? Да ты еще ничего толком не попробовал сделать, а уже против. И некое псевдоучастие в мероприятиях с политическим подтекстом тоже зачастую не оправданно. Политикой надо заниматься осознанно и по убеждению» [7].

Вступая в свою должность директора, А. Э. Страдзе отметил, что «деятельность департамента будет направлена на формирование эффективной молодёжной политики, на повышение воспитательного потенциала образовательных учреждений, поддержку одарённых детей в системе дополнительного образования, а также на формирование культуры здорового образа жизни, нравственного и патриотического воспитания молодёжи. Эта деятельность будет выстраиваться в тесном взаимодействии с общественными объединениями, в том числе молодёжными и студенческими, образовательными учреждениями, организациями, в компетенцию которых входят вопросы, волнующие современную молодёжь» [1].

А. Э. Страдзе в качестве директора Департамента дополнительного образования детей, воспитания и молодёжной политики Министерства образования и науки РФ курирует вопросы: формирования основных направлений и принципов ГМП, определения её форм, методов и механизмов реализации; создания условий для самореали-

зации творческого потенциала детей и молодёжи; мониторинга эффективности реализации ГМП, обобщения опыта работы в регионах, на уровне местного самоуправления, в общественных объединениях и организациях; воспитания (в том числе развития инновационных моделей поликультурного воспитания) и дополнительного образования детей; создания условий для формирования здорового образа жизни детей и молодёжи, развития физической культуры и спорта в образовательных учреждениях, нравственного и патриотического воспитания молодёжи, реализации её профессиональных возможностей [1].

17 октября 2012 г. министром образования и науки РФ подписан Приказ № 840 «Об утверждении Положения о Департаменте дополнительного образования детей, воспитания и молодежной политики Министерства образования и науки Российской Федерации». В настоящее время само Положение еще отсутствует.

Проект постановления Правительства России о внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ по вопросам ГМП размещен 13 ноября 2012 г. Здесь же имеется «Пояснительная записка к проекту», где отражено, что принятие и реализация проекта потребует выделения дополнительных финансовых средств из федерального бюджета в размере 600 млн руб. [12].

Изменения коснулись и Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь) – агентство становится подведомственным Минобрнауки и его с 26 июня 2012 г. возглавляет Сергей Юрьевич Белоконев (назначен распоряжением Правительства РФ № 1082-р.). Родился в 1977 г., кандидат политических наук. До этого назначения он занимал пост замруководителя агентства с ноября 2011 г., ранее был депутатом Госдумы от фракции «Единая Россия», являлся первым зампредом думского комитета по делам молодежи. В начале 2000-х гг. Белоконев руководил санкт-петербургским отделением Общероссийской общественной организации содействия воспитанию молодежи (ООО СВМ) «Идущие вместе», а с 2004 по декабрь 2007 г. был секретарем федерального совета молодежной общественной организации «Наши» [13]. До июня 2012 г. агентство возглавлял Василий Григорьевич Якеменко (с октября 2007 г.).

На сайте Росмолодежи (<http://www.fadm.gov.ru>), правда, до сих пор отсутствует информация по многим вопросам, рубрики находятся в разработке, не понятна структура агентства на сегодняшний день, поэтому для непосвященного читателя не в полной мере будет понятна деятельность агентства по реализации ГМП в РФ. Некоторую ясность может дать размещенная 21 сентября 2012 г. презентация на сайте Минобрнауки – «В Минобрнауки России состоялось Всероссийское совещание руководителей органов управления в сфе-

ре образования субъектов Российской Федерации». Тема выступления А. Э. Страдзе звучала так: «Формирование основных подходов к реализации государственной молодежной политики и развитию системы дополнительного образования детей». Доклад С. Ю. Белоконева на презентации не имел названия, но на сайте звучал так: «Формирование основных подходов к развитию системы дополнительного образования детей и государственной молодежной политики» [2].

Интересен доклад «Молодежная политика остается приоритетом для руководства РФ», с которым на конференции министров по делам молодежи государств – членов Совета Европы выступал глава Минобрнауки Дмитрий Викторович Ливанов. Министр, в частности, сказал: «Наиболее актуальными задачами мы считаем следующие: первая – создание условий для вовлечения молодых людей в различные социальные практики, чтобы они были уверенными в своих силах и были востребованы в обществе. Вторая задача – развитие личности, приобретение профессиональных и личностных компетенций. Третья – формирование ценностей, среди которых – воспитание семейных ценностей, толерантности и взаимоуважения» [5]. По словам Ливанова, в России три группы молодежных проблем. Первая – растущая глобализация и конкуренция, нужно чтобы каждый человек был успешен и получал необходимые ресурсы для своего развития. Вторая – растущее культурное многообразие, надо искать способы повышения толерантности и позитивной социализации молодых людей. Третья – недостаточная включенность в работу социальных и политических институтов [5].

Одним из первых мероприятий нового Департамента дополнительного образования детей, воспитания и молодежной политики Минобрнауки РФ можно назвать проведение 17 сентября 2012 г. заседания Открытого молодежного клуба. Сообщается, что «клуб – это открытое дискуссионное пространство для молодежи с участием экспертов в сфере молодежной политики. На собраниях клуба предполагается в неформальной обстановке обсуждать вопросы и проблемы, нашедшие наибольший отклик в молодежной среде, для дальнейшего их решения и реализации поступивших инициатив в рамках деятельности создаваемого Межведомственного общественного совета по делам молодежи» [15].

Еще одним из нововведений года можно назвать образование Управления по общественным проектам [9]. Президент подписал Указ «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания», в соответствии с которым в структуре Администрации Президента и было образовано Управление. Основная цель создания новой структуры – «укрепление духовно-

нравственных основ российского общества, совершенствования государственной политики в области патриотического воспитания, разработки и реализации значимых общественных проектов в этой сфере». Разработано Положение об Управлении, где обозначен его статус – самостоятельное подразделение Администрации Президента РФ, означено 5 основных задач и 14 функций. Основными задачами Управления являются «информационно-аналитическое и организационное обеспечение реализации Президентом его конституционных полномочий по определению основных направлений государственной политики в области патриотического воспитания; подготовка в пределах своей компетенции, обобщение и представление Президенту и Руководителю Администрации Президента материалов и предложений по укреплению духовно-нравственных основ российского общества, совершенствованию работы по патриотическому воспитанию молодёжи, разработке и реализации общественных проектов в этой области; организация и обеспечение взаимодействия главы государства с общественными объединениями и иными структурами гражданского общества» [9].

Начальником Управления В. В. Путин назначил Зеньковича Павла Станиславовича [8]. До данного назначения он занимал пост заместителя начальника Управления администрации Президента по внутренней политике. Родился в 1978 г., окончил МГИМО, работал в МИД России, во время президентской кампании 2012 г. занимал должность заместителя начальника избирательного штаба В. В. Путина.

Можно отметить, что 2012 г. оказался достаточно плодотворным, с точки зрения внешних изменений, для становления ГМП в РФ. Поставлено много интересных целей и задач, а вот какие реальные изменения наступят, произойдет ли реальный прорыв в этой области, покажет время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Страдзе назначен на должность директора Департамента дообразования детей, воспитания и молодежной политики [Электронный ресурс] // М-во образования и науки РФ : сайт. URL: <http://минобрнауки.рф/пресс-центр/2435> (дата обращения: 10.07.2012).
2. В Минобрнауки России состоялось Всероссийское совещание руководителей органов управления в сфере образования субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] // М-во образования и науки РФ : сайт. URL: <http://минобрнауки.рф/новости/2655> (дата обращения: 21.09.2012).
3. Гарант. Информационно-правовой портал [Электронный ресурс] : сайт. – URL: <http://www.garant.ru/search/?page=0&text=%EC%E8%ED%E8%F1%F2%E5%F0%F1%F2%E2%EE+%EF%EE+%F1%EF%EE%F0%F2%F3+%F0%F4+2012&part=base> (дата обращения: 22.01.2013).
4. Кибанов А. Я. Ловчева М. В., Лукьянова Т. В. Реализация молодежной политики в Российской Федерации : монография. М. : ИНФРА-М, 2012. 150 с. (Научная мысль).
5. Ливанов: молодежная политика остается приоритетом для руководства РФ [Электронный ресурс] // М-во образования и науки РФ : сайт. URL: <http://минобрнауки.рф/пресс-центр/2658> (дата обращения: 24.11.2012).

6. Министерство спорта РФ [Электронный ресурс] : сайт. URL: <http://minstm.gov.ru/documents/xPages/item.3809.html> (дата обращения: 01.12.2012).
7. Минобрнауки против Болотной / Новый департамент молодежной политики начал свою работу с перезагрузки [Электронный ресурс] // М-во образования и науки РФ : сайт. URL: <http://минобрнауки.рф/пресс-центр/2549> (дата обращения: 22.08.2012).
8. Назначен начальник управления по общественным проектам [Электронный ресурс] // Президент России : сайт. URL: <http://kremlin.ru/news/16691> (дата обращения: 20.10.2012).
9. Образовано Управление по общественным проектам [Электронный ресурс] // Президент России : сайт. URL: <http://state.kremlin.ru/administration/division> (дата обращения: 23.01.2013).
10. Правовые основы работы с молодежью : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Е. С. Зайцева и др.] ; под ред. А. С. Прудникова. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. 119 с.
11. Президент России [Электронный ресурс].: сайт. URL: <http://kremlin.ru/news/16692> (дата обращения: 20.10.2012).
12. Проект постановления Правительства России о внесении изменений в некоторые акты правительства Российской Федерации по вопросам государственной молодежной политики [Электронный ресурс] // М-во образования и науки РФ : сайт. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/2808> (дата обращения: 13.11.2012).
13. Росмолодежь возглавит Сергей Белоконов [Электронный ресурс] // М-во образования и науки РФ : сайт. URL: <http://минобрнауки.рф/пресс-центр/2383> (дата обращения: 23.07.2012).
14. Савицкая Н. Новый департамент молодежной политики начал свою работу с перезагрузки [Электронный ресурс] // М-во образования и науки РФ : сайт. URL: <http://минобрнауки.рф/%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81-%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80/2549> (дата обращения: 10.12.2012).
15. 17 сентября 2012 года состоится первое заседание Открытого молодежного клуба [Электронный ресурс] // М-во образования и науки РФ : сайт. URL: <http://минобрнауки.рф/новости/2626> (дата обращения: 13.09.2012).

Использование результатов внедрения систем спутниковой навигации ГЛОНАСС в интересах социально-политического развития регионов

Р. Ф. Фатихов

Бакирский государственный университет

Всестороннее развитие современного общества, имеющиеся тенденции к интеграции государств в единое экономическое пространство сопровождаются проявлением общественного интереса к этому вопросу и ростом потенциальных угроз, к которым можно отнести природные катаклизмы, техногенные аварии и социальные трагедии. Все это сопровождается стагнацией социально-экономического развития регионов, трудностями в реализации так необходимой политики безопасности. В этой связи обеспечение безопасности необходимо ставить в ряд приоритетных задач сохранения и развития любого общества [4, с. 317]. Безопасность личности, общества, государства совместно с региональной и всеобщей коллективной безопасностью – вот путь развития России в XXI в. [5, с. 205].

Начиная с 2007 г. мы все являемся свидетелями реализации национальной политики по возрождению некогда амбициозной программы по развёртыванию орбитальной группировки космических аппаратов в целях обеспечения национальных интересов России. Это стало возможным благодаря изданию Указа Президента Российской Федерации от 17 мая 2007 г. № 638 «Об использовании глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС в интересах социально-экономического развития Российской Федерации».

Глобальная навигационная спутниковая система – ГЛОНАСС – разрабатывалась государством для двойного назначения: потребностей министерства обороны и гражданского населения с целью мониторинга транспорта, реализации политики безопасности и социально-экономического развития страны.

Мировой и отечественный опыт подтверждает, что использование спутниковых навигационных технологий, формирование на их основе политики безопасности дает значительный управленческий, экономический, социальный и экологический эффекты, повышает безопасность жизнедеятельности населения. Сегодня ситуация такова, что Организация Объединенных Наций приняла решение о создании международного комитета по глобальным навигационным системам [2, с. 29]. Этот шаг будет способствовать развитию национальных навигационных систем ГЛОНАСС в России, «Галилео» в Европе, «Бейдоу» в Китае и их интеграции в единую мировую систему навигации. При этом необходимо чётко осознавать, что глобальная информатизация не только ускоряет развитие общества, но и порождает новые угрозы на глобальном, национальном и региональном уровне [3, с. 7]. Следует учитывать тот факт, что безопасность общества подразумевает наличие множества состояний, в которых целостность, устойчивое развитие и прочие актуальные для его сохранения параметры остаются в допустимых границах, определяемых самим обществом в целях его дальнейшего развития. В этой связи обеспечение безопасности не является сдерживающим фактором, препятствующим инновациям, а напротив, способствует активной успешной адаптации к изменяющимся условиям существования в соответствии с принципом «без безопасности нет развития, без развития нет безопасности» [3, с. 16]. Недостаточная гибкость, управляемость, отсутствие мониторинга способствуют к возникновению не только отсталых регионов, но и предпосылок к дисбалансу федеративного устройства страны. Важнейшими целями государственной политики в сфере выработки политики безопасности должны быть сохранение целостности социально-политического и экономического пространства, обеспечение конкурентоспособно-

сти региональных экономик и соответствие административного и кадрового аппарата вектору инновационного развития страны. Политический анализ проблем безопасности возможен путём полного и всестороннего исследования многих аспектов и направлений потенциально возможных и реальных угроз и рисков, в том числе геополитических, региональных, социальных, экономических и экологических.

В этой связи актуальным становится вопрос формирования региональных целевых программ по внедрению технологий систем навигации и реализации политики безопасности в сферах: национальной, экономической, транспортной и даже экологической безопасности субъектов Российской Федерации.

Россия переживает новый этап инновационного развития. На первый взгляд данная инновационная политика федерального центра носит весьма теоретический характер, однако необходимы время и практические действия для достижения ожидаемых результатов. Принимаются новаторские целевые программы, используются новые методы управления. Говоря о первых, необходимо отметить принимаемые нормативно-правовые акты федерального значения – Указы Президента Российской Федерации «Об использовании глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС в интересах социально-экономического развития Российской Федерации» (от 17 мая 2007 г. № 638), «О создании комплексной системы обеспечения безопасности населения на транспорте» (от 31 марта 2010 г. № 403). Ко вторым необходимо отнести постоянный контроль за достижением результатов и адаптацией имеющейся законодательной базы. Это в первую очередь протокол совещания у Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина от 10 августа 2010 г. № ВП-П7–44пр (г. Рязань) «Об использовании технологий ГЛОНАСС в интересах социально-экономического развития регионов Российской Федерации» и мн. др.

Масштаб задач по внедрению технологий ГЛОНАСС указывает на необходимость консолидировать организационные, технологические и экономические ресурсы. В то же время назрела потребность перехода к обществу с устойчивыми социальными структурами и безопасными общественными отношениями, формирующими тип безопасной личности, гражданского общества, правового государства, осуществляющего мирную внутреннюю и внешнюю политику [4, с. 258]. Одним из ключевых факторов, определяющих конкурентоспособность субъекта Российской Федерации в сфере внедрения новых технологий, является использование результатов космической деятельности, которое приобретает все большую значимость в экономическом, научном и социальном развитии регионов и страны в

целом, что придаёт региональной экономике инновационный характер, усиливает рыночные механизмы и повышает качество жизни населения. Реалии сегодняшнего времени таковы, что в большинстве регионов отсутствует комплексный подход к внедрению спутниковых навигационных технологий в различные области экономики, при этом недостаток или отсутствие свободных средств в бюджетах регионального и местного уровней не позволяют потенциальным потребителям внедрять такие технологии в необходимых объёмах.

Утверждённая постановлением Администрации Смоленской области от 28 сентября 2010 г. № 585 долгосрочная областная целевая программа «Использование результатов космической деятельности в интересах социально-экономического развития Смоленской области на 2011–2012 годы» является практической реализацией политики внедрения результатов космической деятельности в сфере регионального развития. Среди ожидаемых достижений программой декларированы следующие:

- снижение рисков принятия управленческих решений, приводящих к отрицательным экономическим последствиям, за счёт использования актуальных данных мониторинга объектов, процессов и явлений на территории Смоленской области;
- увеличение объёмов валового общественного продукта за счёт освоения новых видов изделий и оказания услуг на основе использования космических технологий;
- повышение инвестиционной привлекательности Смоленской области за счёт обеспечения информационной открытости органов государственной власти и органов местного самоуправления муниципальных образований;
- повышение уровня безопасности граждан и их собственности за счёт создания систем мониторинга пассажирского транспорта, потенциально опасных и особо ценных грузов.

Разработанная и утверждённая постановлением Правительства Республики Башкортостан от 22 декабря 2011 г. № 500 республиканская целевая программа «Внедрение систем навигационных технологий ГЛОНАСС в интересах социально-экономического развития Республики Башкортостан» на 2012–2015 гг. также обеспечивает практическое внедрение результатов навигационных технологий в социально-экономическую сферу региона. Однако последняя программа одним из отличительных приоритетов выделяет повышение безопасности жизнедеятельности на территории Республики Башкортостан, развитие транспортного комплекса, развитие инновационной инфраструктуры Республики Башкортостан за счёт использования спутниковых навигационных технологий на основе системы

ГЛОНАСС. Реализация подобных программ предполагает создание локальных навигационно-информационных центров с единой многофункциональной платформой с целью мониторинга работы пассажирского транспорта (включая межрегиональные и социальные перевозки населения), транспорта для перевозки учащихся, крупногабаритных и тяжеловесных грузов, ведомственного транспорта органов исполнительной власти и местного самоуправления, служб экстренного реагирования, а также сельскохозяйственной и специальной техники. Такой комплекс мероприятий по внедрению республиканской целевой программы в Республике Башкортостан позволит:

- реализовать политику безопасности на региональном уровне;
- создать и развить единую навигационно-информационную систему коллективной безопасности в регионе;
- реализовать механизмы государственно-частного партнёрства, необходимые на рынке продуктов и услуг, созданных на основе спутниковых навигационных технологий ГЛОНАСС;
- обеспечить устойчивое межведомственное и межрегиональное взаимодействие инфраструктур спутниковых навигационных технологий.

В этой связи наблюдается объективная зависимость внедрения результатов систем спутниковой навигации ГЛОНАСС в Российской Федерации от формирования государственной политики безопасности в сфере транспорта, затрагивающего вопросы развития регионов и национальной безопасности.

Необходимо обратить внимание на актуальность популяризации идей политики безопасности. При этом требуется проведение активной информационной политики, привлекающей внимание широких групп населения к проблематике использования результатов внедрения ГЛОНАСС, разработке социально-значимых проектов по внедрению результатов систем спутниковой навигации в интересах социально-экономического развития регионов и страны в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бруз В. В. Проблема европейской безопасности: парадигма, генезис и исторические этапы в историографии. М. : Изд-во МГУЛ, 2004. 84 с.
2. Отман М. В. Космос как достояние всего человечества // Междунар. жизнь. 2011. № 4. С. 23–30.
3. Юрченко И. В. Национальная и региональная безопасность в политической стратегии современной России : автореф. ... д-ра полит. наук. Ставрополь, 2009. 55 с.
4. Яновский Р. Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М. : Academia, 1999. 358 с.
5. Научная основа стратегии устойчивого развития Российской Федерации / под ред. М. И. Залиханова, В. М. Матросова, А. М. Шелехова. М. : Изд. Гос. Думы, 2002. 232 с.

Роль информации в развитии политической системы Российской Федерации (теоретический аспект)

А. Н. Алфёров

Институт государства и права Российской академии наук

В настоящее время мы являемся свидетелями бурного развития индустрии информации, которое обусловлено как объективными потребностями науки, техники и экономики, так и закономерностями всего общественного развития. Расширение сферы информационной деятельности, а также усиление внимания и интереса к информационной проблематике определяются спецификой современного этапа эволюции общества. Сегодня человечество активно формирует информационное общество, прилагая усилия к развитию информационных технологий и созданию на их основе высокоэффективной информационной среды.

В современных условиях информация становится стратегическим ресурсом, от эффективного использования которого зависят перспективы развития политики, экономики, формирование информационного гражданского общества, обеспечение безопасности государства и граждан. Не будет преувеличением сказать, что современный мир – это мир информационных и коммуникационных технологий. За сравнительно короткий по историческим меркам период они стали мощной движущей силой интеллектуального, экономического, социального, культурного прогресса, значимым фактором политической жизни.

Развитие Интернета, масштабное создание общедоступных информационных и телекоммуникационных ресурсов, возникновение и активное продвижение электронных услуг на базе Интернета, переход к системе электронного государства по праву относят к определяющим факторам глобальных перемен, происходящих в обществе в последние годы. В современных условиях информация стала важным ресурсом социально-экономического, политического, технологического и культурного развития, масштабы ее применения сопоставимы с масштабами использования традиционных ресурсов (энергия, сырье и т. п.).

Феномен информации положен в основу всех информационных процессов, происходящих в обществе, его природа и закономерности во многом предопределяют практику формирования и облик будущего информационного общества. Именно поэтому столь важно определить точное содержание термина «информация», которое выступает в качестве центрального в ряде естественно-научных и гу-

манитарных отраслей знания. Вместе с тем оно продолжает оставаться одним из наиболее спорных и противоречивых. Это обусловлено сложностью явления информации, ее многоплановостью, широтой сферы применения.

Для более полного определения термина «информация» целесообразно обратиться к его этимологии. Так, в самых первых значениях слова «информация» проявлялись моменты активности: сам термин происходит от латинского слова *informatio* – ознакомление, разъяснение, изложение. В XIX в. он переводился несколько иначе – от слов «ин» – «в» и «форма» – «образ», «вид», т. е. то, что вносит форму [1]. Данное токование больше относилось к информации в виде посланий или сообщений. «Информатором» в XIX в. называли домашнего учителя, а «информацией» – учение, наставление, что ближе к современной трактовке термина «информация», в таком понимании информации в ней отображено действие, активно вносящее нечто новое в другой объект. Исчез отмеченный элемент активности при неудачном переводе исходного термина «message», как сообщения [2]. В таком переводе момент действия (передачи, посылки) ослаблен, и на первое место вышел момент содержания уже переданных сведений [3].

Необходимо отметить, что само по себе понятие «информация» стало привлекать к себе особое внимание ученых в начале XX в. в результате совершенствования теории связи и возрастания роли обмена различными сведениями в общественной жизни и деятельности.

Можно привести также другие определения и характеристики информации, сформулированные современными учеными: информация – сведения, передаваемые одними людьми другим людям устным, письменным или каким-либо другим способом [4]; информация – отражение или отображение предметов и процессов в виде чисел, формул, описаний, чертежей, символов, образов [5]; информация – это сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальным устройством, при этом сведения – это познания в какой-либо области, известия, сообщения, знания, представления о чем-либо [6].

Имеются еще и такие определения, как: информация – передача разнообразия (Р. Эшби) [7]; информация – оригинальность, новизна, мера сложности структур (С. Моль) [8]; информация – вероятность выбора (Т. Яглом) [9], информация – совокупность непроявленных, потенциальных и развернутых, проявленных, реальных смыслов [10] и др.

Итак, наука выработала множество определений термина «информация», большинство из которых имеют нечто общее. В частности, они предполагают присутствие по крайней мере четырех ком-

понентов: процесса познания того, о чем передается информация; передающего информацию; воспринимающего информацию и самой информации.

Весьма интересен и полезен опыт философского определения термина «информация». С точки зрения истории культуры и философии любопытно отметить довольно распространенную тенденцию, которая заключается в универсализации понятия «информация» вплоть до наделения его свойствами «универсальной субстанции».

К примеру, В. Н. Лопатин приходит к выводу о том, что «всякая материя информационна», «всякая информация материальна», а оба начала можно назвать «двуединой первоосновой существующей природы и мира» [11].

Е. А. Войниканис и М. В. Якушев указывают, что в настоящее время сформировался целый ряд несовпадающих представлений философского плана на то, что же может составлять содержание понятия «информация» [12].

Так, «нигилистическая» теория отрицает существование некоей «информации» вообще. Информация воспринимается как условное обозначение чего-то, что не может быть воспринято органами чувств или зафиксировано научной аппаратурой.

Концепция «инобытия» информации основана на предположении, что информация существует, но не в нашем физическом мире (где мы можем лишь наблюдать ее отдельные проявления). Такая концепция достаточно «логично» объясняет так называемые паранормальные явления человеческой психики, но входит в противоречие с общепринятой научной картиной мира.

Следующая концепция допускает возможность существования «чистой» информации, без какой-либо специфической формы ее представления, что наиболее близко теологической картине мира.

В соответствии с другой теорией информация может быть рассмотрена как одно из «сущностных проявлений материи», которое в принципе может быть предметом научного исследования наряду с «прочими» материальными объектами.

Авторами подобных гипотез не учитывается тот факт, что философия не менее прочих феноменов человеческой культуры подвержена эволюции, в общем и целом необратимой. Многовековая история философских понятий (как, впрочем, и понятийного аппарата других наук) никак не может являться доказательством их абсолютной, т. е. вневременной, истинности. По всей видимости, философии придется смириться с тем, что соответствовать требованиям эпохи нельзя только лишь при помощи механического перенесения теоретических достижений великих умов прошлого на явления современной культуры.

Информация и ход информатизации общества в настоящее время являются важнейшими индикаторами глобализации не только в своей собственной сфере (информационной), но и во всех иных направлениях глобализации. Информация как управляемый ресурс укрепляет все рычаги власти и бизнеса, является средством накопления и распространения знаний. Одновременно она может быть товаром весьма высокой стоимости, объектом конкуренции, а часто используется и как инструмент разрушения [13].

Информация – это не только новый и неиссякаемый ресурс, но и бремя глобальной ответственности. Две наиболее острые проблемы, возникающие в связи с этим, – проблема права на информацию и проблема использования персональных данных человека.

Учитывая приведенные выше разнообразные определения изучаемого термина, по-видимому, следует согласиться с К. Штейнбухом, утверждавшим в свое время, что «мы не можем дать исчерпывающего и достаточного определения таким понятиям, как “материя”, “энергия” и “информация”» [14].

Политическая система общества представляет собой достаточно сложное образование. Это сложный социальный организм, в состав которого входят практически все политические явления общественной жизни. Таким образом, политическая система состоит из разнородных элементов. В то же время надо иметь в виду, что различные политические явления, входящие в состав политической системы общества, играют в ней не одинаковую роль и несут разную функциональную нагрузку. Одни из них выступают в качестве основных звеньев, олицетворяющих собой политическую систему общества, другие связывают эти звенья в единую систему, третьи упорядочивают взаимоотношения между этими звеньями.

Основными звеньями политической системы общества, как представляется, можно считать существующие и функционирующие в обществе различные политические организации (государство, политические партии, иные политические организации). Они, по сути, и олицетворяют собой политическую систему общества. Данные организации определенным образом связаны между собой, так или иначе взаимодействуют друг с другом и в своем единстве образуют определенную систему со всеми присущими ей признаками: компонентностью, интегративностью, организованностью и т. д.

Р. В. Енгибарян определяет политическую систему как целостную совокупность «государственных и негосударственных общественных институтов, правовых и политических норм, взаимоотношений политических субъектов, посредством которых осуществляются власть и управление в обществе» [15].

Социальная сущность политической системы состоит в том, чьи интересы (каких социальных групп) приоритетно она реализует, какими средствами и методами. Следует понять, что политическая система является формой выражения отношений (интересов) социальных групп по поводу власти. Она включает организацию политической власти, отношения между обществом и государством, характеризует протекание политических процессов, включающих институционализацию власти, состояние политической деятельности, уровень политического творчества в обществе.

В вопросе институционализации и производном от него вопросе определения самого понятия «политическая система» у конституционного права есть вполне очевидное конкурентное преимущество перед политологией, социологией и другими общественными науками, так как состав политической системы определяется нормами конституционного права.

Надо заметить, что действующая российская Конституция не содержит ни главы, ни даже самого словосочетания «политическая система».

Но главные элементы политической системы общества и механизм их функционирования отражаются в конституции государства [16], в законодательстве, которые регулируют принципы формирования и деятельность органов государственной власти, права и обязанности государственных, партийных, хозяйственных и общественных организаций.

Политическая система как определенная подсистема общества испытывает постоянное влияние внутренней (интросоциетальной) и внешней (экстрасоциетальной и внесоциальной) среды. В качестве факторов внутреннего влияния могут выступать интересы разнообразных групповых и индивидуальных, элитарных и неэлитарных субъектов. Внешнее влияние на публичную власть осуществляется соответственно путем воздействия (биологических, геологических, географических и т. п.) факторов природного характера, а также влияния качественно иных социальных процессов (экономических, нравственных и др.) либо тех или иных международных институтов, структур (ОБСЕ, ООН и т. п.) и организаций. Приспосабливаясь к влиянию всех этих факторов, политическая система призвана постоянно совершенствовать свое строение, «искусственно достраивая» собственные порядки необходимыми институтами и структурами, способствуя при этом целенаправленным изменениям общественных отношений [17].

Исходя из вышесказанного, можно наблюдать трансформацию самой терминологии, которая стала встречаться в юридической ли-

тературе. Так, Н. С. Бондарь и А. В. Наумов упоминают о «социально-политических системах» [18], А. В. Винницкий – «об общественно-политической системе» [19].

Однако вне общества (социума) политическая система существовать не может, поэтому приведенные усложнения являются излишними.

А. С. Автономовым предложено определение политической системы общества как «комплекса взаимодействующих средств, методов и форм образования, организации и функционирования механизмов осуществления власти, борьбы за власть и оказания влияния на ее осуществление» [20].

Безусловно, политической системе противостоит политический хаос, но последнее состояние всегда временно, поскольку приводит либо к утрате данным обществом своей самобытности, либо к его самосохранению посредством установления нового качества организации публичной власти.

Обобщая, можно сказать, что разные по своей сути определения политической системы содержат набор разнопорядковых элементов, очевидная взаимосвязь которых оправдывает применение метода системного анализа к исследованию политической жизни.

Политические институты подразделяются на институты власти и институты участия. К первым относятся институты, осуществляющие государственную власть на различном иерархическом уровне, ко вторым – институты участия, структуры гражданского общества. Совокупность политических институтов составляет политическую систему общества, представляющую собой определенную целостность, органическое взаимодействие субъектов политики, других элементов политической действительности.

С. С. Новикова обращает внимание на то, что политические институты – это те, которые устанавливают, исполняют и поддерживают власть. В концентрированной форме они выражают существующие в данном обществе политические интересы и отношения. Совокупность политических институтов позволяет определить политическую систему общества (государство с его центральными и местными органами власти, политические партии, полиция или милиция, юстиция, армия и также различные общественные организации, движения, объединения, фонды и клубы, преследующие политические цели). Формы институализированной деятельности в данном случае строго определены: выборы, митинги, демонстрации, предвыборные кампании [21].

Главным институтом политической системы является государство. Другим важным политическим институтом является гражданское общество, в рамках которого осуществляется деятельность не-

государственных политических институтов. Государство и гражданское общество как политические институты формируются в Европе и США примерно в период Нового времени под влиянием происходящих изменений. Именно с этого времени складывается основной институт власти в обществе, обладающий монополией на принуждающее насилие на определенной территории, – государство. В то же время под влиянием этого процесса происходит формирование своеобразной антитезы государства – гражданского общества.

Далее представляется целесообразным упомянуть о таком понятии, как «политическая коммуникация».

С демократизацией политических процессов в мире во второй половине XX в., с развитием кибернетической теории, возникновением и возрастанием роли новых коммуникационных систем и технологий исследования политической коммуникации выделились в самостоятельное направление, которое находится на стыке социальных и политических наук.

В современных исследованиях политическая коммуникация рассматривается как важнейший компонент и неотъемлемая составная часть политической системы общества, которая устанавливает связи между институтами политической системы. Значение этой подсистемы велико, ибо люди, как известно, способны оценивать действия, в том числе и политические, лишь при наличии определенного объема знаний и информации.

В связи с этим, в частности, К. Дейч рассматривал политическую систему как систему производства и воспроизводства информации по преимуществу [22]. Информация – это структурированные отношения между событиями. Коммуникация – передача таких структурированных отношений. Каналы – пути передачи информации. Коммуникационные процессы имеют ключевое значение для функционирования политических структур, хотя жизнедеятельность последних не сводится к ним.

Политическая коммуникация имеет свои специфические закономерности функционирования и развития, способна к опережающему воздействию на государственную политику, выступает непосредственной причиной, определяющей выбор того или иного варианта политического развития, поведения различных групп и отдельных граждан, перевода государственной системы в новое состояние.

Политическая коммуникация является одним из основных условий трансформации политической системы, так как, во-первых, способствует зарождению новых общественно-политических отношений, являясь отражением происходящих системных трансформаций; во-вторых, участвует в процессах интеграции/дифференциации по-

литической системы, усилении/ослаблении социально-политических конфликтов, разногласии/согласии в общественно-политической сфере; в-третьих, представляет собой показатель осуществляемых преобразований, результативность которого возрастает по мере преодоления дистанцирования в отношениях власти и общества.

Следовательно, политическая коммуникация – одно из условий и одновременно результат трансформации политической системы России. Формированию современных, объективных демократических принципов, результатом которых станет эффективный консенсуальный дискурс в системе отношений власти и общества, способствуют информационно-коммуникационные процессы, расширяющие и углубляющие политическое коммуникативное пространство [23].

Россия сталкивается с проблемой недостаточно высокого уровня поддержки институтов политической системы населением. Эта ситуация тесно соприкасается с проблемой политической коммуникации. Ее решение во многом зависит от развития эффективных постоянных двусторонних динамичных прозрачных отношений социально-политических субъектов коммуникативного пространства, направленных на реализацию взаимных интересов, достижение консенсуального политического дискурса, что, в свою очередь, является условием повышения стабильности и легитимности политической системы. Такая политическая система является результатом процесса ее трансформации.

В современных условиях трансформации политической системы России существенно возрастает роль и влияние политической коммуникации и политического коммуникационного пространства на характер и результат этого процесса. Политическая коммуникация становится одним из важных факторов консолидации общества, высокого уровня легитимности политических институтов, согласования политических интересов, разрешения общественно-политических конфликтов, открытого диалога власти и общества в лице народа и, как следствие, стабильности политической системы.

По мере технологического развития средств передачи информации претерпевает определенные изменения и система политической коммуникации, а следовательно, политическая система как таковая. Это связано со спецификой современного общества, в котором передаваемая посредством СМИ информация приобретает особую роль. Сегодня многие исследователи, в частности М. Анохин и М. Павлютенкова, рассматривают информацию как «важнейший источник власти» [24]. «По сути, – отмечают эти авторы, – политическая система может рассматриваться как погруженная в информационное пространство» [25]. Отталкиваясь от сходных предпосылок, И. За-

сурский отмечает: «Средства массовой информации становятся основной средой политической коммуникации. Происходит полное переплетение сферы политического и СМИ, что позволяет говорить о медиатизации политики и формировании медиаполитической системы» [26].

«Информатизация» и «медиатизация» социальной жизни и политики фактически означают изменение роли СМИ, которые становятся «системообразующим элементом политики», приобретают в ней «новый институциональный статус, постепенно теряя прежнюю роль – просто средства, инструмента информации» [27]. Согласно исследователям В. Воробьеву и Е. Дмитриеву, в современном обществе происходит информационный метаболизм, основу которого составляют «функциональные информационные системы (ФИС), т. е. динамические, саморегулирующиеся системы, деятельность которых направлена на поддержание динамического равновесия в обществе. Идеологическая сущность ФИС состоит в том, что они занимают промежуточное положение между государством и обществом, тем самым обеспечивая гармоническое единство политической системы и легитимность политического механизма» [28].

Итак, в различных политических системах властные структуры всегда тщательно отбирали информацию. Подача решений органов политической власти контролируется последней прямыми и косвенными методами, что помогает укреплять легитимность. Поэтому информация «сверху», как правило, содержит ряд искажений. Это вызывает необходимость разнообразить источники и каналы информации. Существует и поток информации «снизу», через неформальные каналы, который несет данные о мнении масс по тем или иным вопросам [29].

В СМИ информация «сверху» и «снизу» существует целостно. Нередко политические потребности выражаются в виде общественного настроения или определенных психологических состояний. Это обстоятельство учитывается средствами массовой информации, они усиливают общественное мнение или, наоборот, ослабляют его.

Власть любыми средствами стремится контролировать СМИ. Тот, кто контролирует информацию, может не только решающим образом влиять на коллективное сознание, но способен в определенной мере направлять поведение масс. Здесь уместно процитировать всем известное изречение «Кто владеет информацией – владеет миром».

Средства массовой информации, являясь важной частью политической системы, оказывают значительное влияние на развитие политической жизни общества, международных и внутривнутриполитических кризисов и т. д.

В современном обществе информационные ресурсы играют огромную роль. Информация выступает своеобразным звеном между гражданами и государственными институтами. В частности, широкое распространение информационных технологий, реализация приоритетного национального проекта «Образование» обусловили резкий рост числа интернет-пользователей. Глобальная сеть гораздо эффективнее создает условия для свободной политической дискуссии, чем традиционные средства массовой информации, контролируемые государством и бизнес-структурами.

Весьма значительными факторами, прежде всего, с точки зрения правовых последствий для государственных органов, являются поиск и дальнейшее использование информации криминальными структурами, полученной либо из конфиденциальных источников, либо незаконным путем. Ведь даже имея самое существенное значение, такая информация в ряде случаев не может быть использована для принятия решений, предполагающих правовые последствия.

На качество информационных технологий серьезное влияние оказывают и методики сбора данных, например, конкретные социологические исследования, социальные эксперименты, вероятностно-статистические процедуры и т. п., а также технические средства, в частности методы ручного, автоматизированного учета, электронные методы и т. д. В немалой степени именно от этих факторов зависит возможность семантической (знаково-языковой) унификации сведений, а также взаимосвязь качественной обработки данных с максимальной экономией времени на их получение.

Роль информации в развитии политической системы общества переоценить трудно, так как деятельность и функционирование всех политических институтов – государства, политических партий, СМИ – происходит посредством информационной сферы, информационных процессов. В частности, граждане Российской Федерации имеют право доступа к различного рода информации о деятельности правительства, политических партий. СМИ осуществляют поиск, распространение и производство массовой информации. Роль информации в политических отношениях огромна.

Как отмечалось, властное общение и институциональные общности, т. е. сама субстанция политики и политические институты, образуют диалектическое отношение взаимооборачивающихся процесса и продукта властвования, когда в соответствии с социокультурными стереотипами общение людей по поводу власти постоянно воспроизводит его институциональные формы, т. е. организованные общности, являющиеся материальной предпосылкой для новых циклов политического общения.

Следовательно, значение информации в развитии политической системы является доминирующим фактом. Если изменится хотя бы один элемент политической системы общества, то изменится и вся политическая система в целом.

Информация является важнейшим источником власти и играет огромную роль в развитии политической системы, так как последняя погружена в информационное пространство.

Сегодня начинается формирование нового обширного канала политической коммуникации, динамика развития которого может перевернуть представления как о системе обеспечения политической деятельности, так и о традиционных инструментах политического участия.

Следовательно, деятельность политических институтов и, прежде всего, государства должна быть направлена на развитие информационной сферы в целом, упорядочение информационных отношений, потому что формирование глобального информационного пространства напрямую зависит от их деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Никодимов И. Ю. Информационно-коммуникативная функция государства и механизм ее реализации в современной России: теоретический и сравнительно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 107.
2. Англо-русский словарь / под ред. В. К. Мюллера. М., 1990. С. 96.
3. Информациология и информационная политика / под ред. Л. Г. Попова. М. : Луч, 1999. С. 132.
4. Королев Л. Н., Власов В. К. Компьютеризация в науке и производстве. М. : Знание, 1988. С. 27.
5. Доктрина информационной безопасности РФ : утв. Президентом РФ 09.09.2000 № Пр-1895 // Рос. газ. 2000. № 187.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1989. С. 253
7. Эшби Р. Массовая информация: стратегия и тактика потребления. М.: Дело, 1993. С. 312.
8. Михайловский В. Н. Формирование научной картины мира и информатизация. СПб. : Питер, 1994. С. 68.
9. Яглом Т. Массовые коммуникации в современном мире: методология анализа и практика исследования. СПб. : Питер, 2000. С. 150.
10. Свитич Л. Г. Социальная информатология. М. : Алгоритм, 2000. С. 50.
11. Лопатин В. Н. Информационная безопасность России: Человек. Общество. Государство. СПб., 2000. С. 23.
12. Войничанис Е. А., Якушев М. В. Информация. Собственность. Интернет: Традиция и новеллы в современном праве. М. : Волтерс Клувер, 2004.
13. Информационное право: актуальные проблемы теории и практики : колл. монография / под общ. ред. И. Л. Бачило. М. : Юрайт, 2009. С. 54.
14. Штейнбух К. Автомат и человек. М., 1966. С. 419.
15. Енгибарян Р. В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции. М., 2007. С. 117.
16. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Собр. законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
17. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии : учебник. М. : Аспект Пресс, 2000. 559 с.

18. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие как фактор модернизации российской государственности // Журн. рос. права. 2005. № 11. С. 15; Наумов А. В. Нюрнбергский процесс: история и современность // Рос. юстиция. 2006. № 10. С. 54.
19. Виницкий А. В. О современной концепции публичной собственности в Российской Федерации // Журн. рос. права. 2009. № 5. С. 125.
20. Автономов А. С. Правовая онтология политики: к построению системы категорий. М., 1999. С. 180.
21. Новикова С. С. Социология: История, основы, институционализация в России. М., 2003. 348 с.
22. Deutsch K. W. The Nerves of Government. Models of Political Communication and Control. N. Y. : The Free Press, 1963. 176 p.
23. Соловьев А. И. Коммуникация и культура, противоречия поля политики // Полис. 2001. № 6. С. 6–17; Соловьев А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. 2002. № 3. С. 5–18.
24. Анохин М. Г., Павлутенкова М. Ю. Информационно-коммуникативные технологии в политике // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. 1999. № 1. С. 40–52.
25. Там же.
26. Засурский И. И. Масс-медиа второй республики. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999. 271 с.
27. Воробьев В. П., Дмитриев Е. И. Информационное поле Беларуси: Социально-политический анализ. Минск : Изд. центр БГУ, 2003. 136 с.
28. Там же.
29. Информационное общество и социальное государство : сб. науч. работ. М. : ИГП РАН, ИПО «У Никитских ворот», 2011. 248 с.

Игры двадцать вторые – первые и вторые
(Сравнительный анализ XXII Летних Олимпийских игр
в Москве 1980 г. и XXII Зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 г.
как международных специальных событий, работающих
на бренд Российского государства)

Л. Г. Добосова
Иркутский государственный университет

Обе Олимпиады, проходящие в нашей стране, имеют порядковый номер XXII. В Олимпийских играх в Москве-1980 и Олимпийских играх в Сочи-2014 есть много общего, но немало и различий. Попытка сравнительного анализа двух международных специальных событий, работающих на бренд Российского государства – прошедших XXII Летних Олимпийских игр в Москве 1980 г. и предстоящих XXII Зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 г., – цель данного исследования.

В Советском Союзе власть, целенаправленно конструируя имидж государства, делала упор на крупные массовые международные мероприятия. Это и Московский международный фестиваль молодежи и студентов (1957), и, особенно, Летние Олимпийские Игры 1980 г. в Москве. В России первых десятилетий XXI в. создание по-

зитивного образа страны, или бренда, становится важнейшей заботой государственной власти. И снова мы видим волну крупных международных событий – «Евровидение-2009» в Москве, «Олимпиада-2014» в Сочи, Чемпионат мира по футболу 2018 г. На реализацию массовых международных мероприятий власти не жалеют никаких средств – события эти призваны показать, на что способна постсоветская Россия.

Исследование опирается на материалы переведенной на русский язык зарубежной прессы эпохи Олимпиады-80: «Вашингтон пост», «Нью-Йорк таймс», «Чикаго трибюн» (США), «Монд» (Франция), «Паэзе сера» (Италия), «Хорионт» (ГДР), «Тиедонантая» (Финляндия), «Байано» (Панама). Проанализировано содержание интернет-сайтов «История спорта и физическая культура» [6], «СССР – наша Родина» [12], сайт Зимних Олимпийских Игр в Сочи www.sochi.com. Использованы материалы российской прессы, посвященные Играм в Сочи. Полезными были данные социологических опросов Фонда общественного мнения [13].

В исследовании идет сравнение Олимпийских Игр в Советском Союзе и Российской Федерации по следующим параметрам: цели проведения, работа на престиж страны, целевые аудитории, расходы на проведение Игр.

Цели событий

Советское государство всегда гордилось спортивными достижениями, получить проведение Олимпийских Игр было очень престижно. Игры давали прекрасную возможность продемонстрировать всему миру преимущества социализма, а также реабилитироваться в глазах мирового сообщества в ситуации с Афганистаном. Из 144 стран, входивших к 1980 г. в МОК, на Олимпиаду в Москву приехали представители всего 81 страны. Политическое противостояние стран Варшавского договора и государств НАТО, вызванного вводом советских войск в Афганистан, привело к тому, что ряд стран объявил бойкот Играм в Москве. Полностью бойкотировали Игры США, ФРГ, Канада, Япония, Китай. Правительства Великобритании, Италии, Австрии, других стран западного блока просто «не рекомендовали» своим атлетам приезжать в Москву.

Советские власти стремились продемонстрировать стремление советского народа к миру. Именно этого боялись те, кто спровоцировал бойкот Игр в Москве; бойкот ударил по его инициаторам бумерангом – эта мысль четко прослеживается в мировой прессе:

«В Москве еще раз победил спорт. Олимпийцы, зрители, все любители спорта сказали свое признательное “спасибо” Москве за

Олимпийские игры. Этот грандиозный праздник спорта доказал, что никакой бойкот, никакая полемика не могут повлиять на гуманные идеалы олимпизма» («Паэзе сера», Италия) [12].

Пресса США в первые дни Олимпиады-80 опубликовала информацию агентства ЮПИ об эпизоде на стадионе в Лужниках, когда американские туристы развернули над трибуной большой плакат со словами: «Пусть советские люди знают, что далеко не все американцы согласны с Картером, лишившим американских спортсменов их законного права прибыть в Москву и участвовать в этом крупнейшем спортивном форуме!».

Если власти СССР хотели показать преимущество социалистического строя перед капиталистическим, то власти России хотят показать, что сейчас наша страна способна провести такое крупное международное мероприятие, как Олимпийские игры, не хуже других развитых стран Запада и Востока.

Целевые аудитории

У организаторов Олимпиады-80 были следующие целевые аудитории.

Это правительства и жители других стран (в первую очередь капиталистических), а также жители страны. Проведение Олимпиады давало возможность властям показать гражданам СССР, насколько силен советский строй, сделать их еще более преданными идеологии, укрепить их патриотизм. Возможность посетить Олимпиаду была и у людей, не живущих в Москве. Правда, это были люди, имеющие то или иное отношение номенклатуре. Зрители на Олимпиаду отбирались через социалистические соревнования. Поездки полностью оплачивало государство. Граждане, которые направлялись на Олимпиаду, обладали определенными привилегиями.

Советская пропаганда прокламировала, что Америка и Китай могут отрицательно повлиять на Олимпиаду. Обычные советские люди были уверены, что это страны негативно настроены против нашей страны. В то же время Советскому Союзу было важно произвести впечатление страны спокойной, практически идеальной с точки зрения безопасности, показав в очередной раз преимущества социализма. Со спортсменами и зарубежными гостями во время Олимпиады не случилось ни одного инцидента.

К целевым аудиториям относятся и средства массовой информации. Спортивной стороне Олимпиады-80 мировая пресса посвятила тысячи материалов. Одну из основных причин феноменальных спортивных результатов журналисты видели в огромном интересе, который вызвало среди спортсменов мира решение МОК провести

XXII Игры в Москве. Спортивные успехи связывались с интересом, который молодежь имеет и к советскому спорту, и к СССР, к образу жизни советских людей. Этот интерес заставил спортсменов готовиться к встрече в Москве с особым напряжением сил.

«Прошедшая в Москве Олимпиада заняла почетное место в истории мирового спорта не только потому, что впервые проводилась в социалистической стране, но и в связи с ее блестящей организацией и замечательными спортивными достижениями. Несмотря на саботаж, который пыталась организовать администрация США, молодежь 81 страны собралась в Москве на свой спортивный праздник. Об успехах атлетов, достигнутых на Олимпиаде-80, говорят 36 мировых рекордов. Никто и никогда не сможет приуменьшить эту победу ссылаясь на то, что отсутствующие на Играх спортсмены, возможно, смогли бы превзойти эти рекорды. В заключение мы можем сказать, что на Олимпиаде-80 победили юноши и девушки, принявшие участие в Играх, победила дружба, окрепшая во встречах на спортивных аренах Москвы» (газета «Байано», Панама) [3].

Целевые аудитории XXII зимних Игр в Сочи – это:

- частные инвесторы,
- участники Олимпиады – спортсмены и тренеры (именно они разъедутся по своим странам и будут рассказывать «как это было»),
- рекламодатели,
- СМИ,
- население РФ.

Конечно, Олимпиада в Сочи – проект, во многом направленный на население России. Например, трогательная песня «Игры, которые мы заслужили вместе с тобой», текст которой напрямую говорит о том, что каждый гражданин РФ внес вклад в то, чтобы Сочи стал столицей Олимпиады в 2014 г. Рекламные ролики, в которых голос Владимира Познера говорит: «Мы верим в себя так, что заставляем поверить в себя других. У нас не получится обыкновенно. Это будет великая Олимпиада. Олимпиада всей страны. Олимпиада каждого». Презентационный ролик «Сочи-2014», в котором говорится о том, что «мы все мечтаем о лучшем будущем для наших детей, сейчас мы делаем первые шаги. Нам будет нелегко. Спорт сделает нас сильнее и крепче. Эти игры станут нашими воротами в будущее. Давайте сделаем для них все, что в наших силах. Вместе с вами мы сможем создать лучшее будущее и дать нашим детям шанс воплотить свои мечты». Все это лишь немногие примеры способов воздействия на российскую аудиторию.

Как россияне воспринимают сочинскую олимпиаду? Опрос Фонда «Общественное мнение» (2007 г.) показал, что 49 % россиян хотели бы поехать на Олимпиаду в Сочи в 2014 г. Были опрошены 2 тыс. респондентов из 100 населенных пунктов 44 российских регионов. Отношение россиян к подготовке Олимпиады неоднозначное. 68 % опрошенных положительно относятся к тому, что в июле 2007 г. Сочи выбрали столицей Игр.

Но 15 июля 2007 г. решение МОК поддерживали 76 % опрошенных. Доля же негативно настроенных за этот период возросла с 6 до 9 %. Все меньше жителей страны полагают, что Олимпиада положительно скажется на экономике. Сейчас такого мнения придерживаются 48 % опрошенных, хотя 15 июля 2007 г. оптимизм испытывали 58 % россиян. Число тех людей, что не видят, как Олимпиада может изменить российскую экономику, за три года практически не изменилось. Зато уже 23 % опрошенных уверены, что эффект будет отрицательный. В середине лета 2007 г. так полагали 10 % россиян. Для Сочи Олимпиада будет полезна, считают опрошенные. 70 % из них уверены, что город извлечет выгоду. Лишь 8 % думают, что игры навредят экономике города. Оптимизм испытывают жители страны и по поводу того, как Россия проведет соревнования. 80 % уверены, что организация будет хорошей. 5 % не верят, что удастся успешно провести зимние Олимпийские игры 2014 г. [13].

Престиж страны

Безусловно, проведение Олимпийских игр престижно для любой страны. Московские власти подошли к организации Олимпиады-80 со всей мощью Советского Союза. По сей день олимпийские объекты остаются памятниками эпохи. Тогда же были построены Олимпийский телецентр – вторая очередь Останкинского телецентра, здание главного пресс-центра Олимпиады, где сейчас располагаются РИА «Новости» и Союз журналистов, олимпийские гостиницы и Олимпийская деревня – микрорайон 16–18-этажных домов со спортивным комплексом, торговым центром, поликлиникой. Для спортсменов были отдельные 2–3-комнатные квартиры со всеми удобствами, в каждой комнате – не более двух человек. Никому из зарубежных гостей даже в голову не могло прийти, что в СССР, чтобы получить двухкомнатную «хрущевку» на четырех членов семьи, нужно простоять в очереди пару десятков лет. Удобная мебель, разработанная московскими конструкторами, приятного цвета обои, мягкий свет изящных светильников, забавные детские рисунки и олимпийские плакаты – всё это создавало в комнатах домашний уют. Специалисты-проектировщики предусмотрели все мелочи: к примеру, если

рост жильца такой квартиры вдруг оказывался более 2 м – в его распоряжение предоставлялась кровать необычной длины в 2 м 30 см [8]. СССР создавал образ заботливого гостеприимного хозяина.

Советские спортсмены показали на Олимпиаде-80 очень высокие результаты. Сборная СССР выиграла в Москве 80 золотых, 69 серебряных и 46 бронзовых наград. Всего – 197 из 609 разыгранных, чуть меньше трети всех медалей. У нашей команды было 9 мировых рекордов. Таких результатов в совокупности не добивалась ни одна сборная в истории [8]. СССР укрепил имидж страны, поддерживающей спорт.

Уровень Олимпиады-80 признает почти вся мировая пресса. Французская «Монд» писала, что расписание соревнований в олимпийской Москве по своей точности могло бы соперничать с лучшими часами [3].

Огромные световые табло предоставляли публике моментальную информацию. Журналисты получали технические результаты соревнований в письменном виде уже через несколько минут после их завершения. В рекордное время устанавливалась телефонная связь с зарубежными странами. Таким образом, были довольны все: спортсмены, судьи, журналисты, зрители, ответственные деятели МОК. Были приложены гигантские усилия в период подготовки Игр, подчеркивает газета, и ни в какой другой стране не было бы возможно организовать такой спортивный праздник [3]. Американские СМИ, несмотря на строжайшую цензуру информации по Олимпиаде-80, отдали должное техническому, организационному и спортивному уровню Игр XXII Олимпиады.

Ситуация принятия решения о проведении XXII Зимней Олимпиады в Сочи получила широкую огласку в СМИ. Чтобы Россия стала страной, принимающей у себя зимнюю Олимпиаду в 2014 г., потребовались недюжинные силы пиар-специалистов. Шансы конкурентов получить Олимпиаду были объективно выше: в австрийском Зальцбурге уже были необходимые олимпийские объекты. Корейцы возводили свои ударными темпами. В Сочи же стадионы и трассы существовали лишь на бумаге. Тем не менее, МОК отдал предпочтение России. По мнению наблюдателей, решающим стал приезд на выборы Президента РФ Владимира Путина [7].

Этот приезд говорит о том, что для российской власти зимняя Олимпиада – проект не столько спортивный, сколько политический. Он должен символизировать успехи страны на международной арене, закрепить имидж России как сильной независимой державы, способной проводить крупные мероприятия на высшем уровне. Сегодня политическое руководство России уделяет подготовке к сочинской

Олимпиаде внимание беспрецедентное. Фактически Олимпиада объявлена национальным проектом.

Известна расхожая фраза журналистов о том, что для Владимира Путина Олимпиада в Сочи – как родное дитя. Путин подробно рассказывал о каждом показанном в видеосюжете сооружении: о главной олимпийской ледовой арене для соревнований по хоккею с шайбой в Имеретинской долине, о горном кластере, где будут проводиться соревнования лыжников, о бассейне, о горнолыжном подъемнике, о совмещенной автомобильной и железной дороге, об арене для соревнований по фигурному катанию и керлингу.

Президент признался, что ему была очень приятна последняя реплика представителей МОК, когда они уезжали в аэропорт Сочи. «Они нам сказали, что теперь мы увидели всю мощь российского государства», – сообщил Владимир Путин не без гордости [10].

Кроме того, в свете неудачного выступления наших олимпийцев на предыдущих XXI зимних Играх в канадском Ванкувере, на Олимпиаду в Сочи возлагается миссия ответного удара. Владимир Путин поставил перед Министерством спорта задачу: на Олимпиаде в Сочи россияне должны быть первыми [4]. Очевидно, что (в отличие от «Евровидения») президент обращает внимание не только на организацию самой Олимпиады, но и на участие нашей сборной в ней. Путин ждет только побед от российской сборной.

Александр Ткачев, губернатор Краснодарского края, побывал в канадском Ванкувере, где его интересовало все – модернизация транспортной инфраструктуры, вопросы безопасности, система жизнеобеспечения города, работа волонтеров, прессы и мн. др. Организаторы Олимпиады в Сочи хотят взять все лучшее, что было в Ванкувере. «Потому что мы должны провести Олимпиаду-2014 в Сочи еще лучше», – продолжил Ткачев [1]. Дмитрий Козак, заместитель председателя Правительства России, говорит: «Через четыре года Краснодарскому краю, жителям Сочи предстоит продемонстрировать свое радушие и гостеприимство миллионам гостей Олимпиады» [5].

Российская власть представляет Олимпиаду в Сочи как мощный ресурс формирования образа страны.

Расходы на проведение Игр

В архивных документах – ни в фонде 9610 Р Государственного архива РФ, ни в Государственном телерадиофонде РФ – не представлено схемы бюджета XXII Летней Олимпиады в Москве, нет и какой-либо другой информации о затратах на проведение Игр 1980 г. С уверенностью можно сказать только одно – это крупнейшее международное событие проводилось на государственные средства, по-другому быть в социалистической экономике не могло.

Информация о бюджете XXII Зимней Олимпиады в Сочи разно-речива.

На официальном сайте Олимпиады в Сочи последняя информация по бюджету опубликована в годовом отчете за 2011 г. Там указана сумма в 70 млрд руб. [9]. За 2012 г. информация отсутствует. Подобная ситуация порождает резкую критику в электронных и печатных СМИ. В первую очередь журналисты ставят в упрек организаторам Игр тот факт, что бюджет Игр растет в геометрической прогрессии. Так, по оценкам прессы на начало 2013 г., Игры в Сочи обойдутся нашей стране в 1,5 трлн руб., что примерно в пять раз больше первоначальной сметы в 314 млрд руб. Сегодня из этой суммы уже потрачено 74,5 %. Сами чиновники отказались объяснять причины удорожания сметы. Впрочем, опрошенные эксперты считают, что воровство – это лишь одна из причин [11].

По другой информации, бюджет Олимпиады в Сочи-2014 уже превысил 950 млрд руб., хотя четыре года назад называлась сумма в три раза меньше. Таким образом, подготовка Сочи к Олимпиаде обойдется в беспрецедентно высокую сумму на фоне прошлых Игр, суммарные расходы на которые составляли до 3 млрд долл. [2]. Для сравнения – XXI Зимние Игры в Ванкувере обошлись в 2,2 млрд долл.

Олимпийский парк Сочи будет расположен на побережье Чёрного моря в Имеретинской низменности. Строительство предполагается завершить в 2013 г.

Для проведения Олимпиады строятся следующие спортивные объекты:

- Большая ледовая арена – хоккей, 12 тыс. зрителей.
- Малая ледовая арена – хоккей, 7 тыс. зрителей.
- Конькобежный центр – конькобежный спорт, 8 тыс. зрителей.
- Ледовый дворец спорта – фигурное катание, шорт-трек, 12 тыс. зрителей.
- Арена для керлинга – кёрлинг, 3 тыс. зрителей.
- Олимпийский стадион – 40 тыс. зрителей.
- Главная олимпийская деревня.

Предусмотренные бюджетные средства и частные инвестиции в размере 580 млн долл. направляются на строительство и модернизацию телекоммуникационной инфраструктуры региона. Проводится железнодорожная линия от Адлера до Красной Поляны, которая свяжет Олимпийский парк, аэропорт и объекты в Красной Поляне. В морском порту Сочи в 1,5 км от берега запланирован выносной терминал, который позволит принимать круизные суда вместимостью 3 тыс. человек [10].

Пресса называет XXII Олимпиаду в Сочи самой дорогой за всю историю проведения Олимпийских игр.

* * *

Специальные события всегда играли роль в формировании образа СССР, а сейчас и России. Международные мероприятия власти стремились проводить «с широтой души», чтобы показать всем, насколько сильна и могущественна Россия. И советская Олимпиада, и Олимпиада российская призваны показать всю мощь и силу российской державы. Подход к брендингу в России остался таким же, как и был в Советском Союзе: массовые масштабные мероприятия, демонстрирующие эффективность власти, массовое участие, т. е. единство народа и власти; неисчерпаемость ресурсов; демонстрация силы и мощи. Именно так можно охарактеризовать тип российского брендостроительства. Власти вкладывают колоссальные деньги в организацию специальных мероприятий. Но олимпиады не являются собственно российскими специальными событиями – они переходящее знамя. Представляется разумным организовывать собственное международное событие, а не стремиться сделать событие переходящее лучше других.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Александр Ткачев: «Мы должны провести Олимпиаду в Сочи лучше, чем в Ванкувере».

2. Бюджет подготовки Олимпиады в Сочи приближается к рекордному триллиону рублей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rb.ru/inform/142147.html>.

3. В зеркале мировой прессы [Электронный ресурс]. URL: <http://sport-history.ru/books/item/f00/s00/z0000005/st017.shtml>.

4. В Сочи должны быть лидерами [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/vancouver-2010/2010/3/5/381568.html>.

5. Губернатор Краснодарского края хочет сделать Олимпиаду в Сочи лучше ванкуверовской [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gzt.ru/vancouver2010/-gubernator-krasnodarskogo-kрая-hochet-sdelatj-/292147.html>.

6. История спорта и физическая культура [Электронный ресурс]. URL: <http://sport-history.ru>.

7. Колымыц Л. Зимняя Олимпиада 2014 – Сочи. // Следующий шаг. 2008. С.60.

8. Олимпиада 1980 в Москве – made in USSR [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ckct.org.ru/sochi/80olympic.shtml>.

9. Официальный сайт Зимней Олимпиады в Сочи. Итоговый отчет за 2011 год [Электронный ресурс]. URL: http://sochi2014.blob.core.windows.net/storage/games/strategy/report/Sochi_2014_Annual_report_2011_FINAL.PDF.

10. Путин: Олимпиада в Сочи – это круто [Электронный ресурс]. URL: <http://olymp2010.rian.ru/olympnews/20100211/208785960.html>.

11. Александров С. Игры, которые мы заслужили? [Электронный ресурс]. URL: <http://newsbabr.com/?IDE=111964>.

12. СССР – наша Родина [Электронный ресурс]. URL: <http://savok.name>.

13. 70 млн россиян хотят поехать на Олимпиаду в Сочи [Электронный ресурс]. URL: http://infox.ru/sport/olympiad/2010/06/03/70_mln_rossiyan_hoty.phtml.

СЕКЦИЯ 3 ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

РУКОВОДИТЕЛЬ СЕКЦИИ:

д-р ист. наук *С. Б. Панин*
(Восточно-Сибирская государственная академия образования)

Интеграционные тенденции в развитии институтов высшего образования на примере Дальневосточной республики

А. В. Жуков

А. А. Жукова

Забайкальский государственный университет

Интеграционные процессы, проходящие в условиях современной России, ставят на повестку дня вопрос о перспективах и традициях развития высшего образования [4, с. 7]. На территории Забайкальского края эти процессы воспринимаются чрезвычайно болезненно и являются поводом для открытия широкой дискуссии. В ней главными вопросами являются вопрос о целесообразности стремления к объединению вузов, казалось бы, различного профиля, вопрос о компетенциях и возможностях вновь образуемых на основе интеграции структур и, конечно, вопрос о традициях преемственности вновь созданных учреждений высшего образования.

Большое значение здесь имеет изучение документов, хранящихся в Государственном архиве Забайкальского края. Как показывает их содержание, проблема интеграции в сфере высшего образования уже вставала перед забайкальскими педагогами и учеными и была связана с организацией и деятельностью Государственного института народного образования в Чите в 1921–1923 гг. Этот вуз был одним из первых учреждений высшего образования в нашем регионе, поэтому, вероятно, имел и другие имена. Так, Устав Дальневосточного государственного университета, куда он влился в 1923 г., называет его «Читинский государственный университет» [3, с. 2]. На сайте «Высшие учебные заведения стран СНГ» в разделе представительского портала ЗабГГПУ он именован Забайкальским университетом и с ним увязано происхождение этого вуза [1]. В этом свете

важное политическое значение имеет вопрос: был ли данный вуз только педагогическим, и заключалось ли стремление его руководства замкнуться в рамках узкокорпоративной специализации, либо опыт его работы свидетельствует о чем-то другом?

Существенную информацию, проливающую свет на эти дискуссионные вопросы, содержит «Отчет о состоянии и деятельности Государственного института народного образования в Чите». Этот документ хранится в Государственном архиве Забайкальского края под номером 165968 и подписан ректором института профессором В. И. Огородниковым [6, с. 59].

В первой части отчета указывается, что главной причиной, приведшей к его организации, стало появление нового политического субъекта Дальневосточной республики, столицей которого был г. Чита, фактически отрезанный государственными границами от Иркутска и политическими событиями – от Владивостока [7]. Правительство ДВР очень быстро решило вопрос об организации высшего учебного заведения, причем изначально акцент делался на учреждении педагогического профиля. Однако способствовали этому не реальные потребности нового государства, а вполне бытовые обстоятельства. В Чите к этому времени уже действовал Учительский институт [5, с. 154], организованный в 1920 г., что, по мнению Правительства, упрощало организацию высшего учебного заведения именно с педагогическим уклоном. В результате актом Правительства от 15 апреля 1921 г. Читинский учительский институт был преобразован в Государственный институт народного образования [8]. Этот Институт, по мысли первых организаторов, должен был предоставлять слушателям Института высшую педагогическую подготовку [9].

Однако время и практическая необходимость внесли существенную коррективу в эти планы. Уже с сентября 1921 г. работы по организации института были закончены и начали свою деятельность академические органы: совет института, правление и собрание факультетов. На должность ректора был избран проф. В. И. Огородников. Были открыты физико-математический факультет во главе с проф. А. А. Половинкиным и гуманитарный факультет во главе с проф. М. М. Рубинштейном. 15 сентября 1921 г. Правительством ДВР был утвержден закон об установлении «Положения о Государственном Институте народного Образования в г. Чите». 9 октября 1921 г. состоялось торжественное открытие Государственного института народного образования. На нем присутствовали представители правительства, министры, представители государственных и общественных учреждений, профессиональных, кооперативных,

партийных, национальных объединений, деятели печати, профессора, студенчество. Этот день был объявлен Днем Государственного института народного образования, и председатель Правительства ДВР Н. М. Матвеев заявил, что, несмотря на переживаемую полосу серьезных финансово-экономических затруднений, поддержка задач народного образования – одна из первых задач Правительства [6, с. 8].

Первоначально Институт действовал в рамках двух факультетов: гуманитарного и физико-математического. В состав гуманитарного факультета входило два отделения: историко-общественное и словесное. В состав физико-математического входили биолого-географическое, физико-химическое и математическое направления. Уже в это время преподавание на факультетах не было ориентировано только на обучение педагогов, большое внимание было уделено подготовке практических деятелей. Предоставляя студентам общую и специальную подготовку по физико-математическим и гуманитарным наукам, учебные планы института были соотнесены как с педагогической направленностью, так и с прикладными задачами обучения. Как отмечается в отчете, подготовка практических деятелей предполагала соответственную постановку преподавания в институте. Практические занятия и трудовые процессы занимали в нем господствующее положение. При этом ориентация на преподавание практических дисциплин возрастала и расширялась от курса к курсу.

К началу 1922 г. в Дальневосточной республике стала резко ощутима потребность в специалистах сельского хозяйства. Не мог остаться в стороне Институт народного образования. 25 марта 1922 г. по инициативе ректора В. И. Огородникова было созвано совещание, проходившее при участии руководства Республики, которое приняло решение о своевременности и возможности создания при институте агрономического факультета. Согласно этому решению агрономический факультет должен был готовить агрономов – практиков по сельскому хозяйству, животноводству и лесному хозяйству. При этом государство брало на себя ответственность за решение вопроса о материальной поддержке нового учреждения. Тогда же была создана комиссия, ответственная за реализацию данной идеи на практике. К началу июля подготовительный этап был завершен, и проект создания агрономического факультета при Институте был передан в Правительство и Совет министров. Вопрос об организации факультета был разрешен Советом министров положительно. Таким образом, одним из итогов работы Института народного образования стало понимание со стороны руководства вуза и республики, что потребности молодого государства в сфере высшего образования не замыкаются только на подготовке педагогических кадров [6, с. 54].

Именно поэтому в 1922 г. Государственный институт народного образования в Чите превратился в высшую школу университетского типа с педагогическим уклоном. Именно в таком виде Институт стал инструментом, через который власть реализовывала свои задачи в области общего и технического высшего образования. Подводя итог деятельности Государственного института народного образования в Чите в течение 1921–1922 гг., необходимо указать на некоторые стратегические моменты, касающиеся основных тенденций развития государственных высших учебных заведений:

1. Появление и существование крупных политических и административных субъектов государственной власти настоятельно требует учреждения государственных высших учебных заведений, чья деятельность финансируется государством и направляется на решение государственных задач.

2. Как правило, в реальной истории подобные начинания сопровождаются чрезвычайно тяжелыми материальными условиями, которые возможно преодолеть только благодаря интеграции усилий руководства, профессорско-преподавательского состава и студенческих масс.

3. Необходимыми для выживания также являются интеграционные усилия в области профильных дисциплин и специализаций. Для Забайкалья на уровне государственного финансирования, прежде всего, актуальна равная поддержка педагогических, технических и управленческих специальностей, которая в указанных уже тяжелых материальных условиях с максимальной эффективностью может быть осуществлена в рамках единого, интегрированного высшего учебного заведения университетского типа.

4. Несмотря на то, что в 1923 г. постановлениями распорядительного бюро Дальревкома Читинский государственный университет был включен в состав Государственного дальневосточного университета [10], традиции данного интегрированного высшего учебного заведения университетского типа сохраняются в структуре и деятельности Забайкальского государственного университета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет имени Н. Г. Чернышевского [Электронный ресурс]. URL: <http://univer.in/zabaykalskiy-gosudarstvennuu-gumanitarno-pedagogicheskiy-universitet-imeni-n-g-chernyshevskogo>.
2. Дроботушенко Н. Е. Государственный институт народного образования [Электронный ресурс]. URL: http://old.zabkrai.ru/index.php?remote_url=/encycl/concepts/ MY_id=2113.
3. Изменения и дополнения в Устав государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования : протокол № 7 от 12.10.2010. / Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2010.

4. Каримов З. Ш. Теория и практика институциональной интеграции высшего профессионального педагогического образования на основе синтеза внешнего и внутреннего компонентов : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Уфа, 2009. 48 с.

5. Константинов А. В., Дроботушенко Н. Е. 100 лет Читинской учительской семинарии (1900) // Календарь знаменательных и памятных дат Читинской области на 2000 год. Чита, 2000. С.154–159.

6. Отчет о состоянии и деятельности Государственного института народного образования в Чите // Государственный архив Забайкальского края. Фонд краеведения. Чита, 1922. № 165968. 59 с.

7. ГАЗК. Ф. Р-2111. Оп.1. Д. 5. Л.2об.

8. ГАЗК. Ф. Р-32. Оп.1. Д.15. Л. 9; Д. 6. Л.10.

9. ГАЗК. Ф. Р-32. Оп.1. Д. 5. Л. 9.

10. ГАЗК. Ф. Р-32. Оп.1. Д. 13. Л. 2; Д. 16. Л. 157.

История Шулутского (Ацагатского) дацана (XIX – нач. XX в.) в контексте развития русской государственности

Г. С. Митыпова

Бурятский государственный университет

В деле укрепления русской государственности в пределах Байкальской Сибири в имперский период истории страны значительную роль сыграли буддийские иерархи, ламы и бурятские дацаны как духовно-культурные центры бурятских родов.

Шулутский (Ацагатский) дацан являлся одним из крупных и известных буддийских дацанов в историческом прошлом Бурятии. Его история заслуживает особого внимания. Российское государство создавало необходимые условия для реализации задач буддистами Восточной Сибири в области вероисповедных дел, способствовало вовлечению бурят в политическое, экономическое и культурное пространство России.

История Шулутского дацана берет начало в 1825 г., когда в местности Шулута у подножия горы Дабхар Сагаан был построен небольшой дуган. В 1891 г. Шулутский дацан посетил цесаревич Николай, будущий император Российской империи. В честь приезда цесаревича на территории дацана была построена Триумфальная арка – южные ворота комплекса, а в 1897 г. был построен храм Белой Тары в честь царствующего Дома Романовых [1, с. 8].

Впоследствии, к 1934 г., дацан представлял собой целостный храмовый комплекс, в который входили: главный храм – Цогчен дуган, Джуд дуган – храм Тантры, храм богини Белой Тары – Сагаан Дара Эхэ дуган, храм богини Зеленой Тары – Ногоон Дара Эхэ дуган, Чойра дуган – цаннидская школа по изучению буддийской фи-

лософии. Также на территории комплекса находились типография – одна из самых современных на тот момент, где печатали книги на санскрите, старомонгольском, тибетском языках и на кириллице. В данном дацане сформирована одна из самых крупных библиотек буддийской и светской литературы, более того, в качестве пособия для обучения эмчи-лам в школе тибетской медицины был представлен Атлас тибетской медицины. В дацанский комплекс входила и школа тибетской медицины, представляющая собой лечебный комплекс с лазаретом, фармацевтической лабораторией, плантациями лекарственных трав и т. д. В местности Хотогор, в семи километрах от основного комплекса, был построен «Мамба» дуган, где изготавливали лекарственные препараты и обучали лам-лекарей [2, с. 4].

Дацан знаменит своими выходцами, просвещенными ламами, среди которых Хамбо лама-Чойдор Мархаев, положивший начало формированию дацанских приходов на территории всего Забайкалья, когда буряты различных родов «прикреплялись» к своему родовому дацану, Чойнзон Доржи Иролтуев, в течение пятнадцати лет возглавлявший буддистов Восточной Сибири, врачеватель царской семьи.

Если далее перечислить имена иерархов – это Гуро-Дарма Цыремпилов, названный первым «Улаан Хамбо», стоявший во главе буддистов в сложное время большевизации страны; Агван-Доржиев, снискавший славу как учитель Далай ламы XIII, дипломат и общественный деятель; Агван-Нима Цыдыпдоржиев, глава Гоман дацана в Индии, воспитавший не одно поколение учеников, и мн. др. Действительно, из Шулутского дацана вышла целая плеяда высокообразованных лам, достойно представлявших буддизм в России.

Признание российским государством буддизма как официальной религии, определение его официального статуса, что, безусловно, способствовало формированию организации буддизма, например в таких документах, как «Инструкция пограничным дозорщикам» 1728 г., принятое в 1853 г. «Положение о ламайском духовенстве», введенное в Свод законов Российской империи в 1857 г., способствовали формированию административно-дацанской системы бурятского общества, которая развивалась под влиянием российской государственности.

Что касается законодательно-правовых инициатив буддийского духовенства в российской системе права и закона, то можно привести документ, касающийся широкого спектра проблем, в решении которых принимал участие Ч. Д. Иролтуев, находящийся в то время на должности Хамбо-ламы буддистов Восточной Сибири [3, с. 5, 6]*:

* Орфография сохранена. – Примеч. ред.

«1906 г. 30–31 мая. Мы, нижеподписавшиеся представители: 1) буддийского духовенства Восточной Сибири б) инородцев Забайкальской области, будучи в гор. Чите, с разрешения Г. Военного Губернатора Забайкальской области при участии Непременного члена Забайкальского областного по крестьянским делам присутствия Гриневецкого имели совещание и обсуждали нижеследующие вопросы:

1) О допущении представителя от Буддийского духовенства в Государственный Совет;

2) О предоставлении права участия в выборах члена Государственной Думы настоятелям дацанов (ширетуям) не в порядке, указанном разделом IV закона 11 декабря, а в порядке участия выборных из среды ширетуев в областном избирательном собрании инородческих выборщиков ст. 4 зак. 22 апреля с. г.

3) относительно более правильного, уравнительного распределения выборщиков от инородческих волостей соответственно населению каждой из них;

4) вопрос об участии инородцев Закаменской и Армакской инородных управ в выборе члена Государственной Думы ввиду того, что управы эти не получили реформы управления и суда, как окончательно перешедшие еще к кочевому образу жизни;

5) относительно порядка участия оседлых инородцев в выборах;

6) о временном немедленном приостановлении распоряжения землями фактического пользования инородцев со стороны казны и Кабинета, в частности;

7) о сбережении лесов на бурятских дачах по линии Забайкальской железной дороги от беспорядочных порубок;

8) об удалении разночинцев, самовольно поселившихся на бурятских территориях;

9) о возмещении платы бурятам за земли, отошедшие под железную дорогу;

10) об охране жизни, тишины и спокойствия бурят вдоль линии железной дороги от разбоя и грабежа пришлого элемента;

11) о выгораживании поскотиной казенно-оброчных статей, находящихся среди выгонов инородцев, в частности, об обязательстве чиновника Глуховцева выгородить арендуемую им статью «Соленое озеро»;

12) о выдворении с земли Бадинских инородцев дворянина Имшенецкого».

Таким образом, данный документ наглядно иллюстрирует проявление инициативы буддийского духовенства, которая касалась различных сторон жизни бурятского общества:

- в области кадрового обеспечения решения проблем законодательно-правового характера, в связи с настоятельной необходимостью введения в законодательные собрания всех уровней грамотных и просвещенных лам или мирян, способных содействовать решению проблем, касающихся жизнеустройства и просвещения бурят;

- проблем политико-экономического характера, в частности, связанных с сооружением транссибирской магистрали, повлекшей за собой изменение границ породных земель бурятских родов, выплат государством соответствующих компенсаций.

В сфере внимания Хамбо-ламы и настоятелей дацанов были и вопросы, связанные не только с жизнедеятельностью бурятских родов. Например, ламы активно сотрудничали с Российским географическим обществом и с деятелями российского востоковедения. Значительный массив материалов, зафиксированных в делах Канцелярии Хамбо-ламы, относится к переписке с губернатором Иркутской губернии, касающихся деятельности буддийского духовенства.

Показателем позитивного отношения в России к буддистам является приведенный ниже обширный список награжденных буддийских монахов за заслуги перед Отечеством. Это свидетельство особого уважения и признания заслуг буддийского духовенства в Российском государстве:

- Серебряной медалью в память Св. Коронования Их Императорских величеств были награждены Ч.-Д. Иролтуев, ширетуй Гусиноозерского дацана Цынгунжап Баниев и ширетуй Ходонского дацана Самдан Цыденов, которые принимали участие в торжестве коронации Николая II в 1894 г.

- Золотую медаль за усердие для ношения на груди на Станиславской ленте имел гылун Янгажинского дацана Цыбак Данюндоржиев-Ирдыниев (медаль получена 10 апреля 1897 г.).

- Духовенство также активно принимало участие во Всеобщей переписи населения в 1897 г. и за это было отмечено наградами. Бронзовую медаль за труды получили хамбо-лама Ч.-Д. Иролтуев и 12 ширетуев дацанов и лам.

- Серебряную медаль в память царствования Императора Александра III получили в период с 1899 по 1902 г. Ч.-Д. Иролтуев и 11 ширетуев дацанов и лам.

- Серебряной медалью за усердие на Станиславской ленте для ношения на груди награждены также Ч.-Д. Иролтуев и 8 ширетуев дацанов и лам.

- Серебряную медаль за усердие для ношения на шее на Аннинской ленте имел ширетуй Гусиноозерского дацана Цынгунжап Баниев.

- Гылун Болакского дацана Цырен-Дамба Васильев-Азараев, из казачьего сословия, поступивший в хуваки в 1902 г., имел такие

награды, как Георгиевский Крест и Бронзовую медаль в память об участии в войне.

– Серебряную медалью на Владимирской ленте за спасение погибавших во время русско-японской войны награжден гылун Джи-динского дацана Базаржап Цыденов-Гуружапов в 1907 г.

– Медалью Красного Креста за труды во время русско-японской войны награждены Ч.-Д. Иролтуев и 29 ширетуев дацанов и лам.

– Серебряную медалью в память Св. Коронования Их Императорских Величеств (20 августа 1896 г.) и Серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте для ношения на шее (10 апреля 1897 г.) был награжден из Ходонского дацана ширетуй Самдан Цыденов, 59 лет, из ясачных, поступил в хувараки 3 июня 1872 г., утвержден бандием 12 июля 1873 г., утвержден гылуном 28 февраля 1874 г., утвержден ширетуем 31 июля 1907 г.

Только списочное перечисление имен награжденных лам позволяет нам констатировать, что ламы принимали самое активное участие в жизни страны [4, с. 7].

Биографические данные иерархов буддизма, вышедших из стен дацана, по-новому высвечивают их отношение к устройству жизни бурятских родов, усилия по сохранению целостности народа. Все это не только вызывает уважение и признательность к их просветительской деятельности, но и позволяет актуализировать решаемые ими вопросы с позиций дня сегодняшнего.

На современном этапе в деятельности Буддийской Традиционной Сангхи России и Хамбо-ламы Д. Аюшеева воплощаются лучшие традиции института хамбо-лам российского буддизма.

История дацанов, биографические данные лам Шулутского дацана – это история бурятского народа, где, как в зеркале, отразились все непростые страницы истории бурятского народа в контексте развития Российского государства.

Восстанавливаются не только руины разрушенных храмов, но и имена иерархов буддизма, хамбо-лам, строятся субурганы в память о достойных сыновьях бурятского народа. Праздники «Эрын гурбан наадан» и другие спортивные состязания посвящаются памяти исторических событий признания Российским государством буддизма и его бытования в Восточной Сибири в имперский период. Активное участие современных лидеров буддизма говорит о том, что традиции иерархов буддизма – Дамба Даржа Заяева, Чойнзон Доржи Иролтуева, Даши Доржи Итыгилова – имеют свое продолжение в новейшей истории России в процессах обращения к традиции бурятского буддизма, выработанного веками, в контексте развития российской государственности на востоке страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Митыпова Г. С. Ацагатский дацан 1825–1937. История, события, люди. Улан-Удэ, 1995. С. 61; Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 84. Оп. 1. Д. л.; Ф. 425. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 2; Ф. 425. Оп. 1. Д. 97. Л. 11а.

2. Исторический портрет Шулуцкого (Ацагатского) дацана в контексте религиозной политики России XIX в. – нач. XXI в. / И. А. Арзуманов, Э. Д. Дагбаев, С. Г. Жамбалова, Г. С. Митыпова, Ц. Б. Очирова. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 166 с.

3. Документы из канцелярии Хамбо-ламы Иролтуева, касающиеся нового проекта о буддийском духовенстве Российской империи. Иролтуев. Музей истории Бурятии. Фонд редких книг и рукописей», Основной Фонд (ОФ)18200 (1). Основной Фонд (ОФ) 17961.

4. Послужные списки Бандида Хамба Ламайского Духовенства Восточной Сибири, ширетуев, гылунов и бандиев 32-х дацанов Забайкальской области, и именные списки ховараков Гусино-Озерского дацана. За 1908 год», на 60 лл., на русском языке в форме сброшюрованных вместе пяти 12-листных тетрадей, Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова.

Спорный пограничный вопрос в российско-афганских отношениях

С. Б. Панин

Восточно-Сибирская государственная академия образования

История пограничного инцидента между Россией и Афганистаном около русского пограничного поста на Памире Кызыл-Рабата (ныне территория Таджикистана), отряд которого входил в состав знаменитого Памирского отряда, началась в конце 1908 г. Возвращаясь из Индии через Памир, специалисты российского генерального штаба капитан Половцев и чиновник Андреев решили объехать посты Памирского отряда. У озера Зоркуль в одном из ущелий ими была устроена охота, во время которой к ним подошел человек, передавший требование ваханского хакима (правителя) покинуть афганскую территорию. Половцев отказался исполнить требование, так как по карте ущелье значилось во владениях России. По приезде в главный центр Памирского отряда, в Хорог, он сообщил об инциденте начальнику отряда подполковнику Эдуарду Карловичу Кивекэсу, который, донося об этом в штаб Туркестанского военного округа, был убежден, что «дело идет об участке земли, принадлежащей нам, почему никаких затруднений в разрешении его совместно с афганцами, по-видимому, не встретится» [1].

В июне 1909 г., после новых донесений из Вахана о том, что русские на этом участке Памира захватили полосу афганской земли, файзабадский джарнейль [16] приказал зебакскому хакиму [17] Мамат Зия-хану оправиться на границу и представить точные сведения о том, в действительности ли русские захватили участок афганской земли.

Мамат Зия-хан, посетив границу, доложил, что имевший будто бы место захват русскими афганской земли «или личная выдумка» ваханского хакима, «чтобы зарекомендовать себя своей деятельностью перед начальством, или же просто недоразумение, вызванное самовольным переходом границы в погоне за пастбищами, почему русские тут совершенно не причем». Мнение зебакского хакима было тем более важно, что он присутствовал на Памире при работе разграничительной комиссии в 1895 г. [1]. Однако решение не удовлетворило афганские власти Бадахшана. Проявлением неудовлетворения позицией Мамат Зия-хана стало его освобождение от должности, последовавшее в июле того же года, несмотря на недовольство таким решением местного населения [1].

Осенью 1911 г., а затем через год, в 1912 г., начальник русского поста Кызыл-Рабат вновь докладывал начальнику Памирского отряда, что у него с афганцами продолжается спор из-за границы. Афганцы заявили, что направление пограничной линии не соответствует карте, которой они пользуются, что пограничный столб № 10, против Кызыл-Рабатского поста, поставлен на их территории, из-за чего они потеряли полосу земли между реками Тегерменсу и Кашкасу [4]. Дело дошло до того, что афганцы заявили жалобу англичанам как участникам и подписантам соглашения 1895 г. по поводу захвата русскими афганской земли [2].

Пограничная проблема около Кызыл-Рабата особенно обострилась в 1914 г. Чтобы решить территориальные проблемы, начальник Памирского отряда подполковник Шпилько в начале 1914 г. обратился к файзабадскому джарнейлю и предложил совместно произвести осмотр спорного участка границы. Лишь 2 августа 1914 г., в условиях начавшейся мировой войны, в Хороге получили ответ джарнейля, из которого следовало, что тот принял предложение Шпилько и готов прислать офицера с четырьмя солдатами, чтобы совместно с начальником Кызыл-Рабатского поста произвести обследование участка границы [5].

Русские пограничные власти были уверены, что карта, которой пользуются афганцы, английского происхождения, и она намеренно искажает направление пограничной линии, чтобы «создавать пограничные русско-афганские недоразумения» и этим поддерживать холодные отношения сторон [4]. Однако когда в августе 1914 г. в Хорог прибыла афганская комиссия и документы были сверены, то оказалось, что на руках у афганцев перепечатка плана, подписанного русским уполномоченным комиссаром по разграничению 1895 г. генерал-майором А. Н. Повало-Швейковским, и она действительно показывает направление границы в этом участке по-иному, чем та

карта, которой пользовалась русская пограничная стража. Такое положение дел требовало срочных консультаций с Ташкентом и Петербургом, изучения документов разграничения 1895 г. В связи с этим пришлось уведомить афганскую комиссию и файзабадского джарнейля «об отсрочке решения вопроса до получения указаний из Ташкента» [5].

Возникшая заминка, видимо, убедила афганцев в основательности заявленных ими претензий. Файзабадский джарнейль вызвал в Файзабад Мамат Зия-хана, чтобы ему поручить вновь обследовать участок российско-афганской границы [6]. Получив инструкции джарнейля, Мамат Зия-хан, еще даже не посетив границу, заявил в Файзабаде, что «если русские не уступят афганцам спорную полосу у Кызыл-Рабата, то им, русским, будет плохо» [2].

В министерстве иностранных дел России, понимая всю важность и актуальность вопроса, особенно в условиях начавшейся мировой войны, активно занялись изучением имеющегося архивного материала относительно российской границы на Памире, у поста Кызыл-Рабат, чтобы сравнить карты, которыми пользовались российские пограничники, с подлинным «Описанием Российской Государственной границы на Памирах» 1895 г. Министерство иностранных дел России, изучив вопрос по подлинным документам разграничения, не согласилось с притязаниями афганцев на участок пограничной территории против Кызыл-Рабатского поста, считая, что недоразумение возникло из-за разного понимания следующего текста «Описания»: «отделившись от... рукава (реки Кашка-су), следуя далее в Ю.-В. (юго-восточном. — *С. П.*) направлении, граничная черта достигает столба № 10, установленного на северной оконечности склона отрога, отделяющегося от хребта Мус-таг, близ пика Монтегю Жерар и разделяющего воды Тегермен-су и Кашка-су». Но упоминаемый в «Описании» отрог своей северной оконечностью уходил вглубь российской территории до пункта слияния рек Бахмуты и Тегермену, и это обстоятельство давало афганцам возможность доводить свою границу до этого места, прирезая к своим владениям треугольник. Но данное представление, по мнению российского МИД, не соответствовало последующей фразе «Описания», где указывалось, что граничная черта от столба № 9 до столба № 10 «образует почти прямую линию, идущую в общем в Ю.-В. направлении». Если признать правильной точку зрения афганцев, считало министерство, то «границу от озера Бахмардын-куль [7] следовало описать как ломаную линию», которая доходит до столба № 11, но игнорирует столб № 10. Министерство иностранных дел сообщило туркестанскому генерал-губернатору, что «имеющиеся в распоряже-

нии министерства карты вполне сходятся с “Описанием”, подписанным генерал-майором Повало-Швейковским и вполне согласно указывают то направление границы, которое ему соответствует». Тем не менее, учитывая обстоятельства военного времени, МИД рекомендовало туркестанским властям во избежание крайне нежелательных осложнений на границе отложить решение вопроса о направлении пограничной линии в этом месте до окончания войны и ограничиться перепиской с афганцами, прося их доставить из Кабула и предъявить нам не перепечатку карты, хотя и с автографом Повало-Швейковского, а подлинную карту, подписанную в свое время всеми комиссарами [5; 15, с.14–20].

Вопрос о направлении линии границы у Кызыл-Рабата являлся частью так называемого Памирского вопроса после 1895 г. Возникновение проблемы у поста Кызыл-Рабат было связано в общем плане с тем, что члены русской разграничительной комиссии во главе с Повало-Швейковским в 1895 г., при подписании Памирского соглашения, идя навстречу английским требованиям, предали забвению границу ранее включенного в состав России Кокандского ханства, пределы которого и должны были стать границами России на Памире. Возможно также, что русская разграничительная комиссия во главе с А. Н. Повало-Швейковским допустила техническую ошибку в установке столба № 10 [8, с. 2]. Правда, возникал вопрос: что же первично – столбы, которые были поставлены самой комиссией, и их местоположение не менялось к моменту инцидента, или карта, которой пользовались афганцы (подлинная основа которой так и не была выяснена), т. е. на местности столб № 10 поставлен комиссией в одном месте, а на плане, подписанном Повало-Швейковским, отнесен в другое. Но комиссия завершила свою работу 2 августа 1895 г., вбив последний столб, а карта разграничения подписывалась смешанной международной комиссией уже по прошествии времени, в иных условиях – 11 сентября того же года [9, с. 152–153]. МИД России считало или, возможно, просто предполагало наиболее логичный способ разрешения проблемы – считать более точным направлением российско-афганской границы на участке от озера Зоркуль до китайских владений пограничные столбы, поставленные самой разграничительной комиссией 1895 г. Тем более что составление схемы разграничения во многом носило неточный, схематичный характер. Причины последнего заключались в следующем: так как англо-русские соглашения 1872–1873 гг. уже признали за Россией все земли к северу от озера Зоркуль и реку Пяндж, то в 1895 г. стоял вопрос об определении границы к востоку от Зоркуля до китайских владений. Ширина Зоркуля [10] и поста Кызыл-Рабат (уже существ-

вовавшего к моменту разграничения) была принята за основу проведения разграничительной линии от восточной оконечности озера «условно» сначала по хребту, находящемуся южнее озера, к Кызыл-Рабату. Предполагалось, что если Кызыл-Рабат севернее озера, то граница должна пройти до более южной точки на реке Аксу. Но из источников ясно, что ни точная широта поста, ни ее соответствие широте озера не были известны международной разграничительной комиссии [11, с. 59–60; 12, с. 84; 13, карта]. Это означает, что при уточнении широты поста Кызыл-Рабат граница могла пройти и южнее, чем нынешняя граница с Афганистаном на этом участке. И, наконец, самый последний довод, который могла использовать русская комиссия, чтобы здесь ничего не менять, даже если бы выяснилось, что афганцы основывают свои претензии на действительной карте и, следовательно, существует расхождение в направлении границы на Памире между описанием и установленными на местности столбами 9, 10 и 11 от озера Зоркуль в направлении китайской границы: при работе российско-афганской комиссии по восстановлению пограничных знаков в районе Кушки в том же 1914 г. русские согласились в пользу афганской стороны оставить столб № 23а, который также не соответствовал протоколу 1887 г., на том месте, где он был обнаружен.

Однако спорный пограничный вопрос у Кызыл-Рабата в годы Первой мировой войны оставался почвой для неоднократных осложнений на Памире. Зная, безусловно, о трениях между русскими и афганскими пограничниками, акташские и афганские киргизы неоднократно совершали дерзкие нападения на кызыл-рабатский пост. В сообщении политического агента в Бухаре С. Чиркина от 11 июля 1915 г. говорилось, что афганские киргизы, напав на пост, угнали 10 казачьих лошадей и увели одного казака с винтовкой, после чего «массой бежали в Афганистан». Это было наиболее дерзкое нападение на русский пост на Памире [3]. Министр иностранных дел России С. Д. Сазонов в послании Туркестанскому генерал-губернатору Куропаткину просил снабдить начальника Памирского отряда инструкцией, категорически предписав ему воздержаться самым тщательным образом от любых действий на границе, раздражающих афганцев [14, с. 393–394]. Однако и в течение 1916 г. напряжение вокруг Кызыл-Рабата не снижалось. Афганские киргизы пасли скот на российской территории вблизи военного поста, нередко избивали русских караульных или угоняли их скот. Так как постоянные нарушения афганцами границы у Кызыл-Рабата продолжались, начальник Памирского отряда был вынужден писать файзабадскому джарнейлю, прося его запретить афганским киргизам переходить границу и пасти скот на российской территории [3]. Афганские власти при-

няли необходимые меры к нормализации положения на Памире, и в последующий период больше не заявляли официальных претензий на спорный участок.

Нерешенность ряда пограничных вопросов между Россией и Афганистаном создавала условия для постоянного напряжения в отношениях соседей, усиливала взаимные тревоги и опасения. Однако в необходимости поддержания спокойствия и добрососедства на общей границе в годы мировой войны оказались заинтересованы обе стороны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 3. Д. 3299. Л. 69–69 об.; 81об–82.
2. РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2093. Л. 83 об.; 100.
3. РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2167. Л. 124.
4. Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. 2. Оп. 2. Д. 539. Л. 4–4 об.
5. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Среднеазиатский стол «Б». Д. 237. Л. 2а–2а об.–3; 7об–10.
6. К этому времени Мамат Зия-хан был назначен на должность шугнанского хакима.
7. Современное название озера – Бахмырудынкуль.
8. Это признавал, например, специалист по Памирскому вопросу Зайченко. См.: (Зайченко) Памиры и Сарыкол (Очерк возникновения, последовательного развития и современного положения Памирского вопроса). Ташкент, 1903.
9. Россия и Афганистан / отв. ред. Ю. В. Ганковский. М.: Наука, 1989.
10. Не следует путать озеро Зоркуль с озером Шоркуль. Последнее находится почти рядом с постом Кызыл-Рабат и не являлось ориентирующим фактором для разграничительной комиссии.
11. Герих П.-фон. Афганистан и его политическое значение / под ред. В. Паруцкого. СПб., 1902.
12. Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909.
13. По карте Памирского района, составленной в 1912 г., очевидно, что широта озера и поста примерно одинаковы: между 37°20' и 37°30' (Муханов. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Памирский район / под ред. Федяй. Ташкент, 1912. Т. 3).
14. Междунар. отношения в эпоху империализма. Сер. 3. Т. 8, ч. 1.
15. Подробное описание пограничных столбов на российско-афганской границе см.: Григоров А. М. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Военно-географическое обозрение / под ред. Федяй. Ташкент, 1912.
16. Статус военного начальника губернии.
17. Хаким – местный правитель.

К вопросу об особенностях формирования корпуса первых секретарей региональных комитетов ВКП(б) – КПСС в 1930–1964 гг. в Восточной Сибири

Л. Н. Метёлкина

Иркутский государственный университет

Удивляет сохраняющаяся неравномерность охвата как историческими, так и политологическими исследованиями относительно недавнее – советское – прошлое восточно-сибирского региона. Стоит отметить, например, отсутствие даже достаточно подробных и достоверных биографических изданий (словарей, энциклопедий) о ключевых фигурах региональной политической элиты – первых секретарях краевых и областных комитетов партии, не говоря уже о системном анализе таких данных.

В рамках данной статьи предпринята попытка частичного восполнения этого пробела – на основе анализа опубликованных биографических справок [11; 13], баз данных, размещенных в Интернете [12], и материалов периодической печати [1–3; 6–8].

Первоначально охватывающий всю территорию Восточной Сибири одноименный край к 1937 г. – в результате ряда последовательных изменений – был преобразован в ряд самостоятельных административно-территориальных единиц (Красноярский край, Восточно-Сибирскую (Иркутскую) область, БМАССР, Читинскую область), продолжавших существовать без существенных изменений вплоть до распада СССР.

Период же 1930–1964 гг. представляет интерес возможностью сопоставления процессов ротации руководящих кадров, отражающих особенности проводимой И. В. Сталиным и Н. С. Хрущевым региональной политики.

В 1930–1964 гг. в пределах Восточной Сибири сменилось 28 первых секретарей региональных комитетов ВКП(б) – КПСС (не считая трех первых секретарей промышленных КК-ОК КПСС). При этом произошедшая в этот период эволюция состава партийных руководителей восточно-сибирских регионов, с одной стороны, в значительной степени отражала особенности кадровой политики ЦК ВКП(б) – КПСС, с другой – в ряде случаев обнаруживала отклонения от «генерального» курса.

В рамках рассматриваемого периода можно выделить четыре этапа – в соответствии со значительными изменениями политики ЦК

ВКП(б) – КПСС в подходах к формированию корпуса региональных партийных руководителей:

1. **1930–1936 гг.** Для данного этапа характерна достаточно осторожная политика Центра в отношении региональных руководителей, как правило, обладающих значительным (зачастую – дореволюционным) партийным стажем и политическим авторитетом, использование которого было крайне необходимо при проведении на местах непопулярной политики коллективизации; наличие активно используемой регионалами разветвленной системы неформальных связей, имеющих как вертикальную, так и горизонтальную направленность. Примечательно, что при замещении должностей первых секретарей ЦК ВКП(б) явное предпочтение отдавал лицам, не являющимся местными уроженцами и не связанным с данным регионом опытом предшествующей деятельности.

Все первые секретари восточно-сибирских комитетов ВКП(б) первой половины – середины 1930-х гг. в значительной степени соответствовали характерному для этого периода образу регионального руководителя (см. табл. 1–6). При этом, например, М. О. Разумов – к моменту своего назначения в Восточно-Сибирский крайком – имел опыт руководства четырьмя различными региональными комитетами и заслуженную репутацию очень эффективного руководителя. Но даже и длительное пребывание на посту первого секретаря БМАССР М. Н. Ербанова – местного уроженца, бурята – не было беспрецедентным явлением: аналогичные ситуации имели место еще и в других регионах РСФСР с преобладающим нерусским населением (Кабардино-Балкарская и Чувашская АССР) [4, с.163].

Примечательно, что никто из первых секретарей этого периода не только не имел законченного высшего образования, но 2 из 4 (М. О. Разумов, П. Д. Акулинушкин) не имели никакого систематического образования вообще. Однако недостаток образования в значительной степени компенсировался существенным политическим опытом и авторитетом, подкрепленным участием (членством) в различных высших партийных и государственных органах еще до назначения их в Восточную Сибирь (табл. 2, 4, 6).

Таблица 1

Первые секретари КК – ОК ВКП(б) – КПСС Восточно-Сибирского края (области) Иркутской области

ФИО, годы жизни	Пребывание в должности	На момент назначения			Образование (общее/специальное)	Предш. работа в регионе
		возраст	КП: вступ./ стаж	опыт парт. работы		
Леонов Ф. Г. 1892–1938	06.02.1930– 06.11.1933	38	1914/16	11	незаконч. высш.: Ин-т Красной профессуры / незаконч. высш.: Курсы марксизма при Ко-макадемии (1924–25)	нет
Разумов М. О. 1894–1937	06.11.1933– 01.06.1937	39	1913/20	15	неполн. сред.: 6 классов гимназии экстерном / нет	нет
Щербаков А. С. 1901–1945	22.06.1937– 28.03.1938	36	1918/19	13	незаконч. высш.: ин-т Красной профессуры (1930–1932)/ незаконч. высш.: Ком. академия им. Свердлова (1921–1924)	нет
Филиппов А. А. 1903–1957	04.1938– 28.01.1939	35	1920/18	5	? / незаконч. среднее: Петроградская (Ленин-градская) парт. школа (1923–1925)	нет
Качалин К. И. 1904 – ?	02.1939– 07.1944	35	1928/11	8 мес.	незаконч. высшее: Пром. академия, г. Ивано-во (1935–1938) / нет	нет
Ефимов А. П. 1905–1980	07.1944– 22.03.1949	39	1927/17	4	высш. техн.: Ин-т стали и сплавов/ нет	нет
Хворостухин А. И. 1900–1985	22.03.1949– 14.03.1955	48	1924/25	15	высш. техн.: Ин-т инженеров путей сообще-ния (1935)/ нет	1944– 1949
Кобелев Б. Н. 1915–1980	14.09.1955– 05.1957	40	1940/15	15	сред. техн.: механич. техникум (1937)/ высш.: ВППШ при ЦК ВКП(б) (1954)	1941– 1951
Щетинин С. Н. 1910–1975	05.1957– 17.02.1968	47	1932/25	17*	сред. техн.: горный техникум (1934) / высш.: ВППШ при ЦК ВКП(б) (заочно, 1947)	1951– 1957*

* с перерывом

Таблица 2

Участие первых секретарей Восточно-Сибирского КК ВКП(б) – Иркутского ОК ВКП(б) – КПСС
в центральных партийных и государственных органах

ФИО 1-го секретаря	Член/канд. в ЦК ВКП(б) – КПСС		Член ЦКК/КПК /Центр. ревиз. комиссии		Член ВЦИК СССР		Депутат ВС СССР		Депутат ВС РСФСР		Делегат съездов ВКП(б)	
	до ¹	во вр. ²	до	во вр	до	во вр	до	во вр	до	во вр	до	во вр
Леонов Ф.Г.	ч	ч				ч						
Разумов М. О.		ч	ч		ч	ч					д	д
Щербаков А. С.								д				
Филиппов А. А.							д			д		
Качалин К. И.		к.										д
Ефимов А. П.												д
Хворостухин А. И.		ч						д				д
Кобелев Б. Н.		ч						д	д			д
Щетинин С. Н.		ч						д				д

Примечание: в табл. 2, 4, 6, 8:

¹ графы «до» содержат информацию о наличии соответствующих статусов до вступления в должность первого секретаря ОК (КК) ВКП(б) – КПСС одного из регионов Восточной Сибири.

² графы «во вр.<ремя>» содержат информацию о статусах, приобретенных или продолжающихся в период пребывания в должности первого секретаря ОК (КК) ВКП(б) – КПСС одного из регионов Восточной Сибири.

Таблица 3

Первые секретари ОК ВКП(б) – КПСС Бурят-Монгольской – Бурятской АССР

ФИО, годы жизни	Пребывание в должности	На момент назначения			Образование (общее / специальное (полит.))	Предш. работа в регионе
		возраст	ВКП(б): вступ./ стаж	опыт парт. работы		
Ербанов М. Н. 1889–1938	12.1928– 09.1937	39	1917/ 11	11	сред. (?) спец.: межевые курсы (1909)/ незаконч. высш.: Курсы марксизма- ленинизма при ЦК ВКП(б) (1928)	1909–1928
Игнатьев С. Д. 1904–1983	10.1937– 03.1943	33	1926/ 11	2	высш.: Пром. академия (1935) / нет	нет
Кудрявцев А. В. 1906–?	4.03.1943– 16.03.1951	37	1930/ 13	9	высш. пед.: Академия ком. воспитания (1931); незаконч. высш.: 2 курса Ин-та Красн. профессуры (1938) / нет	нет
Хахалов А. У. 1909–1970	16.03.1951– 24.11.1960	42	1930/ 21	21	сред./высш.: Высш. шк. парт. организато- ров при ЦК ВКП(б) (1947)+ВППШ при ЦК ВКП(б) (заочно, 1950)	1928–1945
Филиппов В. Р. 1913–1993	24.11.1960– 12.06.1962	47	1936/ 24	10*	высш.: зооветеринарный ин-т (1939) / нет	30
Модогоев А. У. 1915–1989	12.06.1962– 7.01.1984	47	1940/ 22	17*	? / высш.: ВППШ при ЦК ВКП(б) (1950)	22

*с перерывом

Таблица 4

Участие первых секретарей Бурят-Монгольского ОК ВКП(б) – КПСС – Бурятского ОК КПСС
в центральных партийных и государственных органах

ФИО 1-го секретаря	Член/канд. в ЦК ВКП(б) – КПСС		Член ЦКК/КПК/ Центр. ревиз. комиссии		Член ВЦИК СССР		Депутат ВС СССР		Депутат ВС РСФСР		Делегат съездов ВКП(б)	
	до ¹	во вр. ²	до	во вр	до	во вр	до	во вр	до	во вр	до	во вр
Ербанов М. Н.				ч		ч						д
Игнатьев С. Д.				ч				д				д
Кудрявцев А. В.			ч							д		
Хахалов А. У.		к						д		д		д
Филиппов В. Р.		к								д		д
Модогоев А. У.		к-ч						д		д		д

Таблица 5

Первые секретари Красноярского краевого комитета ВКП(б) – КПСС (с 1934 г.)

ФИО, годы жизни	Пребывание в должности	На момент назначения			Образование (общее/специальное(полит.))	Предш. ра- бота в ре- гионе
		возраст	ВКП(б): вступ./ стаж	опыт руков. парт. рабо- ты		
Акулинушкин П. Д. 1899–1937	12.1934 – 21.07.1937	35	1917/17	15	? / нет	нет
Соболев С. М. 1900–1939	21.07.1937– 22.06.1938	37	1918/19	7	низш./высш.: Курсы марксизма- ленинизма при ЦК ВКП(б) (1930)	нет
Кулаков П. Х. 1910–1979	22.06.1938– 29.06.1940	28	1929/9	13**	высш. техн.: Механико-машиностроит. ин-т (1936) / нет	нет
Голубев И. Г. 1906 – ?	29.06.1940– 28.07.1944	34	1928/12	1	высш. техн.: Авиац. ин-т, вечерний (1935) / нет	нет

Аристов А. Б. 1903–1973	28.07.1944– 4.04.1950	40	1921/23	4	выш. техн.: Политехнический ин-т (1932), канд. тех. наук / ?	нет
Бутузов С. М. 1909–1967	4.04.1950– 16.08.1952	41	1939/11	9*	незаконч. вышш.: 2 курса Пром. акад. (1941) / незаконч. вышш.: 1 курс Выш. шк. парт. организаторов при ЦК ВКП(б)	1944–1950
Органов Н. Н 1901–1982	16.08.1952– 21.02.1958	51	1925/27	21*	?/ вышш.: ВПП при ЦК ВКП(б) (заочно, 1948)	нет
Кокарев А. А. 1909–1991	21.02.1958– 28.04.1969	48	1938/20	8	незаконч. вышш.: 3 курса индустриально-го ин-та (1936) / ?	1945–1958

Примечание: * с перерывом; ** «Начиная с 1925 г. тов. Кулаков был на руководящей комсомольской и партийной работе» // Краснояр. рабочий. 1937. 23 июня.

Таблица 6

Участие первых секретарей Красноярского КК ВКП(б) – КПСС
в центральных партийных и государственных органах

ФИО 1-го секретаря	Член/канд. в ЦК ВКП(б) – КПСС		Член ЦКК/КПК/ Центр. ревиз. комиссии		Член ВЦИК СССР		Депутат ВС СССР		Депутат ВС РСФСР		Делегат съез- дов/конф. ВКП(б)	
	до ¹	во вр. ²	до	во вр	до	во вр	до	во вр	до	во вр	до	во вр
Акулинушкин П. Д.			ч	ч							д	д
Соболев С. М.	к		ч		ч			д				
Кулаков П. Х.		к										д
Голубев И. Г.												
Аристов А. Б.								д				
Бутузов С. М.										д		д
Органов Н. Н		ч						д				д
Кокарев А. А.		ч						д				д

Таблица 7

Первые секретари ОК ВКП(б) – КПСС Читинской области (с 1937 г.)

ФИО, годы жизни	Пребывание в должности	На момент назначения			Образование (общее / специальное(полит.))	Предш. работа в регионе
		воз- раст	ВКП(б): вступ./ стаж	опыт парт. работы		
Муругов И. В. 1897–1941	16.10.1937– 09.1939	40	1917/20	13	вышш.: Ин-т Красной профессуры/ нет	нет
Кузнецов И. А. 1897–1983	11.1939– 12.1948	42	1918/21	18	? / незаконч. вышш.: 3 курса Ком. университета (1924)	1919–1921
Воронов Г. И. 1910–1994	12.1948– 04.1955	38	1931/17	11	вышш. техн.: Индустр. ин-т (1936) / незаконч. вышш.: Ин-т марксизма-ленинизма, г. Новоси-бирск (1937)	1939–1948
Козлов А. И. 1904–1992	5.04.1955– 12.04.1961	51	1926/29	17*	незаконч. вышш.: Пром. акад. (1932–1933) / высшее: ВППШ при ЦК ВКП(б) (1950)	1950–1955
Смирнов А. И. 1912–1997	12.04.1961– 1973	49	1937/24	18*	незаконч. вышш.: Сельхоз. ин-т (1941)/ вышш.: ВППШ при ЦК КПСС, заочно (1953)	1953–1961

*с перерывом

Таблица 8

Участие первых секретарей Читинского ОК ВКП(б) – КПСС в центральных партийных и государственных органах

ФИО 1-го секретаря	Член/канд. в ЦК ВКП(б) – КПСС		Член ЦКК/КПК /Центр. ревиз. комиссии		Член ЦИК СССР		Депутат ВС СССР		Депутат ВС РСФСР		Делегат съездов/ конфер. ВКП(б)	
	до ¹	во вр. ²	до	во вр	до	во вр	до	во вр	до	во вр	до	во вр
Муругов И. В.			ч	ч				д				д
Кузнецов И. А.			ч	ч			д					
Воронов Г. И.		ч						д				д
Козлов А. И.		к					д		д			д
Смирнов А. И.		к							д			д

2. **1937–1945 гг.** «Кадровая революция» 1937 г. – в ходе которой, по сведениям Р. А. Медведева, в РСФСР было разгромлено и, соответственно, заменено до 90 % состава всех обкомов партии и облисполкомов [8, с. 366], – привела к 100%-ной замене первых секретарей региональных комитетов ВКП(б) в Восточной Сибири. При чем все первые секретари – Восточной Сибирского ОК ВКП(б) М. О. Разумов, Красноярского КК ВКП(б) П. Д. Акулинушкин и Бурят-Монгольского ОК ВКП(б) М. Н. Ербанов – были вызваны в Москву, там арестованы, освобождены от должности, осуждены и расстреляны, в результате чего и открылись соответствующие вакансии. При этом – за исключением БМАССР – ротации кадров в поисках приемлемого варианта для их замещения оказались неоднократными и продолжались вплоть до 1939–1940 гг.: в Иркутской области и Красноярском крае было заменено 3 первых секретаря, в Читинской области – 2.

Распространенной точкой зрения относительно массовых элитных ротаций этого периода является та, что «большинство из вновь пришедших не имели опыта и авторитета своих предшественников, но отличались, как правило, исключительной энергией и работоспособностью, да и более высоким образовательным уровнем. Не все из них оказались на своем месте, но большая группа выдвиженцев, приобретая нужные знания и навыки, оставила положительный след в летописи социалистического строительства» [10, с. 38]. Наряду с этим, как правило, отмечают – в качестве дополнительных отличий от предшественников – молодость выдвиженцев 1937 г. и не продолжительность их партийного стажа.

В Восточной Сибири в 1937–1940 гг. шанс попробовать свои силы в руководстве региональными партийными организациями был предоставлен 9 выдвиженцам. Лишь 4 из них (А. С. Щербаков, С. Д. Игнатьев, П. Х. Кулаков, И. А. Кузнецов) – в той или иной степени – сумели оправдать оказанное им доверие, если в качестве показателей эффективности их деятельности рассматривать а) основания освобождения их от должностей первых секретарей и б) дальнейшую карьеру. Однако с точки зрения этих критериев невозможно однозначно оценить деятельность С. М. Соболева в Красноярском крае: с одной стороны, основанием его отставки стал перевод на аналогичную работу в Дальневосточный край, с другой – уже через полгода после этого перевода он был арестован и приговорен к высшей мере наказания.

Из вышеназванных 4 выдвиженцев лишь один – П. Х. Кулаков – соответствует сложившемуся образу «поколения 1937 года», хотя его выдвижение состоялось уже в 1938 г. К моменту выдвижения на

должность первого секретаря Красноярского КК ВКП(б) в активе П. Х. Кулакова были высшее техническое образование, 28 лет, 9 лет партийного стажа и крайне неопределенные сведения о предшествующей партийной работе (см. табл. 3). Как-то может объяснить назначение на должность руководителя огромного региона лишь то, что «в последнее время тов. Кулаков работал ответственным организатором ОРПО ЦК ВКП(б)» [7].

Остальные же из упомянутых выше выдвиженцев к 1937 г. уже имели разнообразный опыт работы: комсомольской, партийной, в ЦК ВКП(б), вторым секретарем Ленинградского ОК ВКП(б) – А. С. Щербаков; советской, профсоюзной работы в различных регионах Средней Азии – С. Д. Игнатьев, партийная работа в различных районах европейской части страны – А. И. Кузнецов.

При этом самым нетипичным из назначенцев этого периода был именно А. И. Кузнецов. Во-первых, участник Гражданской войны в Забайкалье, член РКП(б) еще с 1918 г., с опытом как подпольной, так и боевой работы – красногвардеец, комиссар партизанских отрядов Ингодинского района, член Ревкома центрального Забайкалья. Во-вторых, получил назначение именно в ту область, с которой было связано его боевое прошлое, хотя даже в значительно более благоприятные для бывших красных партизан годы (до 1933–1934) крайне не рекомендовалось их назначение на руководящую работу в регионы, где они могли сохранять влияние и связи со своими боевыми товарищами. Тем более странным было такое назначение для Восточной Сибири, где в причастности к созданию «антисоветского партизанского центра» было обвинено практически все репрессированное в 1937 г. руководство Восточно-Сибирской области [9, с. 125]. В-третьих, А. И. Кузнецов был единственным в этот период, имевшим непосредственно перед назначением первым секретарем в Читинскую область почти двухгодичный опыт работы в аналогичной должности (Мордовский ОК ВКП(б)). И именно ему принадлежит рекорд продолжительности пребывания на этой должности среди первых секретарей восточно-сибирских комитетов партии – 9 лет.

Примечательно, что Читинская область, только созданная в 1937 г., не избежала участи других регионов Восточной Сибири в плане репрессий партийного руководства. И. В. Муругов, член ВКП(б) с 1917 г., обладавший разнообразным опытом политической работы, первый секретарь обкома ВКП(б) вновь созданной Читинской области, был репрессирован в сентябре 1939 г.

Следует отметить, что уже в Иркутской и Читинской области, Красноярском крае в 1938–1940 гг. происходит замена первой волны назначенцев. При этом если о пришедших как раз в эти годы

П. Х. Кулакове и А. И. Кузнецове было выше сказано как о достаточно эффективных (с точки зрения ЦК ВКП(б)) руководителях, то для остальных – А. А. Филиппова, К. И. Качалина, И. Г. Голубева – опыт руководства Иркутской областью и Красноярским краем оказался неудачным. Все они были освобождены от должности в результате признания ЦК ВКП(б) их работы неудовлетворительной, только для такой оценки деятельности Филиппова понадобилось менее 9 месяцев, Качалин и Голубев продолжали оставаться первыми секретарями значительно дольше – 5,5 и 4 года соответственно. При этом оба были освобождены от должности в июле 1944 г., т. е. большая часть их работы пришлась на период Великой Отечественной войны, что предъявляло повышенные требования к региональным руководителям. Для людей с практически отсутствующим предшествующим опытом не только руководящей, но и вообще партийной работы это можно рассматривать в качестве серьезного личного достижения.

Большое значение для выдвиженцев этого периода имела их легитимация, пусть и формальная. И большим подспорьем в этом оказались выборы в Верховные Советы СССР и РСФСР, кандидатами на которые выдвигались вновь назначенные первые секретари. При этом А. А. Филиппов оказался депутатом и ВС СССР – от Красноярского края, в период своей работы там в качестве второго секретаря крайкома, и ВС РСФСР – уже от Иркутской области, куда был переведен в качестве первого секретаря ОК ВКП(б). А И. Г. Голубев, назначенный только в 1940 г., уже не попал не под одну из этих кампаний, и потому не обладал ни одним из тех дополнительных статусов, которым обладали его коллеги.

Следует отметить, что замены первых секретарей региональных комитетов партии, произведенные в годы Великой Отечественной войны (А. В. Кудрявцев – БМАССР, А. Б. Аристов – Красноярский край, А. П. Ефимов – Иркутская область), привели на эти должности людей с серьезным опытом руководящей работы на региональном уровне.

3. 1946–1952 гг. Регулярные кадровые перестановки после войны не прекратились – они приобрели новый характер, хотя и далеко не все появившиеся в этот период тенденции оказались равно актуальны для всех регионов.

Во-первых, получившая в период «позднего сталинизма» широкое распространение практика перемещений секретарей крайкомов и обкомов каждые 2–3 года по «географическому принципу» – что преследовало как профессиональные (накопление опыта), так и политические цели (предотвращение развития местнических отноше-

ний) [5, с. 105–106], не коснулась Восточной Сибири. Напротив, здесь произошла некоторая стабилизация кадрового состава за счет выдвижения вторых секретарей (или секретарей) на должность первых секретарей в этих же партийных комитетах. Именно так произошло выдвижение Г. И. Воронова (1948), А. И. Хворостухина (1949) С. М. Бутузова (1950) (см. табл. 1, 3, 7), имевших – на момент назначения – значительный опыт работы в соответствующих регионах (от 4 до 9 лет).

Во-вторых, широкое распространение получил такой способ ротации, как командирование первых секретарей на учебу в высшие партийные учебные заведения, преимущественно – Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б) и на специально созданные в Москве курсы переподготовки областных, краевых и республиканских руководителей. Однако из восточно-сибирских руководителей командирование на курсы переподготовки при ЦК ВКП(б) стало основанием отставки только для первого секретаря Читинского ОК ВКП(б) И. А. Кузнецова.

В-третьих, тенденция возбуждения в этот период достаточно многочисленных «региональных» дел, являвшихся как следствием «нарушения советских законов, извращения директив партии и правительства, пьянства и бытового разложения, самоснабжения, обмана государства, очковтирательства» («ульяновское», «карельское», «челябинское» и др.), так и вызванных причинами политическими («ленинградское», «московское»), никак не затронула корпус первых секретарей восточно-сибирских комитетов партии.

В-четвертых, даже принятие критических постановлений ЦК ВКП(б) в отношении деятельности регионального комитета теперь уже не приводило к обязательной и немедленной отставке его руководителя. Так, 17 августа 1946 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О серьезных недостатках в работе Бурят-Монгольского ОК ВКП(б)». Но только повторная критическая оценка работы того же А. В. Кудрявцева 2 марта 1951 г. уже Оргбюро ЦК ВКП(б) привела к его отставке и переводу из региона.

Всего же в Восточной Сибири в послевоенные годы произошло 5 перемен в составе первых лиц региональных комитетов: по одному – в Иркутской и Читинской области, БМАССР, и две – в Красноярском крае. Абсолютно преобладающим (4 из 5) способом ротаций этого периода стало назначение на должность первого секретаря действующих (или имевших опыт такой работы) вторых секретарей соответствующих партийных комитетов. При этом 2 из 5 имели высшее образование, 1 – незаконченное высшее; чуть лучше обстоя-

ло дело с политическим образованием – 2 высшее (ВПП при ЦК ВКП(б)), 2 – незаконченное высшее.

4. **1953–1964 гг.** Наибольшая степень интенсивности ротаций по стране в целом характерна для 1955 и 1961 г., что вполне объяснимо с точки зрения проводимого Н. С. Хрущевым политического курса. Перемещения 1955 г. были вызваны, прежде всего, стремлением отстранения от руководства регионами лиц, являющихся мнимыми или реальными ставленниками противников Хрущева в ЦК КПСС. Ротации 1961 г. были вызваны заметным ужесточением региональной политики центра, выразившимся в кампании борьбы с «приписками» и «искажениями государственной отчетности».

Несмотря на то, что в Восточной Сибири из 7 назначений этого периода два пришлись на 1955 г. (Б. Н. Кобелев, А. И. Козлов) (табл. 1, 7) и одно – на 1961 г. (А. И. Смирнов) (табл. 7), нет достаточных оснований для объяснения происходящих перемещений именно вышеназванными причинами. Равным образом нет оснований характеризовать произведенные перестановки как проявления «кадровой чехарды», являвшейся одной из характерных особенностей политики Н. С. Хрущева в отношении первых секретарей ОК и КК КПСС.

Общей чертой назначений первых секретарей этого периода в Восточной Сибири является продолжение ранее появившейся тенденции – ставка исключительно на кадры, имеющие опыт руководящей работы в соответствующем регионе. Так, второй секретарь Красноярского КК КПСС А. А. Кокарев в 1958 г. становится первым. Однако все назначенные в 1955–1961 гг. первые секретари Иркутского и Читинского ОК КПСС хотя и были вторыми секретарями соответствующих партийных комитетов, однако непосредственное их выдвижение на этот пост происходило уже с других должностей: А. И. Козлов (1955), С. Н. Щетинин (1957) и А. И. Смирнов (1961) ранее были председателями исполкома соответствующих областных советов депутатов трудящихся; Б. Н. Кобелев (1955) – инструктором ЦК КПСС (после окончания ВПП при ЦК КПСС). Несколько видоизмененная модель была характерна для БМАССР, где оба первых секретаря ОК КПСС – В. Р. Филиппов (1960) и А. У. Модогоев (1962) – пришли на эту должность с поста председателя Совета министров БМАССР.

При этом явным отклонением от «генерального курса» на повышение образовательного уровня партийных руководителей в Восточной Сибири являлось отсутствие законченного высшего профессионального образования у 6 из 7 первых секретарей (1 – незаконченное среднее, 2 – среднее техническое, 3 – незаконченное высшее), что свидетельствовало о значительном снижении этих показа-

телей даже в сравнении с предшествующим периодом. Правда, улучшилась ситуация с политическим образованием – теперь уже у 5 из 7 оно было высшим, полученным в ВПШ при ЦК ВКП(б) – КПСС.

В целом следует отметить, что в течение всего рассматриваемого периода – 1930–1964 гг. – Восточная Сибирь выступала преимущественно в роли «региона – поставщика» первых секретарей. Из 28 первых секретарей, получив первый опыт работы в этой должности в данном регионе, 8 человек либо сразу, либо – после перерыва продолжили свою карьеру в должности первых секретарей областных или краевых комитетов партии уже за пределами Восточной Сибири (А. С. Шербаков – Сталинская (Донецкая) и Московская обл.; С. М. Соболев – Дальневосточный край; С. Д. Игнатьев – Татарская и Башкирская АССР; С. М. Бутузов – Пензенская обл.; А. П. Ефимов – Хабаровский край; А. Б. Аристов – Челябинская обл. и Хабаровский край; Б. Н. Кобелев – Новосибирская обл.; А. И. Хворостухин – Тульская обл.). При этом только 3 человека имели опыт работы в аналогичных должностях до их назначения в восточно-сибирские крайкомы и обкомы партии (М. О. Разумов – Рыбинская и Орловская обл., Башкирская и Татарская АССР, А. И. Кузнецов – Мордовская АССР, Н. Н. Органов – Приморский край).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вост.-Сиб. правда. 1938. 6 июня
2. Вост.-Сиб. правда. 1939. 6 февраля
3. Вост.-Сиб. правда. 1944. 9 июля
4. Истер Дж. М. Советское государственное правительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М. : РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010.
5. Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово : Кузбассвуиздат, 2006.
6. Краснояр. рабочий. 1937. 23 июня
7. Краснояр. рабочий. 1938. 23 июня
8. Краснояр. рабочий. 1944. 29 июня
9. Метелкина Л. Н. Бывшие красные партизаны как ресурс региональной элиты (на примере Восточной Сибири первой половины 1930-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. № 5(11). В 4 т. Т. 3.
10. Пономарев А. Н. Александр Щербаков: Страницы биографии. М. : Изд-во Глав-архива Москвы, 2004.
11. Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. М. : РОССПЭН, 2009.
12. Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knowbysight.info/index.asp>.
13. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. М. : РОССПЭН, 2004.

Местные советы в СССР – органы местного самоуправления?

Б. Г. Хачатурян

Дальневосточный филиал Российской академии правосудия

Конституция Российской Федерации, провозгласившая Россию демократическим государством, закрепила важнейшие устои его демократизма, выражающиеся прежде всего в народовластии, разделении властей и местном самоуправлении.

К сожалению, единого взгляда на институт местного самоуправления, его историю как у руководства страны, так и учёных до сих пор не выработалось. Так, отдельные авторы, взхлеб расхваливая дореволюционный период земского и городского общественного управления в России, совершенно не замечают советского периода (А. Я. Слива [1, с. 41–44], А. В. Петров и М. М. Плотникова [2] и др.), другие же воспринимают систему местных советов как единственную систему управления на местах, способную реализовать многовековые надежды народа на самостоятельное решение вопросов местной жизни (В. Е. Гулиев [3, с. 9–10], В. Я. Гельман [4, с. 25–29] и др.). А это значит, что, несмотря на большой разброс мнений и значительное количество литературы, проблема соотношения местных советов с институтом местного самоуправления требует дальнейшего изучения.

История советизации России показывает, что создаваемые большевиками в 1917 г. советы не были новым политическим органом для России того времени. Термин «Совет» появился в политическом лексиконе России в ходе революции 1905 г. как воплощение в жизнь демократических чаяний российского народа о порядке управления посредством принятия коллективных решений населением и в своей сути выражал мнение широкого круга философов (Ж. Кальвин [5], якобинцы, К. Маркс и Ф. Энгельс [6, с. 350 и 240] и др.).

Вместе с тем история показывает, что, несмотря на длительное время своего существования (1917–1993 гг.), советы не представляли застывшей управленческой структуры. Анализ их организации и деятельности позволяет выделить несколько периодов, различающихся по своей сути.

Первым таким периодом, на наш взгляд, является период создания и перехода власти к советам (февраль 1917 – июль 1918 гг.). В свою очередь данный период можно разбить на два этапа: февраль – ноябрь 1917 г. и ноябрь 1917 – июль 1918 г.

Первый этап можно назвать «романтическим». В это время земские и городские органы местного самоуправления функционировали параллельно с местными советами при этом они не всегда противопоставляли себя последним, являвшимися выразителями интересов широких масс (рабочих, крестьян, солдат, казачества, объединенного дворянства, офицерства и т. п.). Меньшевики и эсеры, имевшие большинство в советах в первые месяцы после свержения монархии и выступавшие за сохранение земств и городских дум, считали необходимым разделить функции местного управления между земскими и городскими думами и советами. По их мнению, все вопросы экономической жизни должны были решаться в думах, а советы выполнять политические и культурно-воспитательные функции. На этих же позициях стояли и некоторые большевики, в частности А. В. Луначарский [7, с. 5].

Второй этап начинается с издания в декабре 1917 г. Наркомвудом Инструкции о правах и обязанностях советов, закрепившей не только систему местных советов, но и определившей их общую компетенцию. Последующие декреты, изданные съездами советов, правительством и ВЦИК вплоть до принятия первой Конституции РСФСР 1918 г. и касавшиеся деятельности местных советов, расширяли и конкретизировали их права. И уже на III Всероссийском съезде советов (январь 1918 г.) отмечалось, что все местные дела решаются исключительно местными Советами. За высшими советами признается право регулирования отношений между низшими советами и решение возникающих между ними разногласий.

Необходимо отметить, что полномочия советов этого этапа простирались достаточно далеко. Они занимались организацией работы местных предприятий, подвергавшихся национализации, осуществляли охрану промышленных объектов, контролировали предприятия, все еще находившиеся в руках старых хозяев.

В социальной сфере советы стали осуществлять деятельность по обеспечению неотложных нужд населения и, прежде всего рабочего класса. Они организовывали общественные столовые, общежития, пытались регулировать вопросы труда и заработной платы, разрабатывали совместно с профсоюзами тарифы, осуществляли различные мероприятия по охране труда и решению жилищных вопросов.

В области народного просвещения и культурно-просветительной деятельности советы создавали народные начальные и средние школы, принимали меры по изданию новых учебников и учебных пособий, реорганизовывали гимназии и реальные училища в советские начальные и средние школы. По их инициативе расширялась сеть детских домов, детских площадок, библиотек, изб-читален.

В сфере здравоохранения советы осуществляли меры по обеспечению бесплатного медицинского обслуживания, проводили различные мероприятия в области санитарии, гигиены и профилактики.

Благодаря такой направленности в повседневной деятельности советы второго этапа первого периода пользовались широкой поддержкой населения и являлись органами местного самоуправления.

Второй период строительства местных советских органов начинается с принятия 10 июля 1918 г. первой российской Конституции, юридически закрепившей советскую систему управления, и заканчивается 1993 г. — временем прекращения существования советов как органов государственной власти.

Конституция РСФСР 1918 г. значительно урезала функции и полномочия местных советов, которые они сумели себе взять в предыдущее время. По Конституции на местные советы были возложены следующие задачи: проведение в жизнь всех постановлений высших органов советской власти; принятие всех мер к поднятию данной территории в культурном и хозяйственном отношении; разрешение всех вопросов, имеющих чисто местное (для данной территории) значение; объединение всей советской деятельности в пределах данной территории.

Очень важным для понимания сути управления, на наш взгляд, представляется осмысление того, что систему власти определяют, прежде всего, экономические отношения, сложившиеся в обществе. В 1918 г. они характеризовались отменой частной собственности и созданием единой государственной собственности, прежде всего на средства производства, что потребовало создания единых органов власти, и такие органы большевиками были созданы в лиц советов, выполнявших волю «хозяина» — государства. И как результат — все доходы и расходы местных советов были поставлены под контроль центра.

Таким образом, местные советы потеряли былую самостоятельность, так как стали действовать в русле решений вышестоящих советов, которые, к тому же, могли отменять решения нижестоящих советов. И главное, они не имели собственных финансов. Так были заложены финансово-экономические принципы построения местных советов, от которых система освободиться не смогла на протяжении всего последующего периода советского строительства.

Данный период также имеет несколько этапов, и хотя это не тема данной работы, но на одном из таких этапов хотелось бы остановиться. Это этап, связанный с введением в стране новой экономической политики (НЭП). НЭП привёл к возрождению института частной собственности, а с ним и к необходимости расширения самостоятельности местных советов в решении вопросов местной жизни.

С развитием товарно-денежных отношений у местных советов появляются средства для формирования собственных бюджетов. Их основой становятся доходы от вновь восстановленных местных налогов, платы за жилье и другие коммунальные услуги, советы получили право защиты своих интересов и т. д. В 1925 г. было принято Положение о городском совете, где декларировалась новая роль совета как высшего органа власти на территории города и в пределах своей компетенции.

На наш взгляд, именно эти изменения в экономике и в отношении к местным органам власти позволили профессору Л. А. Велихову в 1928 г. сделать вывод о том, что Советы, созданные большевиками, – это органы местного самоуправления. Велиховым были выделены «некоторые бесспорные и существенные признаки самоуправления, ему свойственные и отличающие его от центральной правительственной власти» [8, с. 52]. Среди таких признаков он называл: подзаконность местной власти, ограниченность круга дел, наличие более или менее самостоятельных источников средств и территориально ограниченный выборный принцип. Эти принципы совпадают с принципами местного самоуправления, зафиксированными в принятой Советом Европы 15 октября 1985 г. Европейской хартии местного самоуправления [9]. И практически все современные российские юристы при определении данного института за основу берут именно их.

Но формирование местных органов власти большевики строили на иных началах. НЭП оказался временным отступлением от этих принципов. Так, ещё в 1923 г. Л. М. Каганович скажет, что «НЭП вызвал у наших врагов некоторые надежды если не на уничтожение Советского государства, то на его демократическую эволюцию и, в частности, на эволюцию Советов в сторону старых земских и городских самоуправлений», заявив перед этим, что «государственная власть в целом стала самоуправлением, а местное самоуправление стало государственной властью» [10, с. 16, 77], тем самым выразив будущую формулу взаимоотношений между государством и местным самоуправлением. На этих же позициях стоял и И. В. Сталин, который, начиная с работы над проектом Конституции РСФСР (1918 г.), всегда противостоял превращению низовых советов в органы местного самоуправления, рассматривая эти советы и сельские сходы «как частицу верховной государственной власти» [11, с. 161–162]. В этом же ключе высказывался и М. И. Калинин [12]. Последующий отказ от осуществления «нового курса» – НЭПа в 1930-е гг. поставил на политике оживления советов крест. Сами же советы всё больше и больше выступали не в качестве субъекта, а в качестве

объекта властно-управленческого воздействия. Это привело к тому, что все принятые в последующие годы партийные решения и нормативные документы органов государственной власти, направленные на расширение самостоятельности местных советов, так и не смогли оживить советскую систему.

Что касается выборов, то большевики создали специфическую избирательную систему, которая с учётом однопартийной системы позволяла им приводить в выборные органы и на выборные должности угодных лиц. Смысл её заключался в том, что в бюллетень для голосования вносилась одна кандидатура, отобранная партийными, комсомольскими, профсоюзными организациями, трудовым коллективом, а избирателю на избирательном участке предлагали просто согласиться с этим «выбором», зафиксированным в бюллетене в виде единственной кандидатуры на выборную должность.

Причём большевиков не беспокоил даже тот факт, что в результате такого способа формирования создаваемые органы (советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов) зачастую даже не соответствовали своему названию*.

То есть, во-первых, называясь советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, советы фактически были органом власти советских служащих [13, с. 651, и 1219] (и такой социальный состав сохранился до 1993 г.). Во-вторых, для достижения нужных цифр, мандатные комиссии местных Советов, зачастую, не гнушались представлять фальсифицированные цифры, характеризующие социальный состав делегатов.

Таким образом, даже такой краткий анализ показывает, что, во-первых, система местных советов на всём протяжении их строительства не была одинаковой. На различных этапах своего развития она

* Так, по докладу мандатной комиссии на первый съезд Советов Хабаровской области состоявшийся в декабре 1934 г. было избрано 168 человек. По протоколу на съезде присутствовало 154 человека. Из них: мужчин 128 или 83 %, женщин 26 – 17 %. Социальный состав делегатов характеризовался следующим образом: рабочих – 46 (31,9 %), из них непосредственно занятых на производстве 27; колхозников – 28, единоличников – 2 (1,2 %); служащих – 38 (26,3 %); военнослужащих – 30 (всего 144. – Б. Х.). Но совершенно другие цифры получаются при анализе графы «кем работает делегат» в анкетах делегатов: служащих (руководители предприятий, ИТР, учителя, врачи, партийные, комсомольские, профсоюзные функционеры, сов. чиновники) – 75 (52,0 %); военнослужащих – 24 (16,6 %), в том числе: красноармейцы – 7, ком. состав – 17; рабочих – 25 (17,3 %); занятых в сельском хозяйстве – 20 (13,8 %), из них: колхозников 3, зав. д.т.я. – 2, зав. МТФ – 1, пред и зам. пред колхозов – 9, бригадиры – 4, звеньевая – 1. Итого 144 анкеты // ГАХК. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 5. Л. 4; Д. 7, 8. Такое же положение было и в других дальневосточных Советах.

различалась своими функциями и полномочиями. И если в первые два десятилетия эта система соответствовала требованиям, предъявляемым к институту местного самоуправления, то уже к середине второго десятилетия советской власти в местных советских органах различия в характере власти не наблюдалось. Советы всех уровней обладали схожими полномочиями, отличавшимися только их масштабом, т. е. не произошло, как писал Велихов, разграничения сфер компетенции.

Во-вторых, советы не обладали самостоятельностью в принятии решений, а вышестоящие органы имели право вмешиваться в их деятельность.

В-третьих, у местных советов отсутствовали самостоятельные источники финансирования. Финансирование всех местных нужд происходило из государственного бюджета.

В-четвёртых, с 30-х гг. XX столетия советы, называясь советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, советами депутатов трудящихся, Советами народных депутатов на самом деле становятся однопартийными органами советских служащих, а для придания статуса рабоче-крестьянского (народного) органа функционеры от советов шли на простейший подлог социального состава делегатов съездов.

То есть, отвечая на поставленный в заголовке вопрос, можно с уверенностью сказать, что с принятия Конституций СССР и РСФСР (1936, 1937 гг.) и до конца 80-х гг. XX столетия местные советы не были органами местного самоуправления. Термин же «местные» обозначал простое нахождение краевых, областных, городских, районных, сельских и поселковых советов ниже уровня органов власти РСФСР, т. е. по своему статусу – менее значительные. А это значит, что изменения общественных отношений в начале 1990-х гг. потребовали коренного изменения управления на местах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Слива А. Я. Какой будет местная власть // Рос. Федерация. 1993. № 1(13).
2. Городские головы, гласные и депутаты Иркутской думы 1872–2011: биогр. справ. / авт.-сост. А. В. Петров, М. М. Плотнокова; отв. ред. Л. М. Демешек. Иркутск: Оттиск, 2011. 400 с.
3. Гулиев В. Е. Теоретические вопросы социалистического самоуправления // Сов. государство и право. 1986. № 2.
4. Гельман В. Я. Десоветизация местной власти: политический контекст // Власть. 1994. № 8.
5. Изложенные Кальвином в «Катехизис» взгляды на реформацию, в 1537 г. были единогласно приняты женеvским городским советом.
6. Так, анализ опыта Парижской коммуны – первой в истории пролетарской диктатуры – привёл К. Маркса к выводу о том, что суть новой власти – «управление народа посредством самого народа». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. 1962. Т. 17. 841 с.

Ф. Энгельс в работе «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года» разъяснял, что централизация вовсе не исключает местных «свобод», а, наоборот, подразумевает «полное самоуправление в провинции, округе и общине через чиновников, избранных на основании всеобщего избирательного права, отмену всех местных и провинциальных властей, назначаемых государством». См.: Там же.

7. Луначарский А. В. Муниципальная политика // Город и земство. 1917.

8. Велихов Л. А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства : в 2 ч. М. ; Л. : Свет, 1928. 467 с.

9. Федеральный закон от 11.04.1998 № 55-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1998. № 36. Ст. 4466.

10. Каганович Л. М. Местное советское самоуправление. Строительство Советской власти на местах. М. : Красная новь, 1923. 80 с.

11. Сталин И. В. Соч. М., 1949. Т. 12. 397 с.

12. Комментарий к законодательству о сельских и поселковых советах. М. : Известия, 1977. 400 с.

13. В советское время термин «служащий» стал употребляться наравне с термином «рабочий», а в семантическом значении низведен до «работающего по найму в различных учреждениях, в сфере обслуживания, но не производства». (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1981. 944 с.). Советский энциклопедический словарь к служащим относит лиц, получающих фиксированное жалование (из бюджета государства. – Б. Х.), и делит их на следующие крупные профессиональные группы: административно-управленческие кадры, инженерно-технические работники (ИТР), группы дипломированных специалистов (научные работники, преподаватели высшей и средней школы, врачи и т. д.), торговые и конторские работники. (Советский энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1982. 1600 с.).

К вопросу об эффективности аграрной политики советского государства в сфере механизации сельскохозяйственного производства Восточной Сибири в 1946–1950 гг.

О. Н. Шулбаев

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

В послевоенный период основная роль в восстановлении колхозного производства отводилась машинно-тракторным станциям (МТС). Это было обусловлено тем, что в них была сосредоточена фактически вся сельскохозяйственная техника (тракторы, комбайны, молотилки и т. п.). В связи с этим эффективное использование машинно-тракторного парка МТС во многом зависело от четкого планирования и выполнения ими агротехнических работ в колхозах.

Отметим, что планирование работ МТС происходило централизованно, на основе полученных из краев, областей проектов планов тракторных работ. При этом обязательно учитывались итоги выполнения планов за прошедший год с учетом посевных площадей и других показателей по краю или области. После внесения определенных корректив в представленные проекты составлялся единый план, который утверждался правительством.

Взаимоотношения между МТС и колхозами с юридической точки зрения определялись на основании утвержденных правительством типовых договоров (январь 1948 г., декабрь 1949 г.), которые заключались в начале каждого года. МТС брали на себя обязательства по производственно-техническому обслуживанию колхозов, оказанию постоянной помощи в деле их организационно-хозяйственного укрепления путем агрономического обслуживания, составлению производственно-финансовых планов, внедрению правильных севооборотов и т. д. Кроме того, определялась взаимная ответственность МТС и колхозов по выполнению обязательств в части повышения урожайности сельскохозяйственных культур, по проведению работы в лучшие агрономические сроки. МТС и колхозы должны были заключать дополнительные соглашения о календарных сроках начала отдельных работ [1, с. 73, 76]. Это фиксировалось в договоре, в котором четко указывались виды, объемы тракторных работ, агротехнические приемы, а также сроки их своевременного и качественного выполнения.

Однако на практике эта процедура не производилась в установленном порядке. Как правило, директора МТС и руководители колхозов заключали договоры, не выходя из кабинета директора МТС. Хотя обсуждать проекты договоров, разработанных дирекцией МТС совместно с правлениями колхозов, предписывалось на общем собрании колхозников [3, с. 1]. В большинстве случаев «заключение договоров доверялось второстепенным работникам – бухгалтерам, заведующим нефтебазами, участковым агрономам, даже бригадирам» [6, с. 2].

Все это приводило к тому, что в договорных отношениях между МТС и колхозами существовало много недочетов. В частности, в газете «Красноярский рабочий» от 17 мая 1949 г. указывалось, что «некоторые МТС несвоевременно заключили договоры и дополнительные соглашения с колхозами, а при их заключении не учли ошибок прошлого года. В ряде МТС заключение договоров производилось уже в ходе весенних полевых работ. Во многих из них допущены грубые ошибки: не установлены сроки проведения работ в днях и качественные показатели... К договорам не приложен перечень земельных участков, на которых МТС должны производить тракторные работы. В колхозах не организована ежедневная сдача-приемка работ, выполненных трактористами, бригадами полевых и тракторных бригад. В учетных листах не указывалось качество работ, количество начисленных трудодней и расход горючего» [10, с. 3].

Такой формальный подход в дальнейшем приводил к тому, что директора и старшие агрономы МТС не следили должным образом

за выполнением видов и объемов работ, закрепленных в договорах, а бригадиры тракторных и полеводческих бригад организовывали работу по своему усмотрению и заменяли один вид работы другим. В результате некоторые МТС не выполняли обязательства по таким важнейшим работам, как перекрестный посев, боронование озимых, посев многолетних трав, кормовых культур и т. п. Вместо этого они осуществляли другие работы, имеющие второстепенное значение.

Проблема выполнения МТС плановых заданий по объему тракторных работ в колхозах неоднократно выносилась на обсуждение пленумов крайкомов и обкомов партии. Так, на втором пленуме Хакасского обкома ВКП(б) в 1947 г. было отмечено, что «МТС мало заинтересованы в повышении урожайности, в хорошей обработке почвы, в своевременном посеве и уборке урожая... Мало обращается внимания на выполнение таких трудоемких работ, как культивация, подъем паров и зяби, орошение, уборка комбайнами» [5, с. 3].

Следует заметить, что пренебрежительное отношение руководства МТС и колхозов к практике оформления договоров о сотрудничестве заключалось в том, что определяющим фактором при составлении договоров МТС на производственное обслуживание колхозов являлся не учет материально-технических ресурсов МТС, а план тракторных работ, спущенный сверху и составленный по принципу «от достигнутого». Парадокс данного положения дел заключался в том, что в своем большинстве МТС спускались сверху нереальные, завышенные планы проведения сельскохозяйственных работ [11, с. 224].

В то же время следует подчеркнуть, что одним из основных показателей работы МТС в колхозах являлось своевременное выполнение тракторными бригадами плана тракторных работ. Так, в феврале 1947 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период», направленное на улучшение организации работы МТС. Основным критерием определения его эффективности являлось выполнение плана тракторных работ в переводе на условные гектары мягкой пахоты. В связи с этим многие директора МТС пытались выполнить и перевыполнить планы тракторных работ за счет менее трудоемких видов работ. Наряду с этим была отменена и прежняя система оценки работы МТС, и в качестве нового критерия стало выступать выполнение всех основных видов работ по весенней вспашке в установленные сроки [см. подробнее: 9, с. 384–411].

Эти решения были закреплены в приказе Министерства сельского хозяйства от 6 апреля 1947 г. «Об изменении порядка оценки работы МТС», в соответствии с которым, производственные планы

МТС считались выполненными при условии выполнения плана тракторных работ в гектарах мягкой пахоты по основным видам в отдельности: весновспашке, весеннему севу, подъему паров, уборке урожая, севу озимых, подъему зяби и т. д. [1, с. 77–78].

Как показывает исследование проблемы, производственная деятельность МТС Восточной Сибири в первые послевоенные годы характеризовалась постепенным снижением показателей по выполнению работ в переводе на условную пахоту. Например, выполнение планов тракторных работ МТС Читинской области имело следующую динамику: в 1947 г. этот показатель составил 116,7 %, в 1948 г. – 112,1 %, в 1949 г. – 99 %, в 1950 г. – 87,4 %. При этом с годовыми планами тракторных работ в 1950 г. справились только 26 МТС, что свидетельствовало о постепенном снижении интенсивности их труда [2, л. 1].

Другой важной проблемой при реализации общего плана тракторных работ МТС являлось нарушение установленных договором сроков их выполнения. К примеру, по данным деятельности МТС Красноярского края, в 1948 г. только 8 МТС выполнили план тракторных работ по видам сельскохозяйственных работ, а за весну 1949 г. – 28 МТС [6, с. 2]. Последнее было обусловлено тем, что «при составлении планов тракторных работ по МТС со стороны краевого управления МТС было допущено немало шаблона в определении объема тех или иных видов тракторных работ, когда контрольные цифры, спущенные министерством, развертывались по МТС механически, без учета производственных мощностей МТС и наличия тягла в колхозах. В ряде случаев давался заниженный план весновспашки и завышенный план культивации, именно тем МТС, колхозы которых имели мало готовых земель» [6, с. 2].

Наконец, рассматривая производственную деятельность МТС Красноярского края в 1949 г., необходимо отметить, что годовой производственный план из 119 выполнили только 65 МТС. Среди основных причин, вызвавших срыв выполнения производственных планов, были названы такие, как «пренебрежительное формальное отношение к договорным обязательствам перед колхозами, недостаточное использование мощности тракторов, особенно гусеничных, низкая квалификация трактористов и механиков, не овладевших навыками эксплуатации современных машин...» [8, с. 2].

Показатели производственной деятельности МТС Красноярского края за 1950 г. свидетельствуют о том, что план тракторных работ был выполнен на 92,1 %, при этом план вспашки паров выполнен на 97,5 %, а зяби на 54,8 %. Некоторые МТС края, такие как Богучанская, Кежемская, Полярная, Комсомольская, Восточенская выполни-

ли планы лишь от 61 % до 80 % [7, с. 2]. Аналогичная картина наблюдалась и в других областях Восточной Сибири.

В целом к завершению четвертой пятилетки уровень механизации основных сельскохозяйственных работ в колхозах Восточной Сибири достиг на вспашке паров и зяби – 90 %, севе яровых и озимых культур – 81,2 %, уборке всех зерновых культур комбайнами – 68,4 %, сенокосения – 14 %, силосования – 8 % [4, с. 82].

В заключение отметим, что экономическая эффективность работы МТС в колхозном производстве зависела от целого ряда факторов. При этом вопросы планирования объема и видов тракторных работ были одними из наиболее злободневных в их деятельности. Плановые задания, которые МТС получали в централизованном порядке, не учитывали реальных возможностей их материально-технической базы. Рост объема и видов тракторных работ часто приводил к тому, что выполнение плановых заданий было возможно только за счет растягивания сроков их проведения. Учитывая, что эффективно реализовать запланированные объемы работ в оптимальные агротехнические сроки практически невозможно, руководство многих МТС формально относилось к процедуре заключения договоров с колхозами, которые также не проявляли должной инициативы и активности в обсуждении предварительных проектов договоров. Таким образом, практика планирования агротехнических работ имела шаблонный характер, а выполнение плана работ в колхозах проводилось механически, без учета производственных ресурсов МТС и нередко с нарушением агротехнических норм возделывания сельскохозяйственных культур. Все это, в конечном итоге, негативно отражалось на производительности МТС в колхозном производстве Восточной Сибири в 1946–1950 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вылцан М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя, 1945–1958. М., 1976.
2. Государственный архив Читинской области. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 1381. Л.1.
3. Договор МТС с колхозом – незыблемый закон // Краснояр. рабочий. 1948. 17 февр.
4. Косых А. П. Развитие сельского хозяйства Восточной Сибири в послевоенный период (1946–1953 гг.) // Из истории сельского хозяйства советской Сибири. Иркутск, 1967.
5. О постановлении февральского Пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период и задачах областной партийной организации» (из доклада секретаря обкома ВКП(б) т. Афанасьева Ф. И. на II пленуме Хакасского обкома ВКП(б)) // Сов. Хакасия. 1947. 2 апр.
6. О работе машинно-тракторных станций (содоклад члена постоянной комиссии по сельскому хозяйству крайсовета депутатов трудящихся А. Н. Макриновой) // Краснояр. рабочий. 1949. 2 июля.
7. Об итогах 1950 г. и задачах дальнейшего подъема сельского хозяйства в 1951 году (доклад секретаря крайкома ВКП(б) В. И. Пищулина на краевом совещании передовиков сельского хозяйства) // Краснояр. рабочий. 1951. 10 апр.

8. Предварительные итоги сельскохозяйственного года и задачи краевой партийной организации // Краснояр. рабочий. 1949. 2 дек.
9. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. 1917–1967 гг. Сб. документов за 50 лет. Т. 3. 1941–1952. М., 1968.
10. Селезнев В. Договор МТС с колхозами – важнейшее орудие борьбы за урожай // Краснояр. рабочий. 1949. 17 мая.
11. Томилин В. Н. Функционирование производственной системы «колхозы – МТС» Центрального Черноземья (1946–1950) // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманит. науки. 2009. № 13(65).

Политика Советского правительства в отношении высшей школы в 1920-е годы

Р. Ю. Шпикельман

Иркутский государственный университет

В настоящее время в России проводится очередная реформа высшей школы, призванная привести её структуру, экономику и идеологию в соответствие с интересами руководства государства. Система высшего образования всегда имела большое значение для общества и страны, а на современном этапе развития мировой цивилизации, определяемом как переход к интеллектуальной фазе, её роль и значение возрастают многократно. Успех проводимой реформы зависит от государственной политики, при выработке которой необходимы знание и учет не только зарубежного, но и отечественного исторического опыта. Данная работа представляет собой анализ государственной политики Советского правительства в сфере высшего образования в 1920-е гг.

С первых дней захвата государственной власти большевики обратили внимание на высшую школу. В рядах правившей партии отношение к университетам не было единым. Партийцы, занимавшие пролеткультовские позиции, считали университеты консервативными, устаревшими, предлагали их ликвидировать. Умеренные предлагали университеты сохранить, но существенно изменить социальный состав студенчества, организовать процесс преподавания на марксистской основе, для чего провести переподготовку преподавателей, а отказавшихся уволить, и ликвидировать университетскую автономию. Победила вторая точка зрения.

15 ноября 1917 г. было опубликовано обращение наркома просвещения А. В. Луначарского «Ко всем учащимся», в котором содержался призыв к ученым и специалистам руководствоваться гражданским долгом и отдать свои силы и знания хозяйственному и культурному возрождению страны [1, с. 515–518].

В январе 1918 г. Луначарский на заседании просветительной секции III Всероссийского съезда Советов поставил вопрос о реформе высшей школы, а саму разработку реформы НКП начал весной 1918 г. после переезда Совнаркома в Москву [2].

3 июля 1918 г. Наркомпрос созвал совещание по реформе высшей школы, в работе которого приняло участие 400 делегатов от профессоров, студентов и служащих высших школ России. Среди делегатов были видные ученые, представители правой, кадетской части профессуры и левачки нигилистически настроенные пролеткультовцы. Им был предложен проект «Положения о Российских университетах». Совещание одобрило принцип бесплатности обучения в высшей школе, признало необходимость демократизации состава студенчества. Представитель Наркомпроса настаивал на свободном приеме всех желающих без предъявления аттестатов и приемных испытаний, что отвечало установке большевиков на изменение социального состава студенчества, его пролетаризацию. За факультетами оставлялось лишь право зачислять на специальные курсы, в лаборатории [7].

Правительству не удалось настоять на своих предложениях, особенно на ликвидации университетской автономии. По предложению проф. Московского университета С. А. Чаплыгина была создана комиссия для выработки нового проекта, которая заседала 15–23 июля 1918 г. Представители профессуры защищали свои предложения, которые одобряло большинство университетов.

Пока на местах шло обсуждение нового проекта, СНК принял подписанный В. И. Лениным 2 августа 1918 г. декрет «О приеме в высшие учебные заведения РСФСР» и «Постановление о преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства». Декрет отменил вступительные испытания, плату за обучение и социальные ограничения для потенциальных абитуриентов. Согласно декрету, «каждое лицо, независимо от гражданства и пола, достигшее 16 лет, может вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения без предоставления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы» [10, с. 56].

Эти документы не во всем соответствовали компромиссным решениям, и поэтому ряд профессоров Московского университета предложили бойкотировать Второе Всероссийское совещание по реформе высшей школы, проходившее в Москве 4–8 сентября 1918 г.

Чтобы обеспечить прохождение проекта Наркомпроса, состав участников совещания был изменен так, чтобы студенческое представительство равнялось преподавательскому. Однако и это не по-

могло, ибо большинство участников поддерживали требования профессоров об университетской автономии. Попытки Луначарского, Покровского и других опереться на левое крыло профессуры и студенчества не дали желаемого результата, поэтому правительство признало невозможность сразу провести единую реформу высшей школы и решило действовать путем издания отдельных декретов и нормативных актов.

В феврале 1919 г. в Наркомпросе был создан Главный ученый совет (ГУС) под председательством М. Н. Покровского, на который возложили руководство всеми преобразованиями в высшей школе [2].

В 1918/1919 учеб. году прием в университеты был не ограничен по времени: принимали весь год, и вузы оказались переполненными. Когда в ряде университетов профессора решили отсеять неподготовленных путем контрольного собеседования, Наркомпрос запретил любую проверку знаний студентов. В ноябре 1918 г. им было принято постановление об отмене государственных экзаменов, упразднении дипломов и свидетельств об окончании вузов, текущие экзамены могли проводиться в любое время по согласованию с преподавателем.

С сентября 1918 г. в университеты начали назначать правительственных комиссаров с правом вето на все решения ректора, совета, правления. С 1 января 1919 г. должны были освобождаться от работы в вузах все профессора и преподаватели, у которых заканчивался 10-летний срок пребывания в данном вузе, и все лица с 15-летним стажем педагогической деятельности.

С целью противодействия профессорам, не лояльным к советской власти, создавалось студенческое самоуправление. Разрешены были общие собрания студентов, выборы советов студенческих старост тайным голосованием. Студенты в большом количестве вводились в составы университетских советов, различных комиссий, они стали участвовать в решении всех вопросов университетской жизни, за исключением выборов на должности преподавателей.

В 1917–1920-х гг., реформируя высшее образование, советское руководство использовало в отношении вузовской интеллигенции как методы убеждения и поощрения, так и меры административного воздействия и репрессии, стремясь преодолеть сопротивление проводимым реформам со стороны дореволюционной вузовской профессуры. Результатом этой политики и ограниченности средств стала смесь уступок и давления, с помощью которой правительство пыталось установить контроль над высшим образованием и устранить худшее из того, что оно считало чуждым, одновременно пытаясь использовать небольшевистскую профессуру и минимизировать ущерб, наносимый этим ценным институтам [15, с. 208].

После успешного окончания Гражданской войны большевики решили серьезно заняться высшей школой. 11 февраля 1921 г. В. И. Ленин утвердил положение «О Народном Комиссариате просвещения» [9]. Идеолог Октябрьской революции В. И. Ленин, выступая в октябре 1920 г. на Третьем съезде комсомола, сформулировал цель образования с точки зрения большевиков: «Только преобразуя коренным образом дело учения, организацию и воспитание молодежи, мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было бы создание общества, не похожего на старое, т. е. коммунистического общества» [6, с. 301].

Затем эта концепция была положена в основу реформирования системы высшего образования, осуществленного в соответствии с подписанным им (2 сентября 1921 г.) декретом, утвердившим новое «Положение о высших учебных заведениях РСФСР» [13]. На его основе вузы включались в общую, советскую систему управления, высшее образование становилось частью государственного механизма по выпуску специалистов, а руководство высшим и средним специальным образованием признавалось частью культурной функции государства. Положением упразднялась административная автономия высшей школы и предусматривалось управление ею на основе централизации в сочетании принципов выборности и назначаемости с преобладанием последнего. Сохранялась факультетская структура. Основным нововведением являлись предметные комиссии – организационные ячейки, ведавшие учебно-научной и методической работой. Предметные комиссии призваны были заменить существовавшие кафедры, которые все еще продолжали действовать.

Главной задачей в сфере высшего образования ЦК РКП(б) считал «идейное завоевание высшей школы», повышение роли коммунистов во всей деятельности вузов. Для достижения этих целей в 1922 г. при ЦК партии было создано Всероссийское объединение комстуденчества. В соответствии с постановлением X Всероссийского съезда Советов с мая 1923 г. в вузах вводилась плата за обучение. И только для членов партии и комсомольцев оно осталось бесплатным [5].

Начался активный процесс советизации, или пролетаризации, высшей школы. Первый нарком просвещения А. В. Луначарский объяснил его так: «Ясно, что с точки зрения революции, которой нужны совершенно преданные специалисты, их легче всего подчерпнуть из рабочей среды, и мы должны позаботиться о пролетаризации высшей школы. А из этого надо делать выводы: под пролетаризацией средней и высшей школы надо понимать повышение про-

центного соотношения пролетариата и снижение всех прочих» [8, с. 214–215].

Решающие сдвиги в изменении социального состава и ориентации студенчества пришлось на 1924 г.; важнейшую роль в этом сыграли не только чистка и внедрение марксистского мировоззрения, но более длительный процесс приспособления и самовоспитания в духе лояльности широких кругов образованной молодежи – советской уже не только по формальному названию [3].

В августе 1924 г. Совнарком принял решение о значительном сокращении числа вузов. Прием в них в 1924 г. был уменьшен по сравнению с 1923 г. почти в три раза: с 37 до 13 тыс. человек [5]. Всего в 1920-е гг., по данным А. Ю. Рожкова, прошли четыре вузовские «чистки»: в 1922, 1924, 1925 и 1929 гг. Сведения о количестве отчисленных в ходе «чистки» студентов, а также об их социальной принадлежности противоречивы. Официально Наркомпрос объявил об исключении 18 тыс. учащихся, тогда как историки (Е. Э. Платова, Ш. Фитцпатрик, А. Ю. Рожков) насчитывают от 21,1 тыс. до 26,2 тыс. студентов, т. е. от 27,4 % до 33,1 % учащихся высшей школы до проверки [14, с. 235].

Во второй половине 1920-х гг. у государства появилась возможность выделить некоторые средства на капитальное строительство в ряде университетов, закупку нового оборудования и книг. Но сравнительное благополучие университетов, достигнутые ими успехи были прерваны уже в конце десятилетия, когда после «шахтинского дела» началась реорганизация всей системы высшего образования, приспособление ее к текущим нуждам экономики, усилился процесс борьбы с классово чуждыми элементами. Во всех крупных политических процессах конца 1920-х – начала 1930-х гг. среди обвиняемых значительную часть составляли университетские преподаватели, многие из них были приговорены к длительным срокам заключения, часть умерла в тюрьмах и лагерях.

Для осуществления сталинского плана форсированного строительства нового общества в СССР, проведения индустриализации, коллективизации, «культурной революции» не нужны были специалисты с университетским образованием. Достаточно было за три года получить узкую инженерную специальность, научиться командовать людьми, без раздумий и сомнений выполнять любое распоряжение начальства, особенно партийного. В такой атмосфере университеты были обречены на вымирание. Поэтому университет как единое целое был уничтожен и превращен в ряд узкоспециализированных вузов. За два года (1929–1931) в СССР количество вузов вы-

росло со 152 до 701, из многопрофильных делали узкоспециализированные. Из состава университетов выводились многие факультеты.

В начале 1930-х гг. университетская система в СССР пережила серьезный кризис, усилиями руководителей народного образования она была поставлена на край гибели. В ходе осуществления первой пятилетки были допущены серьезные ошибки во всех сферах жизни советского общества, а среди особенно пострадавших от непродуманных экспериментов оказались университеты, влавившие в начале 1930-х гг. жалкое существование, оставшись без большинства своих факультетов. К концу 1930 г. во всех университетах РСФСР насчитывалось немногим более 4 тыс. студентов, т. е. меньше, чем в России в середине XIX в. [2].

Таким образом, в 1917–1930 гг. в политике Советского государства по отношению к высшей школе выделяются четыре этапа. На начальном этапе (1917–1920 гг.) осуществлялась политика мобилизации научных организаций и ученых для нужд государственного строительства, носившая явно выраженный этатистский характер.

На втором этапе (1921–1926 гг.) обусловленная НЭПом правовая политика в данной сфере приобрела либерально-этатистскую направленность: были приняты и реализованы Постановление СНК РСФСР от 24 января 1921 г. «Об условиях, обеспечивающих научную работу академика И. П. Павлова и его сотрудников» [12] и Декрет СНК РСФСР от 6 декабря 1921 г. «Об улучшении быта ученых» [11]. В этот период в административном порядке была ограничена управленческая автономия научных обществ, вузов, проведены судебные процессы над научными работниками, была организована административная высылка из страны видных ученых и специалистов разных областей знания. Вместе с тем положения о научно-исследовательской работе вузов предоставили реальные возможности для организации научных исследований.

На третьем этапе (1927–1929 гг.) усилилась этатистская направленность, элементы директивности и централизации: в 1927 г. принят устав Академии наук СССР, установлена ее подконтрольность Совнаркому и Политбюро ЦК правящей партии, ликвидирована автономия высших учебных заведений в решении управленческих и организационно-научных вопросов, приняты нормативные акты, обеспечивавшие деятельность государственных научно-исследовательских институтов [4, с. 7–10].

Четвертый этап – 1929–1930 гг. – представляет собой взрывообразное нелогичное и безрассудное разрушение русской университетской системы.

Государственная политика управления научной и научно-образовательной деятельностью в РСФСР в 1920-е гг. имела авторитарный, если не тоталитарный, характер. Её результаты в некоторой степени можно признать позитивными, но в значительной степени именно они обусловили негативные последствия, которые выразились в формировании административно-командной системы управления научными организациями, которая существовала в неизменном виде практически до середины 1980-х гг. А последующая трансформация так же неоднозначна и до сих пор не завершена.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А. В. Луначарский о народном образовании. М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958.
2. Аврус А. И. История российских университетов [Электронный ресурс]. URL: <http://window.edu.ru/resource/980/46980/files/mion-ino-center03.pdf>.
3. Андреев Д. А. «Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы // Новое лит. обозрение. 2008. № 90.
4. Берлявский Л. Г. Правовая политика Советского государства в сфере регулирования научной деятельности: этапы и особенности, 1917–1929 гг. // История государства и права. 2011. № 6.
5. Галин С. А., Александрова Е. В. Уничтожение и разграбление культурного достояния России после октября 1917 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cultoboz.ru/9/156>.
6. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи // Полн. собр. соч., 5 изд., Т. 41.
7. Ленин и высшее образование [Электронный ресурс]. URL: http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=3601%3AAlenin-nauka-i-prosveshhenie&catid=30%3AAlibrary&Itemid=37&limitstart=3.
8. Луначарский А. В. О воспитании и образовании. М., 1976.
9. О Народном Комиссариате просвещения // СУ. 1921. № 12. Ст. 78.
10. О приеме в высшие учебные заведения РСФСР // Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1. М., 1919.
11. Об улучшении быта ученых. Декрет СНК РСФСР от 6 декабря 1921 г. // СУ РСФСР. 1922. № 1. Ст. 5.
12. Об условиях, обеспечивающих научную работу академика И. П. Павлова и его сотрудников. Пост. СНК РСФСР от 24 января 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 10. Ст. 67.
13. Положение о высших учебных заведениях РСФСР // СУ. 1921. № 65. Ст. 486.
14. Рожков А. Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х гг. Т. 1–2. Краснодар, 2002. Т. 1.
15. Хоменко Е. В. Политико-правовое регулирование высшего образования в Советском государстве : октябрь 1917 – конец 1920-х годов : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 256 с.

СЕКЦИЯ 4 ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

РУКОВОДИТЕЛЬ СЕКЦИИ:

д-р ист. наук *С. И. Кузнецов*
(Иркутский государственный университет)

Религиозно-образовательные проблемы в Бурят-Монголии и МНР в первой половине XX века в российской историографии XXI века

В. Д. Дугаров

Бурятский государственный университет

В вышедшей в 2011 г. совместной фундаментальной монографии российских и монгольских ученых «Россия и Монголия на пути стратегического партнерства» обосновывается тезис, что «важным направлением сотрудничества в сфере образования двух стран остается русский язык. Русский язык, который был до 1990-х гг. обязательным предметом школьного обучения, позволил монголам не только познакомиться с шедеврами мировой культуры, но и заложил основы фундаментальной, прикладной, инженерно-технической, гуманитарной и других наук в Монголии. В 1947–1995 гг. в вузах России и СНГ получили образование около 17 тысяч монгольских юношей и девушек, которые сегодня составляют элиту монгольской интеллигенции. Однако за последние 20 лет роль русского языка в Монголии заметно уменьшилась» [7, с. 282].

Так какова была история распространения письменного русского языка в среде монголоязычных народов в XX в., какие трудности и ошибки испытывал этот образовательный процесс? Для анализа этого феномена необходимо вернуться в 20–30-е гг. XX в. в Бурят-Монгольскую АССР и МНР и проследить, какие специфические черты приобретала культурная революция в отсталых от европейской цивилизации аратских кочевых обществах.

Как отмечал зав. сектором Монголии ИВРАН д-р ист. наук, проф. В. В. Грайворонский, «...до недавнего времени в советском монголоведении, да и в общественных науках Монголии, преобла-

дала тенденция к недооценке уровня культуры развития монголоязычных народов в дореволюционный период, что принижало их роль в мировой истории» [4, с. 4].

По замечанию одного из наиболее компетентных советских монголоведов второй половины XX в. по изучению проблем монгольского и бурятского Р. Л. Балдаева, «система монастырского обучения, сложившаяся при маньчжурском господстве (конец XVII в. – 1911 г.), совершенствовалась и расширялась, но, по сути дела, вплоть до 1921 г., монастыри продолжали оставаться главным, если не единственным очагом просвещения» [3, с. 10].

В поисках путей совмещения существующей монастырской школы и формирующейся новой европейской системы образования прошли 20–30-е гг. XX в. в Бурят-Монголии и МНР.

Сохранение исторических традиций и актуальное значение огромного историографического наследства на языках и диалектах монголоязычных народов прозорливо отмечал выдающийся бурятский ученый Г. Ц. Цыбиков: «Сохранившаяся до сих пор монгольская письменность, какова бы она не была, все же есть наследие культуры данной национальности и имеет за собой ту заслугу, что разрозненные историческими судьбами монгольские племена имеют все же единую литературу. Круто порывать с этой литературой не следует, пока она не изучена и не использована в полной мере» [8, с. 181].

В непростых идеологических условиях общественная мысль бурят-монголов наиболее остро интересовалась вопросами языка и письменности, сохранения национальной самоидентичности монголоязычного мира. Бурят-монгольская интеллигенция в области языкового строительства до массовых репрессий 30-х гг. исходила из мысли о необходимости создания единого общемонгольского литературного языка.

С образованием у бурят своей республики – Бурят-Монголии – в 1923 г. официальным языком был объявлен бурят-монгольский язык. Более того, буряты официально использовали свой бурят-монгольский шрифт. Он в силу универсальности нивелировал диалектные различия бурят и позволял носителям разных диалектов свободно понимать друг друга. Но в 1933 г. этот шрифт объявили вне закона и запретили, несмотря на это, шрифт все еще продолжал официально носить название «бурят-монгольский».

С 1931 по 1938 г. шел переход бурят-монгольского языка на латинский шрифт. Латиница впервые наглядно показала диалектные различия бурят. Но даже на латинице сохранялась монгольская основа языка: лексика, грамматические правила, стилистика и т. д. Ситуация начала меняться с 1939 г. с введением кириллицы. Она в силу

своей графической особенностью еще более подчеркивала диалектические различия бурят. Более того, с помощью кириллицы формально приравняли разговорную форму одного диалекта к «письменному литературному» языку. В этом искусственном процессе и были заложены все будущие проблемы бурятского языка, начиная от современных проблем стилистики, синтаксиса и лексики «литературного» языка. В силу искусственности самого процесса как таковой общепринятый бурятский язык так и не сложился. Несмотря на формальную сторону этого акта, бурятский язык фактически лишился своей фундаментальной основы, а настоящие стандарты литературного письменного языка оказались в забвении.

Считаем верной устоявшуюся в историко-политологической науке мысль, что разногласия, существовавшие среди бурятской интеллигенции по вопросам языка и письменности, переход на единый алфавит объяснялись общей экономической и общественной отсталостью Бурят-Монголии и Монголии в досоветский период.

После победы народно-демократической революции Монголия не располагала даже самой элементарной материальной базой для развития европейского культурного строительства, не имела подготовленных светских кадров учителей.

В 1926 г. в МНР был утвержден Закон об отделении религии от государства, по которому ламаистская церковь лишалась возможности вмешиваться в государственные и гражданские дела. Антицерковные мероприятия (особенно взимание налогов) вызвали открытые выступления лам в ряде монастырей. Настороженность коминтерновских и советских работников в Монголии вызывала и недостаточная «жесткая» линия в отношении ламства.

В этой сложной политической обстановке в МНР весьма неоднозначными представлялись высказывания одного из идеологов партии бурята Ц. Жамцарано о религии. Он считал, что буддизм не противоречит партийной идеологии, и призывал «развивать религию в чистоте». В законе о религии, в частности, говорилось: правительство, «уважая религию Шакья-муни, гарантирует законом почитание религии, ее распространение и свободу религиозных проповедей» [5, с. 78–79].

В формирующейся под руководством МНРП светской культуре аратского общества были проведены ряд мероприятий по ускорению этого процесса. В 1933 г. специальная комиссия правительства МНР, изучив уставы монастырей, включила в них пункт об обязательном обучении лам национальной грамоте. Лам, успешно сдавших экзамены, в целях поощрения освобождали от некоторых налогов. В том же году была начата планомерная работа по обучению

низших лам национальной грамоте и проведению среди них политико-воспитательной работы. В 1935 г. в 40 кружках, созданных министерством просвещения, обучались грамоте 2 тыс. низших лам; из них 492 ламы успешно сдали экзамены. Это – важное направление культурных преобразований в Монголии» [3, с. 66].

В российской монголоведной историографии на рубеже XX–XXI вв. становится актуальным вопрос замены старомонгольского алфавита новым, составленным на основе кириллицы. «Многозначный уйгурский алфавит, которым пользовались в Монголии еще с X в., был весьма труден для усвоения. Особенно людьми пожилого возраста. Учитывая это обстоятельство, Совет Министров и Президиум ЦК МНРП в марте 1941 г. приняли постановление о введении нового алфавита на основе русской графики и арабских цифр» [6, с. 344].

Идеологическая составляющая этого решения, принятого при непосредственном участии советского руководства, выражена была в следующем заявлении: «Русский алфавит более близок монгольскому народу, чем чуждый для него старомонгольский».

Однако нельзя не согласиться с аргументами, приведенными Х. Чойбалсаном, выступившим 11 мая 1941 г. на заседании правительства по вопросу о проекте нового алфавита, в пользу его принятия: монгольская письменность, созданная на основе уйгурского алфавита, сильно отличалась от разговорного монгольского языка; вертикальное направление письма делало невозможным печатание учебников для школы по физике, арифметике и естествознанию. Руководство страны считало, что новая письменность поможет быстрому овладению грамотой, приблизит литературный язык к разговорному и приобщит монголов к богатству знаний. Серьезным доводом в пользу нового алфавита был также тот факт, что «вся революционная литература, нужная нашему свободному народу, имеется на русском языке, и большинство национальных кадров с высшим образованием, необходимым в народном хозяйстве», готовится в Советском Союзе [5, с. 164–165].

В связи с переходом на кириллицу были составлены и изданы новые орфографические правила, орфографический словарь и учебная грамматика.

В ноябре 1941 г. ЦК МНРП принял постановление «Об обучении трудящихся масс новой письменности». Как большое достижение в формировании светского образования и науки в Монголии в советской историографии трактовалось «вытеснение» к концу 30-х гг. монастырской школы, ставшее историческим достижением монгольского народа на пути его освобождения от религиозной кабалы, на пути строительства новой национальной культуры. Однако работа

по ликвидации неграмотности в стране отставала от требований жизни. В 1940 г. грамотных среди населения было немногим более 20 %» [6, с. 344].

В советско-монгольской историографии доказывалось, что «новый алфавит, не нарушая преемственности самобытной культуры Монголии, способствовал повышению качества обучения в общеобразовательной школе, во многом содействовал ликвидации неграмотности взрослого населения. Уже к 1947 г. количество грамотных среди населения возросло до 42, 2 %, что дало возможность с 1950 г. перевести все государственное делопроизводство на новую письменность [Там же].

Эти цифры заметно разнятся от итоговых цифр, которые даются в современной монголоведной науке [5, с. 165].

Таблица 2

Повышение уровня грамотности населения

Год	1935	1940	1945	1950
Численность населения в возрасте от 9 до 50 лет, тыс. чел.	497,0	528,3	441,8	508,9
Из них грамотные – всего, тыс. чел.	36,2	127,9	263,4	374, 2
В том числе:				
мужчин	33,3	105,2	171,1	213,8
женщин	2,9	22,7	92,3	160,4
Процент грамотности населения	7,3	24,2	59,6	73,5

Перевод на новую графику без сомнения было важным положением в образовательной политике МНРП того периода, но оно вступало в духовное противоречие с многовековой культурой монголов, письменность которой была построена на уйгурском чистописании. Отказ от традиционного письма во многом привел к потере огромного многовекового культурного богатства монгоязычных народов.

Не случайно в результате почти 20-летних споров с 2011 г. Монголия перешла в государственном делопроизводстве на старомонгольскую письменность, с приоритетным изучением английского языка, со всеми вытекающими отсюда последствиями для России.

В этих условиях профессор Л. Л. Абаева отмечает: «Современные этносоциальные и этнокультурные процессы в своем контексте фиксируют большую степень ассимиляции традиционных структур культуры, а также изменения некоторых аксиологических характеристик и параметров религиозной культуры как в общих чертах, так и в локальных вариантах. При этом именно религиозная культура и все

ее характеристики являются наиболее законсервированными и мало изменившимися структурами внутри традиционной культуры [1, с. 49].

Ярким примером проводимой в Монголии политики со стороны советского правительства по насаждению новой письменности и уничтожению ламства как носителей буддийской культуры nomадного общества была встреча премьер-министра МНР А. Амара со Сталиным в декабре 1936 г. Советский руководитель настаивал на форсированном решении ламского вопроса: вы даете свое согласие убрать лам, и мы будем знать лучше, как быть. Амар был удручен. Он рассказывал находившемуся в Москве будущему академику АН МНР Б. Ринчену, что «пытался объяснить Сталину, что это невозможно, но он не принял его разъяснений.

К сожалению, это оказалось возможным – к 1940 г. в МНР многотысячное могущественное сословие перестало существовать, исчезли сотни монастырей и храмов. Затронуто было не только ламство, поредел и ряды интеллигенции, военных, репрессии в той иной степени коснулись всех слоев населения [5, с. 103].

Борьбу правоохранительных органов Советского Союза и Монголии с духовно-религиозным наследием предыдущего общества при проведении новой образовательной политики и выполнении задач культурной революции характеризуют несколько цифр. Эти данные о масштабах репрессий приведены из «Отчета Советника министра внутренних дел МНР Голубчика Зам. Наркома внутренних дел Союза ССР комкору тов. Фриновскому, Полномочному представителю СССР в МНР тов. Миронову, от ... января 1938 г.».

Эта квалифицированная обзорная справка состоит из 13 листов, из которых мы делаем небольшую выборку.

Автор пишет, что на 1 января 1937 г. во всех монастырях МНР состояло 85 018 лам. Эта ламская армия составляла 23,7 % к общему количеству мужского населения страны. К этому времени сняли с себя духовный сан и перешли в светское состояние 16 208 лам.

К началу 1938 г. сокращение ламства было значительно выше, так как одни только арестованные МВД с 15 декабря составляют 1500 человек.

Еще более разительна картина массового ухода лам из монастырей в худон, но не порвавших окончательно с ламством. С начала операции до 15 декабря из монастырей ушли в худон 34 869 лам, что составляет 50,7 % ко всему количеству лам.

Этот процесс перехода лам в светское состояние и массовое бегство из монастырей привели к опустению многих монастырей.

За отчетный период из 641 действовавших монастырей 167 закрылось. Причем наиболее глубокий процесс разложения происхо-

дит в двух крайних группах монастырей: крупнейших, где процент закрывшихся составляет 44, и мелких, где процент закрывшихся составляет 34. По крупнейшим монастырям это объясняется тем, что на них был сосредоточен оперативный удар и в них больше всего велась разложенческая работа.

К числу сократившихся монастырей надо прибавить еще 58 отселяемых в настоящее время из погранполосы [2, с. 108–109].

Этот отчет, на наш взгляд, наиболее полно отражает репрессивный процесс борьбы против монгольского ламства как носителей духовного и образовательного начала в аратском обществе в 30-х гг. XX в.

Переход на новый алфавит в 20–30-е гг. XX в., физическое уничтожение буддийских священнослужителей (ламства) самым негативным образом сказались на дальнейшем духовно-нравственном развитии монгольской этносферы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абаева Л. Л. Традиционные этнические интересы и современная культурная компетентность бурятских диаспор за рубежом // Монгольский мир: новый век – новые вызовы. (Улымжиевские чтения-IV) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : Бэлэг, 2011.

2. Архив ФСБ РФ по РБ. Д. № 509.

3. Балдаев Р. Л. Народное образование в Монгольской Народной Республике. М. : Наука, 1971.

4. Грайворонский В. В. Вклад монголоязычных народов в мировую цивилизацию // История и культура народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1993. С.4.

5. История Монголии. XX век. М. : ИВРАН, 2007.

6. Монгольская Народная Республика. М. : Наука, 1986.

7. Россия и Монголия на пути стратегического партнерства. М. : Изд-во ИВ РАН ; Улан-Батор : Ин-т междунар. исслед. АН Монголии, 2011.

8. Цыбиков Г. Ц. Избр. тр М. : Наука, 1981. Т. 2.

Имидж региона как ресурс внутренней политики страны

З. М. Джанпаизова

А. Б. Есимова

Южно-Казахстанский государственный педагогический институт

Известно, что трансляция информации способна значительно влиять на общественные представления, конструируя видение социальной реальности. Одним из феноменов, появившихся в эпоху информационного общества, является имидж, который во многом представляется результатом воздействия на определенную аудиторию с целью конструирования требуемых образов. Имидж террито-

рии конструируется в нашем сознании в большей степени под воздействием информационного влияния.

Как отмечает российский исследователь В. Г. Королько, «имидж – это впечатление, производимое человеком, компанией или институтом на одну или несколько групп общественности. Он не рисунок, не калька, не разработанное в мельчайших деталях, точное изображение, а скорее несколько деталей, оказывающих эмоциональное воздействие» [1].

Имидж – это определенная конструкция, имеющая свою структуру и иерархию. Самую высшую (наиболее сложную и важную) ступень занимает внешнеполитический имидж страны, а самую низшую – имидж области или региона. Однако это не означает, что формирование и распространение имиджа региона происходит легче и быстрее, чем внешнеполитический имидж страны. При устоявшемся негативном имидже региона сложно быстро изменить мнение и представления людей в пользу его положительного восприятия. Это возможно сделать, но на это уйдет много времени, усилий и затрат.

Имидж состоит из таких частей, как политическая, социально-экономическая, культурная, историческая, географическая, климатическая, этнографическая и др.

Во многом имидж основывается на стереотипах. Как отмечал известный российский психолог Д. В. Ольшанский, «с политико-психологической точки зрения, стереотип – стандартизированный, схематизированный, упрощенный и уплощенный, обычно эмоционально окрашенный образ какого-либо социально-политического объекта (явления, процесса), обладающий значительной устойчивостью, но фиксирующий в себе лишь некоторые, иногда несущественные его черты. Иногда определяется как неточное, иррациональное, чрезмерно общее представление» [2]. Каждое государство обладает специфическим набором характеристик, в той или иной степени отличающих его от всех других государств. У каждого человека имеются представления о национальных характеристиках, связанные с теми или иными странами. Причем источники такого сформированного представления различны: ими могут выступать СМИ, непосредственное общение с представителями этой страны, учебники истории, литература и т. д.

Создание положительного имиджа страны зависит от знания и правильного использования технологий и механизмов формирования политического имиджа. В условиях глобализации информационного пространства внешнеполитический имидж государства является одним из важнейших факторов конкурентоспособности страны.

Деятельность государственных структур должна быть направлена на создание и распространение позитивного имиджа страны, а также ее отдельных областей. Имидж региона не менее важен, чем имидж страны, так как благоприятный имидж региона способствует экономической привлекательности и социально-экономической стабильности. Использование коммуникативно-информационного потенциала должно быть направлено на применение имиджевых технологий.

Мировая практика показывает, что успешные проекты по формированию регионального имиджа являются эффективным дополнением к страновому имиджу. Примерами того, когда имидж отдельного региона позитивно дополнил имидж страны, являются Шампань и Прованс во Франции, Бавария в Германии, Анталья в Турции, Каталония в Испании.

Понимание того, что адекватные управленческие стратегии в формировании регионального имиджа способствуют развитию территорий, привело к продвижению имиджевой политики страны. К примеру, в России успешные проекты по имиджингу Татарстана, Якутии создают для этих регионов дополнительные преимущества в экономической конкуренции.

От содержательных характеристик имиджа зависят динамика и направления регионального сотрудничества. Превалирование негативных черт в имидже региона может явиться сдерживающим фактором в налаживании деловых и торгово-экономических контактов как внутри страны, так и за ее пределами. А трансляция положительного имиджа как регионов, так и государства в целом представляется мощным фактором интеграции страны, поддержкой в проведении внешней и внутренней государственной политики.

Большинство европейских стран имеют успешный опыт по формированию и продвижению международного имиджа страны, но практически без внимания оставляют имидж своих регионов.

В условиях диверсификации экономики страны, активизации региональных инициатив и конкуренции регионов одним из мощных ресурсов, способствующих дальнейшей социально-экономической модернизации, является формирование имиджа регионов.

В контексте усиления соперничества территорий за трудовые, финансовые, интеллектуальные ресурсы одним из существенных условий для динамичного развития региона становится имидж. Управление имиджем региона является эффективным инструментом региональной власти в деле обеспечения устойчивого развития региона в новых социально-экономических условиях. Имидж региона – это важнейший ресурс в налаживании партнерских отношений между регионами, в увеличении эффективности межрегиональных

связей. Реализация мер социальной политики, подкрепленная имиджевым сопровождением, утверждает в общественном сознании значимость проводимых мероприятий. Эффективно сконструированный имидж способствует росту социально-экономической привлекательности региона, успешной реализации программ, разрабатываемых в рамках стратегий регионального развития.

Государство должно разработать комплексную стратегию по формированию имиджа, которая должно опираться на использование научных разработок. Должна быть сформирована государственная имиджевая политика, инструментами реализации которой выступают средства массовой информации, внешнеэкономические и дипломатические службы, учреждения культуры, науки и спорта и др.

Анализ исследований показывает, что особое внимание уделяется имиджу страны и в меньшей мере – имиджу ее регионов. Так, с 2008 г. ежегодно проводится исследование «Индекс бренда страны», предложенные С. Энхольтом. В данном проекте измеряется глобальный имидж 50 стран мира по шести параметрам: экспорт, правительство, культура, люди, туризм, иммиграция/инвестиции.

В 2010 г. рекламное агентство Future Brand совместно с BBC World News провели в 102 странах мира опрос 3400 туристов, фокус-группы с экспертами с целью измерить «нематериальные активы» страны – как страну воспринимают представители бизнеса, туристы, эксперты в области национального брендинга.

Еще в 70-е гг. географом Р. М. Доунзом (Downs R. M.) и психологом Д. Стеа (Stea D.) были выполнены ментальные карты, которые ими определялись как «созданные человеком изображения части окружающего пространства». В 2002 г. А. Махрова, И. Молодикова, В. Мошняга провели исследование по составлению ментальной карты по ответам студентов трех вузов России и Молдавии с целью ответить на вопрос: как мы видим себя и других в Европе.

Одними из немногих исследований региональных имиджей являются следующие. В 2010 г. белорусская исследовательница Е. В. Красовская, используя семиотический метод, провела контент-анализ региональных газет Беларуси с целью изучить проблемы формирования имиджа регионов страны. В 2004 г. российский исследователь Р. Н. Мингалеев провел контент-анализ газет и сайтов для изучения роли СМИ в конструировании имиджа Татарстана. Самым крупномасштабным является исследование имиджа Якутии во всей России, проведенное с 1997 по 2009 г. с использованием таких исследовательских методик, как SWOT-анализ, контент-анализ СМИ. Все вышеуказанные исследования свидетельствуют о том, что в последние годы появился как научный, так и практический интерес

к проблеме формирования имиджа региона как ресурса в проведении внутренней политики.

Безусловно, имидж не должен быть оторван от реальной ситуации. Российский исследователь Г. Г. Почепцов отмечает, что «главным правилом имиджологии служит следующее: никакая имиджология не сможет заменить реалий. Она может только помочь – усилить позитивные стороны и приглушить отрицательные» [3].

Таким образом, можно отметить, что осуществление политики по реализации программ территориального развития, проектов по индустриализации в регионах, подкрепленное имиджевым сопровождением, позволяет сформировать благоприятный социальный и экономический климат.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Королько В. Г. Основы публичных речей. М. : Рефл-бук ; К. : Ваклер, 2003. С. 307.
2. Ольшанский Д. В. Основы политической психологии. Екатеринбург : Дел. кн., 2001. С. 81.
3. Почепцов Г. Г. Имиджология. М. : Рефл-бук ; К. : Ваклер, 2003. С. 223.

Реализация государственной пограничной политики в XIX веке

Ф. С. Мусин

Одинцовский гуманитарный институт, г. Москва

Современное государство реализует свои интересы и цели через сложный комплекс различных видов политики: экономической, налоговой, таможенной, социальной, миграционной, культурной, внешней (международной), военной и др. Важное место в этом комплексе занимает пограничная политика.

В условиях территориальных пространств России пограничная политика осуществлялась с самых ранних этапов развития государственности. Реализуя свое право на экономическую, политическую и духовную самостоятельность, Россия в общем русле своей государственной политики на протяжении тысячелетней истории отстаивала интересы и в отдельной, особой ее составной части – в пограничной политике.

Результаты многочисленных исследований в области пограничной политики России не только подтвердили необходимость последовательного и целенаправленного продолжения накопленного опыта, но и потребовали в изменившихся условиях отнестись к интересам государства в пограничной сфере с особым вниманием. На современном этапе развития российской государственности пограничная политика выделилась в самостоятельное направление государст-

венной политики и была оформлена в виде официального документа – «Основы пограничной политики Российской Федерации [4].

Пограничная политика складывается по мере вызревания объективных потребностей общества и государства в защите своих интересов и обеспечении своей безопасности. Поскольку интересы государства появляются с момента его зарождения, то государственная пограничная политика имеет глубокие исторические корни. В пограничной политике, как и во всей истории России, особую роль играли такие факторы, как пространственная и геополитическая ситуация, исключительное значение государства и его институтов в регулировании социальных отношений.

На протяжении всей многовековой истории России ее пограничная политика как сфера деятельности государства, связанная с осуществлением государственной власти на границе и в приграничных регионах, основывалась на национально-государственной идеологии, предопределяющей жизнеспособность страны, возможности адекватного реагирования на вызовы, геополитическую устойчивость, консолидированность, экономическое благополучие. Процесс складывания и расширения границы России был одновременно и процессом складывания и расширения ее многонационального характера. Вхождение новых территорий и народов увеличивало мощь страны, ее природные, материальные и людские ресурсы. Но одновременно с этим наличие разнородных в экономическом, политическом, культурном, религиозном и в других отношениях комплексов весьма осложняло процесс социально-экономического развития и замедляло его. Это накладывало свой отпечаток на реализацию пограничной политики, которая чаще всего была направлена на обустройство новых границ, обеспечение их неприкосновенности, широкое привлечение к этой работе местного населения.

Особый интерес представляет XIX столетие – период масштабных территориальных изменений и глобальных преобразований в социально-политической сфере Российской империи. Пограничная политика, проводившаяся в XIX в. российским правительством, во многом исходила и из интересов ускорения темпов развития отечественной промышленности и расширения внешней торговли страны. С увеличением товарооборота через границу четко проявлялось стремление государства черпать из этого источника средства для удовлетворения потребностей государства и защитить от конкуренции собственную промышленность. Эффективным инструментом в этом процессе служила пограничная и таможенная политика государства. С учетом экономических и финансовых интересов страны вносились изменения в таможенные тарифы. Тем самым правитель-

ство деятельным образом влияло на состояние экономической стабильности в стране, обеспечение ее экономической безопасности, стремилось снижать напряженность в пограничном пространстве, в котором на протяжении всего исследуемого периода сохранялось постоянное противостояние между контрабандистами и чинами пограничной стражи. Это в свою очередь повлекло за собой принятие государством особых мер по созданию и дальнейшему совершенствованию специальной государственной структуры – пограничной стражи, которая была призвана решать задачи по защите экономических, политических, военных и иных интересов государства на переловых рубежах Российской империи.

В исследуемом периоде руководство пограничной стражей было сосредоточено в Департаменте внешней торговли Министерства финансов России [5], который в 1864 г. был реорганизован в Департамент таможенных сборов [6, с. 74–75]. В 1893 г. в связи с созданием Отдельного корпуса пограничная стража была выведена из подчинения Департамента таможенных сборов.

В XIX в. для Российской империи одним из наиболее напряженных и важных в военно-стратегическом отношении, несомненно, являлся европейский участок ее государственной границы. Здесь Россия соприкасалась в большей части с крупными государствами Европы – Пруссией и Австрией. Прусское королевство и Австрийская империя были влиятельными феодально-абсолютистскими монархиями. Граница России, прилегавшая к немецким владениям, во многих отношениях являлась самой тревожной. Это было связано с тем, что Пруссия и Австрия наряду с другими европейскими государствами пристально наблюдали за развитием России и не упускали возможности оказать любое влияние на конкурентное ослабление ее экономического, политического и военного потенциалов, а также самостоятельно или в составе коалиций раздвинуть свои границы за счет восточного соседа.

Стремление России обеспечить экономическую стабильность и независимость от развитых европейских государств потребовало проведения протекционистской политики в отношении собственного производства (введения высоких таможенных пошлин на заграничные товары). В связи с этим на границе активизировался такой вид противоправной деятельности, как контрабанда, а защита экономических интересов государства на границе, т. е. борьба с контрабандой, стала иметь главенствующее значение в деятельности по совершенствованию служебной деятельности пограничной стражи. Экономический фактор оказался решающим в развитии государственной структуры, защищавшей на западном участке границы интересы империи.

Основные экспортно-импортные операции в исследуемом периоде также в большей части осуществлялись на европейском участке границы. Так, например, только в 1890 г. с этого направления поступило в казну таможенных пошлин на сумму 102,2 млн руб., в то время как по азиатской границе – на сумму 10,8 млн руб., в 1893 г. – соответственно 132,5 и 14,5 млн руб. [1, с. 16]. Нужно признать, что морская торговля продолжала преобладать над сухопутной, хотя с развитием железнодорожного транспорта их соотношение постепенно изменялось в пользу последней. В связи с увеличением потока товаров через западный участок границы возрастали и задачи по решению проблем уменьшения потока контрабанды. Несомненно, значительная роль в их решении отводилась пограничной страже. В связи с этим проводились действенные мероприятия по ее усилению и совершенствованию несения ею службы по пограничному надзору.

В результате совершенствования организационной структуры пограничной стражи, накопления опыта участия ее частей в боевых действиях (Крымская война 1853–1856 гг., русско-турецкая война 1877–1878 гг.), она все больше привлекала внимание Военного министерства. Во второй половине XIX столетия руководство военного ведомства все более стало стремиться к тому, чтобы пограничная стража, устроенная на военных началах, закаленная трудностями повседневной службы и вооруженными стычками с контрабандистами, стала составной частью военной организации государства. Оно видело в страже силу, способную осуществлять охрану границы в военном отношении и оказывать большую помощь армии при ведении боевых действий [8]. Развитие этого процесса нашло свое отражение в соответствующих государственных нормативных правовых документах, впервые появившихся в истории России. Эти документы регламентировали практику применения стражи в военных кампаниях. Так, например, 13 июня 1878 г., в предвидении военных столкновений с соседями на западном участке границы императором Александром II были утверждены «Правила о подчинении Пограничной Стражи военному начальству на случай войны» [7]. Правила предоставляли возможность использовать части пограничной стражи в форме временно образуемых рот и эскадронов для совместного действия с полевыми войсками.

Анализ документов, разработанных заинтересованными ведомствами (Министерством финансов, Военным министерством, МВД и др.) по решению задач обеспечения в пограничном пространстве безопасности империи, свидетельствует, что после принятия этих документов пограничная стража стала рассматриваться как составная часть вооруженных сил страны, призванная во всех потенциаль-

ных войнах совместно с войсками русской армии решать различный спектр задач.

Рост контрабанды на границе потребовал во второй половине XIX в. более глубокого пересмотра законодательных документов и, прежде всего, в области уголовного права, а также принятия мер по усилению агентурной работы в приграничных районах. Правительство России в исследуемый период уделяло важное внимание агентурной работе для выявления лиц, участвовавших в переправе товаров через границу в приграничных районах страны и сопредельных государств. Регулярно составлялись, дополнялись и уточнялись списки задержанных и выявленных контрабандистов. Они издавались типографским способом и направлялись во все таможенные округа для передачи в таможни, на таможенные заставы и чинам пограничной стражи для использования их при несении службы на границе. Одновременно Министерство финансов постоянно следило за тем, чтобы из бюджета страны планово выделялись средства на работу по выявлению намерений контрабандистов и возможной номенклатуры контрабандных товаров.

В течение XIX столетия вырабатывались различные меры по активизации борьбы с контрабандой на государственной границе. Так, например, Министерством финансов была предложена и введена в действие система вознаграждения лиц, участвовавших в задержании контрабанды. Начало этому было положено еще в 1811 г. В частности, 80 % сумм штрафов за контрабанду реализованной стоимости конфискатов предназначалось в награду, 20 % зачислялось в накопление пенсионного фонда таможенных чиновников и их семьям. Из 80 % $\frac{2}{3}$ выдавалось лицам, осуществлявшим задержание, $\frac{1}{3}$ – начальнику таможенного округа, управляющим и членам таможни [9, с. 206–210]. В дальнейшем эта поощрительная система сохранилась, но получила дополнительное развитие.

Принятые меры по борьбе с контрабандой, как в первой, так и во второй половине XIX в., не привели к резкому сокращению потока контрабандных товаров, провозимых и проносимых через западный участок границы империи: из года в год он лишь нарастал.

Охранительные меры, связанные с повышением пошлин на товары и ужесточением таможенного контроля и пограничного надзора, принятием «золотой» пошлины в 1877 г. привели к росту потока контрабанды, увеличению количества задержанных нарушителей и стоимости изъятых товаров. Но нужно признать, что в этот период явно шел и процесс все более цивилизованного (законного) перемещения товаров через государственную границу. Все это вело к росту поступающих в казну таможенных сборов. Если в 1805 г. таможенный доход составлял девятую часть общих доходов империи, то в

1880 г. составлял уже их седьмую часть [2, с. 615–635]. К концу XIX в. таможенные сборы в системе российских государственных доходов занимали второе место после доходов от торговли крепкими напитками, составляя 14,5 % доходной части бюджета. В то же время расходы на содержание таможенного ведомства и пограничной стражи составляли 8 % доходной части российского бюджета [3, с. 209].

Итак, принимавшиеся меры по строительству и развитию пограничной стражи, совершенствованию законодательной и правовой базы России в области борьбы с контрабандой подчеркивали значимость проведения пограничной политики. Основными факторами возрастания роли пограничной политики являлись целенаправленная деятельность по усилению пограничной стражи, созданию необходимых нормативных правовых документов по борьбе с контрабандой в пределах пограничной черты и по решению задач, связанных с обеспечением карантинного надзора на государственной границе империи. Реализация комплекса особых мер в пограничном пространстве способствовала укреплению безопасности государства, защите на границе целого комплекса государственных интересов. Важное значение имела организация четкого межведомственного взаимодействия по организации вооруженной защиты государственной границы в период обострения военно-политической обстановки, защиты основополагающих устоев империи в мирных условиях. Координирующая и ведущая роль в этом процессе зачастую принадлежала Министерству финансов России, которое являлось одним из ведущих ведомств в реализации проводимой государством пограничной политики. Сегодня, когда угрозы России, в том числе и в пограничной сфере, неимоверно возросли и часто превращаются в реальность, формирование и реализация пограничной политики, основанной на историческом опыте с учетом современной обстановки, становится актуальной задачей стратегической важности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кун Е. Развитие нашего таможенного обложения. Пг., 1917.
2. Министерство финансов. 1802–1902. В 2 ч. Ч. 1. Исторический обзор главнейших мероприятий финансового ведомства. СПб., 1902.
3. На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий очерк. М., 1998.
4. Основы пограничной политики Российской Федерации (утверждены Президентом Российской Федерации 5 октября 1996 г.) // Рос. газ. 1996. 6 нояб.
5. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 31. № 24688.
6. ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1867. Т. 39. Отд. 2. № 41374.
7. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 402. Оп. 1. Д. 54. Л. 121–126 об.
8. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 199. Л. 1–6 об.
9. Учреждение Таможенного управления по Европейской границе от 24 июня 1811 г. // Таможенное дело России (сборник документов и материалов). В 6 т. Т. 3. М., 2000.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Арзуманов Игорь Ашотович** – доктор культурологии, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Иркутского государственного университета (г. Иркутск), e-mail: arzmanov@mail.ru

2. **Александров Евгений Юрьевич** – инженер лаборатории социальной географии Института географии СО РАН им. В. Б. Сочавы (г. Иркутск), e-mail: alv1982@bk.ru

3. **Алфёров Андрей Николаевич** – зав. кафедрой социальных наук Открытого института «Развивающее образование», руководитель форсайт-центра МФПУ «Синергия», соискатель Института государства и права РАН, «Сектор информационного права» (г. Москва), e-mail: alfrov-andreyu@rambler.ru

4. **Безруков Леонид Алексеевич** – доктор географических наук, зав. лаборатории георесурсоведения и политической географии Института географии СО РАН им. В. Б. Сочавы (г. Иркутск), e-mail: bezrukov@irigs.irk.ru

5. **Бейдина Татьяна Евгеньевна** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой государственного, муниципального управления и политики Забайкальского государственного университета (г. Чита), e-mail: beydina@inbox.ru

6. **Бирюков Игорь Леонидович** – член Общественного совета, религиозный деятель (г. Усолье-Сибирское), e-mail: birukoff26@gmail.com

7. **Блинов Иван Дмитриевич** – ассистент кафедры менеджмента Иркутского государственного университета путей сообщения (г. Иркутск), e-mail: lblin4ik@gmail.com

8. **Булгакова Мария Геннадьевна** – соискатель кафедры палеонтологии и истории исторического факультета Иркутского государственного университета, специалист по учебно-методической работе Центра сопровождения и реализации инновационных программ, проектов и конкурсов «Институт развития образования Иркутской области» (г. Иркутск), e-mail: marina_bulgakova@inbox.ru

9. **Бушев Александр Борисович** – доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин филиала Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета (филиал в г. Твери), e-mail: alex.bouchev@list.ru

10. **Гордин Алексей Анатольевич** – заместитель начальника управления по информационной политике, связям со СМИ и общественностью администрации г. Иркутска (г. Иркутск), e-mail: gord33307@gmail.com

11. **Гук Виктор Александрович** – старший преподаватель кафедры правоведения Иркутского государственного университета путей сообщения (г. Иркутск), e-mail: v_guk@mail.ru

12. **Джанпаизова Замира Мирзахмедовна** – кандидат исторических наук, доцент общественных дисциплин Южно-Казахстанского государственного педагогического института (Казахстан, г. Шымкент), e-mail: ayessimova@gmail.com

13. **Добосова Людмила Германовна** – соискатель кафедры политологии и истории исторического факультета, преподаватель кафедры связей с общественностью и рекламными технологиями факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета (г. Иркутск), e-mail: l.dobosova88@gmail.com

14. **Дугаров Владимир Доржиевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ), e-mail: dugarovbgu@mail.ru

15. **Есимова Айгуль Бегеновна** – кандидат исторических наук, доцент общественных дисциплин Южно-Казахстанского государственного педагогического института (Казахстан, г. Шымкент), e-mail: ayessimova@gmail.com

16. **Жуков Артем Вадимович** – доктор философских наук, профессор кафедры философии, теории и истории культуры Забайкальского государственного университета, (г. Чита), e-mail: artem_jukov68@mail.ru

17. **Жукова Алена Алексеевна** – главный специалист научно-образовательного музейного центра Забайкальского государственного университета (г. Чита), e-mail: kazarbina_a@mail.ru

18. **Злотковский Владимир Ильич** – кандидат социологических наук, докторант Института социально-политических исследований РАН (г. Москва), начальник отдела социологических исследований Центра гуманитарных исследований и консультирования «Текущий момент» (г. Красноярск), e-mail: nn101@yandex.ru

19. **Зуляр Раксана Юрьевна** – кандидат политологических наук, старший преподаватель кафедры политологии и истории исторического факультета Иркутского государственного университета (г. Иркутск), e-mail: raksana-m@yandex.ru

20. **Зуляр Юрий Анатольевич** – доктор исторических наук, зав. кафедрой политологии и истории, декан исторического факультета Иркутского государственного университета (г. Иркутск), e-mail: uazulyar@yandex.ru

21. **Калихман Аркадий Давыдович** – доктор физико-математических наук, профессор, Института архитектуры и строи-

тельства Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета (г. Иркутск), e-mail: inba@irk.ru

22. **Калихман Татьяна Петровна** – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории комплексной физической географии и ландшафтного картографирования Института географии СО РАН им. В. Б. Сочавы (г. Иркутск), e-mail: kalikhman@irigs.irk.ru

23. **Кальмина Лилия Владимировна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ), e-mail: kalminal@gmail.com

24. **Коноплёв Николай Сергеевич** – доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки факультета религиоведения и теологии Иркутского государственного университета (г. Иркутск), e-mail: konoplev@home.isu.ru

25. **Кузин Тарас Сергеевич** – старший консультант Московского института стратегических исследований (г. Москва), e-mail: saiad2763@mail.ru

26. **Кузнецов Сергей Ильич** – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой мировой истории и международных отношений исторического факультета Иркутского государственного университета (г. Иркутск), e-mail: ski@home.isu.ru

27. **Лисаускене Мария Вадимовна** – кандидат философских наук, доцент кафедры связей с общественностью и рекламных технологий Института социальных наук Иркутского государственного университета (г. Иркутск), e-mail: lisaus@mail.ru

28. **Литвин Мария Ивановна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории философии и социальных наук Иркутского государственного лингвистического университета (г. Иркутск), e-mail: litvin.m.i@gmail.com

29. **Метелкина Лариса Николаевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и истории исторического факультета Иркутского государственного университета (г. Иркутск), e-mail: mln@home.isu.ru

30. **Митыпова Гунсема Сандаковна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ), e-mail: gunsema53@mail.ru

31. **Мусин Фрид Саитович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Одинцовского гуманитарного института (г. Москва), e-mail: mfs33@mail.ru

32. **Мясников Дмитрий Александрович** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры политологии и истории

исторического факультета Иркутского государственного университета (г. Иркутск), e-mail: mda80@yandex.ru

33. **Новикова Анна Владимировна** – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и политики Забайкальского государственного университета (г. Чита), e-mail: anna_novikova2010@mail.ru

34. **Олейников Илья Васильевич** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры политологии и истории исторического факультета, зав. лабораторией по изучению истории Иркутского государственного университета (г. Иркутск), e-mail: ilyavasilich@yandex.ru

35. **Панин Сергей Борисович** – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой социо-экономических дисциплин Восточно-Сибирской государственной академии образования (г. Иркутск), e-mail: psb04@mail.ru

36. **Петров Алексей Викторович** – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры современной отечественной истории исторического факультета Иркутского государственного университета (г. Иркутск), e-mail: alexey1109@yandex.ru

37. **Родионова Антонида Кузьминична** – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Читинского института Байкальского государственного университета экономики и права (г. Чита), e-mail: rodank@rambler.ru

38. **Сараев Владимир Григорьевич** – кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной географии Института географии СО РАН им. В. Б. Сочавы (г. Иркутск), e-mail: soclab@irigs.irk.ru

39. **Сараева Галина Романовна** – учитель МБОУ СОШ № 42 (г. Иркутск), e-mail: g_saraeva@mail.ru

40. **Синиченко Владимир Викторович** – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД РФ (г. Иркутск), e-mail: vova_sinichenko@bk.ru

41. **Трахтенберг Ольга Леонидовна** – старший преподаватель кафедры общественных наук Ангарской государственной технической академии, (г. Ангарск), e-mail: kafobn@agta.irkmail.ru

42. **Фартышев Арсений Николаевич** – аспирант, инженер лаборатории георесурсоведения и политической географии Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск), e-mail: nuclear_greek@mail.ru

43. **Фатихов Руслан Флюсович** – аспирант кафедры политологии факультета философии и социологии Башкирского государственного университета (г. Уфа), e-mail: fatikhov.rus@yandex.ru

44. **Хачатурян Борис Григорьевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного филиала Российской академии правосудия (г. Хабаровск), e-mail: hach5@rambler.ru

45. **Чернев Алексей Анатольевич** – младший научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск), e-mail: tcherenev@irigs.irk.ru

46. **Черных Владимир Васильевич** – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД РФ (г. Иркутск), e-mail: mr.chvv@mail.ru

47. **Шпикельман Радана Юрьевна** – соискатель кафедры политологии и истории исторического факультета Иркутского государственного университета (г. Иркутск), e-mail: koip@isu.ru

48. **Шулбаев Олег Никитович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан), e-mail: Shulbaev9@rambler.ru